35954
H1 D45

СОЦД

20/XII 69 250.

15/I 18 Печкина ч/з

24/I 78 г. 489

28/III 79 587

Пр. 2010

СТРАНЫ ВѢКА И НАРОДЫ

Ш. ДИЛЬ

ВИЗАНТІЙСКІЕ ПОРТРЕТЫ

МОСКВА
К-ВО М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ
Тверской б., д. 6.

ТИПОГРАФІЯ В. И. ВОРОНОВА, МОХОВАЯ, Д. КН. ГАГАРИНА.

Ш. Диль

ВИЗАНТІЙСКІЕ ПОРТРЕТЫ

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ

Переводъ М. Безобразовой

подъ редакціей и съ предисловіемъ

П. Безобразова

МОСКВА
Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ
1914

9(И)1
А 463

Научная библиотека
Уральского
Госуниверситета
г. Свердловск

559594

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Множество нитей культурныхъ, экономическихъ, религіозныхъ, литературныхъ связывали Византію съ Русью. Эти древнія нити не порвались еще окончательно. Византійскія начала живы и въ нашей государственной и въ нашей общественной жизни. Такимъ образомъ исторія Византійской имперіи, давно покончившей свое существованіе, представляетъ для насъ, русскихъ, современный интересъ.

Теорія и практика византійскаго самодержавія оказала громадное вліяніе на московское государство. Самое слово „самодержецъ“ буквальный переводъ греческаго „автократоръ“, автосъ-самъ, крато-держу. Когда великій князь московскій Іоаннъ Грозный пожелалъ принять титулъ царя, онъ старался доказать свои права на такой титулъ. Въ то время турки уже владѣли Константинополемъ, пала Византія, считавшаяся единой всемірной имперіей, замѣнившей древній Римъ, и права Іоанна на царскій титулъ могли основываться только на связи московскаго престола съ престоломъвизантійскимъ. Во время Іоанна Грознаго

создалась легенда, будто императоръ византійскій Константинъ Мономахъ вѣнчалъ на царство Владиміра Мономаха, князя кіевскаго. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что не могло быть такого факта. Константинъ Мономахъ умеръ 11 января 1055 г., когда Владиміру Мономаху было всего два года, и когда еще никто не могъ предвидѣть, что чрезъ 58 лѣтъ онъ будетъ великимъ княземъ кіевскимъ, такъ какъ было много князей старше его.

Тѣмъ не менѣе эта легенда, такъ ярко характеризующая нашу зависимость отъ Византіи, важнѣе многихъ подлинныхъ событій. А вотъ и несомнѣнные факты. Іоаннъ IV былъ первымъ нашимъ самодержцемъ, настоящимъ византійскимъ царемъ на московскомъ престолѣ. Въ первый разъ иностранные послы увидѣли въ Москвѣ царя, сидящаго на тронѣ съ золотой византійской короной на головѣ, въ золотомъ византійскомъ платьи, съ византійскимъ скипетромъ въ рукѣ, русскаго царя со всѣми аттрибутами византійскаго самодержавія. Съ тѣхъ поръ всѣ подданные стали холопами царя; жаловать своихъ холопей мы вольны и казнить ихъ также вольны, писалъ грозный царь Курбскому. Для царя всѣ были холопами, и бояре, и потомки удѣльныхъ князей, и воеводы, наравнѣ съ мужикомъ, всѣ они были холопами, рабами царя. Всѣ подданные на челобитныхъ царю подписываются „холопъ твой такой-то“, такъ же точно какъ въ Византіи высшій сановникъ наравнѣ съ

крестьяниномъ подписывался „рабъ державнаго царя такой-то“.

На установленіи московскаго самодержавія отразилось и книжное вліяніе, византійскіе законы и толкованія византійскихъ юристовъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что вся наша литература въ эпоху допетровскую была греческой. Житія святыхъ, которыя до сихъ поръ читаются нашимъ народомъ, были или переведены съ греческаго или написаны по греческимъ образцамъ. Византійскимъ духомъ и византійской риторикой пропитаны проповѣди, поученія, раздававшіяся въ церквахъ и учившія нравственности народъ еще дикій, которому Византія представлялась верхомъ культурности.

Не только въ книгахъ, въ самой жизни отразилось византійское вліяніе. При нашихъ постоянныхъ сношеніяхъ съ Константинополемъ примѣръ цивилизованной страны казался достойнымъ подражанія. Всѣмъ извѣстно, хотя бы изъ гимназическихъ учебниковъ, какъ безчеловѣчно былъ ослѣпленъ своими родственниками князь Василько (въ XI вѣкѣ). Въ этомъ фактѣ нельзя не видѣть отраженія у насъ византійскихъ обычаевъ. Въ Византіи ослѣпленіе было однимъ изъ общепринятыхъ средствъ отдѣлываться отъ врага и законодательство признавало всякія членовредительныя наказанія.

Особенно сильно сказалось византійское вліяніе въ домашней жизни и поставило въ тяжелое положеніе женщину. Теремъ московскаго

времени вполнѣ соотвѣтствуетъ византійскому гинекею. Гинекеемъ называлась женская половина дома, гдѣ женщинѣ полагалось сидѣть взаперти.

Въ Византіи существовалъ одинъ обычай, который несомнѣнно очень вредно отзывался на семейной нравственности. Родители обручали дѣтей во время ихъ малолѣтства, и выросши эти несчастныя дѣти обязаны были исполнить обѣщаніе, данное за нихъ родителями. Обыкновенно при этомъ писали форменный брачный договоръ, женихъ давалъ задатокъ, получалъ приданое и обязывался жениться впослѣдствіи на обрученной съ нимъ дѣвочкѣ. Законъ признавалъ подобные контракты и требовалъ, чтобы они не нарушались. Онъ ставилъ только одно ограниченіе: жениху и невѣстѣ должно было быть по крайней мѣрѣ семь лѣтъ, не меньше. Этотъ обычай перешелъ къ намъ, и въ московскомъ государствѣ точно такъ же обручались дѣти и составлялись обязательные контракты, называвшіеся рядными записями.

Въ византійской имперіи женщина не пользовалась уваженіемъ. Ее считали порожденіемъ діавола, виновницей грѣхопаденія рода человѣческаго, существомъ слабымъ и нечистымъ, предназначенной быть служанкой и рабой мужчины. Она никогда не была самостоятельной, никогда не имѣла права распоряжаться ни собою ни имуществомъ. До замужества она вполнѣ подчинялась отцу; выданная замужъ отцомъ за че-

ловѣка, котораго часто въ глаза не видала, попадала въ полное подчиненіе къ мужу. Данное ей отцомъ приданое отдавалось мужу, который могъ распоряжаться ея доходами по своему усмотрѣнію, не имѣя только права отчуждать капитала. Но если она расходилась съ мужемъ, приданое возвращалось не ей, а ея отцу. Жена была до нѣкоторой степени свободна только у себя дома; тутъ она могла и даже обязана была заниматься своимъ домашнимъ хозяйствомъ и женскими рукодѣліями. Но выходить изъ дому, бывать въ театрѣ или циркѣ она могла только съ разрѣшенія мужа. Даже въ собственномъ домѣ свобода ея была ограничена; ей отводилась отдѣльная половина, гинекей, откуда она не имѣла права выходить, когда у ея мужа сидѣли гости. Совершенно такіе же порядки царили въ московскомъ государствѣ.

По отношенію къ Европѣ Византія сыграла тоже важную роль. Она уберегла ее отъ разгрома варваровъ и сохранила для нея культурныя сокровища первостепенной важности. Благодаря своему географическому положенію между Западомъ и Востокомъ византійская имперія принимала на себя удары азіатскихъ народовъ, печенѣговъ, половцевъ, турокъ сельджуковъ, наконецъ, османовъ. Она задерживала варварскій потокъ, не дала ему разлиться и поглотить западно-европейскія государства.

Любознательные византійцы переписывали Гомера, сочиненія Платона и Аристотеля, трагедіи

Софокла и Еврипида. Дѣти учились читать не только по псалтыри, но и по Иліадѣ. Такимъ образомъ сохранились для человѣчества плоды эллинской цивилизаціи и произведенія геніальныхъ философовъ, вліяніе которыхъ чувствуется до сихъ поръ. Когда началось въ Италіи такъ называемое Возрожденіе наукъ и искусствъ, Петрарка и Боккачіо отлично понимали важность греческой литературы и сожалѣли, что не знаютъ греческаго языка. Тѣмъ не менѣе они разыскивали и покупали греческія рукописи и справедливо придавали большую цѣну эллинизму, которому суждено было возродить Западъ.

Помимо всего этого Византія сама по себѣ представляетъ значительный интересъ. Будучи восточной половиной нѣкогда единой римской имперіи, она просуществовала всѣ средніе вѣка, на тысячу лѣтъ дольше западной. Этотъ фактъ заслуживаетъ изученія. Въ Византіи должны были совмѣщаться и живыя силы и сѣмена разложенія, приведшія ее къ гибели.

Неудивительно, что византійская имперія привлекаетъ вниманіе европейскихъ ученыхъ, и въ послѣднее время появился рядъ цѣнныхъ монографій на языкахъ французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ. Изъ французскихъ византинистовъ первое мѣсто принадлежитъ Шарлю Дилю, который составилъ себѣ громкое имя своими изслѣдованіями объ Африкѣ въ византійскую эпоху и о царствованіи Юстиніана. Недавно появилась

его капитальная исторія византійскаго искусства, встрѣченная сочувственными отзывами всей европейской печати.

Въ популярныхъ очеркахъ, названныхъ авторомъ портретами, Диль даетъ публикѣ возможность познакомиться съ своеобразнымъ строемъ и полной трагическихъ происшествій исторіей византійскаго государства.

Въ византійской исторіи множество противорѣчій и оригинальныхъ чертъ. Имперія абсолютная и демократическая въ то же время. Царю принадлежала власть деспотическая, но происхожденіе его не имѣло никакого значенія. Чтобы облечься въ порфиру, не требовалась знатность рода. Въ теоріи византійскій императоръ избирался народомъ и сенатомъ. Формула эта, унаслѣдованная отъ Рима, продолжала существовать, но превратилась въ пустой звукъ безъ соотвѣтствующаго содержанія. Не было народныхъ собраній и правильно организованнаго избранія. Когда византійцы говорили о народномъ избраніи, они допускали архаизмъ и сами хорошо знали, что это фикція, пустой отголосокъ старины, давно прошедшей. Даже въ римской имперіи первоначальное голосованіе на Марсовомъ полѣ въ Римѣ превратилось въ пустую формальность, въ привѣтственные клики. Сенатъ въ византійской имперіи не былъ государственнымъ учрежденіемъ. Сенатомъ называли собраніе сановниковъ, назначенныхъ царемъ, съ которыми онъ совѣщался, когда желалъ, и

совѣты которыхъ онъ принималъ или отвергалъ по своему усмотрѣнію.

Въ Византіи не существовало закона о престолонаслѣдіи. Никто не имѣлъ исключительнаго права на престолъ, и всякій свободный гражданинъ, не рабъ и не крѣпостной, имѣлъ право надѣть на себя царскій вѣнецъ и порфиру. Это право сильнаго, и въ немъ заключалась византійская конституція. Царское самовластіе сдерживалось заговорами, возможностью, о которой такъ часто мечтали византійцы, свергнуть царя и занять его мѣсто. Изъ сорока трехъ императоровъ, царствовавшихъ отъ Юстиніана до четвертаго крестоваго похода, шестнадцать вступили на престолъ насильственнымъ путемъ. Когда заговоръ приводилъ къ желаемому результату, то происходило провозглашеніе новаго царя, но производилось оно исключительно столичнымъ населеніемъ, а не всѣми подданными, и означало только подтвержденіе совершившагося факта. Главное же значеніе при византійскихъ переворотахъ принадлежало войску, а константинопольскіе жители иногда помогали заговорщику тѣмъ, что начинали шумѣть и грозить царствовавшему императору.

Сынъ царя имѣлъ такія же права на престолъ, какъ и всякій другой гражданинъ. Онъ долженъ былъ быть тоже провозглашенъ народомъ и фактически долженъ былъ имѣть въ своихъ рукахъ армію. Совершенно естественно, что византійскіе монархи желали обезпечить престолъ

за своимъ семействомъ, и съ этой цѣлью они пользовались соправительствомъ, которое Византія унаслѣдовала отъ Рима. Абсолютная монархія мирилась съ тѣмъ, что на престолѣ могли сидѣть два, даже три царя; фактически правилъ только одинъ царь, другой носилъ почетный титулъ василевса и автократора (царя и императора) и въ видѣ формальности подписывался на документахъ. Но такимъ путемъ предупреждалась возможная революція и упрочивалась царская власть за извѣстной династіей. Царь имѣлъ право назначить себѣ преемника, и чтобы не возникалъ вопросъ объ его избраніи, цари еще при жизни назначали соправителями и короновали своихъ преемниковъ. Такимъ образомъ по смерти царя не могло быть и рѣчи о преемствѣ; одинъ царь умеръ, но другой былъ живъ, и къ нему переходила фактическая власть. Случалось, что короновали младенцевъ. Императоръ Константинъ Копронимъ короновалъ своего полуторагодовалаго сына Льва, а послѣдній — малолѣтняго сына Константина VI. Когда умеръ Левъ Мудрый, Константину Багрянородному, вѣнчанному на царство отцомъ, было всего семь лѣтъ. Благодаря такому способу, нѣкоторыя династіи продержались на престолѣ довольно долго: македонскій домъ — почти двѣсти лѣтъ, Комнины—сто лѣтъ.

Живые очерки Диля знакомятъ читателей съ этими противоположными теченіями и съ разными типами царей: съ выскочкой, вродѣ Ва-

силія I, простымъ крестьяниномъ, достигшимъ престола при помощи кровавыхъ преступленій, съ Комнинами, считавшими, что ихъ семейство имѣетъ право на престолъ, съ дворцовыми революціями и придворными интригами, а также съ царями, которымъ дорогу къ трону прокладывалъ капризъ императрицы.

Тутъ мы наталкиваемся на новое противорѣчіе византійской жизни. Женщина, которую считали презрѣннымъ существомъ, порою распоряжалась судьбой имперіи. Такова была умная, властная и очаровательная Ѳеодора, о которой подробно говоритъ Диль и которая оказывала большое вліяніе на Юстиніана. Значительную роль сыграла въ X вѣкѣ Ѳеофано, съ трагической исторіей которой насъ также знакомитъ Диль.

Вліяніе женщины и въ тѣ времена основывалось на мужской слабости, на увлеченіи женской красотой. Слабохарактерныхъ царей нерѣдко побѣждали жены и фаворитки. Напримѣръ, Склирена, любовница императора Константина Мономаха, интриговала противъ Маніака, талантливѣйшаго полководца своего времени. Благодаря этой интригѣ, царь лишилъ мѣста Маніака и въ угоду женщинѣ отнялъ у византійской арміи лучшаго генерала.

Диль не ограничился портретами императрицъ, онъ постарался проникнуть въ семейный бытъ средняго сословія, а сдѣлать это довольно трудно за отсутствіемъ надлежащихъ документовъ. Византійскіе историки описываютъ почти исключи-

тельно войны, дипломатическія сношенія, касаются только высшихъ сферъ, не занимаясь личностями, по ихъ мнѣнію, ничтожными, тою массою, которая очень интересуетъ современнаго историка. Дилю удалось воспользоваться рѣчами византійскихъ писателей и среди множества риторическихъ фразъ отыскать черты, дающія нѣкоторое представленіе о византійской буржуазіи.

Диль не пренебрегъ и византійской изящной литературой и знакомитъ насъ съ Дигенисомъ, напоминающимъ нашихъ богатырей, и съ византійскимъ романомъ, который еще очень мало изслѣдованъ. Неоднократно упоминаетъ онъ объ аскетическомъ идеалѣ, о стремленіи къ монашеской жизни, которое было такъ сильно въ Византіи.

Развитіе аскетизма можно прослѣдить по житіямъ святыхъ, которыхъ Дилю не пришлось касаться, и по нѣкоторымъ сказаніямъ. Въ одномъ греческомъ сказаніи разсказано слѣдующее. Въ Эдессѣ живутъ язычники, Клитофонтъ и Левкиппа; у нихъ нѣтъ дѣтей, и они горюютъ объ этомъ. Однажды, пустынникъ Онуфрій, заставъ Левкиппу плачущей, разспрашивалъ ее о причинѣ горя. Мужъ недоволенъ моей бездѣтностью, отвѣчаетъ она. Онуфрій обѣщаетъ ей потомство подъ условіемъ, чтобы она крестилась; та соглашается, и когда оказалась беременной, обо всемъ извѣщаетъ мужа, который тоже принимаетъ христіанство. У нихъ родился сынъ, названный Галактіономъ, т. е. молочнымъ, за бѣлоснѣжный цвѣтъ

кожи. Когда ему минуло 24 года, отецъ женилъ его на красавицѣ Эпистиміи, именитой и богатой, но Галактіонъ рѣшилъ воздержаться отъ исполненія супружескихъ обязанностей, что и дѣлаетъ, несмотря на протесты и соблазны Эпистиміи. Онъ убѣждаетъ и жену, которая отказывается отъ языческой вѣры, становится христіанкой и вмѣстѣ съ мужемъ предается аскетизму.

Авторъ этого сказанія безсознательно, но все же очень наглядно представилъ намъ, какъ измѣнилось воззрѣніе на любовь съ принятіемъ христіанства. Клитофонтъ и Левкиппа признаютъ совмѣстную жизнь, они горюютъ только о томъ, что у нихъ нѣтъ дѣтей. Сынъ ихъ уже держится другихъ воззрѣній на бракъ; онъ считаетъ, что физическое сожительство—грѣхъ во всякомъ случаѣ. Этотъ процессъ дѣйствительно совершился въ Византіи. Главное содержаніе старогреческаго романа составляетъ любовь, любовь плотская въ основѣ, обнимающая все существо влюбленныхъ, все для нихъ освящающая въ мірѣ. И здѣсь всѣмъ правитъ любовь, въ этомъ ея высшая законность. Христіане не могли смотрѣть такъ на любовь; они отличаютъ цѣломудріе отъ незаконной, грѣховной любви, но они считаютъ, какъ Клитофонтъ и Левкиппа, что цѣломудріе соблюдено въ бракѣ и нѣтъ грѣха въ продолженіи рода человѣческаго.

Въ литературѣ взглядъ на женщину и любовь сказался очень ясно. Климентъ-язычникъ сообщаетъ александрійскому грамматику Аппіону,

что онъ страстно влюбленъ безъ надежды на успѣхъ. Аппіонъ обѣщаетъ написать его милой посланіе съ такими похвалами прелюбодѣйству, что ни одной женщинѣ не устоять противъ нихъ. Онъ пишетъ посланіе слѣдующаго содержанія. Привѣтствовавъ милую отъ имени Эрота, влюбленный говоритъ: „О, знаю, что ты интересуешься философіей и стремишься подражать жизни лучшихъ людей. Кто же эти лучшіе, какъ не боги прежде всего, а изъ людей философы? Они одни знаютъ, какія изъ дѣяній хороши или какія дурны. Такъ, нѣкоторые считаютъ дурнымъ дѣломъ прелюбодѣйство (т. е. связь, не скрѣпленную бракомъ), хотя оно во всѣхъ отношеніяхъ дѣло хорошее, ибо творится по велѣніямъ Эрота, ради пріумноженія жизни. Эротъ—древнѣйшій изо всѣхъ боговъ; безъ Эрота нѣтъ смѣшенія и зарожденія ни стихій, ни боговъ и людей, ни неразумныхъ животныхъ, ни всего остального. Всѣ мы—орудія Эрота. Оттого мы стремимся исполнить его волю не по своему желанію, а по его велѣнію. Испытывая желаніе по его волѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ пытаясь ограничить это желаніе въ угоду такъ называемаго воздержанія, развѣ мы не совершаемъ величайшаго кощунства, дѣйствуя наперекоръ старѣйшему изъ боговъ“. Эти общія положенія поясняются разсказомъ о любовныхъ похожденіяхъ Зевса, о наградахъ, которыя Зевсъ расточалъ своимъ любовницамъ, о мудрецахъ, подчинявшихся велѣніямъ Эрота. Въ отвѣтномъ посланіи милой къ Клименту

проведенъ уже совсѣмъ другой взглядъ на любовь. Она отрицаетъ божество и главенство Эрота. Любовь не богъ, а вожделѣніе самого любящаго; любовныя похожденія боговъ придуманы людьми, чтобы прикрыть ихъ примѣромъ собственное распутство. Эротъ не богъ, а животное вожделѣніе, внушенное Творцомъ въ цѣляхъ продолженія жизни, дабы человѣческій родъ не прекратился. Родители, озабоченные цѣломудріемъ своихъ дѣтей, должны наставлять ихъ въ немъ прежде, чѣмъ наступитъ пора вожделѣній, сдерживая ихъ страхомъ закона и раннимъ бракомъ. Въ этомъ отвѣтномъ посланіи взглядъ на любовь совсѣмъ другой, чѣмъ въ первомъ; тутъ проводится рѣзкое отличіе между любовью въ бракѣ и внѣ брака.

На первыхъ порахъ идеалъ женщины представлялся въ видѣ цѣломудренной жены, но жены въ полномъ смыслѣ слова. Она—блаженное напоминаніе перваго творенія, когда единый Господь создалъ единому мужу единую жену; ея красота—въ благоустроеніи души, ароматы—добрая слава, прекрасныя одежды—стыдливость. Она не даетъ поводовъ нравиться кому бы то ни было, кромѣ мужа, избѣгая общества юношей, сдержанная и относительно старцевъ, предпочитая честную бесѣду безпорядочному смѣху. Но очень скоро доходятъ до крайности, отрицаютъ любовь, прославляютъ дѣвственность. Всякія физическія отношенія между мужчиной и женщиной считаются грѣхомъ, даже когда они освящены

бракомъ. На смѣну Клитофонта являются понятія Галактіона. Этихъ-то понятій и держались въ Византіи. Идеаломъ была женщина, поступившая въ монастырь, умерщвляющая плоть, надѣвающая на себя вериги, изнуряющая себя постомъ и воздержаніемъ. Другого идеала византійцы не знали; женщина, живущая въ мірѣ и для міра—источникъ зла и соблазна. Понятія эти были перенесены изъ Византіи къ намъ и пустили у насъ крѣпкіе корни. Въ Пчелѣ, сборникѣ статей, переведенномъ съ греческаго и очень распространенномъ въ Московскомъ государствѣ, читаемъ: „Отъ жены начало грѣху, и тою вси умираемъ; горе дому тому, имъ же владѣетъ жена; зло и мужу тому, иже слушаетъ жены".

Въ послѣднее время русское образованное общество замѣтно заинтересовалось Византіей. Большинство университетовъ включило исторію византійской имперіи въ число предметовъ, обязательныхъ для студентовъ. Между тѣмъ чувствуется большой недостатокъ и въ университетскихъ учебникахъ и особенно въ популярныхъ книгахъ. Единственный общій трудъ, существующій на русскомъ языкѣ, исторія Византіи Герцберга, переведенная мной и снабженная примѣчаніями и обширными приложеніями, давно разошлась и стала библіографической рѣдкостью, которую ищутъ у букинистовъ и рѣдко находятъ. Для спеціалистовъ издаются два журнала, Byzantinische Zeitschrift въ Мюнхенѣ и Византійскій Временникъ въ Петербургѣ. Появляются и обширныя моно-

графіи извѣстнаго Бёри въ Англіи и учениковъ Диля во Франціи. Но всѣ эти цѣнныя сочиненія не могутъ быть прочтены той публикой, которая не имѣетъ времени и охоты углубляться во всѣ подробности византійской исторіи, но желала бы познакомиться съ ней въ общихъ чертахъ.

Къ сожалѣнію, спеціалисты не только у насъ, но и за границей очень рѣдко снисходятъ къ требованіямъ широкой публики и рѣдко умѣютъ писать популярно. Диль представляетъ въ этомъ отношеніи пріятное исключеніе. Онъ спеціалистъ и вполнѣ вооруженъ научнымъ знаніемъ. Онъ не почерпаетъ своихъ свѣдѣній изъ вторыхъ рукъ, а обращается къ первоисточникамъ. Матеріалы для византійскихъ портретовъ, которые Диль нарисовалъ умѣлой рукой, онъ извлекъ непосредственно изъ греческихъ лѣтописей, мемуаровъ, рѣчей и проповѣдей. Но въ то же время онъ не сообщаетъ намъ и излишнихъ и ненужныхъ подробностей и знакомитъ насъ только съ тѣми біографіями, которыя дѣйствительно характерны и даютъ богатыя иллюстраціи къ византійской исторіи.

Мы не сомнѣваемся, что талантливые очерки Диля будутъ съ интересомъ прочтены всѣми интересующимися византійской жизнью, давно прошедшей и все еще намъ близкой.

П. Безобразовъ.

ГЛАВА I.

Жизнь византійской императрицы.

I.

Въ самой отдаленной части императорскаго дворца въ Константинополѣ, за помѣщеніями охранной стражи и пріемными палатами, среди тѣнистыхъ садовъ съ фонтанами, представлявшихъ, по выраженію одного лѣтописца, новый Эдемъ, какъ бы второй рай, находилось частное обиталище византійскихъ императоровъ.

По описаніямъ византійскихъ писателей мы можемъ имѣть нѣкоторое представленіе о пышномъ и красивомъ жилищѣ, украшавшемся въ теченіе вѣковъ нѣсколькими поколѣніями царей, гдѣ вдали отъ свѣтскаго шума и тягостнаго церемоніала, василевсы, представители Бога на землѣ, становились вновь простыми смертными. Тутъ повсюду видны были драгоцѣнные мраморы и блестящая мозаика. Въ большой залѣ Новаго дворца, построеннаго императоромъ Василіемъ I, надъ великолѣпными колоннами, изъ зеленаго мрамора и краснаго оникса, большихъ размѣровъ композиціи, памятники свѣтской живописи, которой византійскіе художники вовсе не такъ пренебрегали, какъ обыкновенно думаютъ, изображали

самодержца сидящимъ на тронѣ среди своихъ побѣдоносныхъ полководцевъ и разсказывали славную эпопею его царства, „геркулесовскія работы царя,—какъ выражается современникъ,—его попеченія о благѣ подданныхъ, его труды на полѣ брани, его побѣды, дарованныя Богомъ“. Но, повидимому, нѣчто особенно чудесное представляла императорская спальня. Подъ высокимъ потолкомъ, усыпаннымъ золотыми звѣздами, сверкалъ крестъ изъ зеленой мозаики, символъ спасенія, и вся обширная комната была покрыта великолѣпными украшеніями. На мозаичномъ полу, по самой серединѣ, былъ изображенъ павлинъ съ свѣтозарными перьями, а по угламъ—четыре орла — царскія птицы — въ рамахъ изъ зеленаго мрамора, съ распростертыми крыльями, готовые улетѣть. Вдоль стѣнъ внизу мозаичные четыреугольники образовывали какъ бы кайму изъ цвѣтовъ; выше по золотому фону была изображена, той же мозаикой, вся императорская фамилія въ полномъ парадномъ одѣяніи: Василій на тронѣ, съ короной на головѣ, и подлѣ него жена его Евдокія, а вокругъ нихъ, почти въ томъ же видѣ, какъ они представлены на выцвѣтшихъ миніатюрахъ одной прекрасной рукописи въ Національной Библіотекѣ, ихъ сыновья и дочери съ книгами въ рукахъ, гдѣ были написаны благочестивыя изреченія изъ Священнаго писанія; и всѣ торжественно воздымали руки къ символу искупленія, ко кресту, а пространныя надписи, начертанныя на стѣнахъ, призывали на весь царскій родъ Божіе благословеніе и молили да будетъ ему даровано царство небесное.

Дальше, въ Жемчужной палатѣ находилась

лѣтняя опочивальня царей съ золотымъ сводомъ, поддерживаемымъ четырьмя мраморными колоннами, съ мозаичными украшеніями, изображающими сцены изъ охотничьей жизни, выходившая съ двухъ сторонъ черезъ портики въ сады, манившіе прохладой. Въ покояхъ, называвшихся Карійскими, такъ какъ они были выстроены цѣликомъ изъ карійскаго мрамора, находилась зимняя опочивальня, защищенная отъ рѣзкихъ вѣтровъ, дующихъ съ Мраморнаго моря; тутъ была и уборная императрицы съ поломъ, выложеннымъ бѣлымъ проконискимъ мраморомъ, и вся украшенная иконописью. Особенно поражала спальня императрицы, удивительная зала съ мраморнымъ поломъ, казавшимся „усыпанной цвѣтами лужайкой“, а стѣны ея, выложенныя порфиромъ, зеленымъ краплепымъ ѳессалійскимъ мраморомъ, бѣлымъ мраморомъ карійскимъ, представляли такое счастливое и рѣдкое сочетаніе цвѣтовъ, что благодаря ему комната эта получила названіе залы Музика или Гармоніи. Были тутъ еще покои Эрота и покои порфировые, гдѣ по традиціи должны были рождаться дѣти императорской фамиліи, называвшіяся вслѣдствіе этого „порфирородными“. И наконецъ, бездѣ тутъ привлекало взоры великолѣпіе дверей изъ серебра или слоновой кости, пурпуровыя завѣсы на серебряныхъ прутьяхъ, золототканыя ткани на стѣнахъ, съ фигурами фантастическихъ животныхъ, большія золотыя люстры, висѣвшія подъ сводами куполовъ, драгоцѣнная мебель съ тонкой инкрустаціей изъ перламутра, золота и слоновой кости.

Въ этомъ то великолѣпномъ жилищѣ, окру-

женная своими придворными евнухами и женщинами, вдали отъ докучнаго церемоніала и шумныхъ треволненій столицы, жила среди мирной тишины цвѣтущихъ садовъ, среди звонкаго плеска фонтановъ, та, чью жизнь мнѣ хотѣлось бы описать, „слава порфиры“, „радость міра“, какъ привѣтствовалъ ее народъ константинопольскій, „благочестивѣйшая и блаженнѣйшая Августа, христолюбивая василисса“, какъ именовалась она по церемоніалу, словомъ, византійская императрица.

II.

Обыкновенно довольно не вѣрно представляютъ себѣ образъ жизни царицъ восточной греческой имперіи. Безсознательно припоминая идеи, опредѣлявшія положеніе женщины въ древней Греціи, въ средневѣковой Россіи и на мусульманскомъ Востокѣ во всѣ времена, въ византійскихъ императрицахъ часто видятъ вѣчныхъ малолѣтнихъ, вѣчныхъ затворницъ, заключенныхъ въ гинекеѣ подъ строжайшимъ надзоромъ вооруженныхъ евнуховъ, принимающихъ только женщинъ и „безбородыхъ мужчинъ“ (т.-е. евнуховъ), какъ выражались въ Византіи, да старыхъ священниковъ, показывавшихся публично лишь при самыхъ рѣдкихъ церемоніяхъ и то подъ плотными покрывалами, скрывавшими ихъ отъ нескромныхъ взглядовъ, содержавшихъ свой особый женскій дворъ, строго отдѣленный отъ двора василевса, словомъ, ведущихъ въ христіанскомъ обществѣ жизнь мусульманскаго гарема.

Хотя такое мнѣніе объ образѣ жизни византійскихъ царицъ очень распространено, тѣмъ не

менѣе оно не вполнѣ основательно. Немногія государства отводили женщинѣ столько мѣста, предоставляли ей болѣе значительную роль и большее вліяніе на политику и правительство, чѣмъ византійская имперія. Это, по вѣрному замѣчанію Рамбо, „одна изъ отличительныхъ чертъ греческой исторіи среднихъ вѣковъ“ *). Не только было много императрицъ, пользовавшихся всемогущимъ вліяніемъ на своихъ мужей, въ силу обаянія своей красоты или превосходства ума: это ничего бы еще не доказывало, такъ какъ всѣ любимыя султанши дѣлали то же самое. Но въ имперіи, основанной Константиномъ, почти въ каждомъ вѣкѣ встрѣчаются женщины или царствовавшія сами или, что еще чаще, полновластно распоряжавшіяся короной и поставлявшія императоровъ. Этимъ царицамъ принадлежало полновластіе и торжество церемоній, въ которыхъ проявляется внѣшнимъ образомъ блескъ власти, и тѣ торжественные акты, въ которыхъ сказывается реальная власть. Даже въ интимной жизни гинекея находишь слѣды всемогущества, которымъ законнымъ образомъ пользовались византійскія императрицы, а въ общественной жизни, въ той политической роли, какую ей отводили ея современники, это всемогущество выступаетъ еще ярче. Поэтому, для того, кто хочетъ узнать и понять византійское общество, и византійскую цивилизацію, быть можетъ, найдется кое-что новое въ жизни забытыхъ царицъ той далекой эпохи.

*) Rambaud, Impératrices d'Orient (Revue des Deux Mondes, 1891 t. I, p. 829).

III.

Въ обширныхъ покояхъ, составлявшихъ царскій гинекей, императрица царила полновластной хозяйкой. Наравнѣ съ императоромъ, у нея была, для сопровожденія и услуженія, многочисленная свита, состоявшая изъ женщинъ и придворныхъ чиновъ. Во главѣ придворнаго штата стоялъ препозитъ или завѣдующій дворцомъ, главный начальникъ камергеровъ, рефендаріевъ, силенціаріевъ, приставленныхъ къ особѣ василиссы, и всѣ они, равно какъ и меченосцы или протоспаѳаріи, избирались изъ среды евнуховъ дворца. Для службы у стола императрица имѣла, подобно императору, своего главнаго стольника и своего главнаго кравчаго. Во главѣ женщинъ стояла завѣдующая дворцомъ, обыкновенно отличенная высокимъ чиномъ опоясанной патрикіи (zôstè) руководившая съ помощью протовестіаріи безчисленнымъ штатомъ придворныхъ дамъ, прислуживавшихъ въ комнатахъ, а также дѣвушекъ, составлявшихъ общество царицы. Обыкновенно, императоръ самъ заботился о назначеніи особъ, которыя должны были быть приставлены къ особѣ Августы, и въ особенности онъ оставлялъ за собой привилегію самому вручать главной завѣдующей дворцомъ знаки ея достоинства и принимать засвидѣтельствованіе вѣрноподданическихъ чувствъ отъ вновь назначаемыхъ придворныхъ женщинъ. Но большинство служителей гинекея императрица сверхъ того сама жаловала въ санъ, чтобъ ясно показать, что они принадлежали ей. И, хотя въ день ихъ пожало-

ванія, облаченной въ официальный костюмъ, соотвѣтствовавшій ихъ должности — золотую тунику, бѣлый плащъ, высокую прическу въ формѣ башни, прополому, съ длиннымъ бѣлымъ вуалемъ, женской свитѣ царицы препозитъ дѣлалъ внушеніе, что онѣ должны имѣть въ сердцѣ страхъ Господень и хранить искреннюю вѣрность и полнѣйшую преданность василевсу и Августѣ, есть основаніе предполагать, что, разъ принятыя въ покои императрицы, онѣ скоро забывали императора и считали себя принадлежащими только царицѣ.

Увѣренная въ преданности своихъ служителей императрица у себя въ гинекеѣ имѣла право дѣйствовать всецѣло по своему усмотрѣнію, и сообразно со своимъ темпераментомъ и характеромъ, она довольно различно пользовалась этой свободой. Для многихъ изъ этихъ прекрасныхъ царицъ забота о туалетѣ составляла главное занятіе. Говорятъ, что Ѳеодора, утонченная кокетка, чрезвычайно заботилась о своей красотѣ: чтобъ сохранить ясное спокойствіе лица, она спала до поздняго утра; чтобъ уберечь блескъ и свѣжесть цвѣта лица, она принимала частыя и продолжительныя ванны; она любила великолѣпіе парадныхъ костюмовъ, яркія длинныя мантіи изъ фіолетоваго пурпура, вышитыя золотомъ, ослѣпительно сверкающія украшенія, драгоцѣнные камни и жемчугъ; она знала, что красота ея — лучшій залогъ ея всемогущества. Другія носили болѣе простые наряды. Зоя, за исключеніемъ большихъ придворныхъ праздниковъ, носила только легкія платья, которыя очень шли къ ея бѣлокурой красотѣ; за то у нея было

пристрастіе къ ароматамъ и косметикамъ, и ея комната, гдѣ круглый годъ горѣлъ большой огонь, служившій для приготовленія притираній и ароматовъ, походила нѣсколько на лабораторію алхимика. Наконецъ, были и такія царицы, которыя презирая эти изящныя ухищренія, предпочитали, по словамъ одного современника „украшать себя блескомъ своихъ добродѣтелей“, считая презрѣннымъ и пустымъ искусство косметики, столь дорогое Клеопатры.

Иныя, подобно Ѳеодорѣ, считали, что тонко сервированный столъ—одна изъ неотъемлемыхъ прерогативъ верховной власти; другія мало тратили на себя, находя главнымъ образомъ удовольствіе въ томъ, чтобы наполнять деньгами большіе ларцы. Многія были набожны: благочестивыя упражненія, долгія стоянія передъ святыми иконами, серіозныя бесѣды съ монахами, прославленными за суровый образъ жизни, наполняли большую часть жизни иныхъ императрицъ. Многія также любили литературу. Онѣ собирали вокругъ себя писателей, сочинявшихъ для нихъ произведенія въ прозѣ и стихахъ, и всегда щедро ихъ вознаграждали; случалось даже, что иныя изъ этихъ царицъ, какъ напримѣръ, Аѳинаида или Евдокія писали сами, и царицы изъ рода Комниновъ заслужили репутацію женщинъ просвѣщенныхъ, образованныхъ и ученыхъ. Другимъ болѣе по вкусу приходились грубыя шутки шутовъ и мимовъ, и сама великая Ѳеодора, такая, впрочемъ, умная, при этомъ природная актриса, забавлялась иногда тѣмъ, что устраивала,—часто за счетъ своихъ посѣтителей,—различныя увеселенія, довольно сомнительнаго вкуса. Наконецъ,

придворныя интриги и любовныя похожденія заполняли время обитательницъ женской половины дворца, превращая иногда гинекей въ мѣсто тревоги для самого императора.

Но не слѣдуетъ, все-таки, думать, что у византійской императрицы все время уходило на благочестивыя упражненія, туалетъ, пріемы, увеселенія и празднества. Заботы болѣе высокаго свойства часто волновали многихъ изъ этихъ царицъ, и не разъ вліяніе гинекея сказывалось на ходѣ правительственныхъ дѣлъ. Августа имѣла собственное состояніе, которымъ распоряжалась по своему усмотрѣнію, не совѣтуясь съ василевсомъ, даже не предупреждая его; она придерживалась своей собственной политики, и не рѣдко политика эта довольно плохо согласовалась съ велѣніями царя, явленіе еще болѣе любопытное, довольно поразительное въ такой абсолютной монархіи; императоръ во многихъ вопросахъ охотно предоставлялъ василиссѣ полную свободу дѣйствія и часто совершенно не зналъ, что у нея происходитъ. А между тѣмъ въ стѣнахъ гинекея творились странныя дѣла, скрывались страшныя тайны. Когда константинопольскій патріархъ Анѳимъ, сильно заподозрѣнный въ ереси, долженъ былъ предстать передъ соборомъ, былъ отлученъ отъ церкви и приговоренъ Юстиніаномъ къ ссылкѣ, онъ нашелъ убѣжище въ самомъ дворцѣ, въ покояхъ Ѳеодоры. Сначала были нѣсколько поражены внезапнымъ исчезновеніемъ патріарха; затѣмъ о немъ забыли, сочтя его умершимъ. И велико было изумленіе, когда позднѣе, послѣ смерти императрицы, нашли патріарха въ отдаленной части гинекея: двѣнадцать

лѣтъ провелъ онъ въ этомъ скромномъ уединеніи, въ то время, какъ Юстиніанъ не имѣлъ объ этомъ ни малѣйшаго понятія, и, что еще удивительнѣе, Ѳеодора не выдала своей тайны.

Въ гинекеѣ же былъ составленъ заговоръ, жертвой котораго палъ императоръ Никифоръ Фока. Въ то время какъ василевсъ ничего не подозрѣвалъ, Ѳеофано сумѣла впустить къ себѣ своихъ сообщниковъ, ввести затѣмъ на женскую половину вооруженныхъ заговорщиковъ и такъ ловко ихъ спрятать, что когда царь въ послѣднюю минуту былъ извѣщенъ въ туманныхъ выраженіяхъ объ угрожавшемъ его жизни заговорѣ и приказалъ обыскать гинекей, не нашли никого и подумали, что были введены въ обманъ. Два часа спустя, когда на дворѣ была ночь, и бушевала буря, глава заговора въ свою очередь былъ поднятъ на веревкахъ въ корзинѣ изъ ивовыхъ прутьевъ до окна комнаты императрицы, и застигнутый врасплохъ безоружный василевсъ, обливаясь кровью отъ безчисленныхъ ранъ, палъ мертвымъ съ черепомъ, разсѣченнымъ страшнымъ ударомъ меча.

Безъ сомнѣнія, изъ этихъ исключительныхъ фактовъ отнюдь не слѣдуетъ дѣлать слишкомъ общаго вывода. Но что несравненно знаменательнѣй, это то, что между мужской половиной императора и половиной царицы не существовало, какъ это совершенно ошибочно думаютъ, никакой непроходимой стѣны. Какъ придворныя дамы Августы въ присутствіи всего двора получали изъ рукъ василевса почетные знаки своего отличія, такъ и царица допускала въ свои покои многихъ высокихъ сановниковъ, вовсе не

принадлежавшихъ къ безопасной категоріи „безбородыхъ чиновъ“, и самый этикетъ, этотъ византійскій этикетъ, представляющійся намъ такимъ неумолимо строгимъ, позволялъ въ иные торжественные дни широко, чтобъ не сказать нескромно, растворяться дверямъ гинекея.

Когда черезъ три дня послѣ бракосочетанія новая императрица выходила изъ супружескихъ покоевъ, чтобы принять ванну въ Магнаврскомъ дворцѣ, въ садахъ, черезъ которые проходило шествіе, придворные и горожане стояли сплошной стѣной. И когда, предшествуемая служителями, несшими на виду у всѣхъ пеньюары, коробочки съ ароматами, ларцы и сосуды, сопровождаемая тремя придворными дамами, державшими въ рукахъ, какъ символъ любви, красныя яблоки съ жемчужной инкрустаціей, царица появлялась передъ глазами зрителей, раздавались звуки механическихъ органовъ, народъ рукоплескалъ, придворные шуты отпускали свои шутки, а высшіе государственные чины сопровождали царицу до входа въ ванную и ожидали ее у дверей, чтобъ торжественно отвести ее потомъ обратно въ брачные покои.

Когда, черезъ нѣкоторое время послѣ этого, императрица дарила василевсу сына, черезъ восемь дней по рожденіи ребенка весь дворъ торжественно проходилъ передъ роженицей. Въ опочивальнѣ, обтянутой для этого случая златотканными тканями, сверкающей огнями безчисленныхъ люстръ, молодая мать лежала на постели, покрытой золотыми одѣялами; подлѣ нея стояла колыбель, гдѣ покоился юный наслѣдникъ престола. И препозитъ по очереди впускалъ къ

Августѣ членовъ императорскаго дома; затѣмъ слѣдовали по старшинству ранга жены высшихъ сановниковъ и наконецъ, вся аристократія имперіи, сенаторы, проконсулы, патрикіи, всякіе чины; и каждый, склоняясь по очереди передъ царицей, приносилъ ей свои поздравленія и клалъ около постели какой-нибудь подарокъ для новорожденнаго.

Какъ видно, это отнюдь не нравы гарема, и въ виду такихъ обычаевъ, имѣется ли хоть какое-нибудь основаніе говорить о строгомъ затворничествѣ гинекея и неумолимой суровости византійскаго церемоніала?

IV.

Но жизнь византійской императрицы далеко не вся протекала въ узкихъ рамкахъ ея дворца. Даже церемоніалъ отводилъ ей мѣсто въ общественной жизни и указывалъ ей на ряду съ василевсомъ ея роль въ официальныхъ торжествахъ и въ управленіи монархіей.

Извѣстно, какую важную роль въ жизни византійскаго императора играли придворныя церемоніи. Одно изъ любопытнѣйшихъ, дошедшихъ до насъ произведеній этой далекой эпохи, одно изъ тѣхъ, которое лучше всего оживляетъ передъ нашими глазами все живописное своеобразіе этого исчезнувшаго общества, Книга о церемоніяхъ, составленная около половины X вѣка императоромъ Константиномъ VII, вся посвящена описанію процессій, празднествъ, аудіенцій, пировъ, налагаемыхъ въ видѣ обязанности на царя тяжелымъ и неумолимымъ этикетомъ. И хотя и тутъ, какъ въ столькихъ другихъ вещахъ, каса-

ющихся этой такъ мало извѣстной Византіи, впадаютъ въ довольно грубыя ошибки и сильно преувеличиваютъ кое въ чемъ тяжесть, возлагавшуюся церемоніаломъ на плечи царя — какой-нибудь Людовикъ святой или даже Людовикъ XIV навѣрно ходили въ церковь чаще, чѣмъ любой василевсъ—тѣмъ не менѣе несомнѣнно эти официальныя торжества составляли не малую часть обязанностей императора. И царица постоянно раздѣляла ихъ съ нимъ. „Когда нѣтъ Августы, говоритъ одинъ византійскій историкъ, невозможно устраивать празднества, давать пиры, предписываемые этикетомъ“.

Такимъ образомъ, въ общественной жизни монархіи императрица имѣла свою роль, какъ бы свою долю царства. И понятно, что прежде всего императоръ предоставлялъ ей почти все, что относилось къ женской половинѣ дворца. Въ праздникъ Пасхи, въ то время, какъ въ храмѣ святой Софіи василевсъ принималъ высшихъ чиновъ имперіи, приходившіе въ воспоминаніе о воскресшемъ Христѣ почтительно дать ему цѣлованіе мира, на хорахъ великой церкви, спеціально предназначенныхъ для женщинъ, императрица, сидя на тронѣ, окруженная своими камергерами и придворной стражей, съ своей стороны, принимала съ соблюденіемъ того же іерархическаго порядка, въ какомъ проходили передъ императоромъ ихъ мужья, женъ высшихъ сановниковъ, всѣхъ, которымъ должности мужей давали доступъ ко двору; и всѣ, одѣтыя въ парадные костюмы, съ прополомой на головѣ, сверкая шелкомъ, золотомъ и драгоцѣнными камнями, подходили по очереди и цѣловали Августу.

Наступали новыя торжества и опять у императрицы былъ тотъ же блестящій пріемъ женщинъ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ во время праздника Брумалій, старый пережитокъ древняго языческаго праздника, — царица въ порфировыхъ покояхъ раздавала придворнымъ дамамъ дорогія шелковыя ткани, а вечеромъ въ большихъ парадныхъ залахъ приглашала ихъ на пышныя празднества, во время которыхъ пѣвчіе святой Софіи и храма св. Апостоловъ въ поэмахъ, сложенныхъ въ ея честь, прославляли Августу; придворные актеры и шуты забавляли общество своими интермедіями, а представители партіи цирка и нѣкоторые изъ важнѣйшихъ сановниковъ исполняли во время дессерта передъ царицей и ея гостями медленный, торжественный танецъ съ факелами. Точно также, когда византійскій дворецъ посѣщали иностранныя принцессы, императрица опять-таки помогала императору въ пріемѣ ихъ. Подобно василевсу и она давала имъ аудіенцію; она приглашала ихъ къ обѣду вмѣстѣ съ дамами ихъ свиты; она осыпала ихъ подарками и любезностями. Этимъ она до извѣстной степени участвовала въ иностранной политикѣ своей страны, и отъ ея милостиваго пріема часто зависѣлъ успѣхъ государственной дипломатіи.

Но церемоніалъ не ограничивалъ одними пріемами женщинъ официальную роль царицы. Часто она еще болѣе прямымъ образомъ помогала своему царственному супругу. Въ Вербное воскресенье она принимала вмѣстѣ съ нимъ. На придворныхъ обѣдахъ она садилась за столъ вмѣстѣ съ нимъ, съ сенаторами и сановниками,

удостоившимися чести быть приглашенными къ царскому столу. Получая, наконецъ, по этикету, свою долю обычныхъ привѣтствій, которыми народъ имѣлъ обыкновеніе встрѣчать царей, иногда даже воспѣваемая въ спеціально для нея сложенныхъ поэмахъ, она не боялась показываться публично вмѣстѣ съ императоромъ. На Ипподромѣ, въ дни большихъ бѣговъ, передъ Священнымъ Дворцомъ, когда происходили нѣкоторыя политическія церемоніи большой важности, толпа протяжно возглашала слѣдующія слова: „Боговѣнчанные цари, являйтесь съ Августами“, и еще: „Чета, покровительствуемая Богомъ, василевсъ и ты, слава порфиры, придите просвѣтить вашихъ рабовъ и порадовать сердца вашего народа“, и еще: „Явись, императрица ромеевъ“: все формулы, которыя не имѣли бы никакого смысла, еслибы царица не появлялась въ эти дни въ ложѣ цирка или на балконѣ дворца. Такъ мало было въ обычаѣ, чтобы императрица жила затворницей за стѣнами императорской резиденціи, что она зачастую появлялась публично и безъ сопровожденія императора. Такъ она идетъ безъ него въ торжественной процессіи въ святую Софію, безъ него вступаетъ въ столицу, отправляется къ нему на встрѣчу, когда онъ возвращается изъ похода. Дѣло въ томъ,—и это объясняетъ выдающуюся политическую роль, какую она такъ часто играла, — что византійская царица была больше, чѣмъ подруга и соправительница василевса. Съ того дня, что она всходила на престолъ Константина, она пріобрѣтала въ своемъ лицѣ всю полноту верховной власти.

V.

Обыкновенно, не политическія причины, какъ въ нашихъ современныхъ государствахъ, опредѣляли въ Византіи выборъ императоромъ жены. Царь находилъ невѣсту при помощи оригинальнаго и довольно страннаго пріема.

Когда императрица Ирина захотѣла женить своего сына Константина, она разослала по всей имперіи гонцовъ съ тѣмъ, чтобы они разыскали и привезли въ столицу самыхъ красивыхъ дѣвушекъ имперіи. Желая ограничить ихъ выборъ и облегчить имъ задачу, царица опредѣлила возрастъ и ростъ, какіе должны были имѣть кандидатки въ василиссы, равно и величину ихъ обуви. Снабженные этими инструкціями посланные отправились въ путь, и вотъ въ дорогѣ они попали разъ вечеромъ въ одну Пафлагонскую деревню. Увидѣвъ издали большой прекрасный домъ, принадлежавшій, какъ казалось, богатому владѣльцу, они рѣшили переночевать въ немъ. Расчетъ ихъ оказался не вѣренъ: хозяинъ дома былъ святой, подававшій такую щедрую милостыню, что въ концѣ концовъ совершенно разорился. Тѣмъ не менѣе онъ оказалъ самый радушный пріемъ посламъ императора и, позвавъ жену свою, сказалъ ей: „Сдѣлай намъ вкусный обѣдъ“. Жена, крайне смущенная, отвѣчала: „Какъ же мнѣ быть? ты такъ хорошо управлялъ домомъ, что въ птичникѣ не осталось ни одной птицы. — Ступай, возразилъ святой, разведи огонь, приготовь большую столовую, накрой старый столъ изъ слоновой кости: Богъ

позаботится о томъ, чтобъ у насъ было чѣмъ пообѣдать". И Богъ, дѣйствительно, позаботился; когда же за дессертомъ посланные, крайне довольные тѣмъ, какъ ихъ приняли, любезно стали разспрашивать старика объ его семьѣ, оказалось, что у него, какъ разъ, было три внучки въ возрастѣ невѣстъ. „Именемъ боговѣнчаннаго императора, пусть онѣ покажутся! воскликнули тутъ послы, ибо василевсъ приказалъ, чтобы не осталось во всей римской имперіи ни одной дѣвушки, которой бы мы не видѣли". Онѣ явились, и оказались прелестными, и именно одна изъ нихъ, Марія, имѣла требуемый возрастъ, желательную фигуру и величину обуви.

Восхищенные своей находкой гонцы увезли въ Константинополь всю семью. Тамъ собралась уже дюжина другихъ молодыхъ дѣвушекъ, все очень красивыхъ и по большей части происходившихъ изъ богатыхъ и благородныхъ семей. Поэтому красавицы эти отнеслись сначала къ вновь прибывшей съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, и когда она, будучи далеко не глупой, сказала своимъ подругамъ: „Друзья мои, обѣщаемъ всѣ другъ другу слѣдующее: пусть та изъ насъ, которую Богъ изберетъ на царство, обязуется пристроить остальныхъ", дочь одного стратега отвѣтила ей съ высокомѣріемъ: „О, я изъ всѣхъ самая богатая, самая знатная и красивая; навѣрно, императоръ женится на мнѣ. Вы всѣ, бѣдныя дѣвушки неизвѣстнаго происхожденія, имѣющія за себя только красивую наружность, вы можете отложить всякое попеченіе". Само собой разумѣется, что эта спесивая особа была наказана за свою спесь. Когда кандидатки предстали пе-

редъ императрицей, передъ ея сыномъ и первымъ министромъ, ей тотчасъ замѣтили: „Дѣвица, ты прекрасна, но не годишься въ жены императору“. Марія-же, напротивъ, сразу завоевала сердце юнаго царя, и онъ выбралъ ее.

Этотъ и другіе подобные анекдоты показываютъ намъ, къ какимъ способамъ обыкновенно прибѣгали, чтобы получить византійскую императрицу, а иногда, что случилось съ Юстиніаномъ и Ѳеодорой, царь попросту влюблялся въ какую-нибудь прекрасную искательницу приключеній и дѣлалъ ее своей женой. Изъ этого видно, что василевсы не слишкомъ стояли за знатность рода, и всякая красивая женщина была всегда въ ихъ глазахъ достаточно приличной, чтобы стать императрицей. Но вѣрно и то, что торжественныя церемоніи, сопровождавшія коронованіе и бракосочетаніе безусловно измѣняли будущую царицу, придавая ей совершенно новое достоинство, преображая самую простую еще наканунѣ дѣвушку въ существо сверхчеловѣческое, живое воплощеніе всемогущества и божественности.

Я не стану описывать подробно пышный церемоніалъ,—всѣ эти византійскія торжества очень похожія одно на другое въ своемъ однообразномъ великолѣпіи,—во время котораго молодая женщина, введенная съ покрываломъ на лицѣ въ большую залу Августея, облачалась императоромъ въ пурпуровую хламиду, которую предварительно благословлялъ патріархъ, и коронovалась василевсомъ брильянтовой короной съ жемчужными привѣсками; ни пріема придворныхъ, происходившаго затѣмъ въ дворцовой

церкви святого Стефана, ни, наконецъ, самого бракосочетанія, когда патріархъ возлагалъ брачный вѣнецъ на головы супруговъ. Изъ этого сложнаго ритуала достаточно отмѣтить нѣкоторые символическіе акты, нѣкоторыя характерныя черты, ясно показывающія, какая высокая власть заключалась въ славномъ титулѣ византійской императрицы.

Прежде всего, слѣдующій фактъ: бракосочетаніе слѣдуетъ за коронованіемъ, а не предшествуетъ ему. Императрица пріобщается всемогуществу вовсе не потому, что она жена императора; вовсе не отъ супруга получаетъ она какъ бы отраженіе власти. Она облекается верховной властью актомъ, предшествующимъ бракосочетанію и независящимъ отъ него, и эта верховная власть, какой она облекается, подобно императору, какъ избранница самого Бога, вполнѣ равна власти василевса. Это наглядно видно изъ того, что и народу не императоръ представляетъ новую императрицу. Когда черезъ возложеніе на нее короны она облеклась высшею властью, она идетъ не сопутствуемая императоромъ, а лишь въ сопровожденіи своихъ камергеровъ и женщинъ; медленно, межъ живыми стѣнами, образуемыми при ея прохожденіи охранной стражей, сенаторами, патрикіями, высшими сановниками, проходитъ она рядъ комнатъ во дворцѣ и поднимается на терассу, вокругъ которой, внизу, выстроились войска, высшія сословія государства и народъ. Въ роскошномъ царскомъ нарядѣ, сверкающемъ золотомъ, она показывается своимъ новымъ подданнымъ и торжественно признается ими. Предъ ней склоняются знамена, ве-

ликіе міра и чернь падаютъ ницъ, простершись во прахѣ, вожди партій выкрикиваютъ свои освященныя обычаемъ привѣтствія. Она же, въ строгой торжественности, съ двумя свѣчами въ рукахъ склоняется сперва передъ крестомъ, потомъ кланяется своему народу, и къ ней летитъ его единогласный крикъ: „Боже, спаси Августу!“

Еще другой фактъ: несомнѣнно, коронованіе царицы окружено бо́льшей таинственностью, чѣмъ коронованіе императора: оно происходитъ не подъ сводами святой Софіи, а внутри дворца. Но не надо думать, что это вслѣдствіе извѣстныхъ идей, будто бы порожденныхъ Византіей, „обрекавшихъ, какъ говорятъ, женщину на затворничество и плохо мирившихся съ присутствіемъ ея на слишкомъ публичныхъ торжествахъ“. Въ сущности, весь дворъ, мужчины и женщины, присутствуютъ при этомъ коронованіи; и когда потомъ, по окончаніи церемоніи, императоръ сходится съ императрицей въ церкви святого Стефана, тутъ не бывало, какъ это думаютъ иные, двухъ отдѣльныхъ пріемовъ, одинъ для мужчинъ у василевса, другой для женщинъ у Августы. Сидя рядомъ на своихъ тронахъ оба, смотрятъ, какъ передъ ними, по очереди, проходятъ сначала всѣ мужчины, потомъ всѣ женщины, составляющіе дворъ; и всѣ, какъ мужчины, такъ и женщины, послѣ того какъ ихъ ввели, поддерживая подъ руки два силенціарія, падаютъ ницъ и цѣлуютъ колѣна императора и Августы.

Вотъ, наконецъ, еще одна послѣдняя черта. При выходѣ изъ храма св. Стефана, по окончаніи бракосочетанія, супруги въ сопровожденіи всего двора, мужчинъ и женщинъ, направляются

въ брачные покои. При ихъ проходѣ народъ стоитъ стѣной и, привѣтствуя, обращается съ пожеланіями къ новой василиссѣ. „Добро пожаловать, Августа, избранная Богомъ! Добро пожаловать Августа, покровительствуемая Богомъ! Добро пожаловать, ты, облеченная въ порфиру! Добро пожаловать, ты, для всѣхъ желанная!“ И толпа допускалась въ самые брачные покои, къ самой императорской золотой кровати, и тутъ еще разъ новобрачные должны были выслушать отъ нея привѣтствія и пожеланія счастья и согласія. Наконецъ, вечеромъ за свадебнымъ пиршествомъ самые важные придворные сановники, такъ называемые друзья императора, и самыя знатныя дамы обѣдали всѣ вмѣстѣ въ триклинѣ Девятнадцати аккувитовъ, въ обществѣ монарховъ. И что въ особенности поражаетъ во всемъ этомъ церемоніалѣ, это—до какой степени мужчины и женщины бываютъ вмѣстѣ при этомъ дворѣ, по общему мнѣнію такомъ недоступно строгомъ, и какъ мало похожа на затворничество жизнь этой императрицы, которой самъ церемоніалъ предписываетъ, какъ первый актъ ея высшей власти, являть свое лицо передъ всей собравшейся Византіей.

Конечно, надо остерегаться отъ преувеличеній. Относительно такихъ щекотливыхъ вопросовъ, естественно, что и этикетъ, и нравы мѣнялись съ теченіемъ времени. Какъ видно, въ концѣ IX и на протяженіи всего X вѣка, быть можетъ, подъ вліяніемъ мусульманскаго Востока нѣсколько болѣе строгій церемоніалъ предписываетъ императрицѣ дѣйствительно замыкаться въ гинекеѣ, носить болѣе плотныя покрывала, не такъ охотно

приглашаетъ ее появляться на публичныхъ торжествахъ. Но между V и IX вѣкомъ нельзя замѣтить ничего подобнаго, и когда, начиная съ конца XI вѣка, Византія начала вступать въ сношенія съ Западомъ, все болѣе и болѣе непосредственныя, когда западныя принцессы стали вступать на тронъ Константина, строгость этикета, если таковая и существовала прежде, окончательно была поколеблена, и древній церемоніалъ отошелъ въ область преданія.

Если кто хочетъ, наконецъ, полностью уяснить еще на послѣднемъ примѣрѣ права, какія законы и нравы давали византійской императрицѣ, вотъ еще одинъ фактъ чрезвычайно характерный. Когда въ 491 году умеръ императоръ Зенонъ, вдова его, императрица Аріадна, взявъ въ свои крѣпкія руки бразды правленія, изъ дворца отправилась въ циркъ въ сопровожденіи высшихъ придворныхъ и государственныхъ чиновъ и, стоя въ императорской ложѣ въ полномъ парадномъ одѣяніи, обратилась съ рѣчью къ собравшемуся на ипподромѣ народу. Она объявила ему, что по ея приказанію соберется сенатъ и высшіе сановники, чтобы подъ предсѣдательствомъ монархини и при содѣйствіи арміи назначить преемника покойному. И дѣйствительно, этотъ верховный государственный совѣтъ собрался во дворцѣ, но первымъ его дѣломъ было предоставить самой Аріаднѣ право выбрать новаго императора. Какъ ни поразителенъ можетъ показаться такой способъ дѣйствія, въ немъ отнюдь не слѣдуетъ усматривать чего-либо революціоннаго. Августа, законно облеченная со дня коронованія верховной властью, законно предъ-

являетъ ее во всей ея полнотѣ и передаетъ ее по своему усмотрѣнію. Привѣтствующій ее народъ формально признаетъ ея право. „Тебѣ, Аріадна Августа, кричитъ толпа, принадлежитъ верховная власть“; и министръ, составлявшій въ VI вѣкѣ церемоніалъ, откуда заимствованъ этотъ разсказъ, особенно упираетъ на то, что вопросъ о престолонаслѣдіи становится чрезвычайно тревожнымъ, „когда, говоритъ онъ, нѣтъ Августы или императора, чтобъ произвести передачу власти“.

Вотъ почему при всякомъ дѣйствіи, могущемъ измѣнить правительство имперіи, при избраніи василевса или соправителя, царица всегда выступаетъ публично, появляясь на ипподромѣ, обращаясь къ народу съ рѣчью, энергичная и дѣйствующая, и никому и въ голову не приходитъ видѣть въ этомъ что-нибудь удивительное или оскорбительное. Хранительница власти, она по своему усмотрѣнію можетъ любого произвести въ императоры, управлять въ качествѣ регентши за своихъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей или царствовать самой. Въ то время, какъ германскій Западъ съ негодованіемъ отнесся бы къ тому, чтобъ власть перешла къ женщинѣ, восточная Византія безъ сопротивленія признала царицу, которая въ офиціальныхъ актахъ съ гордостью называла себя: „Ирина, великій василевсъ и автократоръ римскій“.

Византійскія миніатюры сохранили намъ много портретовъ этихъ царицъ, жившихъ такъ давно. Физически онѣ представляютъ довольно различные типы, и дѣйствительно византійскіе императрицы были самаго различнаго происхожденія и всевозможныхъ національностей Европы и Азіи,

Кавказа и Греціи, Константинополя и провинцій, Сиріи и Венгріи, Франціи и Германіи, вплоть до дикихъ племенъ Хазаріи или Болгаріи. Въ нравственномъ отношеніи онѣ представляютъ не менѣе глубокое различіе: „Среди этихъ Августъ, по удачному выраженію Рамбо, встрѣчались всѣ женскіе типы, какіе только можно себѣ представить: политическія дѣятельницы, какъ Ѳеодора или Ирина Аѳинянка; женщины писательницы, какъ Евдокія или Анна Комнина; женщины легкаго поведенія, какъ Зоя порфирородная, другія сохранившія себя въ чистотѣ и предававшіяся благочестію, какъ сестра Зои Ѳеодора; еще другія, занимавшіяся исключительно придумываніемъ всякихъ ароматическихъ смѣсей, утонченнѣйшихъ туалетовъ, изощреннѣйшихъ одеждъ и прическъ, чтобъ революціонировать всю женскую половину Византіи; женщины, о которыхъ не говорили, и женщины, о которыхъ говорили слишкомъ много; женщины, растворявшія свои двери только монахамъ-мученикамъ и священникамъ-ревнителямъ; женщины, принимавшія фокусниковъ и гадальщиковъ, и женщины время отъ времени спускавшія въ окно своей спальни мѣшокъ съ зашитымъ въ него тѣломъ, неслышно поглощавшимся потомъ темными водами Босфора. Не слѣдуетъ поэтому, если кто хочетъ хорошенько познакомиться съ ними, обманываться ни однообразной пышностью ихъ царскаго облаченія, ни суровой видимостью церемоніала, якобы опредѣляющимъ ихъ образъ жизни. Души ихъ различны, и различна также роль, какую онѣ сыграли: съ этой стороны онѣ и представляютъ интересъ.

Въ исторіи исчезнувшаго общества не слѣдуетъ всего болѣе удѣлять вниманія военнымъ дѣйствіямъ, какъ бы живописны они ни были, ни дворцовымъ революціямъ или военнымъ бунтамъ, какую бы трагическую картину они ни представляли. Что надо постараться узнать, такъ какъ это гораздо поучительнѣе, это всѣ разнообразныя формы повседневной жизни, различные образы бытія и мышленія, нравы и обычаи, словомъ, цивилизацію народа. На все это жизнеописаніе византійской императрицы, быть можетъ, прольетъ для насъ отчасти новый свѣтъ; а если прибавить, что помимо этихъ нѣсколькихъ портретовъ царицъ мы настолько знакомы еще съ нѣкоторыми знатными византійскими дамами и женщинами средняго сословія, что можемъ обрисовать и ихъ, тогда, быть можетъ, согласятся, что, стараясь вставить въ подобающую имъ историческую рамку эти историческіе портреты и возстановить среду, въ которой онѣ жили, мы предприняли небезполезное дѣло. Эти изысканія, съ виду нѣсколько частнаго характера, приведутъ къ кое-какимъ выводамъ болѣе общимъ; византійское общество, такое отдаленное и мало извѣстное, предстанетъ передъ нами въ болѣе правдивыхъ и болѣе яркихъ картинахъ.

ГЛАВА II.

Аѳинаида.

I.

7 іюня 421 г. благочестивѣйшій императоръ Ѳеодосій, имѣвшій тогда около двадцати лѣтъ отъ роду, женился на молодой дѣвушкѣ, родомъ изъ Аѳинъ, гдѣ отецъ ея былъ преподавателемъ въ университетѣ. Рожденная въ языческой вѣрѣ, она, чтобы вступить на престолъ Константина, должна была перейти въ христіанство и въ то же время, въ самый день своего крещенія, обмѣнять свое хорошенькое имя Аѳинаиды на болѣе подходящее для императрицы и болѣе христіанское имя Евдокіи.

Какъ состоялось это довольно удивительное бракосочетаніе между маленькой неизвѣстной провинціалкой и всемогущимъ василевсомъ? Очень просто: это былъ бракъ по любви, романическая исторія котораго любезно разсказана намъ византійскими лѣтописцами. Какъ только Ѳеодосій достигъ возмужалости, онъ задумалъ жениться. Онъ мучилъ свою старшую сестру Пульхерію, воспитавшую его и управлявшую отъ его имени имперіей, настоятельно прося ее найти ему жену. Ему было все равно, знатнаго она

рода или нѣтъ; все равно, богата или бѣдна; но онъ хотѣлъ, чтобъ она была красива совершенной красотой, такой, какой еще не видѣла Византія. И Пульхерія, чтобъ угодить своему юному брату, искала по всему восточному міру, но не находила желаннаго совершенства, а вмѣстѣ съ ней искалъ также Павлинъ, другъ дѣтства и повѣренный царя, какъ вдругъ одно неожиданное обстоятельство натолкнуло ихъ на желанную красавицу.

Одинъ преподаватель Аѳинскаго университета, Леонтій, имѣлъ двухъ сыновей и одну дочь. Онъ былъ богатъ, но, умирая, завѣщалъ, по довольно странному капризу, все свое состояніе своимъ сыновьямъ Валерію и Гезію. „Моей же дорогой дочери Аѳинаидѣ, писалъ онъ въ завѣщаніи, приказываю выдать сто золотыхъ. Ее отъ всѣхъ житейскихъ заботъ избавитъ счастливая случайность—можно бы перевести: у д а ч а—какой не выпадало на долю ни одной другой женщинѣ“. Напрасно умоляла Аѳинаида своихъ братьевъ дать ей ея долю изъ отцовскаго наслѣдства; ей пришлось покинуть родной домъ и отправиться искать пріюта у сестры матери, а та увезла ее въ Константинополь, гдѣ жила другая ея тетка, сестра Леонтія. Обѣ тетки посовѣтовали молодой дѣвушкѣ искать во дворѣ поддержки противъ ея братьевъ, и Августа Пульхерія дала ей аудіенцію. Аѳинаидѣ было двадцать лѣтъ. Поразительной красоты она обладала и удивительнымъ сложеніемъ, и довольно высокимъ ростомъ. Бѣлокурые вьющіеся волосы золотымъ ореоломъ обрамляли лицо, еще больше оттѣняя свѣжесть и нѣжность ея кожи; взглядъ у нея былъ пре-

красный, глаза умные и живые, въ то же время скромно опускавшіеся; безукоризненной формы греческій носъ и граціозная, благородная поступь дополняли обаяніе молодой дѣвушки. При этомъ она еще умѣла хорошо говорить; свою просьбу она изложила въ совершенствѣ. Пульхерія пришла въ восторгъ, была сразу побѣждена. Она сдѣлала молодой дѣвушкѣ нѣсколько вопросовъ объ ея семьѣ и прошлой жизни, затѣмъ поспѣшила къ брату сообщить ему, какое чудное созданіе удалось ей открыть. Ѳеодосій взволнованный и уже влюбленный отъ одного описанія Аѳинаиды, сдѣланнаго его сестрой, сталъ умолять Августу немедленно показать ему юную чаровницу; спрятавшись съ другомъ своимъ Павлиномъ за драпировкой, онъ поджидалъ, когда введутъ прекрасную просительницу. Она произвела на обоихъ молодыхъ людей чрезвычайно сильное впечатлѣніе; она очень понравилась Павлину, а императоръ ее полюбилъ. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого, тщательно наставленная въ христіанской вѣрѣ патріархомъ Аттикомъ и омытая отъ грѣховъ язычества водою крещенія Аѳинаида-Евдокія стала императрицей византійской.

Насколько соотвѣтствуетъ дѣйствительности этотъ красивый разсказъ? На это не такъ легко отвѣтить. Лишь въ VI вѣкѣ появляются первыя черты этой романической исторіи, которыя еще болѣе разукрасила фантазія слѣдующихъ вѣковъ. Историки, современные молодой императрицѣ, совсѣмъ не знаютъ подробностей, мной только что приведенныхъ. Съ увѣренностью можно утверждать только, что новая царица была родомъ

изъ Аѳинъ, язычница, исключительно красивая и прекрасно образованная. Этого было довольно, чтобъ очаровать Ѳеодосія, сильно желавшаго, кромѣ того, въ видахъ политическихъ, упрочить какъ можно скорѣе будущность династіи; а съ другой стороны понятно, что честолюбивая Пульхерія, державшая въ своихъ рукахъ власть и желавшая сохранить ее, охотно содѣйствовала браку, въ которомъ новобрачныя являлась обязанной ей всѣмъ. Она пожелала быть ея крестной матерью, затѣмъ матерью пріемной и такимъ образомъ могла разсчитывать, что въ Священномъ Дворцѣ ничто не измѣнится.

II.

Въ то время, какъ Аѳинаида-Евдокія стала подругой Ѳеодосія, императорскій дворецъ въ Византіи представлялъ довольно странный видъ. Семь лѣтъ въ немъ полновластно управляла молодая женщина: то была старшая сестра василевса Пульхерія, имѣвшая тогда двадцать два года отъ роду. Умная, энергичная и честолюбивая, это была, главнымъ образомъ, женщина преданная политикѣ. Съ раннихъ поръ, оставшись послѣ смерти Аркадія главой дома, она руководила воспитаніемъ несовершеннолѣтняго брата, и когда ей исполнилось пятнадцать лѣтъ, въ 414 г., приняла титулъ Августы, освящавшій ея власть. Желая отдаться всецѣло своему дѣлу, опасаясь, быть можетъ, также, чтобы не пришлось раздѣлить съ кѣмъ-нибудь свою власть, она въ шестнадцать лѣтъ дала обѣтъ безбрачія и въ память этого обѣщанія пожертвовала храму

Святой Софіи золотой столъ, украшенный драгоцѣнными камнями. Очень благочестивая, она завела при дворѣ новые обычаи и превратила дворецъ въ настоящій монастырь. Подъ вліяніемъ патріарха Аттика обѣ сестры Пульхеріи, Аркадія и Марина, также дали, по примѣру ея, обѣтъ безбрачія. Окружающіе благочестивыхъ царевенъ старались поддѣлаться подъ ихъ тонъ и образецъ, и вотъ въ императорскомъ жилищѣ съ утра и до ночи раздавалось пѣнье священныхъ пѣсенъ, и всѣ предавались благочестивымъ упражненіямъ. Вмѣсто блеска церемоній и великолѣпія парадныхъ костюмовъ, вмѣсто радостныхъ кликовъ привѣтствій и церемоніальнаго марша, слышалось только однотонное псалмопѣніе, чтеніе молитвъ, видны были только темныя одѣянія священниковъ и монаховъ. Очищенный отъ развращенныхъ придворныхъ, безчестившихъ его, руководимый во всѣхъ дѣлахъ своихъ совѣтами мудрыми и святыми, дворецъ, казалось, былъ отмѣченъ совсѣмъ новой печатью. Пренебрегая роскошью, туалетомъ и бездѣльемъ, свойственными ихъ положенію, царевны занимались рукодѣльемъ, пряли и вышивали для бѣдныхъ, предавались исключительно благотворительности, раздавали милостыню."

Пульхерія строила церкви, одѣляла щедро больницы и пріюты; сестры ея подражали ей. И въ обширныхъ покояхъ Священнаго Дворца, нѣкогда кишѣвшихъ интригами, вѣяло теперь отовсюду благочестіемъ, милостью, отреченьемъ отъ міра.

Таковъ былъ духъ, въ которомъ Пульхерія воспитала юнаго Ѳеодосія. Очень просвѣщенная

сама—она знала по гречески и по латыни, а это одно уже составляло рѣдкое явленіе въ тѣ времена—она окружила его превосходными учителями и самыми отборными товарищами. И царевичъ воспользовался хорошими уроками, преподанными ему. Дѣйствительно, это былъ очень просвѣщенный молодой человѣкъ. Онъ зналъ языки греческій и латинскій, астрономію, математику, естественную исторію и еще многое другое; онъ рисовалъ и писалъ красками и любилъ иллюстрировать прекрасными миніатюрами имѣвшіяся у него рукописи. Онъ также любилъ читать и составилъ себѣ обширную библіотеку; вечеромъ онъ работалъ до поздней ночи при свѣтѣ лампы, модель которой онъ самъ изобрѣлъ. За все это онъ заслужилъ прозваніе, данное ему исторіей: Ѳеодосій „Каллиграфъ“. Но еще больше заботилась Пульхерія о нравственномъ воспитаніи своего брата. Онъ былъ очень благочестивъ, охотно пѣлъ съ сестрами гимны, правильно постился два дня въ недѣлю и любилъ вступать въ споры съ богословами. Наконецъ, Пульхерія сама давала ему уроки наружной выправки, она учила его, какъ долженъ императоръ ,носить свой костюмъ, какъ онъ долженъ принимать, когда приличествуетъ улыбаться и когда имѣть видъ строгій и важный; словомъ, всѣмъ тонкостямъ, налагаемымъ на императора церемоніаломъ. Такимъ образомъ, ко времени своей женитьбы Ѳеодосій былъ красивый молодой человѣкъ средняго роста, бѣлокурый, съ черными глазами, очень хорошо воспитанный, очень вѣжливый, кроткій, человѣколюбивый, любезный, немного скучный, немного педантъ. Изъ физи-

ческихъ упражненій онъ любилъ только охоту; не обладая большимъ нравственнымъ мужествомъ, онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго влеченія къ войнѣ и сраженіямъ. Домосѣдъ, онъ любилъ проводить время у себя во дворцѣ; слабохарактерный, онъ легко подпадалъ подъ всякое вліяніе. Словомъ, онъ былъ императоръ добросовѣстный, но посредственный, хорошій, можетъ быть, для мирнаго времени и совершенно непригодный для смутнаго, въ какое онъ жилъ.

Какая же участь ожидала Аѳинаиду, очутившуюся между такой властолюбивой невѣсткой, какъ Пульхерія, и такимъ благонравнымъ человѣкомъ, какимъ былъ ея мужъ? Она вѣдь тоже —не надо этого забывать—была женщина ученая. Въ то время, какъ она родилась, родина ея, Аѳины, все еще продолжали быть большимъ университетскимъ городомъ эллинскаго Востока, самымъ прекраснымъ музеемъ древней Греціи, послѣднимъ убѣжищемъ языческой науки. Сама дочь преподавателя, молодая дѣвушка получила, конечно, наилучшее воспитаніе. Отецъ ея преподавалъ риторику; онъ познакомилъ ее съ шедеврами древней литературы, съ Гомеромъ и трагиками, съ Лисіемъ и Демосѳеномъ; согласно требованіямъ школы, онъ научилъ ее блестяще импровизировать на заданныя темы, слагать звучные стихи, изящно говорить. Съ другой стороны, она была посвящена въ тайны философіи новоплатониковъ, самые знаменитые представители которыхъ нашли пріютъ въ Аѳинахъ; она знала также астрономію и геометрію, и во всемъ она достигала одинаковаго совершенства. Пульхеріи она прежде всего понравилась своимъ

умомъ и умѣньемъ говорить, и надо думать, что она прельстила Ѳеодосія столько же своей ученостью, сколько красотой.

Аѳинаида получила чисто языческое воспитаніе, и тотъ поверхностный лоскъ христіанства, которымъ патріархъ украсилъ душу вновь обращенной, конечно, не могъ заставить ее забыть то, чему научили ее въ юности. Поэтому, въ кругахъ оставшихся вѣрными древнимъ понятіямъ, женитьба императора на юной аѳинянкѣ могла казаться побѣдой язычества, во всякомъ случаѣ залогомъ терпимости. И дѣйствительно, императрица оставалась сначала тѣмъ, чѣмъ была дочь Леонтія.

Точно также, несмотря на свое званіе христіанской столицы, въ Константинополѣ V вѣка живы были въ сильнѣйшей степени воспоминанія языческія. Украшенный Константиномъ и его пріемниками самыми удивительными остатками древнихъ святилищъ, онъ являлъ на своихъ площадяхъ и во дворцахъ самые знаменитые шедевры греческой скульптуры, и въ этомъ несравненномъ музеѣ поверженные боги, казалось, все хранили въ себѣ свое былое обаяніе, свою былую славу. При дворѣ, несмотря на преобладающій духъ благочестія и ханжества, во многихъ церемоніяхъ, во многихъ празднествахъ живы были воспоминанія языческихъ традицій; и хотя благочестивые люди считали за большой грѣхъ общаться съ граціями и музами, поэзія не была изгнана изъ императорскаго дворца. Евдокія любила стихи; она охотно ихъ слагала; въ окружавшемъ ея обществѣ она нашла людей, раздѣлявшихъ и поощ-

рявшихъ ея вкусы. Однимъ изъ первыхъ ея дѣлъ, сейчасъ же послѣ свадьбы, было сочинить стихи, героическую поэму на войну съ Персіей, только что счастливо оконченную. Она не могла лучше придумать, чтобъ понравиться Ѳеодосію и окончательно завоевать любовь своего просвѣщеннаго супруга. Когда въ концѣ 422 г. она, сверхъ того, родила ему дочь, авторитетъ ея отъ этого еще поднялся: 2 января 423 г. василевсъ преподнесъ ей, въ видѣ новогодняго подарка, титулъ Августы, дѣлавшій ее официально равной Пульхеріи. И внутри императорской семьи вліяніе молодой женщины на своего слабаго мужа значительно возросло.

Очень вѣроятно, что ея совѣты имѣли нѣкоторое значеніе при основаніи Константинопольскаго университета, открытаго въ 425 г.; очень любопытно, что въ немъ первенствующее мѣсто отведено было греческой культурѣ. Въ то время, какъ для обученія латинскому языку и литературѣ было назначено тринадцать преподавателей, для языка греческаго и эллинской литературы назначили пятнадцать; создана была каѳедра философіи, и самые знаменитые люди того времени, изъ нихъ нѣкоторые только что перешли въ христіанство, —были призваны занять должности въ новомъ университетѣ. Тѣмъ не менѣе, небезполезно замѣтить, что если это основаніе университета и почтеніе выказанное ученымъ и характерны для вкусовъ того времени, все же новое учрежденіе въ его цѣломъ, а также, въ частности, тѣмъ подчиненнымъ мѣстомъ, какое было отведено въ немъ для философіи, носило характеръ скорѣе христіанскій и предназначалось, по мысли

его учредителей, конкурировать отчасти съ слишкомъ языческимъ университетомъ аѳинскимъ. И это проливаетъ достаточно яркій свѣтъ на ту эволюцію, какая медленно совершалась въ душѣ императрицы Евдокіи.

Живя при благочестивомъ дворѣ, она незамѣтно воспринимала вліяніе окружавшей ее набожной среды. Ея замужество могло показаться побѣдой язычества; въ дѣйствительности, она ничего не сдѣлала для своихъ единовѣрцевъ, и въ 424 г. императоръ Ѳеодосій, возобновляя указы, запрещавшіе культъ ложныхъ боговъ, торжественно заявилъ, „что, какъ онъ думалъ, больше не оставалось ни одного язычника“. Этого мало: какъ истая византійка, Евдокія все больше пристращалась къ богословскимъ споramъ. Когда въ 428 г. Несторій, патріархъ Константинопольскій, началъ распространять ересь, получившую отъ него свое имя, когда честолюбивый Кириллъ, патріархъ Александрійскій, не столько радѣя о православіи, сколько изъ зависти къ сопернику, далъ возгорѣться страшному спору въ восточной церкви, Евдокія стала на сторону своего мужа, чтобы поддержать патріарха столицы противъ его недруговъ и воспрепятствовать мятежному преемнику Аѳанасія, желавшему захватить для своей церкви первенство надъ всѣми другими патріаршими престолами. Но этотъ эпизодъ освѣщаетъ съ любопытной стороны характеръ Аѳинаиды Евдокіи не только по той долѣ участія, какое, какъ мы видимъ, она принимала въ религіозныхъ спорахъ; онъ намъ показываетъ еще нѣчто другое, — увеличивающееся вліяніе молодой женщины и

возрастающее несогласіе между ней и Пульхеріей.

Женивъ своего брата, властолюбивая Августа не разсчитывала отказываться отъ власти, какую предоставлялъ ей Ѳеодосій. Но, какъ бы то ни было, рядомъ съ ней постепенно всходила на горизонтѣ звѣзда Евдокіи. Она свѣтилась подлѣ царя, его родныхъ и друзей; Евдокія покровительствовала Павлину, magister'y officiorum, и египтянину Киру изъ Панополиса, любившему, подобно ей, литературу и писавшему стихи; у нея были свои льстецы, своя партія при дворѣ, и ужъ она дерзала противодѣйствовать своей невѣсткѣ. Отголоски этихъ скрытыхъ несогласій начинали чувствоваться за стѣнами дворца, и болѣе ловкіе пользовались ими, направляя одну женщину противъ другой. Въ особенности къ этому прибѣгалъ всегда Кириллъ въ свой борьбѣ противъ Несторія; съ одной стороны, онъ писалъ императору и его женѣ, съ другой, обращался къ Августѣ Пульхеріи, зная, что она относится враждебно къ его сопернику и разсчитывая на ея вліяніе относительно слабовольнаго василевса. И хотя Ѳеодосій въ самыхъ энергичныхъ выраженіяхъ порицалъ недостойность такого поведенія—„Ты могъ думать, писалъ онъ патріарху, что мы были въ несогласіи, я, жена моя и моя сестра, или ты надѣялся, что письма твоего святѣйшества посѣютъ между нами раздоръ“,—дальнѣйшее показало, несмотря на этотъ провалъ, что Кириллъ вѣрно видѣлъ вещи. Ѳеодосій, созвавъ соборъ въ Ефесѣ, съ твердымъ намѣреніемъ поддержать Несторія, въ концѣ концовъ внялъ внушеніямъ Кирилла, на-

стояніямъ столичныхъ монаховъ, навѣтамъ высшихъ сановниковъ, которыхъ патріархъ Александрійскій склонилъ на свою сторону, въ особенности совѣтамъ Пульхеріи. Собраніе 431 г. отмѣтило побѣду Александрійцевъ и торжество властолюбивой Августы. Для Евдокіи же это былъ серьезный ударъ: позднѣе она еще болѣе жестокимъ образомъ должна была поплатиться за послѣдствія этихъ придворныхъ несогласій и за свою попытку борьбы за вліяніе.

III.

Это смѣшеніе въ одной душѣ завѣтовъ язычества и христіанскихъ заботъ, что составляетъ характерную черту личности Аѳинаиды-Евдокіи, ярко сказалось въ путешествіи, приведшемъ императрицу въ 438 г. въ Іерусалимъ.

Въ 423 г. Константинопольскій дворъ принималъ важныхъ гостей. Сестра Гонорія, тетка Ѳеодосія II, знаменитая Галла Плацидія, принужденная покинуть Равеннскій дворецъ, явилась съ дочерью своей Гоноріей и юнымъ сыномъ Валентиніаномъ просить пріюта въ Византіи. Существовалъ проэктъ брака между императорскими дѣтьми, только что родившейся тогда Евдокіей и пятилѣтнимъ Цезаремъ, ставшимъ въ это самое время, по смерти Гонорія, наслѣдникомъ Западной имперіи; и Ѳеодосій II прилагалъ всяческое стараніе, чтобъ заставить признать въ Италіи, подъ опекунствомъ Галлы Плацидіи, власть своего будущаго зятя. Четырнадцать лѣтъ спустя, этотъ съ давнихъ поръ лелѣемый проэктъ сталъ дѣйствительностью. Аѳинаида-Евдокія всег-

да горячо желала этого союза, долженствовавшаго возвести ея дочь на славный тронъ Западно-римской имперіи, и она дала обѣтъ, если желанный бракъ состоится, совершить, какъ нѣкогда святая Елена, паломничество въ Іерусалимъ, чтобъ возблагодарить Бога на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Его божественный Сынъ умеръ за людей. Надѣясь, быть можетъ, также, что такимъ путемъ облегчится горе, причиненное разлукой съ любимой дочерью, императрица въ 438 году собралась въ дорогу и отправилась въ Святой городъ.

Прежде всего путь ея лежалъ на Антіохію. Въ этомъ городѣ, полномъ еще традицій и памятниковъ античной культуры, въ душѣ императрицы проснулись всѣ языческія воспоминанія минувшей юности. Когда, сидя во дворцѣ сената на золотомъ тронѣ, сверкающемъ драгоцѣнными камнями, она принимала чиновниковъ и знатныхъ горожанъ, ей, уроженкѣ Аѳинъ, вдругъ вспомнились уроки отца, и она произнесла блестящую рѣчь въ честь принявшаго ее города и, напомнивъ о далекихъ временахъ, когда греческія колоніи разносили по всему Архипелагу и вплоть до береговъ Сиріи эллинскую цивилизацію, она закончила свою импровизацію цитатой изъ Гомера: „Горжусь, что я вашего рода, и что во мнѣ ваша кровь“. Жители Антіохіи были люди слишкомъ культурные, слишкомъ большіе цѣнители литературы, чтобъ не привѣтствовать съ чрезвычайной восторженностью царицу, придерживавшуюся чисто эллинскихъ традицій. И, какъ въ славные дни древней Греціи муниципальный сенатъ вотировалъ въ честь ея золотую

статую, поставленную въ куріи, а на бронзовой плитѣ, помѣщенной въ музеѣ, была вырѣзана надпись въ воспоминаніе о посѣщеніи Евдокіи.

Съ этой картиной въ чисто античномъ духѣ, пребываніе ея въ Іерусалимѣ представляетъ разительный контрастъ. Это былъ городъ исключительно христіанскій, полный благочестивыми воспоминаніями о Спасителѣ, населенный монахами и инокинями, покрытый церквами, монастырями, воздвигнутыми на всѣхъ мѣстахъ освященныхъ прохожденіемъ по нимъ или пребываніемъ въ нихъ Спасителя. Евдокія оставалась въ немъ цѣлый годъ, занимаясь благочестивыми упражненіями и дѣлами благотворительности, посѣщая святыя мѣста, присутствуя при освященіи церквей, одѣляя щедрыми дарами наиболѣе чтимыя святыни. Въ обмѣнъ за это она получила драгоцѣнныя мощи, часть костей святого Стефана и цѣпи, которыя нѣкогда носилъ апостолъ Петръ. Благоговѣйно привезла она изъ Іерусалима эти остатки въ Константинополь и торжественно положила ихъ въ евктирій (маленькую церковь) святого Лаврентія. Часть изъ нихъ была взята ею въ расчетѣ все на ту же любимую дочь, мысль о которой, внушивъ ей это путешествіе, сопровождала ее во все время пути. Половина цѣпей святого Петра была отправлена въ Римъ молодой императрицѣ Евдокіи, и для ихъ храненія была выстроена церковь С. Піетро in Vincoli.

Аѳинаидѣ-Евдокіи пришлось черезъ нѣсколько лѣтъ снова попасть въ святой городъ Іерусалимъ, и на этотъ разъ она оставалась въ немъ уже до конца дней своихъ.

Въ 439 г., въ моментъ возвращенія въ столицу, царица была на верху своей славы. Дочь ея была замужемъ за императоромъ; сама она проѣхала по всему востоку съ царскимъ великолѣпіемъ, вездѣ восторженно привѣтствуемая. Повидимому, она тогда рѣшила, что теперь ей подъ силу вступить въ еще болѣе открытую, чѣмъ раньше, борьбу съ своей прежней благодѣтельницей, ставшей ея соперницей, Августой Пульхеріей. Во всякомъ случаѣ, между 439 и 441 годами друзья ея, поскольку это извѣстно, съ каждымъ днемъ становятся вліятельнѣе при дворцѣ; префектура преторія Востока досталась ея любимцу Киру изъ Панополиса, ученому и поэту, благодаря своей чисто эллинской культурѣ бывшему всегда близкимъ царицѣ: такой человѣкъ не могъ нравиться Пульхеріи и партіи святошей, а потому для Евдокіи было личнымъ торжествомъ милостивое вниманіе къ нему Ѳеодосія, явившееся слѣдствіемъ ея вліянія. Ободренная этимъ успѣхомъ она осмѣлилась на большее. Въ это время въ Священномъ Дворцѣ евнухи имѣли большую власть надъ слабовольнымъ монархомъ. Евдокія стала за одно съ бывшимъ въ данную минуту любимцемъ Хрисафіемъ, чтобъ окончательно отстранить Пульхерію отъ дѣлъ; и казалось одно время, что это ей удалось. Августа должна была покинуть дворъ и удалилась въ свою частную резиденцію; но, отрекаясь, какъ будто, отъ власти, Пульхерія не отказывалась отъ борьбы. Ея православные друзья, встревоженные новымъ оборотомъ вещей, милостью оказанной политическимъ дѣятелямъ, духъ которыхъ казался имъ слишкомъ свободолюбивымъ,

должны были скоро заставить Евдокію дорого поплатиться за ея мимолетную побѣду.

Исторія ея паденія не менѣе романична, чѣмъ исторія ея восшествія на престолъ. Павлинъ, magister officiorum, былъ большой любимецъ царя, съ которымъ игралъ вмѣстѣ будучи еще ребенкомъ, пользуясь полнымъ его довѣріемъ, равно и любимецъ императрицы, такъ какъ въ свое время приложилъ всѣ свои старанія, чтобъ устроился ея бракъ съ Ѳеодосіемъ. И его выбралъ василевсъ въ день свадьбы себѣ въ дружки; съ тѣхъ поръ милости такъ и сыпались на него; имѣя во всякое время свободный доступъ къ монархамъ, онъ сталъ близкимъ человѣкомъ въ царской семьѣ, и вліяніе его было огромно во дворцѣ. Въ то же время Павлинъ былъ красивъ, изященъ, имѣлъ величавую осанку; говорятъ, что онъ въ прежнее время произвелъ впечатлѣніе даже на строгую Пульхерію. Противникамъ Аѳинаиды не трудно было извлечь изъ всего этого пользу для себя; страстная преданность, выказываемая Павлиномъ царицѣ, вполнѣ искренняя дружба сь ея стороны стали въ ихъ рукахъ оружіемъ для возбужденія ревности Ѳеодосія и вызвали крайне плачевную катастрофу.

Однажды, разсказываетъ лѣтописецъ, императоръ собрался въ церковь; Павлинъ, ссылаясь на болѣзнь, извинился, что не можетъ принять участія въ торжественной процессіи. По дорогѣ одинъ нищій подалъ императору фригійское яблоко необыкновенной величины. Ѳеодосій купилъ его и, все еще сильно влюбленный въ жену, велѣлъ отнести его ей. Евдокія, въ свою очередь,

послала его Павлину, какъ дружескій подарокъ; Послѣдній не зная отъ кого императрица получила яблоко и думая, что такой подарокъ не можетъ не понравиться царю, распорядился отправить его Ѳеодосію. Монархъ, не мало удивленный, чуть только возвратился во дворецъ, велѣлъ позвать императрицу и безъ всякихъ предупрежденій спрашиваетъ ее: „Гдѣ яблоко, которое я велѣлъ послать тебѣ?“—„Я его съѣла“, отвѣтила необдуманно Евдокія. Вѣчнымъ спасеніемъ Ѳеодосій заклинаетъ жену сказать ему правду; послѣдняя продолжаетъ упорствовать. Тогда, вынувъ яблоко изъ-подъ своего плаща, василевсъ показываетъ его обманщицѣ. Послѣдовало бурное объясненіе. Взбѣшенный, мучимый ревностью, императоръ разстался съ женой; что касается Павлина, онъ впалъ въ полную немилость, былъ удаленъ отъ двора и сосланъ въ Кесарію Каппадокійскую, гдѣ вскорѣ затѣмъ былъ умерщвленъ по приказанію царя.

На сколько вѣрна дѣйствительности эта исторія? И на это очень трудно дать точный отвѣтъ. Самыя древнія изъ дошедшихъ до насъ повѣствованій объ этомъ происшествіи относятся къ VI вѣку, современники же ничего намъ о немъ не повѣдали, а, можетъ, и ничего не знали. Сущность разсказа, повидимому, вѣрна дѣйствительности. Не потому, конечно, что Евдокія была виновата въ чемъ либо другомъ, кромѣ какъ только въ неосторожности; много позднѣе, лежа на смертномъ одрѣ, передъ тѣмъ какъ предстать передъ Богомъ, она клялась, что въ дѣлѣ съ Павлиномъ была совершенно невинна. Но случай, возбудившій такую бѣшеную ревность Ѳео-

досія, не замедлилъ повлечь за собою немилость монархини. Очень искусно враги ея воспользовались имъ противъ нея, чтобъ вновь подчинить своему вліянію императора. Вслѣдъ за Павлиномъ Евдокія увидѣла, какъ впалъ въ немилость другой ея другъ, префектъ Киръ. Тогда, чувствуя, что кредитъ ея палъ, почти совсѣмъ поссорившаяся съ мужемъ, устраненная отъ дѣлъ, видя, что ее подозрѣваютъ при собственномъ дворѣ, измученная при этомъ распространяемою на ея счетъ клеветою, справедливо возмущенная, наконецъ, отвратительнымъ убійствомъ Павлина, она попросила у Ѳеодосія позволенія удалиться въ Іерусалимъ. Императоръ охотно далъ свое согласіе, возможно даже, что онъ побудилъ ее принять такое рѣшеніе. Къ женщинѣ, нѣкогда столь любимой, онъ теперь ничего больше не чувствовалъ кромѣ ненависти, подозрительности, злобы. И онъ разстался легко и навсегда съ той, которую раньше такъ боготворилъ.

Приблизительно въ 442 г. возвратилась Евдокія въ святой городъ; тутъ прожила она восемнадцать долгихъ лѣтъ до самой своей смерти. Такой печальный, грустный конецъ существованія, повидимому, страннымъ образомъ повліялъ на измѣненіе характера царицы. Покидая Константинополь она надѣялась у гроба Господня найти миръ и забвеніе, но ненависть враговъ преслѣдовала ее вплоть до мѣста ея далекаго изгнанія, подозрѣнія мужа нарушали ея покой. Въ 444 г. два близкихъ ей человѣка, священникъ Северъ и діаконъ Іоаннъ, которыхъ она взяла съ собой изъ Византіи, и которые имѣли на нее большое вліяніе, были оговорены передъ импера-

ромъ, арестованы по его приказу и казнены. Оскорбленная императрица въ свою очередь кровью отомстила за кровь: Сатурнинъ, правитель Іерусалима, палъ подъ ударами подкупленныхъ ею убійцъ. Послѣ этого ея страстная душа стала искать иной пищи, чтобъ утолить свою потребность дѣйствовать и жить. Она бросилась въ дѣла благочестія, окружила себя аскетами и монахами, увлеклась одной изъ самыхъ мистическихъ формъ христіанской догматики. Маленькая язычница изъ Аѳинъ вся ушла въ ученіе монофизитовъ, руководимыхъ Діоскоромъ Александрійскимъ, восторжествовавшихъ на Ефесскомъ соборѣ (449 г.) и заставившихъ Ѳеодосія признать ихъ. Думала ли она, ставъ на ихъ сторону, отомстить, до извѣстной степени, императору, Пульхеріи, всей партіи, ставшей причиной ея несчастій? Возможно. Во всякомъ случаѣ она съ головой бросилась въ борьбу, въ пользу своихъ друзей обратила все остававшееся еще у нея вліяніе, всѣ богатства, какими владѣла. И даже тогда, когда Халкидонскій соборъ при содѣйствіи римскихъ легатовъ формально осудилъ въ 450 г. дорогую ей ересь, она продолжала упорствовать въ своемъ вѣрованіи, быть можетъ, счастливая тѣмъ, что оказываетъ еще сопротивленіе этой ненавистной ей Пульхеріи, которая теперь, послѣ смерти Ѳеодосія, занимала наряду съ царемъ-супругомъ тронъ, принадлежавшій раньше ей. Она горячо поддерживала еретиковъ въ ихъ противодѣйствіи, и эта василисса побуждала мятежниковъ бороться съ оружіемъ въ рукахъ противъ императорскихъ войскъ. Чтобъ вернуть Евдокію въ лоно право-

славія, потребовались настоятельныя просьбы ея дочери, зятя и мольбы самого папы Льва Великаго.

Въ концѣ концовъ она уступила уговорамъ римскаго первосвященника, и чтобъ заслужить „небесное царство“, какое онъ ей обѣщалъ, она употребила все остававшееся у нея вліяніе, чтобъ умиротворить поднявшихся противъ своего епископа палестинскихъ монаховъ и привести къ халкидонской вѣрѣ раскаявшихся еретиковъ (453). Такимъ образомъ, каждый новый годъ приносилъ съ собой старой женщинѣ все новыя огорченія. Мужъ ея, Ѳеодосій, умеръ въ 450 г.; въ 455, сошла въ могилу ея невѣстка Пульхерія; въ ея положеніи императрицы, лишенной трона, не измѣнилось ничего. На Западѣ дочь ея, Евдокія, и внучки въ 455 г. во время разграбленія Рима попали въ руки вандаловъ, и одна изъ внучекъ должна была выйти замужъ за одного изъ сыновей Гензериха. На Востокѣ династію Ѳеодосія Великаго на византійскомъ престолѣ смѣнила новая династія. Всѣми забытая, Евдокія не существовала больше для міра. Она искала утѣшенія въ любимомъ ею святомъ городѣ, строя больницы, монастыри, церкви, возстановляя стѣны города, наконецъ, сочиняя стихи, послѣдній отголосокъ ея былыхъ ученыхъ вкусовъ. Она умерла приблизительно въ 460 г. и была погребена въ базиликѣ святого Стефана, сооруженной ею, и благодарный Іерусалимъ наименовалъ благочестивую царицу, столько для него сдѣлавшую, „новой Еленой“.

IV.

Странная была судьба этой Аѳинаиды-Евдокіи, рожденной въ Аѳинахъ отъ родителей язычниковъ, ставшей вслѣдствіе брака по любви византійской императрицей, умершей изгнанницей въ Іерусалимѣ, у гроба Господня, какъ самая набожная и страстная христіанка, мистически настроенная. Именно эти противорѣчія ея романическаго и печальнаго существованія представляютъ для историка наибольшій интересъ. Поставленная на границѣ двухъ міровъ, на самомъ мѣстѣ столкновенія двухъ цивилизацій, соединяя въ лицѣ своемъ умирающія традиціи языческой культуры и ученіе торжествующаго христіанства, при этомъ достаточно умная и достаточно просвѣщенная, чтобъ понимать явно совершавшуюся эволюцію ея времени, она представляетъ собою любопытный и знаменательный примѣръ того, какъ въ этотъ ея вѣкъ могли уживаться въ одной и той же душѣ самыя противорѣчивыя идеи, самыя рѣзкія противоположности. Уже сама ея жизнь показала намъ сколько соединялось въ ней самаго разнороднаго; ея литературныя произведенія показываютъ намъ это еще яснѣе.

Евдокія всегда любила поэзію. Во время своего могущества она, какъ намъ извѣстно, прославила въ героическихъ стихахъ побѣды, одержанныя надъ персами императорскими войсками, и возможно, что ея похвальное слово Антіохіи также было написано въ стихахъ. Въ послѣдніе годы жизни у нея возродился вкусъ къ такого рода литературнымъ упражненіямъ; но на этотъ

разъ вдохновительницей ея музы были исключительно религіозные мотивы. Она перевела героическими стихами мѣста изъ Ветхаго Завѣта, книги Моисея, Іисуса Навина, Судей, книгу Руѳи, и въ IX вѣкѣ еще патріархъ Фотій, хорошій знатокъ по части литературы, очень высоко ставилъ это произведеніе и находилъ его прямо замѣчательнымъ „для женщины и для императрицы“. Она перевела также пророчество Захаріи и Даніила и грамматикъ Цецъ, въ свою очередь, высоко цѣнилъ талантъ „золотой императрицы, очень премудрой дочери великаго Леонтія“. Она сочинила также Homerocentra или „Гомеровскіе кентоны“, въ которыхъ пыталась разсказать эпизоды изъ жизни Христа гомеровскими стихами искусно подобранными. Это, впрочемъ, былъ родъ сочиненій, крайне любимый въ ея время и прилагая тутъ свое стараніе она только продолжала, какъ сама въ томъ сознается, дѣло одного изъ своихъ современниковъ, епископа Патрикія. Тѣмъ не менѣе надо сознаться, хоть византійскіе критики послѣдующихъ временъ крайне хвалили это царское произведеніе, что оно довольно посредственное. По содержанію оно не представляетъ ничего оригинальнаго; что касается формы, что бы на этотъ счетъ ни думала Евдокія, похвалявшаяся къ тому же, что „облекла въ гармонію священныя повѣствованія“, она ничуть не выше: языкъ слабъ, стихосложеніе посредственное. Единственная, въ сущности, интересная и характерная сторона этого произведенія, это стараніе включить повѣсть жизни Спасителя въ рамки гомеровскаго размѣра рѣчи и языка и такимъ страннымъ образомъ соединить

языческое съ христіанскимъ. Поэтому не много пришлось бы сказать о литературной дѣятельности Аѳинаиды-Евдокіи, не будь она авторомъ одного болѣе любопытнаго произведенія: это поэма въ трехъ пѣсняхъ о святомъ Кипріанѣ Антіохійскомъ, крайне цѣнимая Фотіемъ, и отъ которой до насъ дошло нѣсколько значительныхъ отрывковъ.

Кипріанъ Антіохійскій былъ, по преданію, знаменитый магъ. Однажды одинъ молодой язычникъ, по имени Аглаида, пришелъ къ нему, надѣясь на помощь его таинственной науки. Онъ любилъ одну христіанскую дѣвушку Юстину, но она отвергала его любовь; чтобъ побороть ея сопротивленіе, онъ не видѣлъ другого средства, какъ только прибѣгнуть къ помощи демона. Кипріанъ согласился, и чтобы восторжествовать надъ дѣвушкой, онъ пустилъ въ ходъ всю свою власть съ тѣмъ большимъ рвеніемъ, что скоро самъ влюбился въ сіяющую красоту Юстины. Всѣ усилія волшебника остались тщетны; вызванные имъ демоны бѣжали, чуть только дѣвушка сдѣлала знаменіе креста. Тогда, убѣжденный въ тщетѣ своего преступнаго знанія, Кипріанъ рѣшаетъ сжечь свои волшебныя книги, раздаетъ свое имущество бѣднымъ, принимаетъ христіанскую вѣру. Оставшійся не при чемъ влюбленный юноша дѣлаетъ то же самое. И въ концѣ концовъ раскаявшійся магъ становится епископомъ Антіохійскимъ и вмѣстѣ съ Юстиной мужественно претерпѣваетъ мученическую смерть за свою вѣру.

Самая интересная часть поэмы — я только вкратцѣ указалъ ея содержаніе — это вторая пѣснь, заключающая исповѣданіе Кипріана. Го-

товясь отречься отъ своихъ заблужденій, мудрый язычникъ хочетъ публично разсказать свою жизнь, передъ лицомъ собравшагося народа открыть все, чему онъ научился при помощи волшебныхъ языческихъ знаній, обо всемъ преступномъ, что онъ совершилъ при проклятомъ содѣйствіи демоновъ, и какъ, наконецъ, когда свѣтъ истины озарилъ его душу, онъ обратился и покаялся. Въ этомъ длинномъ повѣствованіи Кипріанъ разсказываетъ, какъ онъ былъ посвященъ во всѣхъ святыхъ мѣстахъ язычества, въ Аѳинахъ и въ Элевзинѣ, на Олимпѣ, гдѣ „невѣжественные смертные говорятъ, что живутъ ложные боги“, на Аргосѣ и во Фригіи, гдѣ обучаютъ искусству авгуровъ, въ Египтѣ и Халдеѣ, гдѣ обучаются тайнамъ астрологіи; въ сильныхъ выраженіяхъ онъ разсказалъ, какъ изучилъ „всѣ эти преходящія формы, ложное обличіе вѣчной мудрости“, какъ онъ питался этими древними и зловредными знаніями, разсѣиваемыми демонами по лицу земли на погибель людей. Благодаря ихъ проклятому искусству онъ дошелъ до того, что могъ вызывать самого князя лжи, и онъ „далъ ему власть надъ міромъ и приставилъ въ услуженіе ему сонмъ злыхъ духовъ“. Но этотъ описываемый Кипріаномъ сатана совсѣмъ не тотъ діаволъ, какого представляли себѣ средніе вѣка; въ своемъ мрачномъ величіи онъ напоминаетъ скорѣй павшаго ангела, описаннаго впослѣдствіи Мильтономъ въ его „Потерянномъ Раѣ. „Его ликъ, говорится въ поэмѣ, горѣлъ какъ цвѣтокъ чистымъ золотомъ, и отсвѣтъ этого огня сіялъ въ блескѣ его глазъ. На головѣ его была діадема, сверкавшая драгоцѣнными камнями. Ве-

ликолѣпны были его одежды. И земля содрогалась при малѣйшемъ его движеніи. Тѣснясь вокругъ его трона стояли безчисленные сонмы стражи и онъ считалъ себя Богомъ, льстясь, что можетъ все, какъ Богъ и не боясь борьбы съ вѣчнымъ Владыкой". Отецъ лжи, этотъ павшій Богъ, навожденіемъ мрака созидающій все, что можетъ погубить и обмануть человѣка, „города и дворцы, тѣнистые берега, густолиственные лѣса, родимый кровъ отчаго дома, всѣ обманчивые образы, что видятся путнику въ ночи", ложные призраки, которыми демоны прельщаютъ смертныхъ, ввергая ихъ тѣмъ въ погибель.

Затѣмъ слѣдуетъ повѣсть искушенія Юстины. На нее Кипріанъ напускаетъ всѣхъ демоновъ одного за другимъ, а также самого сатану: все безполезно. Тогда, чтобъ побѣдить ее, магъ прибѣгаетъ къ помощи призраковъ обольстителей; чтобъ облегчить себѣ доступъ къ ней, чтобъ вѣрнѣе искусить ее, онъ самъ превращается то въ молодую женщину, то въ прекрасную птицу съ сладкозвучнымъ голосомъ; самого Аглаиду онъ превращаетъ въ воробья, чтобы тотъ могъ летѣть къ возлюбленной. Но подъ спокойнымъ и чистымъ дѣвичьимъ взглядомъ ложная птица камнемъ падаетъ на землю. Тогда Кипріанъ прибѣгаетъ къ другимъ средствамъ: на семью Юстины насылаются всевозможныя бѣдствія; чума свирѣпствуетъ въ ея родномъ городѣ; но ничто не можетъ поколебать твердость молодой дѣвушки. И, безсильный передъ всѣми этими неудачами, магъ начинаетъ сомнѣваться въ себѣ самомъ; онъ поноситъ сатану, хочетъ уничтожить договоръ, которымъ онъ связанъ съ царемъ тьмы

теперь и онъ, какъ Юстина, дѣлаетъ знаменіе христіанскаго креста, чтобъ огородиться отъ нападокъ нечистаго. Но сатана, полный издѣвательства, неумолимый, насмѣхается надъ своей жертвой, думающей спастись отъ него: „Христосъ не вырветъ тебя изъ моихъ рукъ, Христосъ не принимаетъ того, кто разъ послѣдовалъ за мной". И несчастный, страшась грозящаго ему вѣчнаго проклятія, заканчиваетъ свою исповѣдь слѣдующими горестными словами, полными мольбы: „Я разсказалъ вамъ мою жизнь. Теперь вашъ чередъ сказать мнѣ, смогу ли я преклонить къ себѣ милость Христову, и услышитъ ли Онъ мою молитву?"

Во всѣхъ частяхъ этой поэмы встрѣчаются дѣйствительно красивыя, сильныя мѣста, и чувствуется также какія литературныя воспоминанія, какія сближенія вызываетъ и будитъ непосредственно это чтеніе. Кипріанъ и сатана развѣ это не Фаустъ и Мефистофель; а въ ослѣпительномъ и гордомъ демонѣ греческаго автора, въ надменныхъ словахъ, роняемыхъ имъ, есть нѣчто общее съ павшимъ ангеломъ изъ Потерянаго рая. Въ другихъ мѣстахъ вспоминается Божественная Комедія, тамъ, гдѣ Евдокія сильными красками описываетъ олицетворенные пороки, разсѣеваемые злыми духами по всему міру: ложь и похоть, обманъ и ненависть, лицемѣріе и непостоянство. И это безъ сомнѣнія не малая заслуга греческаго произведенія V вѣка,—вызывать въ памяти читателя образы Данте, Гете, Мильтона. Значитъ ли, что честь этого произведенія принадлежитъ всецѣло Аѳинаидѣ-Евдокіи? Никоимъ образомъ. И тутъ доля ея личнаго творчества не велика, и она ничего не создала

изъ всѣхъ этихъ чудесныхъ, плѣняющихъ насъ выдумокъ. Легенда о святомъ Кипріанѣ появляется еще въ IV вѣкѣ, вѣроятно въ Сиріи, и она настолько пользовалась успѣхомъ, что должна была существовать ея версія прозой и на греческомъ языкѣ. Эту то повѣсть императрица и переложила въ стихи, какъ она перекладывала въ стихи священныя книги и жизнеописаніе Спасителя, и красота взятаго ею содержанія ничего не говоритъ въ пользу ея таланта.

Но во всякомъ случаѣ ей принадлежитъ заслуга выбора, и вотъ съ какой стороны произведеніе ея становится чрезвычайно интереснымъ для желающаго ознакомиться съ ея душой. Легко понять, что приключеніе Кипріана Антіохійскаго должно было особенно плѣнить Аѳинаиду-Евдокію: отчасти это ея собственная исторія. Какъ это было съ магомъ, такъ и ея родители хотѣли, чтобы она научилась всему, „что есть на землѣ, въ морѣ и воздухѣ“. Какъ и онъ, она была посвящена „въ мнимую мудрость грековъ“. Какъ и онъ, „она думала, что живетъ, когда на самомъ дѣлѣ была мертва“. Далѣе, подобно ему, она отвергла „нечестивую вѣру въ идоловъ“ и разбила „ложные кумиры боговъ“. И, наконецъ, подобно ему же, ставъ сама христіанкой и предавшись благочестію, она хотѣла наставлять „тѣхъ, кто еще услаждался нечестивыми кумирами“. Вотъ почему можно съ полнымъ основаніемъ думать, что въ поучительную исторію, разсказанную ею, она вложила и кое-что свое.

Можемъ ли мы признать, что эта искренность отмѣчена искрой геніальности? Опять нѣтъ. И тутъ, какъ въ другихъ вещахъ, единственно ей

принадлежащее—форма, посредственно. И тѣмъ не менѣе произведеніе это сохраняетъ весь свой интересъ для психологіи нашей героини. Съ того дня, какъ Аѳинаида стала христіанкой, новая вѣра очень быстро выжгла въ ея душѣ послѣдніе слѣды античной языческой красоты, всю прелесть ея юношескихъ воспоминаній. Аѳины, Элевсинъ, Аргосъ, всѣ эти святыя мѣста, гдѣ она проводила первые годы жизни, отнынѣ стали для нея лишь пріютами ложныхъ боговъ. Наука, которой она раньше питалась, показалась ей навожденіемъ демоновъ-обманщиковъ; прекрасныя легенды, въ дѣтствѣ баюкавшія ее, стали въ глазахъ ея лишь „пустыми росказнями старыхъ женщинъ“. „О, вы! прекрасные и чистые образы, истинные боги и истинныя богини, трепещите! писалъ Ренанъ въ знаменитомъ мѣстѣ своей книги объ ап. Павлѣ. Роковое слово произнесено: вы—идолы. Заблужденіе этого невзрачнаго іудея станетъ вашимъ смертнымъ приговоромъ“. Точно также торжествующее христіанство въ одинъ день преобразовало Аѳинаиду. Прежняя ученая молодая дѣвушка, философка язычница, стала лишь благочестивѣйшей императрицей Евдокіей; и когда пробуждались въ ея душѣ смутные отголоски классической культуры, когда, оставаясь вѣрной своему эллинскому воспитанію, она свято хранила культъ гомеровскойформы и память о Гомерѣ, быть можетъ, испытывала она, съ другой стороны, страхъ вновь поддаться обманчивымъ иллюзіямъ сатаны, если только, какъ доброй христіанкѣ, ей не представлялось, что, отдавая всѣ эти языческія чары на служеніе славѣ Божьей, она тѣмъ самымъ освящала ихъ.

ГЛАВА III.

Ѳеодора.

Приключенія Ѳеодоры, императрицы византійской, поднявшейся съ подмостковъ ипподрома и затѣмъ сразу попавшей на тронъ цезарей, во всѣ времена возбуждали особенное любопытство и заставляли разыгрываться воображеніе. Еще при ея жизни ея необычайное счастье такъ поражало современниковъ, что константинопольскіе обыватели для объясненія его выдумывали самыя невѣроятныя исторіи, множество всякихъ сплетенъ, тщательно собранныхъ Прокопіемъ для потомства въ Тайной исторіи. Послѣ смерти, Ѳеодора стала еще больше достояніемъ легенды: люди Востока и Запада, сирійцы, византійцы и славяне изукрасили всевозможными романическими подробностями ея романическую судьбу; и благодаря этой шумной славѣ, изъ множества царицъ, занимавшихъ византійскій престолъ, одна Ѳеодора вплоть до нашихъ дней продолжаетъ пользоваться извѣстностью и почти популярностью *).

---

*) Подробности о жизни Ѳеодоры читатель найдетъ въ монографіи, напечатанной мной подъ заглавіемъ: Ѳео-

Но значитъ ли это, что мы знаемъ совершенно точно, какова была эта прославленная императрица, въ которой очень многіе видятъ только знаменитую искательницу приключеній? Я не вполнѣ въ этомъ увѣренъ. До сихъ поръ большинство писателей, пытавшихся дать ея характеристику, пользовались главнымъ образомъ, чтобы не сказать исключительно, анекдотами, собранными Прокопіемъ. Я конечно не отрицаю извѣстной цѣнности этого документа и даже охотно допускаю, что изучая его внимательно, можно, лучше чѣмъ это было сдѣлано до сихъ поръ, ознакомиться съ нѣкоторыми психологическими чертами Ѳеодоры временъ ея бурной молодости. Однако, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что существуетъ не одна Тайная исторія. Были найдены, въ особенности въ послѣдніе годы, другіе документы, довольно новые, позволяющіе нарисовать болѣе полный портретъ знаменитой царицы. Житія восточныхъ святыхъ, разсказанныя въ половинѣ VI вѣка однимъ изъ приближенныхъ императрицы, епископомъ Іоанномъ Ефесскимъ, неизданные отрывки большой Церковной исторіи, составленной тѣмъ же авторомъ, анонимная хроника, выдаваемая за сочиненіе Захаріи Митиленскаго, другія произведенія, тоже современныя, какъ-то: жизнеописанія патріарха Севера и Якова Барадея, апостола монофизитовъ, были изданы или переведены по сирійскимъ рукописямъ, пребыва-

---

дора, императрица византійская, Парижъ, 1904 г. Но мнѣ представилось, что читатель былъ бы удивленъ, еслибы въ этой галлереѣ византійскихъ царицъ не нашелъ хотя бы небольшого очерка объ этой знаменитой монархинѣ.

вшимъ до того времени въ полномъ забвеніи, и они съ достаточно интересной стороны освѣщаютъ роль, какую играла Ѳеодора въ дѣлахъ религіозныхъ и политическихъ. Сюда можно прибавить и другихъ писателей, ставшихъ извѣстными раньше, но которыми пользуются довольно рѣдко, какъ напримѣръ, Іоаннъ Лидъ, или новые отрывки Малалы, не говоря уже объ императорскихъ новеллахъ, отбившихъ не у одного смѣльчака всякую охоту читать ихъ, несмотря на то, что въ нихъ много матеріала,— до того онѣ утомительно многословны, и о самомъ Прокопіи, оставившемъ, къ счастью для насъ, не одну Тайную исторію, но еще и другія произведенія. И если внимательно прочесть всѣ эти источники, выясняются нѣкоторые факты, представляющіе историческія лица временъ Юстиніана, въ нѣсколько иномъ свѣтѣ, чѣмъ ихъ обыкновенно изображаютъ.

I.

Въ первые годы VI вѣка Ѳеодора, актриса и танцовщица, заставляла говорить о себѣ весь Константинополь.

Откуда она была родомъ, не вполнѣ извѣстно. Иные изъ позднѣйшихъ лѣтописцевъ считаютъ, что родиной ея былъ Кипръ, знойный и страстный край Афродиты; другіе, съ большимъ вѣроятіемъ указываютъ, что родиной ея была Сирія. Какъ бы то ни было, она маленькимъ ребенкомъ была привезена родными въ Византію и выросла и воспиталась въ этой шумной и развращенной столицѣ имперіи.

Изъ какой семьи она происходила, также неизвѣстно. Изъ почтенія къ императорскому дому, до котораго она возвысилась, позднѣе сложилась легенда о ея знаменитомъ происхожденіи, или во всякомъ случаѣ почтенномъ, будто отецъ ея былъ сенаторомъ, очень уважаемымъ и благомыслящимъ. Въ дѣйствительности, она, повидимому, была болѣе скромнаго происхожденія. Отцомъ ея, если вѣрить Тайной исторіи, былъ бѣдный человѣкъ, по имени Акакій, по профессіи вожакъ медвѣдей въ циркѣ; мать ея была женщина не строгая, какъ это часто встрѣчается въ закулисномъ мірѣ театра и цирка. У этой артистической четы было три дочери: вторая, будущая императрица, родилась, вѣроятно, около 500 г.

Съ малолѣтства Ѳеодора была въ постоянныхъ сношеніяхъ съ народомъ, котораго плѣняла потомъ, какъ актриса, раньше чѣмъ стала управлять имъ, какъ монархиня. Акакій умеръ, оставивъ вдову и трехъ дочерей въ бѣдственномъ положеніи. Чтобъ сохранить за собой должность покойнаго, единственный заработокъ семьи, мать не видѣла иного выхода, какъ сойтись съ другимъ мужчиной, который, ставъ преемникомъ по должности вожака медвѣдей, принялъ бы на себя заботу и о его семьѣ, и о его животныхъ. Но чтобъ этотъ расчетъ удался, надо было согласіе Астерія, главы партіи Зеленыхъ, а Астерій былъ подкупленъ въ пользу другого кандидата. Чтобъ восторжествовать надъ противной стороной, мать Ѳеодоры рѣшила склонить въ свою пользу народъ и однажды, когда толпа собралась въ циркѣ, она появилась на аренѣ со

своими тремя дѣвочками, увѣнчанными цвѣтами и простиравшими съ мольбой свои рученки къ народу. Зеленые только разсмѣялись надъ этой трогательной мольбой; къ счастью, другая партія цирка, партія Голубыхъ, всегда готовыхъ повредить своимъ противникамъ, поспѣшила исполнить просьбу, отклоненную Зелеными, и предоставить семьѣ Акакія должность подобную той, какую она теряла. Никогда Ѳеодора не могла забыть обидное равнодушіе, съ какимъ Зеленые отнеслись къ ея мольбѣ и съ этой минуты въ ребенкѣ становится замѣтной черта характера, такъ рѣзко выступающая въ женщинѣ, злопамятство и неутолимая жажда мести.

Такъ росла Ѳеодора среди этихъ довольно двусмысленныхъ людей, цирковыхъ актеровъ и естественнымъ образомъ подготовилась къ своей будущей профессіи. Старшая ея сестра имѣла успѣхъ на сценѣ, Ѳеодора пошла по ея слѣдамъ. Съ малолѣтства она сопровождала старшую сестру на подмостки, исполняя при ней роль маленькой прислужницы; всего чаще Ѳеодора ходила съ ней на свѣтскія собранія и въ сутолокѣ переднихъ рано познакомилась съ грязными прикосновеніями и нескромными разговорами. Затѣмъ, въ свою очередь, и она появилась на сценѣ; но ей не хотѣлось, подобно многимъ другимъ, быть флейтщицей, пѣвицей или танцовщицей; она предпочитала принимать участіе въ живыхъ картинахъ, гдѣ она могла выставлять безъ всякаго прикрытія свою красоту, которой гордилась, и въ пантомимахъ, гдѣ могли проявляться вполнѣ свободно ея веселость и живой комизмъ.

Дѣйствительно, она была хороша собой, нѣсколько маленькаго роста, но чрезвычайно граціозная; а ея прелестное лицо, матовое, слегка блѣдное, озарялось большими, полными выраженія жизни и блеска глазами. Отъ этого всемогущаго очарованія сохранилось очень мало слѣдовъ на офиціальномъ портретѣ въ храмѣ святого Виталія въ Равеннѣ. Подъ тяжелой императорской мантіей станъ кажется выше, но менѣе гибкимъ; подъ діадемой, скрывающей лобъ, маленькое нѣжное лицо съ нѣсколько какъ бы похудѣвшимъ оваломъ, большимъ прямымъ и тонкимъ носомъ выглядитъ торжественно, почти печально. Одна только черта сохранилась на этомъ увядшемъ лицѣ: подъ темной линіей сросшихся бровей прекрасные черные глаза, о которыхъ говоритъ Прокопій, все еще озаряютъ и какъ будто уничтожаютъ лицо.

Но Ѳеодора обладала и другими качествами помимо красоты. Она была смышлена, умна, забавна; въ ней былъ природный комизмъ, и она упражняла свое остроуміе надъ другими актрисами, съ которыми играла; веселый, игривый складъ ума ея неодолимо привязывалъ къ ней самыхъ вѣрныхъ ея обожателей. Она отнюдь не всегда была добра, и въ своихъ насмѣшкахъ не останавливалась передъ крѣпкими словами, разъ что они вызывали смѣхъ; но когда она хотѣла нравиться, она умѣла проявлять силу очарованія, совершенно неотразимую. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предпріимчивая, смѣлая, дерзкая, она не ждала, чтобъ почести сыпались на нее, она сама добивалась и вызывала ихъ, хватаясь за нихъ съ веселой ликующей отвагой; и такъ какъ, наконецъ, у нея

мало было развито нравственное чувство, — но откуда бы, впрочемъ, и взяться ему у ней,—и сверхъ всего остального она обладала исключительно страстнымъ темпераментомъ, она быстро добилась успѣха и не только на сценѣ. Въ профессіи, не требующей непремѣнно добродѣтели, она развлекала, забавляла и скандализировала Константинополь. На сценѣ она рѣшалась на самыя нескромныя выходки и показывалась самымъ откровеннымъ образомъ. Въ городѣ она скоро прославилась безумной роскошью своихъ ужиновъ, смѣлостью рѣчей и множествомъ любовниковъ. Но тутъ въ особенности она скоро такъ скомпрометировала себя, что честные люди, встрѣчаясь съ нею на улицѣ, сторонились отъ нея, боясь запачкаться, прикоснувшись къ такому нечистому существу, и одинъ фактъ встрѣчи съ ней принимался уже за дурное предзнаменованіе. Ей не было тогда и двадцати лѣтъ.

Въ это время она вдругъ исчезла. У нея тогда былъ любовникъ, сиріецъ Экеволъ, который былъ назначенъ правителемъ Пентаполя Африканскаго, и Ѳеодора рѣшила послѣдовать туда за нимъ. Къ несчастью, романъ длился не долго: самымъ грубымъ образомъ, неизвѣстно почему, Экеволъ прогналъ Ѳеодору, и несчастная, безъ денегъ, нуждаясь въ самомъ необходимомъ, должна была нѣкоторое время скитаться по всему Востоку. Довольно долго пришлось ей тогда прожить въ Александріи, и это обстоятельство сыграло значительную роль въ ея жизни. Египетская столица не была на самомъ дѣлѣ только большимъ коммерческимъ городомъ, изящнымъ и богатымъ, легкомысленнымъ и развращеннымъ, избран-

нымъ мѣстомъ знаменитыхъ куртизанокъ. Начиная съ IV вѣка, она была также одной изъ столицъ христіанства. Нигдѣ религіозная борьба не велась съ такимъ ожесточеніемъ, богословскіе споры съ такимъ искусствомъ и съ такимъ жаромъ, нигдѣ фанатизмъ не принималъ такихъ размѣровъ; но нигдѣ также память о великихъ основателяхъ монастырской жизни не принесла такого пышнаго расцвѣта монастырей, мистиковъ и аскетовъ. Предмѣстья Александріи были наполнены монастырями, въ Ливійской пустынѣ скрывалось столько отшельниковъ, что она заслуживала названіе „пустыни святыхъ“.

Въ томъ бѣдственномъ состояніи, въ какомъ она тогда находилась, Ѳеодора испытала вліяніе среды, куда закинули ее обстоятельства. Она нашла доступъ къ нѣкоторымъ святымъ людямъ, какъ напримѣръ, къ патріарху Тимоѳею, Северу Антіохійскому, охотно обращавшимся съ своей проповѣдью къ женщинамъ, и можно спросить себя, не безъ основанія, не благодаря ли имъ кающаяся куртизанка возродилась, хотя бы на самое короткое время, для иной, болѣе христіанской и болѣе чистой жизни. Когда она возвратилась въ Константинополь, это была женщина болѣе положительная, зрѣлая, чувствовавшая усталость отъ скитальческой жизни и безумныхъ приключеній; она старалась, искренно ли, или нѣтъ, вести самую уединенную и цѣломудренную жизнь. Одно преданіе гласитъ, что она жила въ маленькомъ домикѣ, скромно и честно, занималась пряжей и охраняла домъ, какъ римскія матроны добраго стараго времени. Тутъ она и встрѣтилась съ Юстиніаномъ.

Какимъ образомъ удалось ей плѣнить и прочно къ себѣ привязать этого человѣка, уже не молодого,—ему было около сорока лѣтъ,—этого государственнаго дѣятеля, которому опасно было скомпрометировать свое положеніе и необходимо было охранять свое будущее? Неизвѣстно. Прокопій говоритъ о магіи и любовныхъ напиткахъ: это значитъ, по правдѣ сказать, слишкомъ усложнять вещи, совершенно забывать о гибкомъ, развязномъ умѣ, о непринужденной граціи, объ остроуміи, которыми Ѳеодора плѣнила столько любовниковъ, и въ особенности объ ея ясномъ и твердомъ умѣ, который долженъ былъ сильно дѣйствовать на нерѣшительную, слабую душу ея любовника. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что она овладѣла царемъ всецѣло. Влюбленный безъ памяти, онъ исполнялъ всѣ требованія своей любовницы. Она любила деньги, — онъ снабжалъ ее сокровищами. Она жаждала почестей и уваженія,—онъ выхлопоталъ для нея у слабаго императора, своего дяди, высокое достоинство патриціанки. Она была тщеславна, жаждала имѣть вліяніе, онъ руководился ея совѣтами, сдѣлался послушнымъ орудіемъ ея симпатій и ея мстительности. Скоро онъ дошелъ до того, что захотѣлъ жениться на ней во что бы то ни стало. Добрый императоръ Юстинъ, мало заботившійся о благородствѣ рода, повидимому, легко согласился на просьбу своего любимаго племянника. Но препятствіе встрѣтилось съ другой и совсѣмъ неожиданной стороны. Обладая простымъ здравымъ смысломъ крестьянки, императрица Евфимія была возмущена при мысли, что женщина, подобная Ѳеодорѣ, можетъ ей наслѣ-

довать; и несмотря на свою нѣжность къ племяннику, несмотря на всегдашнюю готовность исполнять его желанія, въ данномъ случаѣ она и слышать ничего не хотѣла. Къ счастью, Евфимія умерла какъ разъ во́ время, въ 523 г. Тогда все устроилось безъ труда. Законъ не позволялъ сенаторамъ и высшимъ сановникамъ жениться на женщинахъ рабскаго состоянія, служанкахъ гостиницъ, актрисахъ или куртизанкахъ: чтобъ сдѣлать удовольствіе Юстиніану, Юстинъ отмѣнилъ этотъ законъ. Онъ пошелъ дальше. Когда въ апрѣлѣ 527 г. онъ офиціально назначилъ племянника своимъ соправителемъ, Ѳеодора раздѣлила верховный почетъ и торжество своего мужа. Вмѣстѣ съ нимъ въ день Пасхи въ храмѣ Святой Софіи, сверкающемъ безчисленными огнями свѣчей, она была торжественно коронована; затѣмъ, по обычаю царицъ византійскихъ, она отправилась на ипподромъ, чтобъ выслушать привѣтствіе народа, на тотъ самый ипподромъ, гдѣ состоялись ея первые дебюты. Мечты ея осуществились.

II.

Такова исторія Ѳеодоровой юности, по крайней мѣрѣ, такъ разсказалъ ее Прокопій; и въ теченіе двухъ съ половиной вѣковъ, съ того дня, что нашли рукопись Тайной Исторіи, къ этому довольно скандальному разсказу относились вообще съ довѣріемъ. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что его надо принимать полностью? Памфлетъ не есть еще исторія, и можно спросить себя съ полнымъ основаніемъ, сколько

правды .содержится въ этихъ удивительныхъ приключеніяхъ?

„Не выдумываютъ такихъ невѣроятныхъ вещей, сказалъ нѣкогда Гиббонъ, значитъ, это правда". Въ послѣдніе же годы, напротивъ, нѣкоторые основательные историки не разъ отвергали авторитетность единственнаго свидѣтеля, какимъ является Прокопій, и можно было совершенно серьезно говорить о „легендѣ про Ѳеодору". Не желая вновь вступать въ эти пререканія и признавая вполнѣ значеніе нѣкоторыхъ изъ сдѣланныхъ замѣчаній, мнѣ, тѣмъ не менѣе, думается, что было бы неосторожно черезчуръ обѣлять ту, которую Тайная Исторія такъ сильно очернила. Очень досадно, что Іоаннъ, епископъ Ефесскій, близко знавшій Ѳеодору, изъ уваженія къ великимъ міра сего, не сообщилъ намъ подробно всѣхъ оскорбительныхъ выраженій, которыми, по его же словамъ, поносили императрицу благочестивые монахи, люди, извѣстные своей грубой откровенностью. Во всякомъ случаѣ достовѣрно извѣстно, что между современниками были и другіе, помимо Прокопія, находившіе возможнымъ осуждать ее, и что люди, близкіе къ императорскому двору, какъ напримѣръ, секретарь Прискъ, префектъ Іоаннъ Каппадокійскій знали за ней нѣкоторыя слабости, за которыя ее можно было порицать. Не знаю, вѣрно ли сообщеніе Прокопія, что она въ молодости родила сына и что это было для нея несчастнымъ обстоятельствомъ; несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что у нея была дочь, но ни какъ не отъ Юстиніана, однако, судя по высокому положенію, какое пріобрѣлъ себѣ при дворѣ

сынъ этой дочери,—его темное прошлое мало смущало какъ императрицу, такъ и императора. Наконецъ, нѣкоторыя психологическія черты Ѳеодоры, ея заботы о бѣдныхъ дѣвушкахъ, погибавшихъ въ столицѣ чаще отъ нужды, чѣмъ отъ порочности, мѣры, предпринятыя ею для ихъ спасенія и ихъ освобожденія „отъ ига ихъ постыднаго рабства“, по выраженію одного современника, а также нѣсколько презрительная жестокость, какую она всегда выказывала мужчинамъ, до извѣстной степени подтверждаетъ то, что передаютъ о ея молодости. И если признать все это, а отрицать этого нельзя, невозможно отвергать цѣликомъ все, что разсказано въ Тайной Исторіи?*).

Но можно ли повѣрить, вслѣдствіе этого, что приключенія Ѳеодоры производили тотъ страшный скандалъ, какой описываетъ Прокопій, что она была, дѣйствительно изъ ряда вонъ выходящей куртизанкой, какой онъ намъ ее представляетъ, настоящимъ демономъ зла, съ соизволенія дьявола безстыдно выставлявшимъ на показъ всему міру свое распутство? Не надо упускать изъ виду, что Прокопій любитъ представлять развращенность выводимыхъ имъ лицъ въ раз-

---

*) Слѣдуетъ прибавить, что въ одномъ мѣстѣ Житій восточныхъ святыхъ, къ сожалѣнію не достаточно ясномъ, Іоаннъ Ефесскій, знавшій хорошо императрицу, называлъ ее довольно грубо, но, повидимому, безъ упрека: „Ѳеодора, публичная женщина“. Если переводъ словъ *ἐκ τοῦ πορνείου*, какими Ландъ передаетъ сирійскій текстъ, точенъ, то этотъ текстъ однимъ словомъ подтверждаетъ суть того, что такъ пространно разсказано Прокопіемъ.

мѣрахъ почти эпическихъ; и хотя, конечно, довольно затруднительно опредѣлить степень паденія Ѳеодоры, я, съ своей стороны, былъ бы очень склоненъ видѣть въ ней—хотя бы это ее и умаляло,—героиню болѣе банальной исторіи; танцовщицѣ, которая вела себя такъ же, какъ во всѣ времена ведутъ себя женщины ея профессіи, надоѣли, наконецъ, мимолетныя связи и, найдя серьезнаго человѣка, который обезпечивалъ ей прочное положеніе, она стала вести порядочную жизнь въ бракѣ и благочестіи. Искательница приключеній, если хотите, но умная, осторожная, достаточно ловкая, чтобы умѣть прятать концы, и сумѣвшая, безъ особаго скандала, женить на себѣ самого будущаго императора. Но не въ въ этомъ заключается самая важная ея сторона. Есть и другая Ѳеодора, менѣе извѣстная, но гораздо болѣе интересная: великая императрица, занимавшая значительное мѣсто возлѣ Юстиніана, и часто игравшая въ дѣлахъ правленія рѣшающую роль, женщина ума выдающагося, рѣдкой сообразительности, энергичная, существо деспотическое и высокомѣрное, неистовое и страстное, настолько сложное, что часто могла всякаго сбить съ толку, но всегда безконечно плѣнительная.

III.

Въ храмѣ Святого Виталія въ Равеннѣ, въ уединенной абсидѣ, гдѣ вспыхиваетъ огнемъ золотая мозаика, Ѳеодора предстаетъ передъ нами во всемъ блескѣ своего величія. Облекающія ея одежды великолѣпія несравненнаго. Длинная,

покрывающая ее мантія изъ фіолетоваго пурпура внизу отливаетъ огнями въ мягкихъ складкахъ вышитой золотомъ каймы; на головѣ ея, окруженной нимбомъ, высокая діадема изъ золота и драгоцѣнныхъ камней, волосы переплетены жемчужными нитями и нитями, усыпанными драгоцѣнными камнями, и такія же украшенія сверкающими струями ниспадаютъ ей на плечи. Такой представляется она на этомъ офиціальномъ портретѣ взорамъ потомства, такой, при жизни, хотѣла она являться своимъ современникамъ. Рѣдко женщина выбившаяся изъ ничтожнаго положенія, такъ быстро усваивала всѣ требованія своего новаго высокаго положенія; рѣдко природная монархиня проявляла больше любви и склонности ко всякаго рода удовольствіямъ роскоши и мелкимъ удовлетвореніямъ тщеславія, встрѣчающимся при отправленіи верховной власти. Типичная женщина, всегда изящная и желающая нравиться, она потребовала пышныхъ покоевъ, великолѣпныхъ одеждъ, чудесныхъ драгоцѣнностей, стола, накрытаго всегда съ тонкимъ изысканнымъ вкусомъ. О красотѣ своей она постоянно заботилась съ большимъ тщаніемъ. Чтобы лицо ея никогда не выглядывало блёклымъ, усталымъ, она увеличивала время сна, постоянно ложась отдыхать днемъ; чтобъ сохранить блестящій цвѣтъ лица, она часто принимала ванны, послѣ которыхъ отдыхала часами. Она отлично понимала, что ея очаровательная внѣшность составляетъ главную силу ея вліянія.

Она еще больше дорожила наружнымъ аппаратомъ власти. Ей нуженъ былъ дворъ, штатъ

прислужницъ, охранная стража, свита; какъ настоящая выскочка, она обожала и усложняла и безъ того сложный церемоніалъ. Чтобъ понравиться ей, надо было усердствовать въ оказаніи ей почести, падать передъ ней ницъ, каждый день въ часы аудіенцій подолгу простаивать въ ея прихожей. Отъ своего пребыванія въ театрѣ она сохранила вкусъ и знаніе декоративной обстановки; но въ особенности, при своемъ тщеславіи, она любила подчеркивать свой санъ и далекое разстояніе, отдѣляющее отъ нея всякаго подданнаго, быть можетъ, радуясь втайнѣ, видя, какъ смиренно склоняются къ ея пурпуровымъ туфлямъ многочисленные сановники, когда-то обращавшіеся съ ней гораздо фамильярнѣе.

Доказываетъ ли это, что пристрастіе къ блеску и пышности, постоянная забота объ этикетѣ и внѣшнемъ достоинствѣ сана необходимо исключаютъ похожденія Ѳеодоры, представленныя въ драмѣ Сарду? Было бы нѣсколько наивно такъ думать, и съ другой стороны извѣстно, что въ гинекеѣ императорскаго дворца происходило много таинственныхъ вещей, которыхъ Юстиніанъ и не подозрѣвалъ. Доказательствомъ можетъ служить исторія патріарха Анѳима, уже разсказанная мной. Поэтому я вовсе не хотѣлъ бы подвергнуться насмѣшкамъ, защищая добродѣтель Ѳеодоры послѣ ея замужества. Помимо того, что всегда довольно трудно быть увѣреннымъ въ подобнаго рода вещахъ, я, само собою разумѣется, вовсе не настаиваю на безупречномъ поведеніи императрицы. Я охотно вѣрю, что въ молодости она совершенно свободно предавалась кутежамъ; еслибы и позже она продолжала

такой же образъ жизни, это не могло бы меня смутить, и, въ сущности, одинъ Юстиніанъ имѣлъ бы нѣкоторое право на это жаловаться. Но факты остаются фактами, и съ ними надо считаться.

А это фактъ, что ни одинъ писатель ей современный, и ни одинъ историкъ послѣдующихъ вѣковъ—а между тѣмъ среди нихъ было не мало жестоко укорявшихъ Ѳеодору въ алчности, въ властности и необузданности характера, въ чрезмѣрности ея вліянія на Юстиніана, въ скандалѣ, произведенномъ ея еретическими мнѣніями,—ни одинъ, повторяю, не сказалъ ничего, что позволило бы усумниться въ безусловной порядочности ея поведенія въ частной жизни послѣ ея замужества. Самъ Прокопій, столько клеветавшій на нее, такъ расписывавшій приключенія ея юности, разсказавшій со всей извѣстной намъ роскошью подробностей о коварствѣ, жестокости, беззаконіи, которыя она позволяла себѣ въ зрѣломъ возрастѣ, не дѣлаетъ ни единаго намека,—если только мы захотимъ почитать его внимательно и въ подлинникѣ,—на какое-либо любовное похожденіе Ѳеодоры послѣ ея брака, несмотря на всю природную испорченность этой женщины. Мнѣ думается, легко себѣ представить, что еслибы императрица дала къ этому малѣйшій поводъ, памфлетистъ не преминулъ бы воспользоваться имъ, чтобъ пространно разсказать о ея незаконныхъ связяхъ. Онъ не сказалъ объ этомъ ни слова, ибо, дѣйствительно, ему и нечего было сказать.

Я вовсе не хочу извлечь изъ этого что-нибудь въ пользу нравственныхъ качествъ Ѳеодоры.

Помимо того, что она ужъ не была такъ молода, когда вступала на престолъ, — ей было около тридцати лѣтъ, а для восточной женщины это возрастъ близкій къ началу увяданія,—она была слишкомъ умна, слишкомъ честолюбива, чтобы рисковать скомпрометировать любовными интригами положеніе, которое она сумѣла завоевать. Царская власть стоила того, чтобъ ради нея поступиться кое-чѣмъ, и добропорядочная жизнь Ѳеодоры послѣ брака дѣлаетъ, быть можетъ, столько же чести ея практическому уму, сколько моральному чувству. Но въ особенности эта женщина выдающагося ума очень честолюбивая, страстно алкавшая власти, была поглощена заботами, имѣвшими мало общаго съ вульгарными любовными похожденіями. Она обладала нѣкоторыми выдающимися качествами, дающими право домогаться верховной власти: смѣлой энергіей, мужественной твердостью воли, спокойной храбростью, оказавшейся на высотѣ положенія въ самыя трудныя минуты. Благодаря этимъ качествамъ въ теченіе двадцати одного года, что она царствовала вмѣстѣ съ Юстиніаномъ, она имѣла глубокое и вполнѣ законное вліяніе на обожавшаго ея мужа.

IV.

Есть одинъ фактъ, и его никогда не надо забывать, когда говоришь о Ѳеодорѣ: это роль, которую она сыграла въ трагическій день 18 января 532 г., когда у дверей императорскаго дворца раздавались угрожающіе крики торжествующихъ мятежниковъ, когда обезумѣвшій

Юстиніанъ, потерявъ голову, видѣлъ одно спасеніе въ бѣгствѣ. Ѳеодора присутствовала на совѣтѣ сановниковъ; всѣ пали духомъ, она одна оставалась бодрой и спокойной. Ею не было еще произнесено ни слова; вдругъ, среди полной тишины, она поднялась, вся въ негодованіи на всеобщее малодушіе и напомнила императору, а также и министрамъ объ ихъ долгѣ: „Еслибы не оставалось другого исхода кромѣ бѣгства, заявила она, я не хочу бѣжать. Кто носитъ царскій вѣнецъ, не долженъ переживать его потерю. Я не увижу того дня, когда меня перестанутъ привѣтствовать императрицей. Если ты хочешь бѣжать, царь, это твое дѣло; у тебя есть деньги, суда готовы, море открыто; что касается меня, я остаюсь. Мнѣ нравится старинное выраженіе, что порфира — прекрасный саванъ“. Въ этотъ день, когда по выраженію современника, „имперія находилась, казалось, наканунѣ гибели“, Ѳеодора спасла престолъ Юстиніана и въ этой послѣдней борьбѣ, гдѣ на карту были поставлены и тронъ ея, и жизнь, воистину ея честолюбіе возвысилось до героизма.

Въ эту рѣшающую минуту Ѳеодора явила себя государственнымъ мужемъ, благодаря своему хладнокровію, благодаря своей энергіи; и этимъ, какъ было остроумно замѣчено, она дѣйствительно заслужила въ государственномъ совѣтѣ то мѣсто, какое до тѣхъ поръ занимала, быть можетъ, лишь благодаря слабости императора. Отнынѣ она должна была сохранить его за собой, и Юстиніанъ отнюдь его не оспаривалъ. Страстно влюбленный до самыхъ послѣднихъ дней своихъ въ женщину, которую въ молодости

обожалъ, всецѣло подчиненный обаянію этого выдающагося ума, этой рѣшительной, сильной воли, онъ ни въ чемъ ей не отказывалъ: ни въ наружныхъ почестяхъ, ни въ реальныхъ проявленіяхъ верховной власти.

На церковныхъ стѣнахъ того времени, надъ крѣпостными воротами и сейчасъ можно прочесть рядомъ съ именемъ императора имя Ѳеодоры; въ Равеннскомъ храмѣ святого Виталія изображеніе ея помѣщено на ряду съ изображеніемъ ея царственнаго супруга, равно какъ и въ мозаикахъ, украшавшихъ покои Священнаго Дворца, по волѣ Юстиніана, Ѳеодора изображалась участницей военныхъ торжествъ и всѣхъ наиболѣе славныхъ дѣлъ его царствованія. Какъ и Юстиніану, благодарные народы воздвигали ей статуи; какъ и Юстиніану, чиновники присягали въ вѣрности той, которая всю свою жизнь была равной императору. Въ самыхъ важныхъ дѣлахъ Юстиніанъ любилъ обращаться за совѣтомъ къ „досточтимѣйшей супругѣ, Богомъ ему дарованной“, къ той, кого любилъ называть „своею главною усладой“, и современники согласны въ томъ, что она не стѣсняясь пользовалась своимъ безграничнымъ вліяніемъ на царя, что она проявляла власть такъ же, какъ и онъ, а, можетъ быть, и больше.

Въ теченіе двадцати одного года своего царствованія она ко всему прикладывала свою руку: къ администраціи, куда назначала своихъ любимцевъ, къ дипломатіи, къ политикѣ, къ церкви, все устраивая по своему усмотрѣнію, назначая и смѣщая по своему капризу папъ, патріарховъ, министровъ и генераловъ, столь же упорно до-

биваясь успѣха для своихъ любимцевъ, сколь пылко домогаясь подорвать кредитъ и силу своихъ противниковъ, не боясь даже, когда считала это нужнымъ, открыто противостоять волѣ царя и замѣнять своими приказаніями повелѣнія Юстиніана. Во всѣхъ важныхъ дѣлахъ она была дѣятельной сотрудницей своего мужа, и если вліяніе ея и не всегда было благодѣтельно, если ея алчность, необузданность и тщеславіе, возбуждая тщеславіе и алчность императора, приводили иногда къ печальнымъ послѣдствіямъ, нужно также сознаться, что она часто правильно усматривала интересы государства, и политика, о которой она мечтала, еслибы только у нея было время вполнѣ закончить свое дѣло, усиливъ и упрочивъ византійскую имперію, измѣнила бы можетъ быть самый ходъ исторіи.

Въ то время какъ Юстиніанъ, соблазняясь былымъ величіемъ Рима, воспламенялся идеей великолѣпной, но неосуществимой, и мечталъ возстановить имперію Цезарей и при помощи союза съ Римомъ установить въ ней торжество православія, Ѳеодора, болѣе тонкая и проницательная, обращала свои взоры на Востокъ. Она всегда чувствовала симпатію къ этимъ монахамъ Сиріи и Египта, къ Зоорѣ, Якову Барадею и многимъ другимъ, которыхъ принимала во дворцѣ, прося ихъ молиться за нее, не смотря на все неизящество ихъ лохмотьевъ и грубую, рѣзкую откровенность. Какъ истая византійка, она была искренно набожна. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она была слишкомъ тонкимъ политикомъ, чтобы не понимать, насколько важными являлись въ христіанскомъ государствѣ вопросы вѣры, насколько

опасно было относиться къ нимъ равнодушно. При этомъ она понимала, что богатыя и цвѣтущія провинціи Азіи, Сиріи и Египта дѣйствительно представляли живую силу монархіи; она чувствовала, какую опасность создавали для имперіи религіозные расколы, которыми восточныя національности этихъ областей проявляли уже тогда свои сепаратистическія тенденціи; она чувствовала необходимость значительными уступками и широкой терпимостью разсѣять грозившее недовольство, и когда старалась направлять къ этой цѣли императорскую политику, можно безъ парадокса утверждать, что она судила вѣрнѣе, чѣмъ ея державный мужъ, и яснѣе провидѣла будущее.

Во то время какъ Юстиніанъ, богословъ въ душѣ, занимался религіозными вопросами изъ любви къ словопреніямъ, ради безплоднаго удовольствія пререкаться о догматахъ, Ѳеодора принадлежала къ семьѣ тѣхъ великихъ византійскихъ императоровъ, которые подъ преходящей и измѣнчивой формой богословскихъ споровъ умѣли всегда провидѣть неизмѣнную сущность политическихъ задачъ. Вотъ почему во имя государственныхъ интересовъ она рѣшительно шла своимъ путемъ, открыто защищая еретиковъ, смѣло противясь папѣ, увлекая за собой колеблющагося и нерѣшительнаго Юстиніана, бросаясь очертя голову въ борьбу, никогда не признавая себя побѣжденной. Благодаря ея покровительству еретическій Египетъ долгіе годы пользовался широкой терпимостью; ея покровительству обязана еретическая Сирія возстановленіемъ своей гонимой, національной церкви; ея

покровительству обязаны еретики сначала тѣмъ, что вошли снова въ милость и могли свободно вести вновь свою пропаганду, позднѣе тѣмъ, что могли не страшиться соборныхъ отлученій и всѣхъ строгостей свѣтской власти; ея ободреніямъ, наконецъ, и ея поддержкѣ обязаны монофизитскія миссіи своимъ успѣхомъ въ Аравіи, Нубіи, Абиссиніи. До послѣдняго своего дня боролась она за свои вѣрованія „упорно, какъ государственный мужъ, страстно, какъ настоящая женщина, податливая или грубо непреклонная, смотря по обстоятельствамъ, достаточно смѣлая, чтобы приказать арестовать и смѣстить одного папу, достаточно ловкая, чтобы льстить себя надеждой подчинить другого своей волѣ, достаточно отважная, чтобы защищать своихъ гонимыхъ друзей и доставить имъ средства преобразовать ихъ церковь, достаточно умѣлая, чтобы часто навязывать свою политику императору.

Церковь не простила Ѳеодорѣ ни грубаго низложенія папы Сильверія, ни упорной вѣрности монофизитству, ни деспотической жестокости, съ какой она мстила враждебнымъ ей духовнымъ особамъ, изъ которыхъ папа Вигилій особенно испыталъ это своимъ тяжкимъ опытомъ. Изъ вѣка въ вѣкъ церковные историки предавали ея имя проклятіямъ и поношеніямъ. Ѳеодора заслуживаетъ, чтобы ее судили менѣе пристрастно и болѣе справедливо. Безъ сомнѣнія, она преслѣдовала свои цѣли съ слишкомъ страстнымъ пыломъ, съ слишкомъ необузданной рѣзкостью, съ слишкомъ упорной злобой, даже съ слишкомъ холодной жестокостью, но она выказала при этомъ и высокія качества, живое чувство госу-

дарственной необходимости, ясный взглядъ на реальныя обстоятельства, и политика, о которой она мечтала, дѣлаетъ честь вѣрности ея сужденія и является въ окончательномъ итогѣ достойной императора.

V.

Но,—и въ этомъ заключается могучая привлекательность этой личности,—обладая качествами государственнаго мужа, Ѳеодора оставалась женщиной. Она была ею по своей любви къ роскоши и изяществу, она была ею еще больше по необузданности своихъ страстей, и пылу своей злобы. Разъ что были затронуты ея интересы, она не знала ни колебаній, ни разборчивости въ средствахъ. Безпощадно она устранила со своего пути всѣхъ, чье вліяніе могло ослабить ея собственное; безъ всякой жалости уничтожила она всѣхъ, въ честолюбивой заносчивости своей мечтавшихъ поколебать ея авторитетъ или подорвать ея кредитъ, чтобъ отомстить за оскорбленіе, чтобъ сохранить свою власть, всѣ средства казались ей хороши, сила и коварство, обманъ и подкупъ, интрига и насиліе. И если она и чувствовала порой, что ускользаетъ изъ-подъ ея власти нерѣшительная душа Юстиніана, если подъ давленіемъ обстоятельствъ или болѣе сильныхъ вліяній она, казалось, и шла на временныя уступки, всегда ея смѣлая и изворотливая мысль умѣла въ будущемъ приготовить себѣ щедрое воздаяніе: честолюбивая и хитрая, она всегда и во всемъ разсчитывала оставить за собой послѣднее слово, и это ей удавалось.

Константинопольскіе сплетники разсказывали на ея счетъ темныя исторіи о тайныхъ казняхъ, о мрачныхъ подземельяхъ, о страшныхъ и безмолвныхъ тюрьмахъ, куда Ѳеодора заключала свои жертвы, и гдѣ пытала ихъ; не слѣдуетъ принимать эти анекдоты буквально. Нѣкоторыя изъ самыхъ знаменитыхъ жертвъ императрицы въ общемъ чувствовали себя довольно хорошо и, несмотря на временныя невзгоды, сдѣлали довольно блестящую карьеру; а съ другой стороны фактъ тотъ, что самые опасные ея противники поплатились не смертью, а простымъ изгнаніемъ за то, что осмѣлились пойти противъ нея.

Но не увеличивая понапрасну списки ея жестокостей, не надо, однако, и стараться преувеличивать доброту и милосердіе Ѳеодоры. Когда она ненавидѣла кого, она не останавливалась ни передъ чѣмъ, ни передъ скандаломъ несправедливой опалы, ни, быть можетъ, даже передъ соблазномъ убійства. Происшествіе съ Германомъ, племянникомъ иператора, съ секретаремъ Прискомъ, съ Фотіемъ, зятемъ Велиэарія, достаточно показываетъ пылкость ея ненависти. Паденіе префекта Іоанна Каппадокійскаго, опаснаго и смѣлаго министра, одну минуту поколебавшаго было ея авторитетъ и заставившаго ее испугаться за свое всемогущество, еще лучше свидѣтельствуетъ о беззастѣнчивой энергіи ея честолюбивой души, о невѣроятной неразборчивости средствъ, въ какихъ изворачивался ея коварный умъ. Такъ же точно и съ тою же смѣсью ловкости и необузданности она заставила такого великаго полководца, какимъ былъ

Велизарій, искупить его немногія попытки къ отвоеванію себѣ независимости, и, благодаря власти, какую она забрала надъ Антониной, женой Велизарія, она сумѣла сдѣлать изъ него своего смиреннѣйшаго и покорнѣйшаго слугу. И тутъ также можно подивиться, какъ необычайному искусству затѣять интригу, такъ и неразборчивости императрицы въ выборѣ средствъ и орудій, служившихъ ея цѣлямъ. Послѣ своей бурной молодости Антонина продолжала усиленно обманывать своего мужа, обожавшаго ее; но она была умная, дерзкая, интриганка по природѣ, способная, какъ говоритъ хорошо знавшій ее Прокопій, — добиваться невозможнаго. Ѳеодора быстро сообразила, что, покровительствуя любовнымъ похожденіямъ этой женщины, она получитъ въ ея лицѣ преданную помощницу своей политикѣ и лучшій залогъ вѣрности Велизарія. Между ними былъ заключенъ союзъ. Антонина приложила къ дѣлу служенія василисѣ все свое умѣнье, и въ низложеніи папы Сильверія, равно и въ опалѣ Іоанна Каппадокійца, она принимала дѣятельное участіе и выказала свою умѣлость; въ обмѣнъ за это Ѳеодора покрыла всѣ ея неосторожныя выходки и нѣсколько разъ принудила слабаго Велизарія къ примиренію и прощенію. Получивъ черезъ это крайне искусно преимущество надъ своей фавориткой, императрица черезъ нее держала въ своихъ рукахъ и полководца *).

*) Относительно этихъ двухъ эпизодовъ отсылаю читателя къ двумъ главамъ моей книги, озаглавленнымъ: Ѳеодора и Іоаннъ Каппадокіецъ, стр. 173—190; Ѳеодора и Велизарій, стр. 191—216.

По этой милости, оказанной Антонинѣ, слѣдуетъ ли заключать, какъ утверждаетъ Тайная исторія, что императрица была очень терпима въ отношеніи женскихъ слабостей, и что она снисходительно прикрывала своей императорской мантіей многія провинности. Факты производятъ, скорѣе, обратное впечатлѣніе. Безъ сомнѣнія, возможно, что въ силу своего властолюбиваго характера и привычки подчинять все цѣлямъ своей политики, Ѳеодора иногда нѣсколько нескромно вмѣшивалась въ семейныя и домашнія дѣла, ничуть ея не касавшіяся, и что она устраивала браки съ тѣмъ же деспотизмомъ, съ какимъ управляла государствомъ. Но какъ въ законахъ о разводѣ и прелюбодѣяніи, внушенныхъ ею, такъ и въ частныхъ дѣлахъ, она постоянно пеклась, заботилась объ упроченіи института брака, „самаго святого изъ всѣхъ“, какъ говорится въ одномъ законѣ того времени, и о томъ, чтобъ заставить всѣхъ почитать эти узы, законныя и священныя. Правда и то, что она всегда была „по природѣ склонна—по словамъ одного историка—помогать женщинамъ, впавшимъ въ бѣду“, и что забота эта проявилась въ мѣрахъ, какія по ея приказанію приняты были въ пользу женщинъ, несчастно вышедшихъ замужъ или съ которыми дурно обращались, равно и тѣхъ, какія она посовѣтовала относительно актрисъ и падшихъ женщинъ. Она была знакома, ибо сама прошла черезъ это, съ поддонками столичнаго общества и знала, сколько тутъ нужды и униженія; съ самаго начала она употребила силу своего вліянія, чтобы внести сюда облегченіе. Но это не мѣшало ей, съ другой стороны, самой

быть женщиной недоступной, строгой блюстительницей общественной морали, и она вмѣнила себѣ въ обязанность улучшить нравы и очистить нравственную атмосферу своей столицы *).

Не слѣдуетъ ли думать, что къ этому у Ѳеодоры примѣшивались кое-какія воспоминанія изъ собственнаго опыта, сожалѣніе о своемъ прошломъ? Это—вещь возможная, чтобы не сказать несомнѣнная, и это нисколько не вредитъ тому представленію, какое мы можемъ составить себѣ о Ѳеодорѣ. Необычайное благородство заключается въ слѣдующихъ словахъ одного императорскаго приказа, безъ всякаго сомнѣнія внушеннаго ею: „Мы установили судей, чтобъ карать грабителей и воровъ, похищающихъ деньги: не должны ли мы съ большимъ основаніемъ преслѣдовать грабителей чести, похитителей цѣломудрія?“

Было бы, конечно, ребячествомъ скрывать недостатки и пороки Ѳеодоры. Она любила деньги, она любила власть; она упрочила положеніе своихъ родственниковъ, выказавъ при этомъ, быть можетъ, чрезмѣрную заботливость и привязанность къ своей роднѣ, и чтобъ сохранить престолъ, на который сумѣла взойти, она проявила самое беззастѣнчивое коварство, жестокость, необузданность, неукротимость въ злобѣ, неумолимость въ отношеніи всѣхъ тѣхъ, кто возбудилъ къ себѣ ея ненависть. Это была великая честолюбица, причинившая своими интригами глубокія смуты во дворцѣ и въ монархіи. Но у

*) Смотри въ моей книгѣ главу: Женственность Ѳеодоры, стр. 217—230.

нея были и качества. Друзья называли ее „вѣрной императрицей“; она заслуживала это названіе. Она обладала и другими, болѣе выдающимися добродѣтелями: мужественной твердостью, отважной энергіей, яснымъ и могучимъ умомъ государственнаго мужа. Вліяніе ея не было всегда благотворнымъ, но правленіе Юстиніана ярко отмѣчено ею. Какъ только она умерла, начался упадокъ, приведшій къ печальному концу долгое и славное царствованіе.

Когда 29 іюня 548 г. Ѳеодора умерла отъ рака послѣ довольно продолжительной болѣзни, Юстиніанъ горько оплакивалъ потерю, которую съ полнымъ основаніемъ считалъ непоправимой. Къ ней живой онъ чувствовалъ обожаніе; когда она умерла, онъ благоговѣйно хранилъ о ней память. Въ ея воспоминаніе онъ пожелалъ оставить у себя на службѣ всѣхъ бывшихъ ея приближенныхъ и, много лѣтъ спустя, когда онъ хотѣлъ дать торжественное обѣщаніе, онъ имѣлъ обыкновеніе клясться именемъ Ѳеодоры, и кто желалъ ему понравиться, охотно напоминалъ ему о „превосходной, прекрасной и мудрой царицѣ“, которая, бывъ тутъ на землѣ его вѣрной сотрудницей, молила теперь Бога о своемъ супругѣ.

Надо сознаться, что въ этомъ апоѳеозѣ есть нѣкоторое преувеличеніе. Ѳеодора-танцовщица вовсе не обладала тѣми добродѣтелями, какія ведутъ прямо въ рай; Ѳеодора-императрица, несмотря на свое благочестіе, имѣла недостатки и пороки, плохо уживающіеся съ ореоломъ святости. Но эта черта заслуживала быть отмѣченной: такъ сильно свидѣтельствуетъ она о необы-

чайномъ обаяніи и очарованіи, сохранившемся у этой честолюбивѣйшей женщины, бывшей всегда образцомъ женственности.

ГЛАВА IV.

Императрица Ирина.

Въ концѣ 768 г. въ Константинополѣ былъ большой праздникъ: византійская столица праздновала бракосочетаніе наслѣдника престола — Льва, сына Константина V.

1 ноября утромъ праздничная флотилія съ судами, обтянутыми великолѣпными шелковыми тканями, отправилась въ Іерійскій дворецъ, находившійся на азіатскомъ берегу Босфора, за молодой невѣстой, послѣ чего долженъ былъ состояться ея торжественный въѣздъ въ столицу. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого, 18 декабря, въ Священномъ Дворцѣ, въ палатахъ Августея, въ присутствіи всего двора оба василевса вѣнчали на царство новую монархиню. Сидя на золотыхъ тронахъ, Константинъ и его сынъ вмѣстѣ съ патріархомъ приподняли вуаль, скрывавшій лицо будущей императрицы, надѣли шелковую хламиду поверхъ ея длиннаго золотого платья, возложили на голову ея корону, привязали къ ушамъ подвѣски изъ драгоцѣнныхъ камней. Затѣмъ въ церкви св. Стефана новая Августа принимала поздравленія отъ высшихъ сановниковъ имперіи; на террасѣ Триклинія 19

аккувитовъ она показалась народу, и подданные громкими криками привѣтствовали ее. Наконецъ, въ сопровожденіи блестящей свиты изъ патрикіевъ, сенаторовъ, кувикуляріевъ и придворныхъ дамъ она возвратилась въ церковь св. Стефана, гдѣ патріархъ Никита совершилъ обычное богослуженіе и возложилъ брачные вѣнцы на головы супруговъ.

Старый императоръ Константинъ V, энергичный иконоборецъ, никакъ не думалъ, устраивая эти торжества и возлагая царскую діадему на голову молодой женщины, что эта хрупкая василисса уничтожитъ все дѣло его жизни и отниметъ тронъ у его династіи.

I.

Подобно Аѳинадѣ-Евдокіи, Ирина была родомъ изъ Аѳинъ; подобно ей, она была сиротой въ то время, какъ по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, въ которыхъ несомнѣнно красота ея играла главную роль, она стала невѣсткой императора. Но дальше этого сходство между двумя царицами не идетъ. Дѣйствительно, Аѳины VIII и Аѳины V вѣка рѣзко отличались другъ отъ друга. Это уже не былъ больше языческій городъ, городъ ученыхъ, съ университетомъ, преисполненный славою античныхъ писателей и знаменитыхъ философовъ, свято хранящій подъ сѣнью своихъ храмовъ память объ изгнанныхъ богахъ. Во времена Ирины это былъ маленькій провинціальный городъ, тихій и благочестивый, гдѣ Парѳенонъ сталъ церковью, гдѣ святая Софія изгнала изъ Акрополя Палладу-Аѳину, гдѣ свя-

тые замѣстили боговъ. Въ такой средѣ воспитаніе, и въ особенности воспитаніе женщины, не могло больше быть такимъ, какимъ оно было во времена Аѳинаиды. Какъ большинство ея современницъ, Ирина была вѣрующая и набожная; набожность ея была пылкая и восторженная, еще больше воспламеняющаяся отъ событій того смутнаго времени, въ какое она жила.

Уже болѣе сорока лѣтъ шелъ важный религіозный споръ, сильно волновавшій византійскую имперію: борьба, названная иконоборствомъ, достигла наибольшей своей остроты. Однако, это названіе, повидимому, строго богословское, не должно вводить въ заблужденіе относительно истиннаго характера этого грознаго кризиса: сущность дѣла заключалась совсѣмъ не въ мелкомъ вопросѣ церковнаго устава или литургическомъ. Несомнѣнно, что императоры иконоборцы, отличавшіеся благочестіемъ, какъ всѣ люди того времени, вносили и въ религіозные споры искреннее и горячее убѣжденіе; одной изъ цѣлей ихъ реформы было поднять нравственный уровень религіи, очистивъ ее отъ своего рода возрождающагося язычества, какимъ имъ представлялось чрезмѣрное поклоненіе иконамъ Божьей Матери и Святыхъ. Но другая сторона занимала ихъ гораздо больше; они въ особенности пугались могущества, какое пріобрѣли въ государствѣ, благодаря своему вліянію и богатству, защитники иконъ, монахи. Въ сущности, какъ ни странно это можетъ показаться въ такой христіаннѣйшей имперіи, какой была Византія,—начиная съ VIII вѣка, это была борьба свѣтской власти съ монашествомъ.

Противъ него императоръ Константинъ V, эта страстная душа съ сильной волей, боролся съ особеннымъ ожесточеніемъ. По его приказанію совершались жестокія, часто даже кровавыя расправы. Монастыри секуляризировались, монахи изгонялись, ссылались или заточались въ тюрьмы; въ Константинополѣ ихъ почти совсѣмъ не стало. И все византійское общество, увлеченное борьбой, раздѣлилось на два лагеря. Съ одной стороны былъ міръ оффиціальный, высшее духовенство, чиновники, высшіе общественные классы, наконецъ, армія, вполнѣ преданная такому побѣдоносному вождю, какимъ былъ Константинъ V. Съ другой стороны стояло низшее духовенство, средніе классы, народъ, женщины, охваченныя мистическимъ благочестіемъ, очарованныя великолѣпіемъ культа, плѣненныя красотой храмовъ, а потому не желавшія отказаться отъ поклоненія чудотворнымъ и чтимымъ иконамъ.

Ирина была женщина и, кромѣ того, уроженка провинціи, горячо преданной поклоненію иконамъ, слѣдовательно, не могло быть сомнѣнія, на чью сторону она станетъ. Но когда она вступала въ императорскую семью, преслѣдованія были въ полной силѣ и въ присутствіи страшнаго Константина V являлось далеко не безопаснымъ обнаруживать слишкомъ противоположныя воззрѣнія, поэтому Ирина тщательно скрыла свои убѣжденія. Больше того, по просьбѣ своего свекра она дала торжественную клятву, что никогда не признаетъ иконъ; и съ этой минуты мы видимъ, какъ зарождается въ ея нѣсколько неустойчивой душѣ извѣстнаго рода скрытность,

нѣкоторая недобросовѣстность, которыя такъ сильно проявятся въ ней позднѣе.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на наружную покорность, благочестіе молодой женщины не было безплоднымъ благочестіемъ. Это явно сказалось, когда въ 775 г., по смерти Константина V, новый императоръ Левъ IV, быть можетъ, подъ вліяніемъ Ирины, — вліяніе ея было очень сильно въ началѣ его царствованія,—ослабилъ нѣсколько прежнія строгія мѣры. Царица принялась дѣйствовать рѣшительно. Къ тому же многія женщины благоговѣйно сохранили запрещенныя иконы: одна легенда разсказываетъ, что Анѳуса, дочь Константина V, въ самомъ дворцѣ безъ всякаго страха и осторожности продолжала поклоняться запрещеннымъ иконамъ. Ирина сочла возможнымъ послѣдовать примѣру своей невѣстки и возмечтала, что ей удастся тайно возстановить въ столицѣ запрещенный культъ. Попытка эта имѣла довольно трагическія послѣдствія. Въ апрѣлѣ 780 г. нѣсколько близкихъ къ императрицѣ лицъ были по приказанію Льва IV арестованы и преданы казни, какъ явно заподозрѣнныя въ иконопочитаніи. Сама царица была скомпрометирована въ этомъ дѣлѣ. Разсказываютъ, что однажды мужъ нашелъ въ ея комнатѣ запрятанными подъ подушки двѣ иконы съ изображеніями святыхъ. Увидя ихъ, Левъ IV страшно разгнѣвался; и хотя Ирина, всегда готовая на какія угодно клятвы, побожилась, что не знаетъ, кто ей ихъ туда положилъ, милость, какою она пользовалась у императора, была сильно поколеблена; она почти впала въ немилость, когда вдругъ, къ большому ея благо-

получію, Левъ IV умеръ, почти внезапно въ сентябрѣ того же 780 г. Наслѣднику престола, Константину VI, было всего десять лѣтъ; въ качествѣ опекунши своего сына и регентши, Ирина стала полновластной императрицей.

II.

Изъ историческихъ лицъ рѣдко о комъ такъ трудно произнести вѣрное сужденіе, какъ о знаменитой императрицѣ, возстановительницѣ православія въ Византіи. Какъ извѣстно, она была хороша собой; все заставляетъ при этомъ предполагать, что она была цѣломудренна, и что попавъ въ юные годы ко двору, гдѣ не было никакой нравственной устойчивости, гдѣ нравы отличались распущенностью, она сама оставалась всегда безупречной; наконецъ, она была благочестива. Но что мы знаемъ еще объ Иринѣ? Какова была сила ея ума? Каковъ характеръ? Конечно, мы можемъ судить объ этомъ по ея правительственнымъ мѣропріятіямъ. Самостоятельно ли она управляла государствомъ? Проявляла ли она на престолѣ свои собственныя идеи? Или была лишь орудіемъ въ рукахъ искусныхъ совѣтниковъ? Это все вопросы, тѣмъ болѣе трудно разрѣшимые и тѣмъ болѣе темные, что современные ей писатели безконечно восхищались этой нравственной и благочестивой царицей.

Согласно ихъ свидѣтельству явилась возможность описывать Ирину въ самыхъ лестныхъ краскахъ, что не преминули сдѣлать и въ наше время. Одинъ знаменитый беллетристъ, набро-

савшій въ дни своей юности портретъ благочестивѣйшей императрицы и давшій намъ недавно въ ярко написанномъ мастерскомъ романѣ полное ея изображеніе *), представляетъ ее намъ посвященной въ философію Платона, въ оккультическіе догматы „космополитическаго герметизма“, знакомой съ „теургическими заклинаніями, ведущими къ власти“, и употребляющей эту власть для единой цѣли—величія Византіи и возстановленія древней римской гегемоніи. Кто хочетъ представить себѣ Ирину такой, какой воображалъ ее Поль Аданъ, пусть прочтетъ слѣдующую страницу: „Сидя подъ балдахиномъ на самомъ краю мыса, высящемся надъ быстро текущими водами Босфора, она проводила вечера въ созерцаніи безсмертной фееріи восточнаго неба, видя собственное отраженіе въ ясномъ зеркалѣ водъ, сіяющее подобно Богоматери въ торжественныхъ ризахъ, переливающихъ лучистыми звѣздами въ каждой грани безподобныхъ драгоцѣнныхъ камней, какими онѣ были усыпаны. И смѣлые замыслы роились у нея въ головѣ. Вспоминались таинственныя наставленія, преподанныя въ школѣ. Почувствовать, какъ отвѣтно ея желанію и велѣнью забьется сердце народа, одна эта мысль заставляла ее и млѣть, и задыхаться“ **) Такъ сильна симпатія автора къ этой выдающейся женщинѣ, что онъ находитъ даже оправданіе для ея преступленія; оно представляется ему чуть ли не законнымъ. Если она свергла съ престола сына и приказала его

---

*) Paul Adam. Irène et les eunuques.
**) Paul Adam. Princesses byzantines p. 33, 34.

ослѣпить, это потому, увѣряетъ романистъ, „что она предпочла упразднить индивида въ пользу рода. Высшее право было ея оправданіемъ“.

Все это, конечно, простительный для беллетриста вымыселъ. Но и серьезные историки изображаютъ Ирину въ не менѣе привлекательномъ видѣ. Одинъ ученый восхваляетъ ея таланты, ея исключительную ловкость, изворотливость ея ума, ея дальновидность, ея твердость характера *). Другой видитъ въ ней въ высшей степени замѣчательную женщину, давшую Византіи наилучшее за все время ея существованія управленіе, возстановившее ея славу. И прибавляетъ: „это была женщина, дѣйствительно рожденная для трона, мужского склада ума, удивительно одаренная всѣми качествами, необходимыми для великаго монарха, умѣющая говорить съ народомъ и возбуждать къ себѣ его любовь, не менѣе того умѣющая выбирать совѣтниковъ, одаренная дѣйствительной смѣлостью и удивительнымъ хладнокровіемъ“ **).

Съ своей стороны я долженъ сознаться, что мнѣ лично Ирина представляется гораздо менѣе привлекательной. Крайне честолюбивая,—ея поклонники отмѣчаютъ въ ней, какъ характерную черту, исключительное властолюбіе (*τὸ φίλαρχον*),—она всю свою жизнь руководилась одною страстью — желаньемъ царствовать. Она была молода и хороша собой, но не имѣла любовника изъ страха, чтобъ не сталъ онъ надъ ней

---

*) Gasquet. L'empire byzantin et la monarchie franque, p. 252.

**) Schlumberger, Les Iles des Princes, p. 112.

господиномъ. Она была матерью, честолюбіе заглушило въ ней материнскую любовь. Для достиженія поставленной себѣ цѣли, она не стѣснялась ничѣмъ; всѣ средства были для нея хороши, обманъ и интриги, жестокость и коварство. Вся мощь ея души, всѣ силы ея гордости были направлены только къ одному, къ достиженію престола. И такъ было всю жизнь: само ея благочестіе, подлинное и глубокое, усиливало и помогало ея честолюбію; благочестіе узкое, суевѣрное, при чемъ она себѣ внушила, что была необходимымъ орудіемъ въ рукахъ Божіихъ, что ей надлежитъ совершить въ этомъ мірѣ важное дѣло, что она обязана это дѣло защищать и не позволять другимъ уничтожить его. Такъ согласовала она наиболѣе удобнымъ образомъ наставленія религіозныя съ побужденіями, внушенными собственными интересами и жаждой власти; и такъ какъ она вслѣдствіе этого была всегда убѣждена въ своемъ правѣ и въ сознаніи своего долга, она искренно и безъ колебаній шла къ намѣченной цѣли, не останавливаясь ни передъ какимъ препятствіемъ, и не было трудности, которая заставила бы ее сойти съ избраннаго ею пути. Надменная и страстная, она поступала деспотически, грубо и жестоко; настойчивая и упрямая, она преслѣдовала свои цѣли съ неутомимымъ и необычайнымъ упорствомъ; скрытая и ловкая, она для приведенія въ исполненіе своихъ замысловъ пустила въ ходъ невѣроятное количество средствъ, несравненное искусство ковать козни, заводить интриги. Есть несомнѣнно нѣкоторое величіе въ этой жаждѣ верховной власти, всецѣло поглощающей душу,

въ такомъ психологическомъ извращеніи, убивающемъ всѣ чувства, за исключеніемъ честолюбія.

И я вполнѣ согласенъ, что Ирина довольно счастливо довела до конца показную роль женщины, выдающейся своимъ честолюбіемъ. Въ ней было величіе, представительность, вкусъ къ роскоши, торжествамъ и великолѣпнымъ сооруженіямъ; въ этомъ, впрочемъ, она была вполнѣ женщина. Друзья ея утверждали, кромѣ того, что она управляла хорошо, что народъ ее любилъ и оплакивалъ ея паденіе, что царствованіе ея было временемъ сплошного благоденствія. Далѣе будетъ видно, какого мнѣнія надо придерживаться относительно этихъ похвалъ. Во всякомъ случаѣ намъ трудно признать за императрицей Ириной тотъ исключительный умъ, ту силу духа, ту мужественную смѣлость, ту твердость души въ несчастіяхъ, какіе ей такъ охотно приписываютъ ея приверженцы. Одна вещь заставляетъ сомнѣваться въ силѣ ея политическаго генія и въ ясности ея взглядовъ: она всегда нѣсколько преждевременно хвасталась побѣдой и не разъ наталкивалась на препятствія, которыя могла бы и должна была бы предвидѣть. Если угодно, она была искусна и сильна въ интригантствѣ, но въ ея способахъ дѣйствія выказывались, главнымъ образомъ, уловки скрытной и хитрой женщины, имѣвшія, конечно, иногда успѣхъ, но отнюдь не доказывающія превосходства ума. Я признаю, что она съ большимъ упорствомъ, съ похвальной настойчивостью боролась съ препятствіемъ, покуда не побѣждала его. Но она не представляется намъ, несмотря на величіе души (*τὸ κραταιόφρον*) и му-

жественный духъ (*τὸ ἀῤῥένωπὸν φρόνημα*), какими ее надѣляютъ, ни дѣйствительно энергичной, ни достаточно смѣлой.

Въ 797 году, когда она совершила государственный переворотъ, отнявшій у ея сына престолъ, она въ рѣшительную минуту потеряла голову; она испугалась, готова была на униженіе, она подумала, что дѣло проиграно и рѣшила было все бросить. Въ 802 году, когда заговорщики подготовили ея паденіе, она дала лишить себя престола, не дѣлая даже попытки къ сопротивленію. Слабая въ пораженіи, при побѣдѣ, наоборотъ, она выказала себя неумолимой. А поступокъ ея съ сыномъ, намъ кажется, достаточно краснорѣчивъ, чтобъ судить о ея сердцѣ. Несомнѣнно, она совершила много крупныхъ дѣлъ въ теченіе почти двадцатилѣтняго своего царствованія; она дерзнула на революцію политическую и религіозную, значенія безпримѣрнаго. Тѣмъ не менѣе, она сама по себѣ не была велика ни силой духа, ни силой воли.

Но какова бы ни была Ирина, эпоха, въ какую она жила, остается необычайно интересной и драматичной. Какъ вѣрно было замѣчено, „въ этой византійской исторіи, заставляющей насъ присутствовать при такихъ невѣроятныхъ событіяхъ, царствованіе Ирины является, быть можетъ, самымъ удивительнымъ*).

---

*) Molinier. Hist. des arts appliqués à l'industrie, 1. p. 84.

III.

Въ то время, какъ благодаря смерти Льва IV, Ирина вступила въ обладаніе полнотой верховной власти, много честолюбивыхъ замысловъ бродило въ головахъ окружавшихъ ее соперниковъ. При дворѣ она наталкивалась на глухую вражду своихъ зятьевъ, пяти сыновей Константина V, популярныхъ и честолюбивыхъ, отъ которыхъ она могла опасаться всего. Напрасно отецъ, умирая, заставилъ ихъ поклясться никогда не составлять заговора противъ законнаго монарха; не успѣлъ вступить на престолъ Левъ IV, какъ они ужъ нарушили свою клятву; и хотя послѣ этой продѣлки старшій изъ нихъ, кесарь Никифоръ, былъ лишенъ сана и сосланъ въ отдаленный Херсонъ, многочисленная партія продолжала упорно работать въ ихъ пользу. Съ другой стороны, всѣ высшія государственныя должности были заняты ревностными иконоборцами. Магистръ оффицій, начальникъ канцеляріи, доместикъ схолъ, главнокомандующій арміей были старые и вѣрные слуги покойнаго василевса Константина V. Сенатъ, высшіе чины провинціальной администраціи были не менѣе преданы политикѣ предшествовавшаго царствованія. Церковь, наконецъ, которой управлялъ патріархъ Павелъ, была полна враговъ иконопочитанія. Съ людьми такого сорта Ирина не могла ничего предпринять; съ своей стороны и они также съ полнымъ правомъ заподозрѣвали царицу и опасались въ недалекомъ будущемъ реакціонныхъ попытокъ съ ея стороны. Чтобъ

привести въ исполненіе свои благочестивыя намѣренія, чтобъ удовлетворить своимъ честолюбивымъ мечтаніямъ, императрицѣ надо было найти иныхъ сотрудниковъ, отыскать иную поддержку.

Вотъ тутъ то и проявилось ея искусство подготовлять себѣ пути. Изъ противниковъ своихъ она съ иными безъ всякаго милосердія расправилась силой, тихо удалила другихъ съ такихъ мѣстъ, гдѣ они являлись стѣснительными. Составился заговоръ, чтобы возвести на престолъ кесарей; она воспользовалась имъ, чтобъ заставить зятьевъ вступить въ монашескій чинъ, и для того, чтобывсѣ немедленно узнали объ ихъ опалѣ, она принудила ихъ въ Рождество 780 г. принять участіе въ торжественномъ богослуженіи, отправляемомъ въ этотъ великій праздникъ въ присутствіи всѣхъ жителей столицы, собравшихся въ храмѣ Святой Софіи. Въ то же время она постепенно перемѣнила всѣхъ дворцовыхъ чиновниковъ. Затѣмъ она способствовала своей семьѣ въ достиженіи всякихъ почестей, устроила брата, племянника, двоюродную сестру, еще другихъ родныхъ. Она подвергла опалѣ старыхъ военачальниковъ Константина V, особенно страшнаго Михаила Лаханодракона, стратига Ѳракисійцевъ, извѣстнаго своей свирѣпой ненавистью къ монахамъ и грубымъ издѣвательствомъ, съ какимъ онъ заставлялъ ихъ жениться. Вмѣсто нихъ она назначила на важныя должности своихъ людей, въ особенности евнуховъ изъ своего дома, и близкихъ ей. Имъ незамѣтно поручила она всѣ отвѣтственныя придворныя и административныя должности; изъ ихъ среды,

наконецъ, выбрала она себѣ перваго министра Ставракія.

Большой любимецъ царицы, человѣкъ этотъ милостью ея былъ сдѣланъ патрикіемъ, логоѳетомъ дрома; вскорѣ онъ сталъ безспорнымъ и всемогущимъ владыкой въ Священномъ Дворцѣ. Въ качествѣ дипломата, онъ заключилъ міръ съ арабами; въ качествѣ военачальника онъ подавилъ возстаніе славянъ и, чтобы поднять еще его престижъ, Ирина устроила ему въ ипподромѣ пышный тріумфъ. Напрасно недовольная такимъ начальникомъ армія не скрывала своей ненависти къ временщику; увѣренный въ милости императрицы, онъ становился все надменнѣе и нахальнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, вѣрный соучастникъ въ удачахъ Ирины, онъ въ продолженіе двадцати лѣтъ падалъ и поднимался вмѣстѣ съ ней. И, можетъ быть, этотъ дѣятельный, энергичный и честолюбивый человѣкъ, за которымъ нельзя не признать извѣстныхъ заслугъ, былъ часто руководителемъ монархини, внушая ей различные проэкты; но съ другой стороны, видно также, какой своеобразный характеръ и тонъ камарильи былъ съ самаго начала приданъ правительству Ирины, благодаря вмѣшательству дворцовыхъ евнуховъ во всѣ дѣла управленія монархіей.

Производя перемѣны въ составѣ правительства, Ирина въ то же время измѣняла и всю политику имперіи. Она прекратила войну на Востокѣ; она начала на западѣ сближеніе съ папой, задумала войти въ соглашеніе съ Карломъ Великимъ; въ особенности въ дѣлахъ религіи она выказывала давно невиданную терпи-

мость. „Благочестивые люди, говоритъ одинъ современный ей лѣтописецъ, вновь могли свободно говорить, слово Божіе безвозбранно распространяться; искавшіе вѣчнаго спасенія могли безъ помѣхи удалиться изъ міра, и слава Божія вновь возсіяла; монастыри стали вновь благоденствовать, повсюду царило добро. Монахи вновь появились въ Константинополѣ; вновь открылся доступъ въ монастырь для того, кто раньше вынужденъ былъ душить въ себѣ истинное призваніе; императрица старалась всячески загладить святотатство предшествовавшаго царствованія; она съ большой торжественностью отнесла обратно въ святую Софію драгоцѣнную корону, нѣкогда похищенную изъ храма Львомъ IV; она торжественно вновь положила въ ихъ святилище мощи святой Евфиміи, брошенныя въ море по приказанію Константина V и чудесно вновь найденныя. И партія набожныхъ людей въ восторгѣ отъ такихъ проявленій благочестія привѣтствовала, какъ неожиданное чудо, восшествіе на престолъ благочестивой монархини и благодарила Бога, восхотѣвшаго руками женщины-вдовы и сироты-ребенка уничтожить нечестіе и положить конецъ рабскому состоянію церкви“.

Ловко поведенная интрига упрочила за Ириной единственную не достававшую ей еще власть,—патріархатъ. Въ 784 году, совсѣмъ неожиданно, не посовѣтовавшись съ правительствомъ, какъ утверждаетъ Θеофанъ, впрочемъ, вѣроятно, вслѣдствіе внушеній, происходившихъ изъ дворца, — патріархъ Павелъ сложилъ съ себя санъ и удалился въ монастырь, громо-

гласно объявивъ всѣмъ, что, предавшись всецѣло раскаянію о своихъ грѣхахъ, онъ рѣшилъ искупить преступленія, совершенныя имъ противъ иконъ и хоть умереть въ мирѣ съ Богомъ. Ирина ловко воспользовалась такимъ рѣшеніемъ, надѣлавшимъ много шуму въ столицѣ, и на мѣсто Павла поставила во главѣ церкви человѣка вѣрнаго изъ свѣтскихъ, императорскаго секретаря Тарасія. Этотъ умный и тонкій политикъ, великолѣпно справился съ ролью, какую ему, несомнѣнно, назначила императрица. Когда имя его было выставлено, когда сама царица стала просить его принять избраніе, онъ воспротивился, отклонилъ санъ, какой хотѣли возложить на него, попросилъ, чтобы ему было позволено объяснить передъ народомъ причины своего отказа. И въ длинной рѣчи, пространно, онъ подчеркивалъ плачевное состояніе церкви, потрясавшіе ее раздоры, расколъ, отдѣлившій ее отъ Рима, и очень ловко, этой цѣной только соглашаясь принять предложеніе, онъ подалъ мысль о вселенскомъ соборѣ, единственно могущемъ возстановить миръ и единеніе въ христіанскомъ мірѣ. Въ то же время, сдѣлавъ ловкое отступленіе, онъ осудилъ иконоборческій соборъ, бывшій въ 753 г., отрицая его канонический авторитетъ вслѣдствіе того, что онъ только утвердилъ неправильно принятыя свѣтской властью рѣшенія по дѣламъ религіи. Подготовивъ такимъ образомъ почву для проэктовъ царицы, онъ, въ концѣ концовъ, далъ себя уговорить и, получивъ разомъ всѣ степени священства, вступилъ на патріаршій престолъ.

Съ такимъ неоцѣнимымъ союзникомъ Ирина

сочла возможнымъ дѣйствовать открыто. По всей имперіи разосланы были воззванія, призывавшія въ Константинополь къ веснѣ 786 г. всѣхъ духовныхъ особъ христіанскаго міра, и заранѣе были увѣрены въ побѣдѣ. Но забыли принять въ расчетъ оппозицію извѣстной части епископовъ и въ особенности враждебное отношеніе императорской гвардіи, оставшейся вѣрною памяти Константина V и приверженной политикѣ его славнаго царствованія. Замѣтили сдѣланную ошибку въ самый день открытія собора въ церкви святыхъ Апостоловъ. Епископы торжественно заняли свои мѣста; на хорахъ базилики Ирина съ сыномъ присутствовала на засѣданіи. Платонъ, игуменъ Саккудійскаго монастыря, одинъ изъ самыхъ горячихъ защитниковъ иконъ, произносилъ съ кафедры подходящую къ случаю проповѣдь, какъ вдругъ въ церковь ворвались воины съ обнаженными мечами, угрожая смертью духовнымъ сановникамъ. Тщетно Ирина съ достаточной храбростью пыталась вмѣшаться и подавить мятежъ; усилія ея оказались напрасны, авторитетъ безсиленъ. Православные епископы были подвергнуты поруганію и разсѣяны. Тогда епископы иконоборческой партіи, присоединясь къ войску, стали рукоплескать и кричать; „мы побѣдили, мы побѣдили!“ Сама Ирина не безъ труда спаслась отъ „когтей этихъ львовъ“, какъ пишетъ одинъ лѣтописецъ изъ духовенства, и приверженцы ея, хоть и не была пролита ея кровь, провозгласили ее мученицей.

Проявили излишнюю торопливость, теперь приходилось начинать все съизнова. На этотъ разъ, чтобы имѣть успѣхъ, пошли окольными

путями. Царица и ея первый министръ выказали при этомъ весь присущій имъ духъ интригъ, всю свою хитрость. Деньгами, обѣщаніями правительство переманило на свою сторону главную азіатскую армію, всегда завидовавшую войскамъ, составлявшимъ столичный гарнизонъ. Затѣмъ былъ объявленъ большой походъ противъ арабовъ. Первыми отправились въ походъ полки гвардіи; въ Константинополѣ ихъ тотчасъ замѣнили отрядами, въ преданности которыхъ были увѣрены; въ то же время, чтобы принудить къ послушанію непокорныхъ, хватали женщинъ и дѣтей, овладѣвали имуществомъ солдатъ, отправленныхъ на границу; съ такимъ драгоцѣннымъ залогомъ въ рукахъ правительство могло безъ опасенія сломить, распустить, разсѣять неблаговолившія къ нему войска гвардіи. Теперь Ирина имѣла необходимую поддержку для своихъ цѣлей, собственное войско съ преданными ей военачальниками. Несмотря на это, она не рискнула въ самомъ Константинополѣ возобновить попытку, неудавшуюся въ 786 г. Вселенскій соборъ собрался въ Никеѣ въ 787 г.; подъ всемогущимъ вліяніемъ двора, патріарха и монаховъ онъ, не колеблясь, предалъ анаѳемѣ иконоборческія постановленія 753 г. и во всей полнотѣ возстановилъ почитаніе иконъ и православіе. Затѣмъ въ ноябрѣ 787 г. отцы собора перебрались въ столицу и на послѣднемъ торжественномъ засѣданіи, происходившемъ въ Магнаврскомъ дворцѣ въ присутствіи легатовъ папы Адріана, Ирина собственноручно подписала каноны, возстановлявшіе любимыя ею вѣрованія.

Такимъ образомъ въ семь лѣтъ, благодаря умѣ-

лому терпѣнью, Ирина, несмотря на нѣкоторую чрезмѣрную поспѣшность, достигла всемогущества. Она удовлетворила церковь и собственныя благочестивыя стремленія; въ особенности раздавила она подъ своей пятой все, что мѣшало ея честолюбію. И ея набожные друзья, гордые такой монархиней, торжественно привѣтствовали въ ея лицѣ „императрицу христоносицу, правленіе которой, какъ самое имя ея, залогъ мира“ (*χριστοφόρος Εἰρήνη, ἡ φερωνύμως βασιλεύσασα*).

IV.

Въ то время, какъ Ирина одерживала эту побѣду, въ то время, какъ торжество ея казалось самымъ полнымъ, честолюбію ея грозила серьезная опасность.

Константинъ VI подрасталъ: ему было семнадцать лѣтъ. Между сыномъ, желавшимъ царствовать, и матерью, охваченной всецѣло жаждой верховной власти, столкновеніе являлось роковымъ, неизбѣжнымъ: оно должно было превзойти ужасомъ все, что только можно себѣ представить. Поэтому, чтобы объяснить эту злодѣйскую борьбу, благочестивые историки того времени не нашли другого средства, какъ впутать въ дѣло дьявола, и, желая оправдать благочестивѣйшую императрицу, они по возможности все сдѣланное ею зло возложили на ея злокозненныхъ совѣтниковъ. Въ сущности, эти извиненія совершенно непріемлемы: насколько мы ее знаемъ, Ирина несомнѣнно имѣла ясное представленіе о своихъ поступкахъ и является вполнѣ отвѣтственной за нихъ. Ей надо было спасти только что совер-

шенное ею дѣло, сохранить власть, какую она держала въ своихъ рукахъ: для этого она не отступила ни передъ борьбой, ни передъ преступленіемъ.

Властная и страстная, Ирина продолжала обращаться, какъ съ ребенкомъ, съ юношей, какимъ сталъ ея сынъ. Задолго передъ тѣмъ, вначалѣ своего царствованія, она изъ политическихъ видовъ составила проэктъ брака между Константиномъ VI и одной изъ дочерей Карла Великаго, и извѣстно, что одному евнуху во дворцѣ было поручено въ Ахенѣ обучать юную Ротруду языку и обычаямъ ея будущей родины, а ученые придворной Академіи, самолюбію которыхъ льстилъ предполагаемый бракъ, принялись на перебой изучать греческій языкъ. Но что сдѣлала политика, то политика же и уничтожила. Разъ что миръ съ Римомъ былъ возстановленъ, союзъ съ франками представлялся Иринѣ уже менѣе нужнымъ; въ особенности, говорятъ, она испугалась, какъ бы могучій король Карлъ не сталъ слишкомъ сильной поддержкой своему слабому зятю и не помогъ ему завладѣть престоломъ. Поэтому она отказалась отъ прежняго своего проэкта и, несмотря на сопротивленіе Константина VI, заглаза влюбившагося въ западную принцессу, она принудила его къ другому браку. Я уже сообщалъ, позаимствовавъ свой разсказъ изъ одного краснваго мѣста житія Филарета, какъ царскіе посланные, согласно обычаю, отправились въ путь, чтобы объѣхать всѣ провинціи и найти невѣсту, достойную василевса, и какъ изъ кандидатокъ на руку Константина Ирина и ея первый министръ выбрали одну юную армянку, уроженку Пафлагок-

ской ѳемы, Марію Амнійскую. Она была хороша собой, умна, благочестива и, кромѣ того, происходила изъ очень скромной семьи; думали, что обязанная всѣмъ Иринѣ она будетъ послушна и покорна волѣ своей благодѣтельницы, и что со стороны такой невѣстки императрицѣ нечего будетъ опасаться какихъ-либо честолюбивыхъ поползновеній, неудобныхъ и неумѣстныхъ. Итакъ бракъ былъ рѣшенъ, и Константинъ поневолѣ долженъ былъ покориться. Это было въ ноябрѣ 788 года.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Ирина тщательно отстраняла сына отъ всякихъ дѣлъ. Императоръ со своимъ дворомъ жилъ какъ бы отдѣльной жизнью, безъ друзей, безъ вліянія; на его глазахъ всесильный Ставракій, дерзкій и надменный, распоряжался всѣмъ по собственному произволу, и всѣ униженно склонялись передъ фаворитомъ. Въ концѣ концовъ юный монархъ возмутился противъ такой опеки; вмѣстѣ съ нѣсколькими приближенными онъ составилъ заговоръ противъ перваго министра. Ему пришлось отъ этого плохо. Заговоръ былъ открытъ, и Ирина увидала при этомъ, что ей непосредственно грозитъ опасность: съ этого дня честолюбіе убило въ ней материнскія чувства. Она стала разить безъ пощады. Арестованные заговорщики были подвергнуты пыткамъ, изгнаны или заключены въ тюрьму; но что еще важнѣе, самъ императоръ былъ подвергнутъ тѣлесному наказанію, какъ непокорный ребенокъ, строго отчитанъ матерью и на нѣсколько дней посаженъ подъ арестъ у себя въ комнатѣ. Послѣ этого императрица не сомнѣвалась въ своемъ торжествѣ, льстецы тоже поддерживали въ ней

всячески эту иллюзію, утверждая, что „самъ Богъ не хотѣлъ, чтобъ ея сынъ царствовалъ“. Суевѣрная и легковѣрная, какъ всѣ ея современники, она поддавалась такимъ рѣчамъ и слушала предсказанія прорицателей, пророчившихъ тронъ; и чтобы упрочить его за собой, она рискнула всѣмъ. Армію вновь привели къ присягѣ; солдаты должны были клясться, произнося слѣдующую странную и небывалую формулу: „Покуда ты жива, мы никогда не признаемъ твоего сына императоромъ“, и въ оффиціальныхъ привѣтствіяхъ имя Ирины стояло раньше имени Константина.

И на этотъ разъ, какъ въ 786 г. честолюбивая царица въ пылу своемъ хватила черезъ край. Въ 790 г. среди войска, находившагося въ Азіи, вспыхнуло возстаніе въ пользу юнаго царя, незаконно взятаго подъ опеку. Изъ полковъ армянскихъ мятежъ распространился и въ другія ѳемы; вскорѣ всѣ войска, соединившись, потребовали освобожденія Константина VI и признанія его единственнымъ и истиннымъ василевсомъ. Ирина испугалась и уступила. Она смирилась передъ необходимостью освободить сына и отказаться отъ власти: въ безсильной злобѣ она должна была смотрѣть, какъ удаляли, предавъ опалѣ, самыхъ близкихъ ей друзей. Ставракій, первый министръ, былъ постриженъ и сосланъ въ Арменію; Аэцій, другой изъ ея приближенныхъ, раздѣлилъ его участь. Она сама должна была удалиться въ свой великолѣпный Элевѳерійскій дворецъ и видѣла потомъ, какъ при торжественно провозглашенномъ молодомъ царѣ вновь вошли въ милость всѣ, съ кѣмъ она раньше побѣдоносно боролась, всѣ враги иконъ, почитаніе ко-

торыхъ она возстановила, и прежде всѣхъ старый Михаилъ Лаханодраконъ, возведенный въ высокую должность магистра оффицій.

Но Константинъ VI не питалъ никакой ненависти къ матери. И года не прошло послѣ паденія Ирины, какъ въ январѣ 792 г., уступая ея просьбамъ, молодой царь возвратилъ ей титулъ императрицы, призвалъ ее вновь въ священный дворецъ, вновь предоставилъ ей дѣлить съ нимъ власть; вмѣстѣ съ ней слабовольный василевсъ призвалъ вновь къ власти евнуха Ставракія, ея любимца. Ирина возвратилась, жаждая мести, алкая наказанія тѣхъ, кто предалъ ее и болѣе чѣмъ когда-либо горя желаніемъ осуществить свою честолюбивую мечту. Но на этотъ разъ, чтобы достичь ея, она должна была дѣйствовать болѣе искусно. Въ 790 г. она была слишкомъ увѣрена въ успѣхѣ; она хотѣла ускорить событія и силой овладѣть престоломъ; своими жестокостями въ отношеніи сына она возмутила общественное мнѣніе и подняла противъ себя войска. Наученная неудачей, она употребила цѣлыхъ пять долгихъ лѣтъ на терпѣливое подготовленіе успѣха и торжества путемъ самыхъ тонкихъ интригъ, прекрасно обдуманныхъ.

Константинъ VI обладалъ несомнѣнными качествами. Подобно своему дѣду, это былъ храбрый, энергичный, умный, способный царь; сами противники его поютъ ему похвалы и признаютъ за нимъ военныя доблести и дѣйствительную способность къ управленію. Возведенныя противъ него обвиненія и въ частности развратная жизнь, какой его попрекали, не имѣютъ общаго значенія, какъ это можно подумать сначала, и

мѣтятъ, по мнѣнію пустившихъ эти обвиненія, исключительно на скандалъ, возбужденный его второй женитьбой. Безусловно православный, онъ былъ очень популяренъ среди низшихъ классовъ, и церковь благоволила къ нему; смѣлый и дѣятельный полководецъ, всегда готовый возобновить войну съ болгарами и арабами, онъ былъ любимъ войскомъ. Только благодаря ея необыкновенной ловкости Иринѣ удалось поссорить этого достойнаго монарха съ его лучшими друзьями, выставить его одновременно неблагодарнымъ, жестокимъ и низкимъ, дискредитировать его въ глазахъ войска, лишить его любви народа и, наконецъ, погубить его въ глазахъ церкви.

Прежде всего она употребила вновь пріобрѣтенное вліяніе, чтобы возбудить въ юномъ монархѣ подозрѣнія противъ Алексѣя Моселя, военачальника, устроившаго возстаніе въ 790 г., и такъ сильно скомпрометировала его, что императоръ лишилъ его милости и засадилъ въ тюрьму, затѣмъ ослѣпилъ. Для Ирины это было вдвойнѣ выгодно; она мстила человѣку, обманувшему ея довѣріе, и поднимала противъ Константина войско Арменіи, его лучшую поддержку. Дѣйствительно, узнавъ, какъ поступили съ ихъ любимымъ начальникомъ, войско это возмутилось. Въ 793 г. василевсу пришлось самому отправиться усмирять бунтъ: онъ произвелъ это съ крайней жестокостью, вслѣдствіе чего окончательно лишился расположенія войска. Въ то же время, такъ какъ партія, стоявшая за дядей его, кесарей, продолжала волноваться, императоръ, по совѣту Ирины, присудилъ старшаго къ ослѣпле-

нію, а остальнымъ четыремъ велѣлъ вырвать языкъ: довольно безполезная жестокость, сдѣлавшая его крайне непопулярнымъ, особенно среди иконоборцевъ, любившихъ въ лицѣ этихъ несчастныхъ жертвъ ихъ отца, Константина V. Наконецъ, чтобы окончательно возстановить противъ своего сына общественное мнѣніе, императрица придумала еще одно средство, самое маккіавелическое изо всѣхъ.

Константинъ VI, какъ извѣстно, не любилъ свою жену, несмотря на то, что имѣлъ отъ нея двухъ дочерей Евфросинію и Ирину. У него были любовницы. По возвращеніи императрицы Ирины во дворецъ, онъ вдругъ вспыхнулъ страстью къ одной изъ дѣвушекъ ея свиты; ее звали Ѳеодотой; она принадлежала къ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій столицы, состоявшей въ родствѣ съ нѣкоторыми изъ самыхъ знаменитыхъ людей православной партіи, игуменомъ Саккудійскаго монастыря Платономъ и племянникомъ его Ѳеодоромъ. Ирина милостиво поощряла страсть сына къ своей придворной, и сама подала ему мысль развестись съ женой, чтобы жениться на молодой дѣвушкѣ; она хорошо знала, какой скандалъ произведетъ такая выходка царя, и заранѣе разсчитала всѣ ея послѣдствія, преслѣдуя собственные виды. Константинъ VI охотно принималъ эти совѣты; и вотъ во дворцѣ завелась тогда крайне интересная интрига, имѣвшая цѣлью избавить его отъ Маріи, къ которой мнѣ придется возвратиться, такъ какъ она необыкновенно характерна для византійскихъ нравовъ того времени. Во всякомъ случаѣ, кончилось тѣмъ, что, несмотря на сопротивленіе патріарха, импера-

торъ заточилъ свою жену въ монастырь, а самъ въ сентябрѣ 795 года женился на Ѳеодотѣ.

Что предвидѣла Ирина, то и не замедлило случиться. Среди всѣхъ христіанъ Византіи, вплоть до самыхъ отдаленныхъ провинцій, этотъ прелюбодѣйный союзъ встрѣтилъ всеобщій протестъ. Партія набожныхъ людей, страшно скандализованная, рвала и метала; монахи, раздувая огонь, громили императора, двоеженца и развратника, и возмущались слабостью патріарха Тарасія, который изъ политическихъ видовъ терпѣлъ подобную мерзость. Ирина втихомолку поддерживала и поощряла ихъ негодованіе, „ибо,—говоритъ одинъ современный лѣтописецъ,—они возставали противъ ея сына и позорили его“. Церковные писатели того времени разсказываютъ, до какихъ припадковъ бѣшенства доходилъ благочестивый гнѣвъ набожныхъ людей противъ непокорнаго и нечестиваго сына, противъ испорченнаго и развратнаго царя. „Горе граду,—писалъ Ѳеодоръ Студитъ, примѣняя къ нему слова изъ Эклезіаста,—горе граду, царемъ надъ которымъ поставленъ младенецъ“. Константинъ VI, болѣе спокойный, старался умиротворительными мѣрами утишить поднявшуюся страшную бурю. Такъ какъ главный очагъ сопротивленія былъ Саккудійскій монастырь въ Виѳиніи, онъ переѣхалъ подъ предлогомъ подышать воздухомъ въ городокъ Прусу; и оттуда, пользуясь близкимъ сосѣдствомъ, онъ вступилъ съ монахами знаменитаго монастыря въ самыя дружелюбныя сношенія и переговоры. Онъ даже кончилъ тѣмъ, что въ надеждѣ умиротворить ихъ такой предупредительностью, самолично посѣтилъ ихъ. Ничто

не помогло. „Хотя-бы и кровь нашу пришлось намъ пролить,—заявлялъ Ѳеодоръ Студитъ,—мы ее прольемъ съ радостью".

Такая непримиримость заставила императора потерять терпѣніе, что было большой ошибкой: онъ рѣшилъ дѣйствовать силой. Былъ отданъ приказъ объ арестахъ; нѣкоторыхъ монаховъ подвергли тѣлесному наказанію, заключенію или ссылкѣ; остальные члены монашеской общины были разсѣяны. Но эти суровыя мѣры только усложнили положеніе. Монахи повсюду кипѣли гнѣвомъ противъ тирана, противъ „новаго Ирода", и игуменъ Платонъ въ самомъ дворцѣ позволилъ себѣ оскорбить царя. Константинъ VI сдержался. На оскорбленіе игумена онъ только холодно отвѣчалъ: „Я не желаю дѣлать мучениковъ", и спокойно выслушалъ его. Къ несчастью для него, онъ уже раньше зашелъ слишкомъ далеко. Общественное мнѣніе было возстановлено противъ молодого монарха: Ирина сумѣла этимъ воспользоваться.

Во время пребыванія двора въ Прусѣ императрица-мать дѣйствовала необыкновенно умѣло. Впрочемъ, и обстоятельства исключительно ей благопріятствовали. Юная царица Ѳеодота въ ожиданіи родовъ должна была возвратиться въ столицу, чтобы разрѣшиться отъ бремени въ священномъ дворцѣ, и Константинъ VI, сильно влюбленный въ жену, съ трудомъ переносилъ ея отсутствіе; поэтому, когда онъ узналъ въ октябрѣ 796 года, что у него родился сынъ, онъ поторопился возвратиться въ Константинополь. Такимъ образомъ, онъ предоставлялъ Иринѣ полную возможность интриговать. Подарками, обѣ-

щаніями, силой собственнаго очарованія она сумѣла переманить на свою сторону главныхъ начальниковъ охранной стражи; она убѣдила ихъ подготовить государственный переворотъ, имѣвшій цѣлью сдѣлать ее одну императрицей, и заговорщики, руководимые, какъ всегда, Ставракіемъ, условились выждать удобную минуту. На горизонтѣ была все же одна черная точка, благодаря которой все могло рухнуть. Достаточно было одной блестящей побѣды и Константинъ VI вернулъ бы себѣ весь свой былой престижъ: какъ разъ въ мартѣ мѣсяцѣ 797 года царь началъ кампанію противъ арабовъ. Друзья его матери не посовѣстились устроить такъ. что походъ совершенно не удался, помощью обмана, сильно смахивавшаго на измѣну; императоръ долженъ былъ возвратиться въ Константинополь, не имѣя возможности встрѣтиться съ непріятелемъ, ничего не сдѣлавъ.

Рѣшительная минута близилась. 17 іюля 797 г. Константинъ VI возвращался съ ипподрома во дворецъ св. Мамы. Измѣнники, окружавшіе его, сочли минуту благопріятной и сдѣлали попытку схватить его. Но царь спасся отъ нихъ и, укрывшись на суднѣ, быстро переправился на азіатскій берегъ, разсчитывая на вѣрность войска, занимавшаго анатолійскую ѳему. Ирина, при первомъ извѣстіи о покушеніи уже завладѣвшая Большимъ дворцомъ, испугалась, потеряла голову; видя, что друзья колеблются, а народъ склоняется на сторону Константина, она уже подумывала объ униженіи и собиралась послать къ сыну епископовъ просить пощады, какъ вдругъ ея страсть къ верховной власти внушила ей мысль

въ послѣдній разъ поставить все на карту. Многіе изъ приближенныхъ императора сильно скомпрометировали себя вмѣстѣ съ ней; она пригрозила имъ выдать ихъ царю и доставить ему письменныя доказательства ихъ измѣны. Испуганные такими заявленіями и не видя другого средства избѣжать вѣрной гибели, заговорщики, собравшись съ духомъ, захватили несчастнаго монарха. Его привезли опять въ Константинополь, заперли въ свящeнномъ дворцѣ въ порфировой комнатѣ, гдѣ онъ родился, и тутъ по приказанію его матери палачъ выкололъ ему глаза. Но онъ не умеръ. Сосланный въ пышный домъ онъ добился въ концѣ концовъ, что ему вернули жену его Ѳеодоту, мужественно поддерживавшую его въ роковую минуту; у него даже родился отъ нея второй сынъ, и такъ среди тихихъ сумерокъ дожилъ онъ мирно послѣдніе годы своей жизни. Но жизнь императора съ той поры была для него кончена.

Никто, или почти никто, не оплакалъ судьбы несчастнаго монарха. Святоши въ своемъ узкомъ фанатизмѣ увидали въ постигшей его немилости должное наказаніе Божіе за его прелюбодѣйный союзъ, справедливую кару за строгія мѣры, принятыя имъ противъ монаховъ, поучительный примѣръ, наконецъ, долженствующій, какъ говоритъ Ѳеодоръ Студитъ, „научить самихъ императоровъ не нарушать божественныхъ законовъ, не предпринимать нечестивыхъ преслѣдованій“. И на этотъ разъ благочестивыя души вновь привѣтствовали съ благодарностью и восхищеніемъ освобожденіе отъ нечестивца, совершенное православнѣйшей царицей Ириной. Одинъ только

лѣтописецъ Ѳеофанъ, несмотря на свою преданность монархинѣ, какъ будто, хотя и смутно, но почуялъ ужасъ ея преступленія: „Солнце,—пишетъ онъ,—затмилось на семнадцать дней, не дало пробиться ни одному лучу, и корабли блуждали по морю во тьмѣ; и говорили всѣ, что это по причинѣ ослѣпленія василевса солнце не хотѣло свѣтить; и такъ вступила на престолъ Ирина, мать императора".

V.

Ирина осуществила свою мечту: она царствовала. Тутъ, повидимому, ея счастье и ея всемогущество опьянили ее. Дѣйствительно, она осмѣлилась на неслыханную вещь, дотолѣ не виданную въ Византіи и какой не видѣли никогда и впослѣдствіи: она, женщина, приняла титулъ императора. Въ изданныхъ ею Новеллахъ она гордо величала себя: „Ирина, великій василевсъ и автократоръ римлянъ"; на монетахъ, ею чеканенныхъ, на диптихахъ изъ слоновой кости, гдѣ и сейчасъ можно видѣть ея изображеніе *), она является во всемъ пышномъ великолѣпіи верховной власти. Такой, и еще въ бо́льшемъ великолѣпіи, захотѣла она предстать передъ своимъ народомъ. Въ понедѣльникъ на святой 799 г. она изъ церкви св. Апостоловъ прослѣдовала во дворецъ въ торжественной процессіи, сидя на золотой колесницѣ, запряженной четверкой бѣлыхъ коней, которыхъ вели подъ уздцы четыре

*) Одна въ Вѣнскомъ, другая во Флорентійскомъ музеѣ Барджелло. Ср. Molinier, loc. cit. I, p. 81—84.

важныхъ сановника; одѣтая въ роскошный костюмъ василевсовъ, сверкая пурпуромъ и золотомъ, она, согласно обычаю римскихъ консуловъ, бросала пригоршнями деньги собравшейся толпѣ. Это былъ какъ бы апоѳеозъ честолюбивой монархини и апогей ея величія.

Въ то же время ловкая, какъ всегда, она не переставала заботиться о своей популярности и упроченіи своей власти. Ея зятья кесари, упорное честолюбіе которыхъ переживало всѣ невзгоды, снова стали волноваться; она жестоко обуздала ихъ за эту попытку и отправила ихъ въ далекую ссылку въ Аѳины. Своимъ же друзьямъ монахамъ, напротивъ, она выказывала самое внимательное благорасположеніе: она приказывала строить для нихъ новые монастыри, щедро одѣляла возстановленныя обители; благодаря ея явной милости, большіе монастыри, какъ Саккудійскій въ Виѳиніи и Студійскій въ столицѣ, достигли тогда небывалаго благосостоянія. Наконецъ, чтобы примирить съ собой народъ, она прибѣгала къ всевозможнымъ либеральнымъ мѣрамъ: щедрою рукой сбавляла подати, исправляла финансовое управленіе, уменьшала таможенные сборы на морѣ и сушѣ, а также налоги на предметы потребленія и промышленности, привлекала къ себѣ бѣдныхъ, основывая благотворительныя учрежденія. И Константинополь, очарованный, привѣтствовалъ свою благодѣтельницу.

Между тѣмъ вокругъ состарѣвшейся монархини при дворѣ ея ковались козни, затѣвались тайныя интриги: любимцы Ирины оспаривали другъ у друга ея наслѣдіе. Дѣйствительно, въ

случаѣ ея смерти престолъ оставался пустъ: отъ перваго брака Константина VI родились только двѣ дѣвочки; что касается до дѣтей отъ второго брака, старшій сынъ Левъ умеръ, едва достигнувъ возраста нѣсколькихъ мѣсяцевъ; второй же, родившійся послѣ паденія отца, считался какъ бы незаконнымъ, рожденнымъ какъ бы внѣ брака и лишеннымъ всякихъ правъ на императорскій престолъ. Поэтому оба евнуха, правившіе монархіей, Ставракій и Аэцій, мечтали захватить власть въ свои руки, чтобы помогать своимъ близкимъ и всячески выдвигать свою родню на пути почестей. Разстроенное здоровье Ирины давало поводъ питать надежды на ближайшее будущее. Тѣмъ не менѣе, ревнуя до самыхъ послѣднихъ своихъ дней о верховной власти, до крайности подозрительная относительно всякаго, кто, казалось, грозилъ похитить у нея вѣнецъ, старая царица упорно защищала престолъ, доставшійся ей путемъ преступленія.

И въ продолженіе болѣе чѣмъ цѣлаго года въ священномъ дворцѣ происходили непрестанные доносы, разыгрывались страшныя сцены, производились внезапныя опалы, неожиданныя возвращенія милости; и Аэцій доносилъ о заговорахъ честолюбиваго Ставракія, Ставракій затѣвалъ возмущенія, чтобы погубить Аэція, а между ними двумя Ирина, сомнѣвающаяся, колеблясь и раздражаясь, являлась то карающей, то милующей. И есть что-то дѣйствительно трагическое въ этой борьбѣ старой обезсиленной, но все еще отчаянно цѣпляющейся за власть императрицы и всемогущимъ министромъ, тоже больнымъ, харкающимъ кровью, на рукахъ врачей и нака-

нунѣ смерти все продолжающимъ упорствовать въ заговорахъ и противъ всякой очевидности все еще мечтающимъ о тронѣ. Онъ палъ первымъ, около половины 800 года. Въ то время какъ византійскій дворъ пожирали безплодные раздоры, въ храмѣ св. Петра въ Римѣ Карлъ Великій возстановилъ западно-римскую имперію.

Говорятъ, будто германскій императоръ и старая византійская императрица замыслили великое дѣло: соединить при помощи брака обѣ монархіи подъ однимъ общимъ скипетромъ и возстановить болѣе славнымъ и могучимъ, чѣмъ оно было даже во времена Цезаря, Константина или Юстиніана древнее единство римскаго государства—orbis romanus. Это представляется совершенно неправдоподобнымъ; но тѣмъ не менѣе завязались сношенія, чтобъ установить между обоими государствами modus vivendi. Франкскіе послы были въ Константинополѣ, когда разразилась послѣдняя катастрофа, сломившая Ирину.

По мѣрѣ того какъ старая императрица слабѣла, происки вокругъ нея становились все болѣе пылкими и смѣлыми. Аэцій, ставшій теперь послѣ смерти своего соперника всесильнымъ, открыто выдвигалъ своего брата и старался заручиться для него поддержкой войска. Противъ дерзкаго и высокомѣрнаго честолюбца возставали другіе важные сановники; и одинъ изъ министровъ, логоѳетъ Никифоръ, пользовался всеобщимъ недовольствомъ, чтобы въ свою очередь составить заговоръ противъ царицы. Наконецъ, партія иконоборцевъ скрытно подготовляла себѣ пути къ отмщенью. 31 октября 802 года рево-

люція разразилась. „Богъ въ неисповѣдимой мудрости Своей,—говоритъ благочестивый лѣтописецъ Ѳеофанъ,—допустилъ ее, чтобы покарать человѣчество за его грѣхи".

Ирина жила тогда за городомъ въ Элевѳерійскомъ дворцѣ, своей любимой резиденціи. Заговорщики, среди которыхъ были старые друзья Аэція, недовольные теперь временщикомъ, старые приближенные Константина VI, нѣсколько офицеровъ иконоборцевъ, жаждавшихъ мести, высшіе гражданскіе чины, наконецъ, придворные и даже родственники императрицы, всѣ осыпанные ея милостями, воспользовались ея отсутствіемъ. Въ десять часовъ вечера они явились у воротъ священнаго дворца, предъявляя стражѣ Халки свои полномочія, будто бы полученныя отъ царицы, якобы приказавшей имъ немедленно провозгласить императоромъ Никифора, чтобы онъ помогъ противостать кознямъ Аэція. Стража повѣрила и открыла входъ во дворецъ.

При всякой византійской революціи этимъ прежде всего надо было заручиться, и это являлось какъ бы залогомъ и символомъ успѣха. И дѣйствительно, еще ночь не прошла, а ужъ глашатаи возвѣстили по всему городу о восшествіи на престолъ Никифора и успѣхѣ государственнаго переворота, безъ того, чтобы хоть единый человѣкъ сдѣлалъ малѣйшую попытку сопротивленія. Въ то же самое время Ирина, внезапно схваченная въ Элевѳеріи, была подъ надежной охраной привезена въ Константинополь и заперта въ священномъ дворцѣ; и на слѣдующее же утро въ храмѣ св. Софіи патріархъ Тарасій, какъ

видно, довольно скоро забывшій благодѣянія императрицы, самъ вѣнчалъ на царство съ наивозможной поспѣшностью новаго василевса. Между тѣмъ это еще былъ далеко не конецъ. Ирина пользовалась популярностью; опомнившись отъ перваго пораженія, народъ явно выказывалъ свою враждебность заговорщикамъ. Сыпались оскорбленія по адресу новаго владыки, поносили патріарха; и многіе, вспоминая завѣренія въ преданности, какими заговорщики злоупотребили въ отношеніи своей монархини, съ негодованіемъ укоряли ихъ въ неблагодарности. Сожалѣли о низвергнутомъ правленіи, о благоденствіи, какое оно принесло съ собой, страшились грядущаго будущаго; и большинство, еще какъ бы не вѣря только что совершившемуся событію, спрашивало себя, не было ли это все тяжелымъ бредомъ. Всѣхъ охватили ужасъ и отчаяніе; а хмурое небо туманнаго холоднаго утра дѣлало еще болѣе зловѣщей и трагической зарю новаго царствованія.

Женщина дѣйствительно энергичная, быть можетъ, сумѣла бы воспользоваться подобными обстоятельствами: Ирина этого не сдѣлала. Между двумя чувствами, честолюбіемъ и благочестіемъ, владѣвшими безраздѣльно ея душой и руководившими ею въ жизни, благочестіе на этотъ разъ взяло верхъ. Не потому, чтобы паденіе ея сколько-нибудь ослабило ея смѣлость: она не выказала ни малѣйшей слабости; но передъ совершившимся фактомъ, „какъ женщина мудрая и любящая Бога“, по словамъ одного современника, она склонилась безъ всякаго ропота. Когда на другой день послѣ коронованія, Никифоръ при-

шелъ навѣстить ее съ глазами, полными притворныхъ слезъ, и съ обычнымъ ему напускнымъ добродушіемъ, указывая на оставленные имъ на себѣ черные башмаки вмѣсто пурпуровыхъ туфель, онъ сталъ увѣрять, что надъ нимъ совершили насиліе, чуть ли не извиняясь за то, что онъ императоръ. Ирина съ истинно христіанскимъ смиреніемъ преклонилась передъ новымъ василевсомъ, какъ передъ избранникомъ Божіимъ, благословляя неисповѣдимый промыселъ Господень и признавая свое паденіе наказаніемъ за свои грѣхи. У нея не сорвалось ни единаго упрека, ни единой жалобы; по требованію Никифора она даже отдала свою казну, выразивъ только желаніе, чтобы ей предоставили свободное пользованіе ея Элевѳерійскимъ дворцомъ.

Узурпаторъ обѣщалъ все, что она хотѣла: онъ завѣрилъ ее, что покуда она жива, съ ней будутъ обращаться, „какъ это подобаетъ царицѣ“. Но онъ тотчасъ же забылъ свои обѣщанія. Старая монархиня была удалена изъ Константинополя и сослана на первыхъ порахъ въ монастырь, основанный ею на островѣ Принкипо. Но затѣмъ и это ея мѣстопребываніе показалось слишкомъ близкимъ. Въ ноябрѣ 802 г., несмотря на наступившіе преждевременно сильные холода, ее отправили на Лесбосъ; тамъ ее держали подъ строгимъ надзоромъ и запретили кому бы то ни было имѣть доступъ къ ней: такъ сильно боялись еще ея происковъ и ея несокрушимаго честолюбія. И въ этомъ-то тоскливомъ уединеніи провела она послѣднее время своей жизни и умерла въ августѣ 803 года, одинокая, всѣми покинутая. Тѣло ея было привезено въ мона-

стырь на Принкипо, а позднѣе въ Константинополь, гдѣ оно было предано погребенію въ церкви св. Апостоловъ, въ придѣлѣ, гдѣ находилась усыпальница столькихъ императоровъ.

Такой благочестивой и православной императрицѣ, какой была Ирина, церковь простила все, даже ея преступленія *). Византійскіе лѣтописцы, современные ей, называютъ ее блаженнѣйшей Ириной, новой Еленой, „мученически боровшейся за истинную вѣру“. Θеофанъ оплакиваетъ ея паденіе, какъ бѣдствіе, и сожалѣетъ, что минули годы ея царствованія, такъ какъ это было время рѣдкаго благоденствія. Θеодоръ Студитъ, святой, льстилъ ей самымъ низкимъ образомъ и не находилъ достаточно восторженныхъ словъ, чтобы восхвалять „преблагую монархиню“, „обладающую разумомъ столь чистымъ, душой по истинѣ святой“, благодаря своему благочестію и желанію угодить Богу избавившую народъ свой отъ рабства, и чьи дѣла „блистаютъ подобно свѣтиламъ небеснымъ“. Но исторія по отношенію къ Иринѣ должна быть менѣе снисходительна и болѣе справедлива. Можно понять и даже, если угодно, извинить ошибку честнаго человѣка, ослѣпленнаго духомъ партійности, но не имѣешь права участвовать въ ней. Въ дѣйствительности эта прославленная монархиня была главнымъ образомъ женщиной политической и набожной,

*) Надо, однако, замѣтить, что нѣкоторые византійцы довольно скоро почувствовали ужасъ ея преступленія и старались уменьшить ея отвѣтственность. Лѣтописецъ Георгій Монахъ, писавшій въ IX вѣкѣ, заявляетъ, что Константинъ VI былъ ослѣпленъ „не въ ея присутствіи, и она даже не знала о намѣреніи своихъ министровъ“.

которую жажда престола довела до преступленія и у которой значительность достигнутыхъ ею результатовъ не могла быть оправдана совершеннымъ ею злодѣяніемъ.

Дѣйствительно, своими интригами она на цѣлыхъ 80 лѣтъ возобновила въ Византіи къ большому вреду для имперіи эру дворцовыхъ революцій, которую приблизительно вѣкомъ раньше прекратили ея славные предшественники, императоры-иконоборцы.

ГЛАВА V.

Византійская женщина средняго круга въ VIII вѣкѣ.

Что мы меньше всего знаемъ объ исчезнувшихъ обществахъ, съ чѣмъ менѣе знакомятъ насъ документы, но что, быть можетъ, сильнѣе всего заинтересовало бы насъ, это чувства, обыкновенія и мысли, положеніе и домашняя жизнь среднихъ классовъ. Насчетъ великихъ особъ, императоровъ и императрицъ, папъ и патріарховъ, министровъ и полководцевъ, насчетъ всѣхъ занимавшихъ первыя мѣста и игравшихъ главныя роли на исторической сценѣ, мы освѣдомлены достаточно полно и достаточно точно; мы знаемъ ихъ дѣйствія, можемъ разобраться въ ихъ мотивахъ и льстимъ себя увѣренностью, что способны проникнуть въ глубь ихъ души. Дѣло обстоитъ иначе, какъ только спустишься на нѣсколько ступеней ниже по общественной лѣстницѣ: тутъ, за рѣдкимъ исключеніемъ, полная неизвѣстность. А между тѣмъ образы этихъ людей, не поднявшихся до главной роли на исторической сценѣ, быть можетъ, болѣе, чѣмъ иныхъ знаменитостей, поучительны для историка. Великій человѣкъ, тѣмъ самымъ, что онъ великій

человѣкъ, отличается всегда рѣзкой индивидуальностью и ненормальностью; средній человѣкъ, вообще только экземпляръ постоянно повторяющагося типа и имѣетъ въ нѣкоторомъ родѣ представительную цѣнность. По одному такому человѣку можно судить о тысячахъ; а такъ какъ эти тысячи составляютъ скрытый матеріалъ, изъ котораго слагается исторія, становится совершенно яснымъ, какъ много знакомство съ подобными личностями, если оно только возможно, проливаетъ свѣта на умственное и нравственное состояніе данной эпохи.

Поэтому, можетъ быть, представляетъ нѣкоторый интересъ на ряду съ благочестивѣйшей императрицей Ириной попытаться нарисовать портретъ женщины средняго сословія, ея современницы. Ее звали Ѳеоктистой и она была матерью запальчиваго ревностнаго монаха, пылкаго полемиста, смѣлаго и страстнаго борца Ѳеодора Студита. Благодаря любопытному надгробному слову, произнесенному сыномъ въ ея память, благодаря еще нѣкоторымъ другимъ документамъ, мы достаточно хорошо ее знаемъ. А вмѣстѣ съ ней мы можемъ проникнуть немного и въ домашнюю жизнь средняго сословія Византіи, такъ мало намъ извѣстнаго, но столько сдѣлавшаго, благодаря своимъ большимъ положительнымъ качествамъ, для блага и процвѣтанія имперіи; и это будетъ первая оказанная ею намъ услуга въ дѣлѣ нашего ознакомленія съ этимъ обществомъ. Ей будемъ мы обязаны еще и другимъ. Являя собой средній, несомнѣнно, довольно обыкновенный типъ женщины своего времени, она поможетъ намъ, благодаря складу ума и ха-

рактеру страстей, которыми сама отмѣчена, понять складъ ума и страсти вѣка, полнаго волненій и тревогъ, въ который она жила; она поможетъ намъ въ частности правильнѣе судить объ этой императрицѣ Иринѣ, которая при первомъ взглядѣ такъ сильно возмущаетъ и разочаровываетъ насъ; она поможетъ намъ, наконецъ, дать себѣ болѣе ясный отчетъ о событіяхъ этой живописной и мутной эпохи, въ которыя она не разъ была замѣшана или прямо, или при посредствѣ своего сына.

I.

Ѳеоктиста родилась въ первой половинѣ VIII вѣка, по всей вѣроятности около 740 года, въ Константинополѣ отъ состоятельныхъ, чтобы не сказать богатыхъ, родителей, людей средняго сословія. По счету она была третьимъ ребенкомъ въ семьѣ. О сестрѣ ея мы знаемъ мало, развѣ только то, что она вела свѣтскій образъ жизни, а брату, носившему чисто античное имя Платона, суждено было впослѣдствіи стать знаменитымъ и имѣть на свою сестру глубокое вліяніе. Совсѣмъ юной Ѳеоктиста осталась сиротой. Жестокая чума 747 года, страшно опустошившая столицу, унесла ея родителей и большую часть ея близкихъ. Одинъ ея дядя, служившій въ управленіи императорскими финансами, пріютилъ сиротъ. Онъ далъ мальчику самое тщательное воспитаніе, чтобы открыть ему дорогу къ государственной дѣятельности. Воспитаніе это удалось, какъ нельзя лучше. Платонъ былъ благонравный юноша, исполнительный, избѣгавшій дур-

ного общества, не тратившій времени на развлеченія, а денегъ на игру, юноша осторожный, съ молоду умѣвшій распоряжаться своими средствами и пріумножать свое состояніе, такъ что византійскія матери обращали на него вниманіе, видя въ немъ превосходную партію для своихъ дочерей. Но тотъ, о комъ мечтали матери, ненавидѣлъ свѣтъ; очень набожный, онъ чаще ходилъ въ церковь, чѣмъ на какое-либо зрѣлище, любилъ чтеніе больше, чѣмъ увеселенія, и приводилъ въ восхищеніе своего исповѣдника, сумѣвъ такъ рано достичь совершенства. По брату можно иногда предугадать, какова будетъ и сестра.

Само собою разумѣется, согласно византійскому обычаю, дядя меньше заботился о воспитаніи дѣвочекъ, чѣмъ о воспитаніи мальчика. Въ этомъ обществѣ, отмѣченномъ столькими чертами чисто восточнаго характера, женщина получала всегда домашнее воспитаніе; можно себѣ поэтому представить, что когда родителей не было, воспитаніе рисковало быть довольно небрежнымъ. Это и случилось съ Ѳеоктистой. Она оставалась крайне невѣжественной и впослѣдствіи ей пришлось много потрудиться, чтобъ возмѣстить недостатки своего первоначальнаго образованія. Опекунъ заботился объ одномъ: хорошо выдать ее замужъ. Въ тѣ времена въ Византіи идеальный типъ хорошаго мужа съ родительской точки зрѣнія былъ человѣкъ здравомыслящій, способный пробиться въ жизни: дядя Ѳеоктисты нашелъ такого феникса на правительственной службѣ, гдѣ самъ служилъ чиновникомъ. Это былъ высокій чиновникъ въ фи-

нансовомъ управленіи, хорошо принятый при дворѣ и дѣлавшій карьеру. Его звали Фотеиномъ. Такъ какъ молодая дѣвушка была богата,— она какъ разъ въ это время къ личнымъ своимъ средствамъ могла присоединить часть состоянія брата своего Платона, постригшагося въ монахи, — дѣло легко уладилось и предполагавшійся бракъ былъ заключенъ.

Ѳеоктиста была женщина во вкусѣ многихъ мужей. Она не любила туалетовъ, не любила свѣтской жизни. Отвергая пустыя украшенія, она всегда была одѣта во все темное. Когда ей приходилось выѣзжать, когда она должна была присутствовать, напримѣръ, на какомъ-нибудь свадебномъ пиршествѣ, она держала себя въ обществѣ очень сдержанно, скромно и цѣломудренно опуская глаза, когда за десертомъ начинались комическія интермедіи, и едва осмѣливалась касаться до подаваемыхъ ей блюдъ. Не потому, чтобы она была застѣнчива или неловка: прежде всего, это была женщина добродѣтельная, больше всего думавшая объ исполненіи своего долга, ограничивавшая свои желанія стараніемъ нравиться своему мужу, хорошо вести свой домъ и хорошо воспитывать своихъ дѣтей.

Надо ли прибавлять, что она была благочестива? „Поклоняться Богу, любить исключительно Его“, было для нея главной добродѣтелью. Однако ея благочестіе было свободно отъ всякаго суевѣрія, и эта черта дѣлаетъ честь ея могучему здравому смыслу, силѣ ея разсудка. Дѣйствительно, въ VIII вѣкѣ христіанство было еще очень перемѣшано съ язычествомъ; вѣра въ колдовство, всякія чары и волшебства была чрезвы-

чайно распространена. Существовалъ, напримѣръ, общераспространенный обычай, чтобы уберечь отъ зла новорожденныхъ, вѣшать въ ихъ спальни амулеты, а также и подъ колыбелью, произносить надъ ними магическія заклинанія, надѣвать имъ на шею ожерелья и талисманы: ибо всякому было извѣстно, что ихъ хрупкому существованію грозили безчисленныя опасности, что ихъ подкарауливали всюду невидимыя колдуньи, способныя пройти сквозь наилучшимъ образомъ запертую дверь и старавшіяся всячески ихъ погубить. И чтобы оградить отъ этихъ козней, заботливыя матери призывали вѣдуній, отстранявшихъ опасность. Ѳеоктиста, хотя ее за это очень порицали въ ея кругу, не придавала никакого значенія всѣмъ этимъ обычаямъ; она полагала, что сдѣланное надъ ребенкомъ знаменіе креста служитъ ему достаточной и болѣе вѣрной охраной. Но при этомъ она любила молиться, до поздней ночи читала священныя книги, произносила псалмы; она часто постилась, никогда не клялась и не лгала. Также и добрыми дѣлами старалась она заслужить вѣчное спасеніе. Не будучи особенно богатой, она была безконечно милосердна. Вдовы, сироты, старики, больные и даже страдавшіе самыми отвратительными болѣзнями, эпилептики и прокаженные, всѣ находили у нея помощь и поддержку; и она не пропускала ни одного праздника, чтобы не накормить и не угостить хоть одного, какъ она выражалась, „бѣднаго брата о Христѣ“. При такихъ склонностяхъ она, понятно, была совершенно равнодушна къ земнымъ вещамъ, и понятно также, что при своей набож-

ности она была крайне предана иконамъ и относилась съ большимъ уваженіемъ къ защищавшимъ ихъ монахамъ.

При всемъ томъ это была натура энергичная, „женщина сильная“, изъ тѣхъ, что любятъ управлять и подчинять себѣ все и всѣхъ. Подобно многимъ византійскимъ семьямъ она, повидимому, играла у себя въ домѣ гораздо бо̀льшую роль, чѣмъ ея мужъ. Будучи прекрасной хозяйкой, она при всей своей набожности находила время заниматься всѣми хозяйственными дѣлами; она обо всемъ заботилась, за всѣмъ наблюдала, ко всему прикладывала свою руку, ничего не жалѣя, чтобы только все шло хорошо въ домѣ и хозяйство процвѣтало. Наблюдая за всѣмъ бдительнымъ окомъ, она не давала никогда спуску прислугѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она была добра къ ней и обращалась съ ней хорошо. Къ полагавшемуся ей по обыкновенію хлѣбу, вину и салу она охотно прибавляла въ праздничные дни какое-нибудь лакомство, свѣжее мясо, рыбу, птицу, лучшаго качества напитки, говоря, что вполнѣ несправедливо было бы ей одной пользоваться всѣми этими лакомыми блюдами. Но она была неумолима, разъ дѣло касалось нравственности, уклоненій отъ благопристойности и когда замѣчала, что „нечисты на руку“. И такъ какъ эта женщина съ властнымъ темпераментомъ была къ тому же и очень раздражительна, то не рѣдко случалось, что за выговоромъ слѣдовалъ жестъ. Руки у нея были проворныя, и когда ей случалось вспылить, пощечины такъ и сыпались. Тѣмъ не менѣе слуги очень ее любили: всѣ знали, что намѣренія у нея были хорошія, и кромѣ того,

когда гнѣвъ ея проходилъ, она ласково извинялась. Когда ей случалось побить свою горничную, она испытывала безконечныя угрызенія совѣсти; она уходила тогда къ себѣ въ спальню, ударяла себя по лицу, приносила покаяніе и въ концѣ концовъ, призвавъ побитую служанку и ставъ передъ ней на колѣни, она смиренно просила у нея прощенія.

Такой же твердой, тяжеловатой рукой управляла она и семьей. Она любила своего мужа и очень старалась избавить его всячески отъ огорченій; однако она уговорила его жить съ ней, какъ братъ съ сестрой, внушая ему, что жизнь въ сущности только приготовленіе къ смерти, и что лучше всего, чтобы приготовиться къ вѣчной разлукѣ, упразднить и въ этомъ мірѣ слишкомъ близкія отношенія. Не менѣе внимательно заботилась она и объ обученіи и нравственномъ образованіи своихъ дѣтей. У нея было три сына и одна дочь. Чтобы дать имъ хорошее воспитаніе, будучи сама, какъ извѣстно, довольно невѣжественна, она рѣшила сдѣлаться образованной; но такъ какъ она была добросовѣстна, ей пришлось посвящать ночи чтенію, предаваясь долгимъ бдѣніямъ при свѣтѣ свѣчи, для того, чтобы не отнимать ни минуты времени у дня, посвященнаго заботамъ о мужѣ и о хозяйствѣ. Въ особенности для образованія молодыхъ душъ придавала она значеніе дѣйствію примѣра; поэтому съ самаго дѣтства она сдѣлала свою дочь участницей въ своихъ благотворительныхъ дѣлахъ, уча ее помогать бѣднымъ, заставляя ее ухаживать за прокаженными. Въ то же время она побуждала ее читать священныя книги, вос-

пламеняя ея благочестіе, отвращая ее отъ міра, не показывая ей ни драгоцѣнностей, ни пурпуровыхъ одеждъ, и уже заранѣе посвящая ее Богу.

Но главнымъ ея любимцемъ былъ ея сынъ Ѳеодоръ. Это былъ тихій ребенокъ, созрѣвшій прежде времени; онъ не слишкомъ любилъ игры и общество товарищей; ему больше нравилось чтеніе, особенно чтеніе священныхъ книгъ, и мать, понятно, одобряла и поддерживала его вкусы. До семи лѣтъ она не отпускала его отъ себя, выхаживая его съ особой заботливостью; позднѣе, когда онъ сталъ заниматься у учителей, когда послѣ первоначальнаго обученія онъ изучалъ послѣдовательно грамматику, діалектику, риторику, философію, богословіе, она продолжала заботливо за нимъ наблюдать. Впрочемъ, и тутъ, какъ во всемъ остальномъ, она проявляла то же смѣшеніе нѣжности и суровости, что составляло основу ея системы воспитанія и управленія: добрые совѣты и уговоры матери часто подкрѣплялись авторитетомъ розги. Несмотря на это, отношенія между матерью и дѣтьми носили прелестный характеръ простоты, почтенія, сильной и глубокой привязанности. Каждый вечеръ, послѣ того, какъ дѣти ложились спать, Ѳеоктиста приходила перекрестить ихъ сонныхъ; утромъ первая ея забота была заставить ихъ прочесть молитвы: и много лѣтъ спустя, въ письмѣ своемъ къ умирающей матери Ѳедоръ Студитъ съ благодарностью вспоминалъ объ этомъ дѣятельномъ и нѣжномъ попеченіи, вызывалъ въ памяти образъ матери, день и ночь молившей Бога о счастіи и спасеніи своей семьи.

II.

Такова была Оеоктиста. Однако въ столь тяжелыя времена, какія переживала тогда церковь, въ правленіе Константина V и его сына, было нѣсколько неосторожно слишкомъ открыто выражать свои чувства, особенно для жены чиновника. Поэтому есть основаніе думать, что, подобно императрицѣ Иринѣ, она отчасти скрывала свои мнѣнія. Но когда послѣ смерти Льва IV съ наступленіемъ регентства Ирины возвратились лучшіе дни для иконопочитателей и гонимыхъ монаховъ, ея благочестіе, долго сдерживаемое, вспыхнуло съ тѣмъ бо̀льшей страстностью.

Терпимость новаго правительства позволила возвратиться въ Константинополь брату Ѳеоктисты Платону, и первымъ дѣломъ суроваго монаха было начать въ столицѣ проповѣдь нравственности. Въ особенности призывалъ онъ въ своихъ рѣчахъ къ презрѣнію здѣшняго міра, къ любви къ бѣднымъ, къ заботѣ о чистотѣ нравовъ; и такъ какъ онъ имѣлъ видъ истиннаго аскета и былъ краснорѣчивъ, то имѣлъ быстрый и большой успѣхъ. Совершенно понятно, что онъ скоро возымѣлъ глубокое вліяніе на свою благочестивую сестру и на окружавшихъ ее, въ особенности на племянника своего Ѳедора. Въ домѣ Ѳеоктисты монахи стали постоянными и почетными гостями, и скоро отъ общенія съ ними набожная византійка увѣрила себя, что не можетъ сдѣлать лучше, какъ посвятить себя Богу, а также и всѣхъ своихъ. Старшій ея сынъ съ самаго начала вполнѣ сочувствовалъ такимъ на-

мѣреніямъ. Вдвоемъ они убѣдили отца, затѣмъ увлекли и другихъ дѣтей; въ концѣ концовъ Ѳеоктиста уговорила даже троихъ братьевъ своего мужа послѣдовать за ними въ монастырь, и всѣ вмѣстѣ рѣшили отказаться отъ міра, его соблазновъ и великолѣпія.

Когда такое рѣшеніе стало извѣстнымъ, оно сильно поразило жителей столицы, и всѣ бывшіе въ сношеніяхъ съ семьей Ѳеоктисты были глубоко взволнованы рѣшеніемъ этихъ богатыхъ, всѣми уважаемыхъ и счастливыхъ людей отречься такимъ образомъ отъ всѣхъ радостей, отъ всѣхъ упованій общественной и свѣтской жизни, порвать со всѣми дорогими человѣческими привязанностями, добровольно отказаться отъ возможности продолжать столь славный родъ. Говорятъ, даже сама императрица Ирина была этимъ очень взволнована. Но никакое соображеніе не могло поколебать Ѳеоктисту. „Въ день, назначенный ею для оставленія своего дома,—пишетъ ея сынъ,—она созвала, какъ на праздникъ, всѣхъ своихъ семейныхъ. Мужчины были опечалены, женщины плакали, присутствуя при такомъ странномъ добровольномъ отъѣздѣ; тѣмъ не менѣе всѣ, чувствуя величіе совершающейся тайны, въ благоговѣніи прославляли происходившее событіе“. И тутъ, какъ всегда, всѣмъ распоряжалась Ѳеоктиста, съ своимъ обычнымъ чувствомъ порядка, съ своей тщательной заботливостью обо всѣхъ подробностяхъ. Прежде всего она отправила своего мужа, болѣе взволнованнаго, чѣмъ, можетъ быть, слѣдовало бы, отъ этой разлуки съ тѣмъ, что было его жизнью; потомъ, благодаря ея стараніямъ, былъ проданъ домъ и всѣ

свободныя деньги розданы бѣднымъ; слугъ отпустили на волю, и каждый получилъ маленькое завѣщанное имущество на память о своихъ старыхъ хозяевахъ. Послѣ этого, свободная отъ всѣхъ своихъ мірскихъ обязанностей, Ѳеоктиста всецѣло предалась Богу. Ея постриженіе было торжественной и трогательной церемоніей.

Всеобщее любопытство, возбужденное всѣми этими происшествіями, собрало въ церкви огромную толпу. „Мы также были тамъ съ нашимъ отцомъ, — разсказываетъ Ѳедоръ Студитъ, — не зная, должно ли намъ радоваться или плакать. Мы теряли нашу мать; ужъ мы не могли, какъ прежде, свободно подойти къ ней, свободно заговорить съ ней; и при мысли, что вотъ-вотъ будемъ разлучены съ ней, сердце у насъ сжималось. Мы сами съ отцомъ, чуть церемонія окончится, должны были итти и постричься; и я, тогда уже большой, несмотря на мое огорченіе и слезы, чувствовалъ вмѣстѣ съ тоской и нѣкоторую радость; но мой младшій братъ, тогда еще совсѣмъ ребенокъ, когда настало время разставанья и наступила минута послѣдняго прощанья, послѣдняго лобзанья, бросился къ матери, прижался къ ея груди, отчаянно сталъ за нее цѣпляться, умоляя, чтобы она еще хоть немного позволила ему остаться съ ней, и обѣщая, что потомъ онъ покорно исполнитъ все, что она захочетъ. И вы думаете, что это твердое, какъ алмазъ сердце смягчилось, что оно тронулось этой дѣтской мольбой? Ничуть не бывало. Что же отвѣчала святая женщина? Торжествуя побѣду надъ своими материнскими чувствами, она обратила къ сыну строгое лицо: „Если ты сей-

часъ же не уйдешь добровольно, мое дитя, сказала она ему, я собственноручно отведу тебя на судно и отправлю, куда должно". Ѳедоръ крайне восхищается этой стоической твердостью души, всѣмъ жертвующей ради религіи, вплоть до самыхъ естественныхъ и законныхъ человѣческихъ чувствъ. По правдѣ сказать, намъ нѣсколько трудно понять это восхищеніе, и сами благочестивые толкователи Ѳедора не могутъ не признать его до нѣкоторой степени чрезмѣрнымъ. Но тѣмъ не менѣе, интересно отмѣтить, равно у матери, какъ и у сына, подобную манеру чувствовать и думать, которая насъ удивляетъ. Наблюдая подобное состояніе души, лучше понимаешь преступленіе Ирины, равно и то, что у Ѳедора Студита не нашлось ни единаго слова порицанія по поводу преступленія, совершеннаго этой матерью надъ своимъ сыномъ.

Послѣ постриженія Ѳеоктисты вся семья удалилась въ одно имѣніе, принадлежавшее ей въ Виѳиніи и называвшееся Саккудіемъ. Это былъ холмъ, поросшій деревьями, а наверху его разстилалась небольшая равнина, орошаемая ручьемъ; отсюда открывался широкій видъ, необъятные горизонты, окаймленные серебристой полосой далекаго моря. Нельзя было найти болѣе мирный пріютъ, болѣе приспособленный къ устройству монастыря. Но Саккудійскій монастырь не сталъ одной изъ тѣхъ модныхъ обителей, какія основывали въ тѣ времена скорѣе изъ тщеславія, чѣмъ изъ благочестія, многіе богатые люди, сохранявшіе, несмотря на свое удаленіе въ монастырь, состояніе, рабовъ, весь прежній образъ жизни и безъ серьезнаго призванія,

безъ предварительнаго опыта вмѣшивавшіеся въ управленіе монашеской общиной, „вчера новопостриженный, сегодня игуменъ“. По просьбѣ Ѳеоктисты суровый Платонъ принялъ на себя устройство и управленіе монастыря, гдѣ собирались жить его близкіе; онъ добросовѣстно исполнилъ свою задачу. Прежде всего удалилъ изъ монастыря рабовъ и женщинъ; болѣе того, уступая обычной и крайней строгости византійскихъ монаховъ, запретилъ въ него доступъ всякому существу женскаго пола. Сама Ѳеоктиста должна была подчиниться общему правилу и примириться съ тѣмъ, чтобы жить отдѣльно; и такъ какъ не успѣли еще выстроить домъ для женщинъ, она жила сначала затворницей въ уединенной кельѣ съ дочерью и одной изъ родственницъ. Позднѣе она вступила въ одинъ монастырь; но повидимому, несмотря на свое смиреніе и желаніе быть покорной, эта властная женщина, и какъ монахиня, не отличалась покладистымъ нравомъ. Сынъ ея Ѳедоръ говоритъ съ нѣсколько смущенной сдержанностью о затрудненіяхъ, какія у нея выходили съ другими сестрами, и о непріятностяхъ, какія она испытывала; въ концѣ концовъ ей пришлось оставить этотъ монастырь и искать другого пріюта. Къ счастью для нея, обстоятельства должны были скоро дать ей возможность проявить свою набожность болѣе высокимъ и болѣе достойнымъ ея образомъ.

III.

Извѣстна исторія перваго брака императора Константина VI и страстное желаніе, какое онъ

испытывалъ около 795 года расторгнуть его; чтобы развестись съ Маріей Амнійской и жениться на Ѳеодотѣ, онъ прибѣгъ къ слѣдующей хитрости. Онъ объявилъ, что жена покушалась его отравить, увѣренный, какъ самъ это говорилъ съ довольно характерной наивностью, что ему всѣ повѣрятъ, „разъ что онъ царь, а тѣ, кому онъ это разсказывалъ, только подданные“. А потому онъ послалъ одного изъ своихъ камергеровъ донести объ этомъ происшествіи патріарху, прося, чтобы церковь немедленно расторгла его бракъ съ виновной. Но Тарасій, сомнѣваясь въ томъ, что сообщенный ему преступный фактъ дѣйствительно имѣлъ мѣсто, отвѣтилъ, что законъ знаетъ только одинъ поводъ къ разводу—должнымъ образомъ доказанное прелюбодѣяніе, и отказывался служить видамъ императора. Напрасно Константинъ VI вызывалъ патріарха во дворецъ, доказывая ему, что преступленіе было очевиднымъ, неопровержимымъ, и одна смерть или, по меньшей мѣрѣ, заточеніе въ монастырь могли быть достойнымъ наказаніемъ за такое покушеніе на особу императора. Напрасно, чтобы подтвердить свои обвиненія, онъ велѣлъ принести чаши съ какой-то довольно мутной жидкостью, утверждая, что это ядъ, который ему хотѣла подмѣшать императрица. Тарасій упорствовалъ въ своемъ отказѣ, грозя царю отлученіемъ, если онъ будетъ продолжать настаивать, а вмѣстѣ съ тѣмъ синкеллъ Іоаннъ поддерживалъ его въ его сопротивленіи. Тогда на глазахъ императора всѣ придворные, патрикіи и стратиги стали поносить обоихъ духовныхъ владыкъ и съ обнаженными мечами въ рукахъ грозить имъ смертью, если

они не уступятъ. Ничто не помогло. Въ концѣ концовъ, какъ извѣстно, Константинъ обошелся безъ ихъ согласія: онъ насильно заточилъ жену въ монастырь и женился на Ѳеодотѣ, при чемъ пышныя празднества продолжались не менѣе сорока дней. Возмущенный Тарасій отказался благословить этотъ прелюбодѣйный союзъ; но патріархъ былъ при этомъ человѣкъ съ политическимъ чутьемъ: онъ отнюдь не хотѣлъ доводить вещей до крайности. Ни слова не говоря, онъ предоставилъ другому священнику совершить бракосочетаніе императора, самъ же, боясь довести василевса до крайности и лишить церковь его благоволенія, воздержался отъ отлученій, какими грозилъ раньше, и даже не наказалъ игумена, совершившаго бракосочетаніе монарха.

Извѣстенъ всеобщій скандалъ, какой произвело въ партіи набожныхъ людей поведеніе императора. Въ особенности онъ былъ великъ въ Саккудійскомъ монастырѣ, гдѣ событіе это не только принципіально возмущало монаховъ, но и особенно близко касалось ихъ, такъ какъ героиня этого романа Ѳеодота приходилась близкой родственницей игумена Платона, Ѳеоктисты и Ѳедора. Вотъ почему, въ то время, какъ придворные и оппортюнисты преклонялись передъ поступкомъ монарха, благочестивые люди, возбуждаемые и поддерживаемые Саккудійскими монахами, принялись громить „новаго Ирода“, непокорнаго сына, непочтительно отвергшаго,—упрекъ довольно пикантный, если вспомнить о поведеніи въ этомъ дѣлѣ Ирины,—добрые совѣты матери; затѣмъ, совершенно опредѣленно,

Платонъ и его монахи отказались быть въ какомъ-либо общеніи съ царемъ-прелюбодѣемъ и даже съ духовными особами, поддерживавшими его или только терпѣвшими его распутство.

Константинъ VI, крайне разстроенный всѣмъ этимъ шумомъ, постарался сломить сопротивленіе этихъ непримиримыхъ и неудобныхъ монаховъ. Онъ попробовалъ смягчить ихъ подарками, добрыми рѣчами: онъ не добился ничего. Ѳеодота, съ своей стороны, пыталась обезоружить своихъ родныхъ слѣдующимъ образомъ: она отправилась въ монастырь; но ее оттолкнули съ негодованіемъ. Тогда Константинъ VI отправился въ Бруссу: онъ самолично явился въ монастырь въ надеждѣ смягчить Платона и Ѳедора. Всѣ эти шаги, свидѣтельствуя о силѣ партіи набожныхъ, только увеличивали ихъ упорство. Наконецъ, императоръ разсердился. Доместикъ схолъ и комитъ Опсикійскій были отправлены съ войскомъ въ Саккудійскій монастырь. Игуменъ Платонъ былъ арестованъ и подъ усиленной стражей отправленъ въ Константинополь; Ѳедоръ съ тремя другими монахами жестоко наказанъ розгами. Затѣмъ главные десять зачинщиковъ, между ними былъ и Ѳедоръ съ своимъ отцомъ и братомъ Іосифомъ, были отправлены въ ссылку въ Солунь; остальные монахи были изгнаны, и запрещено было давать пріютъ изгнанникамъ. „Христосъ безмолствовалъ“, замѣчаетъ не безъ горечи Ѳедоръ Студитъ въ своемъ интересномъ разсказѣ объ этомъ гоненіи.

Въ это трудное для ея близкихъ время Ѳеоктиста выказала чрезвычайную силу души. Несмотря на переживаемыя ею горе и печаль, она

утѣшала, ободряла, поддерживала жертвы гоненія: „Ступайте, дѣти мои, говорила она изгнаннымъ монахамъ, и Богъ да будетъ вашимъ защитникомъ повсюду, куда вы ни пойдете, такъ какъ это изъ послушанія Его волѣ вы предпочли дѣйствовать такъ, а не иначе“. И всегда радостная и твердая, она ходила по тюрьмамъ, гдѣ заключены были узники, перевязывала всякія раны, поднимала духъ устрашившихся и смущенныхъ. Когда монахи должны были покинуть монастырь, и она послѣдовала за ними, не обращая вниманія на ненависть и поношенія, какими преслѣдовала ихъ толпа. Когда воины грубо разлучили ее со своими, она нашла возможность нагнать ихъ по дорогѣ въ ссылку и тутъ въ теченіе цѣлой ночи въ бѣдной лачугѣ вела съ ними возвышенныя бесѣды. Утромъ она простилась съ ними. „Сдается мнѣ, дѣти мои, говорила она, будто я разлучаюсь съ людьми, идущими на смерть“; и съ движеніями, полными паѳоса, вздыхая и плача, она осыпала поцѣлуями всѣхъ этихъ дорогихъ ей людей, не думая вновь увидать ихъ.

Затѣмъ она возвратилась въ Константинополь, все такая же энергичная и смѣлая. Платонъ, не побоявшійся прямо выразить императору свое порицаніе, только что былъ посаженъ въ тюрьму; юный Евѳимій, младшій сынъ Ѳеоктисты, жестоко наказанъ плетьми. И тутъ благочестивая женщина не пожалѣла ни трудовъ своихъ, ни силъ. Несмотря на императорское запрещеніе, она собирала разсѣянныхъ и изгнанныхъ монаховъ; въ темницѣ, гдѣ онъ томился, она поддерживала бодрость духа своего брата. Она дѣй-

ствовала такъ смѣло, что въ концѣ концовъ ее схватили, и въ теченіе цѣлаго мѣсяца она была въ заточеніи, при чемъ тюремщики ея обращались съ ней крайне дурно, плохо кормили и осыпали бранью. Среди людей благочестивыхъ она за такія претерпѣваемыя ею за правое дѣло гоненія стяжала себѣ ореолъ мученичества и наименованіе матери церкви; и прославилась она тѣмъ,что, какъ говоритъ одинъ писатель VIII вѣка, — выраженіе это съ тѣхъ поръ стало извѣстнымъ, — она „пострадала за правду и истину“.

IV.

Когда въ 797 году государственный переворотъ, произведенный Ириной, положилъ конецъ этому трудному времени и гоненія прекратились, Ѳеоктиста, отнынѣ спокойная за участь своихъ, возвратилась въ свой монастырь въ Виѳинію. И тутъ она до послѣднихъ своихъ дней оставалась такой, какой была всю жизнь.

Благочестіе ея, возбужденное до крайности сначала страданіями, потомъ радостью побѣды, стало болѣе пылкимъ, чѣмъ когда-либо. Размышлять непрестанно о божественномъ словѣ, день и ночь молиться за церковь, за своихъ близкихъ, за собственное спасеніе, присутствовать съ благоговѣніемъ за безконечными службами, такова была первая забота благочестивой женщины и ея истинная радость. Болѣе чѣмъ когда-либо она предавалась аскетизму. Для умерщвленія плоти она спала на короткой и узкой постели, одѣвалась въ жалкое рубище, пи-

талась крайне недостаточно. Ей представлялось стыднымъ поѣсть до сыта, и все, что она позволяла себѣ по слабости природы человѣческой, это принимать пищу разъ въ день, съѣдая немного овощей, отваренныхъ въ водѣ, безъ всякой приправы изъ масла; при этомъ никогда не полагалось вина за ея скудной трапезой. Точно также обрекла она себя на безусловную нищету; у нея не было ни служанки, ни собственныхъ денегъ, ни лишняго платья. Когда она умерла, весь ея гардеробъ или, вѣрнѣе, все ея состояніе заключалось въ власяницѣ и въ двухъ жалкихъ одѣялахъ.

Но Ѳеоктиста отнюдь не вдавалась въ мистицизмъ. „Пребывая въ уединеніи съ Богомъ“, по прекрасному выраженію ея сына, она все время, какъ и тогда, когда жила въ міру, чувствовала потребность дѣйствовать. Она не тратила времени на безполезныя мечтанія; она придавала большое значеніе работѣ и вмѣняла себѣ въ обязанность ткать одежды, въ которыя одѣвался весь монастырь. Она усиленно предавалась дѣламъ благотворительности, собирая въ монастырѣ бѣдныхъ женщинъ, ухаживая за ними и всячески изощряясь въ добываніи денегъ, чтобы помогать имъ въ ихъ нуждахъ. Въ особенности, какъ и раньше у себя въ домѣ, она съ любовью пеклась о своихъ близкихъ, объ ихъ нравственномъ совершенствованіи, объ ихъ вѣчномъ спасеніи. Она заботилась о своемъ мужѣ, не выказывавшаго порой ни малѣйшаго рвенія, о своемъ сынѣ Евѳиміѣ, такъ какъ ей казалось, что его призваніе къ монастырской жизни недостаточно сильно; и заботясь о нихъ на разстояніи, она вни-

мательно слѣдила за ними и руководила ихъ душами.

Болѣе чѣмъ когда-либо она усердствовала въ христіанскомъ смиреніи. Такъ какъ братъ ея Платонъ все еще былъ въ тюрьмѣ, она пожелала, чтобы и исповѣдникомъ и духовникомъ сталъ сынъ ея Ѳедоръ, и она смиренно склоняла передъ нимъ колѣни, объявляя себя его служанкой, готовая во всемъ ему повиноваться, ибо видѣла въ немъ лишь чтимаго главу монастырской общины; и хотя Ѳедоръ выше всего ставилъ религію, его иногда стѣсняло такое чрезмѣрное почитаніе. Однако, въ этой кающейся смиренницѣ просыпался порой прежній строптивый и властный духъ, нѣкогда владѣвшій ею. Въ монастырѣ какъ и въ міру Ѳеоктиста оставалась высокомѣрной и вспыльчивой. Когда другія сестры не очень усердствовали къ церковной службѣ, не выказывали особаго рвенія къ работѣ или пѣснопѣнію, она рѣзко ихъ за это попрекала, дѣлала строгіе выговоры; какъ и прежде, она не останавливалась передъ тѣмъ, чтобы пускать въ ходъ руки, и охотно подкрѣпляла пощечинами свои благочестивыя наставленія. Но ей прощали ея рѣзкость, такъ какъ знали, что намѣренія ея были добрыя, и, какъ раньше въ собственномъ домѣ, такъ и тутъ въ монастырѣ, всѣ ее любили.

Такъ жила она, „все покинувъ, чтобы все отдать Богу; она шла узкимъ и труднымъ путемъ Господнимъ“. Ее всѣ почитали, и въ общинѣ смотрѣли какъ на истинную духовную мать, а въ партіи набожныхъ людей, какъ на истинную мать церкви. И чтобы еще усилить ея ореолъ

святости, ей приписывали даръ ясновидѣнія, ей будто бы снились пророческіе сны, предвѣщавшіе ея собственную судьбу, судьбу ея семейныхъ и судьбу церкви.

Между тѣмъ она медленно сгорала. Ей было за шестьдесятъ лѣтъ, а жизнь досталась ей нелегкая, и въ послѣдніе годы она была еще опечалена цѣлымъ рядомъ горестей и напастей. Она потеряла одного за другимъ мужа, дочь, сына Евѳимія; двое оставшихся у нея дѣтей какъ будто и не существовали для нея. Любимый ея сынъ Ѳедоръ жилъ въ Константинополѣ, гдѣ управлялъ Студійскимъ монастыремъ, и она видѣла его только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ; со своимъ вторымъ сыномъ Іосифомъ она тоже была разлучена; всѣ ея прежніе друзья или умерли, или разсѣялись кто куда. А потому она чувствовала порой въ своемъ одиночествѣ смертельную тоску; но она не поддавалась подолгу этой слишкомъ человѣческой слабости и, вспоминая о Богѣ, снова ободрялась. Такъ дожила она до послѣдняго своего часа, вдали отъ своихъ, и даже сынъ ея Ѳедоръ, задержанный монастырскими дѣлами, не могъ присутствовать при ея послѣднихъ минутахъ и закрыть ей глаза. Тѣмъ не менѣе она ушла „радостная, какъ будто возвращалась на родину“, молясь за сына, благословляя всѣхъ присутствовавшихъ. Это было около 802 года.

Извѣстіе о смерти этой благочестивой женщины произвело сильное впечатлѣніе во всей церкви. Въ особенности въ Студійскомъ монастырѣ, гдѣ ея сынъ былъ игуменомъ и гдѣ съ горячимъ вниманіемъ слѣдили за всѣми перемѣнами въ

ходѣ ея послѣдней болѣзни, вознося за нее Богу торжественныя моленія; въ память ея была отслужена заупокойная обѣдня съ особой торжественностью. Самъ Ѳедоръ сказалъ въ память матери надгробное слово, и благодаря этой рѣчи, по счастью сохранившейся, мы знаемъ такую интересную женщину, какъ Ѳеоктиста.

Безъ сомнѣнія въ этой женщинѣ, во многихъ отношеніяхъ обыкновенной и посредственной, были и нѣкоторыя черты, какъ намъ кажется, странныя и удивительныя. Есть, какъ у матери, такъ и у сына, черствость души, поражающая насъ и отталкивающая. Ѳеоктиста любила своихъ дѣтей: не колеблясь, она жертвуетъ ими для утоленія своей религіозной жажды. Ѳеодоръ любилъ свою мать: въ любопытномъ письмѣ, написанномъ имъ во время ея послѣдней болѣзни, оплакивая ея близкую кончину, онъ въ то же время рѣшительно желаетъ ей смерти, какъ славной награды за ея жизнь. Намъ нѣсколько трудно понять такую изступленность религіознаго чувства, вызывающую подобное извращеніе, и надо прибавить, что даже благочестивые люди находили въ этомъ нѣкоторое преувеличеніе. Но каково бы ни было наше сужденіе объ этихъ людяхъ VIII вѣка, надо сознаться, что они въ сильнѣйшей мѣрѣ способствуютъ пониманію исторіи той эпохи, въ которой они жили. Когда изучаешь этихъ благочестивыхъ людей, жертвующихъ всѣмъ ради религіи, лучше понимаешь такой характеръ, какой представляетъ изъ себя императрица Ирина, меньше удивляешься, что дѣло ея могло имѣть успѣхъ, а поступки возбуждать почти всеобщее одобреніе. Ибо необхо-

димо въ концѣ концовъ сознаться, что Ѳеоктиста не представляетъ исключительнаго явленія среди психологическихъ типовъ ея времени. Многія другія женщины той же эпохи, какъ напримѣръ, мать Тарасія и мать Никифора, мать Ѳеофана и благочестивыя женщины изъ семьи святого Филарета являются намъ совсѣмъ такими же въ описаніи агіографовъ. Несомнѣнно, всѣ только что названныя лица, равно и наша Ѳеоктиста, женщины святыя, и я никакъ не предполагаю, что всѣ ихъ современницы были подобны имъ. На ряду съ ними встрѣчались женщины свѣтскія, преданныя свѣтскому образу жизни, какъ напримѣръ, сестра Ѳеоктисты, и женщины легкаго поведенія, какъ ея родственница Ѳеодота. Однако, — и это главнымъ образомъ придаетъ имъ значеніе въ глазахъ историка,—именно эти святыя въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ руководили міромъ.

ГЛАВА VI.

Ѳеодора, возстановительница иконопочитанія.

I.

Въ 829 году умеръ императоръ византійскій, Михаилъ II Аморійскій, оставивъ престолъ сыну своему Ѳеофилу. Новый монархъ не былъ женатъ; поэтому вдовствующая императрица Евфросинія во время придворныхъ церемоній исполняла роль, принадлежавшую по этикету Августѣ. Но Евфросинія ненавидѣла свѣтъ. Дочь несчастнаго Константина VI, ослѣпленнаго по приказанію матери его Ирины, и первой жены его Маріи, она, послѣ катастрофы, разразившейся надъ ея родными, удалилась въ монастырь и жила спокойно и уединенно въ одной изъ тихихъ обителей на Принкипо, какъ вдругъ, довольно скандальнымъ образомъ царь Михаилъ, воспылавъ къ ней страстью, извлекъ изъ монастыря прекрасную отшельницу, чтобы возвести ее на тронъ кесарей. Но когда ея мужъ умеръ, у Евфросиніи не оставалось другого желанія, какъ поскорѣе вступить опять въ какую-нибудь святую

обитель, и она прилагала всѣ старанія, чтобы женить какъ можно скорѣе юнаго императора, своего пасынка.

Чтобы найти жену василевсу, были, по старинному обычаю, соблюдавшемуся при византійскомъ дворѣ, разосланы гонцы по всѣмъ провинціямъ съ цѣлію отыскать и привести въ Константинополь самыхъ красивыхъ дѣвушекъ имперіи, и въ обширной Жемчужной палатѣ собрали всѣхъ избранницъ, чтобы Ѳеофилъ назначилъ, кому изъ нихъ быть монархиней. Сначала царь отобралъ шесть самыхъ привлекательныхъ дѣвушекъ, и не будучи въ состояніи остановиться на одной изъ этихъ соперничавшихъ красавицъ, отложилъ до слѣдующаго дня окончательный выборъ. Въ этотъ день онъ появился, какъ Парисъ передъ тремя богинями, съ золотымъ яблокомъ въ рукахъ, залогомъ любви, который онъ долженъ былъ преподнести той, кто завладѣетъ его сердцемъ, и въ такомъ видѣ онъ началъ свой осмотръ. Сначала онъ остановился передъ одной, очень хорошенькой женщиной знатнаго происхожденія, по имени Касія и, вѣроятно, нѣсколько смущенный и не зная хорошенько съ чего начать разговоръ, онъ наставительнымъ тономъ произнесъ слѣдующее не особенно любезное привѣтствіе: „Черезъ женщину пришло къ намъ все зло“. Касія была умна и не смущаясь отвѣчала: „Правда, но черезъ женщину же приходитъ къ намъ и все добро“. Такой отвѣтъ погубилъ ее. Крайне испугавшись этой красавицы, столь быстрой на возраженіе и столь ярой феминистки, Ѳеофилъ повернулся къ Касіи спиной и оказалъ честь и предложилъ свое яблоко другой кандидаткѣ,

также замѣчательно хорошенькой, носившей имя Ѳеодоры.

Упустивъ царскій вѣнецъ, Касія утѣшилась тѣмъ, что основала, согласно очень распространенному въ Византіи обычаю, монастырь, куда и удалилась; и такъ какъ она была женщина умная, то и занялась на досугѣ сочиненіемъ духовныхъ поэмъ и свѣтскихъ эпиграммъ, дошедшихъ до насъ и не лишенныхъ интереса. Тѣмъ временемъ ея счастливая соперница была коронована съ торжественнымъ великолѣпіемъ въ церкви св. Стефана въ Дафнійскомъ дворцѣ и по обыкновенію вся ея семья получила свою долю въ ея высокой судьбѣ. Мать ея, Ѳеоктиста получила очень завидный чинъ „опоясанной патрикіи“, три ея сестры, приглашенныя ко двору, вышли замужъ за важныхъ сановниковъ; братья ея, Петрона и Варда, быстро сдѣлали карьеру. Впрочемъ, они выказали мало благодарности той, чье неожиданное возвышеніе и родственное расположеніе приблизило ихъ такимъ образомъ къ самымъ ступенямъ трона.

Новая императрица была родомъ изъ Азіи, она родилась въ Пафлагоніи въ семьѣ чиновника. Родители ея были люди благочестивые, очень преданные почитанію иконъ, противъ которыхъ при преемникахъ благочестивѣйшей императрицы Ирины императорское правительство вновь подняло гоненіе, и, повидимому, они даже на дѣлѣ доказали довольно горячую преданность своимъ вѣрованіямъ. Воспитанная въ такой средѣ Ѳеодора, естественно, была набожна и очень почитала святыя иконы; поэтому она сначала чувствовала себя нѣсколько неловко въ при-

дворномъ мірѣ, куда замужество внезапно перенесло ее.

Дѣйствительно уже прошло лѣтъ двадцать, какъ вновь возгорѣлось иконоборство и, быть можетъ, еще съ большей силой и ожесточеніемъ, чѣмъ въ VIII вѣкѣ, такъ какъ къ спору чисто религіозному примѣшался вопросъ политическій и столкнулись государство, требовавшее права вмѣшиваться въ церковныя дѣла, и церковь, отстаивавшая и защищавшая свою свободу.

Михаилъ II преслѣдовалъ своихъ противниковъ безъ пощады и безъ зазрѣнія совѣсти; Ѳеофилъ, царь умный, властный и энергичный, слѣдовалъ политикѣ своего отца. Поэтому Ѳеодора напрасно пыталась употребить свое вліяніе въ пользу своихъ друзей и смягчить своими просьбами чрезмѣрную суровость гоненій. Ѳеофилъ былъ монархъ нрава довольно крутого; когда онъ хмурилъ брови, принималъ суровый тонъ, его перепуганная жена не рѣшалась настаивать и ей самой приходилось тщательно скрывать свои чувства и тайныя склонности. Она должна была старательно прятать у себя подъ платьемъ святыя иконы, которыя она продолжала съ упорствомъ носить; она должна была принимать тысячи предосторожностей, чтобы скрыть отъ посторонникъ взоровъ въ ларцахъ, хранившихся въ ея собственныхъ покояхъ, запрещенныя иконы, и не безъ нѣкотораго риска приходилось ей иногда исполнять свои тайныя благочестивыя упражненія.

Однажды шутъ императора, карликъ, забавлявшій дворецъ своими шаловливыми выходками, замѣтилъ, что она занимается благоче-

стивымъ поклоненіемъ. Крайне любопытный по природѣ, онъ попросилъ, чтобы ему показали вещи, всецѣло поглощавшія вниманіе императрицы. „Это мои куклы, отвѣчала ему Ѳеодора, онѣ хорошенькія, и я ихъ очень люблю“. Не долго думая, карликъ пошелъ и разсказалъ императору исторію прекрасныхъ куколъ, которыя царица хранила у себя подъ подушкой. Ѳеофилъ сразу понялъ въ чемъ дѣло и, взбѣшенный тѣмъ, что въ самомъ дворцѣ не исполнялись его приказанія, онъ бросился въ гинекей и устроилъ императрицѣ ужасную сцену. Но Ѳеодора была женщина и сумѣла выйти изъ затруднительнаго положенія. „Это ничуть не касается того, о чемъ ты думаешь, сказала она мужу. Я просто занималась тѣмъ, что смотрѣлась въ зеркало вмѣстѣ съ моими служительницами, и это наши отраженія въ зеркалѣ твой шутъ принялъ за иконы и такъ по-дурацки наболталъ тебѣ о нихъ“. Ѳеофилъ успокоился или представился, что повѣрилъ; но Ѳеодора сумѣла поддѣть нескромнаго болтуна. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого за какую-то провинность она велѣла подвергнуть карлика тѣлесному наказанію, послѣ чего посовѣтовала ему впредь никогда больше не болтать о куклахъ гинекея. И когда императоръ подъ вліяніемъ вина вспоминалъ иногда объ этомъ происшествіи и принимался его разспрашивать, шутъ съ выразительной мимикой прикладывалъ одну руку ко рту, другую къ пострадавшей части тѣла и поспѣшно произносилъ: „нѣтъ, нѣтъ, царь, не будемъ больше говорить о куклахъ“.

Точно также и все высшее общество было въ заговорѣ противъ иконоборцевъ. Въ монастырѣ,

гдѣ она доживала свою жизнь, старая императрица Евфросинія питала тѣ же чувства, что и Ѳеодора, и когда къ ней посылали малолѣтнихъ дочерей царя навѣстить ее, она постоянно говорила имъ объ иконопочитаніи. Ѳеофилъ, подозрѣвавшій правду, разспрашивалъ дѣтей, но ему никогда не удавалось узнать отъ нихъ что-нибудь точное. Однако, одинъ разъ самая младшая изъ царевенъ выдала себя и, разсказавъ отцу о прекрасныхъ подаркахъ, которыми ихъ засыпали въ монастырѣ, о великолѣпныхъ фруктахъ, которыми ихъ тамъ угощали, стала объяснять, что у бабушки былъ также одинъ ларецъ, полный прекрасныхъ куколъ, и что она часто прикладывала ихъ благоговѣйно ко лбу своихъ внучекъ и говорила, чтобы онѣ ихъ съ тѣмъ же благоговѣніемъ цѣловали. Ѳеофилъ снова разсвирѣпѣлъ и запретилъ съ этихъ поръ посылать дѣтей къ старой царицѣ. Но даже среди приближенныхъ царя было много государственныхъ дѣятелей, имѣвшихъ на этотъ счетъ то же мнѣніе, что и обѣ императрицы; министры, лица близкія ко двору, втайнѣ были глубоко преданы иконопочитанію и обстоятельства складывались такъ, что прорицатели, съ которыми любилъ совѣщаться императоръ, открыто предсказывали скорую гибель его дѣла. Онъ самъ настолько это сознавалъ, что на смертномъ одрѣ потребовалъ отъ жены и логоѳета Ѳеоктиста, своего перваго министра, торжественную клятву, что они послѣ его смерти останутся вѣрны его политикѣ и отнюдь не поколеблютъ положенія его друга патріарха Іоанна, главнаго вдохновителя и руководителя этой политики.

II.

Наслѣдникъ Ѳеофила, сынъ его Михаилъ III, былъ еще ребенокъ; когда умеръ его отецъ, въ 842 году, ему было не больше трехъ—четырехъ лѣтъ. Поэтому, какъ нѣкогда Ирина, Ѳеодора стала регентшей на время несовершеннолѣтія юнаго монарха. Она оставила подлѣ себя въ качествѣ руководителей, главныхъ министровъ предшествовавшаго царствованія, логоѳета Ѳеоктиста, пользовавшагося большимъ вліяніемъ на императрицу, и магистра Мануила. Оба были люди благочестивые, втайнѣ преданные, какъ и сама царица, иконопочитанію; это были также люди со смысломъ, справедливо озабоченные слишкомъ затянувшимся безполезнымъ и опаснымъ споромъ: совершенно понятно, такимъ образомъ, что имъ пришло на умъ возстановить православіе. Однако, несмотря на ихъ внушенія, императрица, повидимому, сначала нѣсколько колебалась послѣдовать за ними по этому пути. Ѳеодора горячо любила своего мужа, она свято хранила его память; кромѣ того, она опасалась трудности предпринимаемаго. Но окружавшіе ее прилагали всѣ усилія, чтобы убѣдить ее; мать ея и братья настоятельно ей это совѣтовали. Напрасно царица возражала: „Мой мужъ, покойный императоръ, былъ человѣкъ мудрый; онъ зналъ, что надлежало дѣлать; не можемъ же мы предать забвенію его волю“. Ей представили опасность положенія, непопулярность, какую она рисковала навлечь на себя, упорно отстаивая политику Ѳеофила; ее старались запугать револю-

ціей, при чемъ погибъ бы престолъ ея сына. Помимо этого, набожность побуждала ее выслушивать эти совѣты. Наконецъ, она рѣшилась.

Въ Константинополѣ былъ собранъ соборъ, но чтобы онъ могъ благополучно совершить свое дѣло, необходимо было прежде всего избавиться отъ патріарха Іоанна, посаженнаго Ѳеофиломъ на патріаршій престолъ въ 834 году и бывшаго прежде наставникомъ царя; человѣкъ умный, дѣятельный, энергичный, онъ хорошо служилъ цѣлямъ монарха; поэтому противники иконоборцевъ терпѣть его не могли. Они распускали темные слухи о его занятіяхъ магіей, давъ ему прозвище Леканоманта, что значитъ колдунъ, новаго Аполлонія, новаго Валаама; они распространяли о немъ самыя страшныя исторіи: какъ съ помощью своихъ чаръ онъ находилъ способъ губить враговъ императора; какъ онъ приходилъ ночью, бормоча таинственныя формулы, обезглавить бронзоваго змія, украшавшаго ипподромъ, и какъ въ своемъ домѣ, находившемся въ предмѣстьяхъ, онъ устроилъ подземную сатанинскую пещеру, гдѣ съ помощью потерянныхъ женщинъ, отличавшихся обыкновенно рѣдкой красотой, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ для вящаго скандала были монахини, посвященныя Богу, онъ нечестивыми жертвами вызывалъ демоновъ и вопрошалъ мертвыхъ, чтобы узнать отъ нихъ тайны будущаго. Какъ бы ни смотрѣть на эти сплетни, Іоаннъ обладалъ выдающимся умомъ, крѣпкой волей и вслѣдствіе этого являлся человѣкомъ крайне неудобнымъ. Желая отдѣлаться отъ него, потребовали, чтобы онъ согласился на возстановленіе православія или снялъ съ себя патріаршій санъ

и, повидимому, воины, назначенные передать патріарху этотъ ультиматумъ, исполнили порученіе довольно грубымъ образомъ. Какъ бы то ни было, патріархъ былъ низложенъ и заточенъ въ монастырь; и когда взбѣшенный отъ такого съ нимъ обращенія, онъ осмѣлился проявить свое нерасположеніе тѣмъ, что велѣлъ уничтожить образа въ монастыряхъ, гдѣ онъ жилъ, онъ по приказанію регентши былъ подвергнутъ жестокому тѣлесному наказанію.

На его мѣсто избрана была одна изъ жертвъ предыдущаго правительства, Меѳодій; тутъ началась полная реакція. Заботами епископовъ почитаніе иконъ было возстановлено; изгнанные и сосланные были возвращены и приняты съ торжествомъ; заключенныхъ выпустили на свободу и величали, какъ мучениковъ; на церковныхъ стѣнахъ вновь появились священныя иконы и вновь, какъ прежде, надъ воротами Халки торжественно повѣшенъ на прежнемъ мѣстѣ образъ Спасителя, что свидѣтельствовало о благочестіи обитателей императорскаго дворца; наконецъ, 19 февраля 843 г. въ торжественной священной церемоніи собрались вмѣстѣ духовенство, дворъ и весь народъ. Всю ночь во Влахернской церкви императрица благоговѣйно молилась вмѣстѣ съ священниками; когда наступило утро, торжественная процессія потянулась по улицамъ Константинополя; окруженная епископами и монахами, среди восхищенной толпы, Ѳеодора прослѣдовала изъ Влахернской церкви въ святую Софію и въ Великой церкви принесла благодареніе Всемогущему. Побѣжденные со свѣчами въ рукахъ должны были находиться въ этомъ шествіи, прославляв-

шемъ ихъ пораженіе, и смиренно склоняться передъ предававшими ихъ анаѳемѣ. Затѣмъ вечеромъ въ священномъ дворцѣ царица устроила пиршество духовнымъ особамъ, и всѣ поздравляли другъ друга съ достигнутымъ успѣхомъ. Это было торжество православія. И съ тѣхъ поръ въ воспоминаніе объ этомъ великомъ событіи и въ память блаженной Ѳеодоры ежегодно въ первое воскресенье Великаго поста греческая церковь торжественно празднуетъ возстановленіе иконопочитанія и пораженіе его враговъ.

Революція воздала должное и самимъ умершимъ. Торжественно были привезены въ столицу останки знаменитыхъ исповѣдниковъ, Ѳедора Студита и патріарха Никифора, пострадавшихъ за вѣру и умершихъ въ изгнаніи. Императоръ и весь дворъ, неся въ рукахъ свѣчи, почли за честь пойти на встрѣчу священныхъ останковъ, слѣдовать затѣмъ благоговѣйно за ракой, несомой священниками, и среди огромнаго стеченія народа сопровождать ее вплоть до церкви св. Апостоловъ. Зато, наоборотъ, осквернили могилу Константина V и безъ всякаго уваженія къ императорскому сану выбросили на улицу останки великаго противника иконъ, а изъ его мраморнаго саркофага, распиленнаго на тонкія доски, сдѣлали облицовку для украшенія одной изъ комнатъ дворца его. Къ сожалѣнію византійскіе историки, которымъ мы обязаны этими подробностями, не сумѣли передать намъ, какимъ образомъ могла произойти такъ быстро эта великая революція, повидимому, не встрѣтивъ сколько-нибудь серьезнаго сопротивленія. Одна вещь, очевидно, ей особенно способствовала: усталость, испытывае-

мая всѣми отъ безконечной борьбы. Но еще другое соображеніе заставило, быть можетъ, государственныхъ дѣятелей присоединиться къ рѣшенію, принятому Ѳеодорой. Если съ точки зрѣнія догматической побѣда церкви была полная, она съ другой стороны должна была отказаться отъ всякихъ поползновеній на независимость, проявленную иными изъ самыхъ знаменитыхъ ея защитниковъ. Въ отношеніи государства она стала безусловно въ подчиненное положеніе, власть императорская въ вопросахъ религіи стала проявляться надъ ней болѣе, чѣмъ когда-либо. Въ этомъ, несмотря на возстановленіе православія, политика императоровъ иконоборцевъ принесла свои плоды.

За великое дѣло, совершенное ею, Ѳеодора заслужила быть причисленной восточной церковью къ лику святыхъ. Однако, многое смущало императрицу при исполненіи ею принятой на себя задачи. Одно въ особенности поглощало и заботило ее: она, какъ извѣстно, страстно любила своего мужа; она не могла примириться съ тѣмъ, что страшныя анаѳемы, какимъ предавались иконоборцы, затрагивали и его. Поэтому, когда святые отцы, собравшіеся на соборъ, пришли просить ея милостиваго соизволенія на возстановленіе иконопочитанія, она въ свою очередь попросила у нихъ, взамѣнъ ея согласія, одной милости: разрѣшить отъ грѣховъ императора Ѳеофила. И когда патріархъ Меѳодій сталъ возражать, что если церковь имѣетъ неоспоримое право прощать живыхъ, приносящихъ покаяніе, она не можетъ ничего относительно человѣка, явно умершаго въ состояніи смертнаго грѣха,

Ѳеодора прибѣгла къ благочестивому обману. Она объявила, что въ свой смертный часъ царь раскаялся въ грѣхахъ, что онъ съ благоговѣніемъ прикладывался къ образамъ, поднесеннымъ женой къ его губамъ и что онъ, какъ добрый христіанинъ, предалъ духъ свой въ руки Божіи. Епископы легко повѣрили этой назидательной исторіи тѣмъ болѣе, что хорошо сознавали, что возстановленіе иконопочитанія могло получиться только этой цѣной; и согласно желанію регентши они рѣшили, что въ теченіе недѣли они будутъ по всѣмъ церквамъ столицы молиться за спасеніе души покойнаго императора. Ѳеодора захотѣла сама принять участіе въ этомъ благочестивомъ упражненіи и льстила себя мыслью, что такимъ образомъ вымолила для грѣшнаго раскаявшагося царя милость Божію.

Позднѣе легенда сильно изукрасила трогательный разсказъ о супружеской любви Ѳеодоры. Разсказывали, что въ страшныхъ снахъ царица видѣла, какая судьба угрожала ея мужу. Она видѣла Богородицу съ младенцемъ на рукахъ, сидящую на тронѣ и окруженную ангелами; она судила царя Ѳеофила и приказывала жестоко сѣчь его розгами. Въ другой разъ приснилось ей, будто она на форумѣ Константина, и вдругъ огромная толпа затопляла площадь и проходило шествіе людей, несшихъ орудія наказанія и пытки, а среди нихъ обнаженнаго и въ цѣпяхъ волокли несчастнаго Ѳеофила. Вся въ слезахъ, Ѳеодора послѣдовала за толпой и съ ней дошла до площади передъ дворцомъ передъ воротами Халки. Тамъ, на тронѣ сидѣлъ человѣкъ, большой, страшный, съ видомъ безпощаднаго судьи. Тогда

императрица бросилась передъ нимъ на колѣни, моля его помиловать ея мужа, и человѣкъ отвѣчалъ: „Женщина, велика твоя вѣра. Ради благочестія твоего и твоихъ слезъ, и во вниманіе къ молитвамъ моихъ священниковъ отпускаю грѣхи мужу твоему“. И приказалъ его развязать. Въ то же время и патріархъ Меѳодій съ своей стороны прибѣгъ къ опыту, чтобы увѣриться въ предначертаніяхъ Провидѣнія. На жертвенный столъ въ алтарѣ святой Софіи онъ положилъ кусокъ пергамента съ написанными на немъ именами всѣхъ императоровъ иконоборцевъ; затѣмъ онъ заснулъ въ церкви и увидалъ ангела, возвѣстившаго ему, что Богъ помиловалъ императора; проснувшись и взглянувъ на кусокъ пергамента, онъ дѣйствительно увидалъ, что мѣсто, гдѣ имъ было написано имя Ѳеофила, чудеснымъ образомъ стало вновь бѣлымъ въ знакъ прощенія.

Однако, нѣкоторые люди выказали себя болѣе жестокими, чѣмъ Богъ. У художника Лазаря, расписывавшаго иконы, правая рука была отрѣзана по приказанію покойнаго императора; и хотя по легендѣ эта отрѣзанная рука чудеснымъ образомъ вновь приросла, мученикъ ковалъ злобу противъ палача и на всѣ замѣчанія императрицы съ упорствомъ отвѣчалъ: „Богъ не можетъ быть такимъ несправедливымъ, чтобы забыть наши бѣды и простить нашего гонителя“. На придворномъ обѣдѣ, которымъ закончилось торжество православія, еще одинъ исповѣдникъ выказалъ себя не менѣе неумолимымъ. То былъ Ѳеодоръ Граптъ, прозванный такъ потому, что Ѳеофилъ въ видѣ наказанія велѣлъ выжечь у него на лбу раскаленнымъ желѣзомъ четыре

оскорбительныхъ стиха. Императрица, очень озабоченная тѣмъ, чтобы польстить чѣмъ нибудь мученикамъ, велѣла спросить у святого человѣка имя того, кто подвергъ его такой ужасной пыткѣ. „Объ этой надписи, отвѣчалъ тотъ торжественно, я у престола Божія потребую отчета у твоего императора, супруга“. При этой неожиданной выходкѣ, Ѳеодора, вся въ слезахъ, обратилась къ епископамъ съ вопросомъ, такъ ли они разсчитываютъ исполнить свои обязательства; къ счастью, вступился патріархъ и не безъ труда удалось ему успокоить озлобленнаго исповѣдника и завѣрить монархиню: „Наши обѣщанія, заявилъ онъ, остаются непоколебимы, и если кто ими пренебрегаетъ, это не имѣетъ значенія“. Но съ другой стороны далеко небезразлично, что изъ всѣхъ этихъ анекдотовъ мы ясно видимъ, сколько политическихъ и человѣческихъ расчетовъ имѣлось въ виду при этомъ возстановленіи православія, и къ какимъ сдѣлкамъ съ совѣстью одинаково легко готовы были прибѣгнуть и епископы и сама Ѳеодора.

III.

„Первая добродѣтель, говоритъ одинъ лѣтописецъ той эпохи, это имѣть православную душу“. Ѳеодора вполнѣ обладала этой добродѣтелью. Но у нея были еще и другія качества. Византійскіе писатели восхваляютъ ея государственный умъ, ея энергію, ея смѣлость; они приписываютъ ей героическія слова, какъ напримѣръ, слѣдующія, благодаря которымъ она предотвратила нашествіе царя болгарскаго: „Если ты восторже-

ствуешь надъ женщиной, послала она ему сказать, слава твоя не будетъ стоить ничего; но если тебя разобьетъ женщина, ты станешь посмѣшищемъ цѣлаго міра". Во всякомъ случаѣ, впродолженіи четырнадцати лѣтъ, что она была регентшей, она правила хорошо. Безъ сомнѣнія, какъ это, впрочемъ, легко предположить, правленіе ея было отмѣчено чрезмѣрной религіозностью. Очень гордая тѣмъ, что возстановила православіе, она не менѣе того мечтала о славѣ истребленія еретиковъ; по ея приказанію павликіанамъ было предложено на выборъ: обращеніе въ православіе или смерть; и такъ какъ они не уступили, кровь полилась рѣкой въ мѣстностяхъ Малой Азіи, населенной ими. Императорскіе инквизиторы, которымъ поручили сломить ихъ сопротивленіе, превзошли самихъ себя: благодаря ихъ стараніямъ болѣе ста тысячъ людей погибли отъ пытокъ. Событіе большой важности, долженствовавшее имѣть еще болѣе важное послѣдствіе; бросивъ этихъ отчаявшихся людей въ руки мусульманъ, императорское правительство приготовило себѣ тѣмъ много бѣдъ въ будущемъ.

Но въ другихъ вещахъ благочестивое рвеніе, воодушевлявшее регентшу, внушило ей благія начинанія; она первая положила основаніе великому дѣлу миссіонеровъ, долженствовавшихъ черезъ нѣсколько лѣтъ нести проповѣдь Евангелія хазарамъ, моравамъ, болгарамъ. Ей также принадлежитъ слава нѣсколькихъ прочныхъ военныхъ успѣховъ, одержанныхъ надъ арабами, и полнаго подавленія возстанія славянъ въ Элладѣ. Но въ особенности она поставила себѣ задачей хорошее управленіе финансами имперіи. Гово-

рятъ, она понимала финансовые вопросы и въ одной легендѣ разсказанъ по этому поводу слѣдующій любопытный анекдотъ: императоръ Ѳеофилъ стоялъ разъ во дворцѣ у окна и увидалъ, какъ въ гавань Золотого Рога входитъ большое великолѣпное коммерческое судно. Справившись, чье это прекрасное судно, онъ узналъ, что оно принадлежало императрицѣ. Императоръ промолчалъ; но на слѣдующій день, отправляясь во Влахерны, онъ спустился въ портъ и приказалъ выгрузить корабль, а затѣмъ поджечь его. Послѣ этого онъ обратился къ своимъ приближеннымъ со слѣдующими словами: „Вы, конечно, и представить себѣ не могли, чтобы императрица, жена моя, сдѣлала изъ меня купца! Никогда до сихъ поръ не было видано, чтобы римскій императоръ занимался торговлей“. Не входя въ подробности этого происшествія, надо замѣтить, что Ѳеодора умѣла управлять государственной казной не хуже, чѣмъ своей. Когда она сложила съ себя власть, казна была достаточно полна. И одно это давало бы ей несомнѣнное право занять мѣсто среди выдающихся монархинь, не будь придворныхъ интригъ и дворцовыхъ происковъ, всегда въ такомъ количествѣ гнѣздящихся тамъ, гдѣ правитъ женщина, и не награди ее судьба совершенно негоднымъ сыномъ.

IV.

Въ царствованіе Ѳеофила императорскій дворецъ, столько вѣковъ служившій резиденціей византійскихъ василевсовъ, сталъ еще великолѣпнѣе. Императоръ любилъ постройки: къ прежъ-

нимъ покоямъ Константина и Юстиніана онъ прибавилъ цѣлый рядъ чудныхъ сооруженій, украшенныхъ съ самой изящной и изощренной роскошью. Онъ любилъ пышность и великолѣпіе: чтобы увеличить блескъ дворцовыхъ пріемовъ, художники по его заказу исполнили чудеса ювелирнаго и механическаго искусства. Таковы напр. пентапиргій, знаменитый золотой шкапъ, гдѣ были выставлены царскія драгоцѣнности, золотые органы, игравшіе въ дни торжественныхъ пріемовъ, золотая чинара, возвышавшаяся подлѣ императорскаго трона, гдѣ летали и пѣли механическія птицы; золотые львы, лежавшіе у ногъ царя, время отъ времени поднимавшіеся, бившіе хвостомъ и рыкавшіе, и золотые грифоны съ таинственнымъ видомъ, которые, казалось, какъ во дворцахъ азіатскихъ царей, охраняли безопасность императора. Кромѣ того, онъ велѣлъ обновить весь императорскій гардеробъ, красивыя одежды, сверкающія золотомъ, въ которыя облачался василевсъ во время придворныхъ церемоній, удивительныя одѣянія, тканыя золотомъ и усыпанныя драгоцѣнными камнями, въ какія рядилась Августа. Онъ любилъ, наконецъ, литературу, науки и искусства. Онъ осыпалъ своими милостями великаго математика Льва Солунскаго и въ своемъ Магнаврскомъ дворцѣ устроилъ школу, гдѣ этотъ ученый велъ свое удивительное преподаваніе, составившее славу Византіи; и даже онъ, этотъ суровый иконоборецъ, выказалъ себя вполнѣ терпимымъ въ отношеніи исповѣдника Меѳодія послѣ того, какъ нашелъ его способнымъ разъяснить нѣкоторыя научныя трудности, сильно его занимавшія. Со-

всѣмъ очарованный шедеврами арабской архитектуры, очень озабоченный тѣмъ, чтобы замѣнить благочестивыя украшенія, представляемыя иконами, которыя онъ упразднилъ, произведеніями болѣе вольнаго и болѣе свѣтскаго стиля, онъ направилъ византійское искусство своего времени на новые пути, и, благодаря его усиліямъ и его просвѣщенному покровительству, въ этомъ дивномъ священномъ дворцѣ, полномъ утонченнаго великолѣпія и рѣдкостной роскоши, среди этихъ несравненныхъ красотъ въ видѣ бесѣдокъ, терассъ, садовъ, откуда открывался широкій видъ на сверкающую полосу воднаго простора Мраморнаго моря, придворная жизнь дала новый пышный цвѣтъ. Но когда императоръ умеръ, этотъ великолѣпный дворецъ сталъ, главнымъ образомъ, мѣстомъ всякихъ смутъ, интригъ и козней.

Фактическимъ главой правительства во время регентства Ѳеодоры былъ логоѳетъ Ѳеоктистъ. Онъ былъ человѣкъ довольно посредственный, полководецъ малоспособный и не имѣвшій никогда удачи; ограниченнаго политическаго ума, темперамента сухого, холоднаго и унылаго, не внушая ни симпатіи, ни любви, онъ держался только милостью и расположеніемъ, какія выказывала ему императрица. Онъ добился того, что ему дали помѣщеніе въ самомъ дворцѣ, а огромное вліяніе его на императрицу и ея довѣріе къ нему были таковы, что въ Византіи ходили довольно сомнительные слухи насчетъ характера отношеній его съ царицей. Его считали честолюбивымъ, помнили, съ какой лихорадочной поспѣшностью онъ покинулъ войско на Критѣ, чтобы

слѣдить за событіями въ столицѣ, какъ только пришло извѣстіе о приготовлявшейся дворцовой революціи; его подозрѣвали въ замыслахъ овладѣть престоломъ и доходили до того, что говорили, будто Ѳеодора, сочувствуя его желаніямъ, думала выдти за него замужъ или выдать за него одну изъ своихъ дочерей, вполнѣ готовая, чтобы очистить ему дорогу къ власти, свергнуть и ослѣпить собственнаго сына, какъ это сдѣлала нѣкогда великая Ирина. Во всякомъ случаѣ, глубоко и искренно преданный регентшѣ, всесильный по своему вліянію на нее, логоѳетъ старался возбуждать ея недовѣріе ко всѣмъ совѣтникамъ, раздѣлявшимъ съ нимъ власть.

Скоро всякими интригами онъ отстранилъ всѣхъ своихъ соперниковъ. Магистра Мануила, бывшаго вмѣстѣ съ Ѳеоктистомъ опекуномъ юнаго Михаила III, обвинили въ заговорѣ противъ императорской фамиліи, и онъ долженъ былъ отказаться отъ своей должности. Братья императрицы Петрона и Варда были много опаснѣе, особенно второй, соединявшій съ выдающимся умомъ необыкновенное отсутствіе всякихъ нравственныхъ требованій. Съ согласія самой Ѳеодоры Варда былъ подъ какимъ-то предлогомъ удаленъ отъ двора, и логоѳетъ думалъ, что окончательно упрочилъ свою власть. Онъ не предвидѣлъ, что ему придется считаться съ юнымъ императоромъ.

Дѣйствительно, Михаилъ III подрасталъ, а подрастая, обнаруживалъ все болѣе плачевныя стороны своей натуры. Напрасно мать его и министръ прилагали все стараніе, чтобы дать ему наилучшее воспитаніе; напрасно приставили къ нему лучшихъ учителей, окружили самыми от-

борными товарищами; разсказываютъ, что среди другихъ товарищей по ученью юнаго царевича, находился Кириллъ, ставшій впослѣдствіи апостоломъ славянъ. Все оказалось безполезно, Михаилъ былъ плохъ по существу. Въ пятнадцать-шестнадцать лѣтъ, — возрастъ какого онъ достигъ теперь,—онъ больше всего любилъ охоту, лошадей, бѣга, театръ, борьбу атлетовъ и самъ не брезговалъ у себя на дворцовомъ ипподромѣ, взойдя на колесницу, доставлять собственной особой зрѣлище своимъ приближеннымъ. Въ личной жизни поведеніе его было еще предосудительнѣе. Онъ посѣщалъ самое скверное общество, проводилъ за виномъ часть ночи; у него была открытая связь съ Евдокіей Ингериной.

Ѳеодора и Ѳеоктистъ рѣшили, что при данныхъ обстоятельствахъ ничего другого не оставалось, какъ женить юнаго императора и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Опять согласно обычаю гонцы изъ дворца были отправлены по всѣмъ провинціямъ, чтобы привезти въ Константинополь самыхъ красивыхъ дѣвушекъ имперіи; изъ нихъ была выбрана Евдокія, дочь Декаполита, и почти тотчасъ вслѣдъ за тѣмъ коронована царицей. Но по прошествіи нѣсколькихъ недѣль Михаилъ III, которому скоро надоѣла и жена и супружеская жизнь, уже вернулся къ прежнимъ привычкамъ, къ своимъ друзьямъ, къ своей любовницѣ, и потекла та же безпутная жизнь. Но, разумѣется, не надо буквально принимать всѣ сумасбродные или отвратительные поступки, приписываемые византійскими историками Михаилу III: лѣтописцы, преданные Македонской династіи, были слиш-

комъ заинтересованы въ томъ, чтобы извинить и оправдать убійство, возведшее на престолъ Василія I, и не могли не поддаться соблазну очернить нѣсколько его жертву. Но даже и при этой оговоркѣ нѣкоторые несомнѣнные факты ясно показываютъ, сколько было безумія въ поступкахъ злосчастнаго императора. Вѣчно окруженный шутами, людьми развращенными и буфонами, онъ забавлялся съ такими недостойными приближенными, разыгрывая грубые или непристойные фарсы, скандализируя дворецъ продѣлками дурного вкуса, при чемъ не оказывалъ уваженія ни семейнымъ, ни религіознымъ началамъ. Однимъ изъ его любимыхъ развлеченій было наряжать своихъ друзей въ епископовъ; одинъ изображалъ патріарха, другіе митрополитовъ; самъ царь изображалъ архіепископа Колонейскаго; и въ такомъ видѣ они шли по городу, какъ на маскарадѣ, распѣвая грязныя или нелѣпосмѣшныя пѣсни, поддѣлываясь подъ духовныя пѣсни, пародируя священныя церемоніи. Однажды въ подражаніе Христу Михаилъ отправился обѣдать къ одной бѣдной женщинѣ, совсѣмъ растерявшейся отъ необходимости такъ неожиданно принимать у себя царя; въ другой разъ, повстрѣчавъ на дорогѣ патріарха Игнатія и его чиновниковъ, императоръ рѣшилъ угостить ихъ серенадой и въ сопровожденіи своихъ шутовъ долго слѣдовалъ за ними, крича имъ въ уши слова непристойныхъ пѣсенъ подъ аккомпаниментъ кимваловъ и тамбуриновъ.

Кромѣ того, онъ выкидывалъ отвратительныя шутки съ своей матерью. Разъ онъ послалъ сказать ей, что у него во дворцѣ патріархъ и что

она, конечно, будетъ счастлива получить его благословеніе. Благочестивая Ѳеодора поспѣшила явиться и дѣйствительно въ большой Золотой палатѣ она увидала патріарха, сидящаго на тронѣ рядомъ съ императоромъ, въ полномъ облаченіи, съ капюшономъ спущеннымъ на лицо, молчаливаго и важнаго, повидимому углубленнаго въ размышленія. Регентша падаетъ къ ногамъ святого отца и проситъ не забывать ее въ своихъ молитвахъ, какъ вдругъ патріархъ встаетъ, подпрыгиваетъ, поворачивается спиной къ императрицѣ... и пусть прочтутъ у самихъ лѣтописцевъ, что онъ пустилъ въ лицо Ѳеодоры. Затѣмъ, повернувшись къ ней лицомъ, заявилъ: „Ты никакъ не можешь сказать, царица, что даже и въ этомъ мы не постарались оказать тебѣ почесть“. Тутъ онъ откинулъ капюшонъ и явилъ свой ликъ: воображаемый патріархъ былъ не кто иной, какъ любимый шутъ императора. При этой выходкѣ такого высокаго тона Михаилъ разражается смѣхомъ. Возмущенная Ѳеодора громитъ сына проклятіями: „О, злой и нечестивый! съ этого дня Богъ отринулъ тебя отъ Себя!“ и вся въ слезахъ она оставляетъ залъ. Но несмотря на такую грубую непристойность поведенія, опекуны не смѣли вмѣшиваться и остерегались порицать василевса, отъ крайней ли снисходительности или потому, что думали сохранить этой уступчивостью собственный кредитъ.

Выказывая особенную снисходительность ко всѣмъ подобнымъ забавамъ племянника, Варда старался подчинить его своему вліянію. Благодаря заступничеству своего друга, оберкамергера Даміана, ему удалось добиться, что его вернули

изъ ссылки по приказанію императора, и очень быстро онъ сталъ пользоваться милостивымъ вниманіемъ Михаила III. Понятно, что онъ терпѣть не могъ Ѳеоктиста, ставившаго преграды его честолюбивымъ замысламъ; поэтому онъ непрестанно возбуждалъ въ василевсѣ недовѣріе къ министру. Онъ внушалъ ему страхъ, что логоѳетъ способенъ подготовить какой-нибудь государственный переворотъ, не смущался даже тѣмъ, что клеветалъ на сестру свою, регентшу Ѳеодору, и представлялъ сыну въ самомъ черномъ свѣтѣ поведеніе матери. Онъ дѣйствовалъ такъ успѣшно, что по поводу одного пустяшнаго случая (дѣло шло объ одномъ личномъ другѣ царя, которому министръ отказалъ дать какое-то повышеніе) между монархомъ и Ѳеоктистомъ произошло довольно крупное столкновеніе. Это случилось въ 856 году. Варда, пользуясь своимъ преимуществомъ, постарался еще больше обострить злобное чувство Михаила: онъ далъ ему понять, что его устраняли отъ дѣлъ; грубыми замѣчаніями онъ уязвилъ его самолюбіе. „Покуда Ѳеоктистъ будетъ заодно съ Августой, царь останется безсиленъ“, говорилъ онъ; въ особенности ему удалось завѣрить Михаила, что замышляютъ лишить его жизни. Противъ логоѳета былъ составленъ заговоръ. Большая часть придворныхъ перешла на сторону Варды; царь былъ согласенъ на все, и противъ Ѳеодоры и ея любимца пошла даже одна изъ сестеръ императрицы и стала на сторону брата своего Варды. Покушеніе такимъ образомъ удалось, не встрѣтивъ большихъ затрудненій.

Однажды, когда по обязанностямъ службы

Ѳеоктистъ явился съ бумагами въ рукахъ на аудіенцію къ регентшѣ, онъ нашелъ въ галлереѣ Лавсіака, находившейся передъ покоями императрицы, Варду, и тотъ, не вставая передъ нимъ, смѣрилъ его крайне дерзкимъ взглядомъ. Немного дальше онъ встрѣтилъ императора, который запретилъ ему идти къ Августѣ и приказалъ сдѣлать докладъ о дѣлахъ текущаго дня самому ему, императору; и такъ какъ смущенный министръ колебался, василевсъ грубо приказалъ ему удалиться. Но онъ не успѣлъ еще выйти, какъ Михаилъ крикнулъ дежурнымъ камергерамъ: „Арестуйте этого человѣка“. При этомъ возгласѣ Варда бросается на логоѳета; тотъ бѣжитъ; Варда его нагоняетъ, валитъ его на полъ и обнаживъ мечъ, готовъ поразить всякаго, кто бы попытался броситься на помощь несчастному. Однако, повидимому, смерть Ѳеоктиста не представлялась необходимой: императоръ прежде всего просто приказалъ отвести его подъ строгимъ надзоромъ въ Скилу и тамъ ждать дальнѣйшихъ приказаній. Къ несчастью для логоѳета на поднявшійся шумъ прибѣжала Ѳеодора съ распущенными волосами, платье ея было въ безпорядкѣ, и съ громкими криками она стала требовать, чтобы возвратили ей ея любимца, разражаясь бранью противъ сына и брата, крича угрожающимъ голосомъ, что запрещаетъ предавать смерти Ѳеоктиста. Быть можетъ, именно это заступничество и погубило несчастнаго. Приближенные Михаила испугались, что если онъ останется живъ, регентша можетъ опять очень скоро вернуть его къ власти, и какъ бы онъ не отомстилъ жестоко своимъ врагамъ; и смерть его была рѣшена, какъ мѣра пре-

досторожности. Напрасно нѣсколько офицеровъ дворцовой стражи, оставшихся ему вѣрными, пытались спасти его; напрасно несчастный, прячась подъ мебель, старался спастись отъ гибели. Сильнымъ ударомъ меча одинъ изъ воиновъ, нагнувшись, пронзилъ ему животъ. Варда унесъ его.

Убійство перваго министра было ударомъ, направленнымъ прямо противъ Ѳеодоры: она хорошо это почувствовала. Уже въ смутной тревогѣ, глухо проносившейся по дворцу, слышала она угрожающіе ей голоса: до нея долетали крики, чтобы она остерегалась, что близокъ день убійствъ. И теперь въ своемъ негодованіи отвергла она всѣ извиненія, съ какими къ ней обратились, всѣ утѣшенія, какія хотѣли ей расточать; непреклонная, полная трагизма, она призывала на виновныхъ, и въ особенности на брата Варду, небесное отмщеніе и открыто желала имъ смерти. Такой непримиримостью она окончательно возстановила противъ себя всѣхъ и стала неудобной; Варда,—она помимо остального мѣшала его честолюбію,—рѣшилъ избавиться отъ нея. Начали съ того, что отняли у нея дочерей и заключили ихъ въ монастырь, твердо разсчитывая, что она не замедлитъ сама добровольно за ними туда послѣдовать. Такъ какъ она колебалась, не зная на что рѣшиться, ее принудили удалиться въ Гастрійскій монастырь. Не желая поднимать въ государствѣ смуту безполезнымъ сопротивленіемъ, она съ достоинствомъ сложила съ себя власть, офиціально передавъ сенату тѣ казенныя суммы, какія благодаря хорошему управленію финансами удалось ей скопить. Это былъ конецъ ея государственной дѣятельности.

Въ монастырѣ, куда укрылась Ѳеодора, она прожила еще многіе годы со своими дочерьми, ведя благочестивый образъ жизни, простивъ сыну,—позднѣе она, повидимому, даже заслужила нѣкоторое его довѣріе, но она продолжала питать злобу къ Вардѣ, справедливо видя въ немъ виновника смерти Ѳеоктиста. Въ этой своей злобѣ она, благочестивая и православная императрица, дошла до того, что злоумышляла противъ ненавистнаго брата и пыталась, въ согласіи съ нѣсколькими своими придворными приближенными, умертвить его. Эта попытка ей не удалась и, какъ кажется, она даже понесла за нее довольно тяжелое наказаніе. Безъ сомнѣнія, въ это именно время у нея конфисковали все ея имущество и лишили почестей, присвоенныхъ ей въ качествѣ императрицы. Чтобы утѣшить ее въ этихъ неудачахъ, судьба готовила ей замѣстителя, который долженъ былъ отмстить за нее, утолить ея злобу превыше даже всѣхъ ея чаяній. То былъ Василій, знаменитый основатель македонской династіи.

ГЛАВА VII.

Романическія приключенія Василія Македонянина.

Въ то время, когда императрица Ѳеодора царствовала вмѣстѣ съ мужемъ своимъ Ѳеофиломъ, около 840 года приблизительно, одинъ молодой человѣкъ, бѣдно одѣтый, но на видъ довольно представительный, благодаря своему высокому росту, могучему сложенію и красивому загорѣлому лицу, вошелъ вечеромъ въ Константинополь, черезъ Золотыя ворота, съ котомкой за плечами и посохомъ въ рукахъ. Случилось это въ воскресенье; наступала ночь. Усталый, весь въ пыли, путникъ улегся у входа въ ближайшую церковь святого Діомида и сейчасъ же заснулъ глубокимъ сномъ. И вотъ среди ночи игуменъ монастыря, которому принадлежала церковь, внезапно проснувшись, услыхалъ голосъ, говорившій ему: „Встань, поди отвори церковныя двери императору“. Монахъ послушался; но не найдя во дворѣ никого, кромѣ какого-то жалкаго оборванца, растянувшагося прямо на землѣ, онъ подумалъ, что это ему приснилось, возвратился къ себѣ и снова легъ. Тогда во второй разъ тотъ же голосъ про-

будилъ его ото сна и повторилъ то же повелѣніе: и опять, вставъ и никого не найдя, кромѣ спящаго бродяги, онъ снова улегся на свою постель. Тогда въ третій разъ, болѣе властно, прозвучалъ въ тишинѣ голосъ, и въ то же время, въ доказательство, что это былъ не сонъ, а явь, игуменъ получилъ въ бокъ таинственный, но здоровый ударъ кулакомъ. „Встань, приказывалъ голосъ, впусти того, кто лежитъ у дверей; ибо онъ императоръ“. Весь дрожа поднимается святой отецъ, поспѣшаетъ покинуть келью и, сойдя внизъ, взываетъ къ незнакомцу. „Я тутъ, господинъ, отвѣчаетъ тотъ, стряхивая съ себя сонъ; что повелишь рабу твоему?“ Игуменъ приглашаетъ его слѣдовать за нимъ, сажаетъ его за свой столъ; утромъ онъ приготовляетъ ему ванну, приноситъ новыя одежды; и такъ какъ удивленный путникъ совершенно не понимаетъ, чѣмъ заслужилъ такое вниманіе, монахъ, взявъ съ него клятву хранить тайну, открываетъ ему его будущую судьбу и проситъ быть ему отнынѣ другомъ и братомъ.

Этимъ живописнымъ разсказомъ, которымъ Поль Аданъ очень искусно воспользовался для своего романа Василій и Софія, начинается первый выходъ на историческую сцену человѣка, такъ ловко устроившаго свою судьбу при Ѳеодорѣ и Михаилѣ III, этого Василія Македонянина, который черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого возвелъ свой родъ на византійскій престолъ.

Историки, жившіе при дворѣ императора Константина VII, внука Василія, и самъ Константинъ VII естественно желали создать для основателя македонской династіи приличную и даже славную

генеалогію. По ихъ словамъ, знаменитый василевсъ происходилъ со стороны отца изъ царскаго дома Арменіи, по матери онъ приходился родственникомъ Константину и даже Александру Великому. Въ дѣйствительности же происхожденіе его было гораздо скромнѣе. Василій родился приблизительно въ 812 году въ окрестностяхъ Адріанополя въ темной крестьянской семьѣ, бѣдныхъ колонистовъ армянскаго происхожденія, которая переселилась въ Македонію, разорилась отъ болгарской войны и осталась окончательно безъ всякихъ средствъ вслѣдствіе послѣдняго несчастія, смерти отца. Василію, единственной поддержкѣ матери и сестеръ, было тогда двадцать пять или двадцать шесть лѣтъ. Это былъ большой и сильный малый, съ здоровыми мускулами, съ могучимъ тѣлосложеніемъ; густые вьющіеся волосы обрамляли его энергичное лицо. При этомъ совершенный невѣжда,—Василій не умѣлъ ни читать, ни писать, — онъ прежде всего представлялъ изъ себя красивое человѣческое животное. Этого оказалось достаточно, чтобы составить его счастье.

Византійскіе лѣтописцы, до послѣдней степени влюбленные во все чудесное, тщательно собрали и повѣдали намъ всѣ предзнаменованія, возвѣщавшія будущее величіе Василія; какъ въ одинъ прекрасный день, когда онъ еще ребенкомъ заснулъ въ полѣ, рѣявшій надъ нимъ орелъ охранялъ его сѣнью своихъ крылъ; какъ мать его видѣла во снѣ, что изъ груди ея выросло золотое дерево, покрытое золотыми цвѣтами и плодами, стало огромнымъ и бросало тѣнь на весь домъ; и какъ въ другой разъ, тоже во снѣ,

явился передъ ней святой Илія Ѳесвійскій въ образѣ древняго старца съ бѣлой бородой, съ вырывавшимся изъ устъ его пламенемъ и какъ пророкъ объявилъ матери высокую судьбу, предназначенную ея сыну. Суевѣріе византійскаго общества любило украшать подобными легендами юность великихъ людей и искренно придавало значеніе такимъ предсказаніямъ. Въ дѣйствительности, Василій Македонянинъ долженъ былъ добиться своею помощью другихъ средствъ и другихъ качествъ, помощью своего ловкаго и изворотливаго ума, своей ни передъ чѣмъ не останавливавшейся энергіи, обаянія своей силы и, наконецъ, помощью женщинъ, испытывавшихъ неотразимое обаяніе его обольстительнаго сложенія силача.

На своей родинѣ, въ Македоніи, странѣ бѣдной и скудной, Василій, обремененный семьей; скоро понялъ, что земледѣліе не можетъ прокормить ихъ всѣхъ, и онъ началъ съ того, что поступилъ на службу къ правителю той области, гдѣ жилъ. Затѣмъ онъ отправился искать счастья въ Константинополь, и тутъ обстоятельства благопріятствовали ему какъ нельзя лучше. Игуменъ монастыря святого Діомида, пріютившій его, имѣлъ брата, по профессіи врача; послѣдній увидалъ какъ-то молодого человѣка въ монастырѣ, оцѣнилъ его цвѣтущій видъ и мощное сложеніе и рекомендовалъ его одному изъ своихъ кліентовъ, родственнику императора и Варды, по имени Ѳеофилу, котораго прозвали Ѳеофилицомъ (маленькимъ Ѳеофиломъ), такъ какъ онъ былъ малъ ростомъ. У этой маленькой особы была манія: имѣть у себя въ услуженіи людей высо-

каго роста, геркулесовской силы, которыхъ онъ одѣвалъ въ великолѣпныя шелковыя одежды, и ничто не доставляло ему такого удовольствія, какъ показываться публично со своей свитой гигантовъ. Какъ только ему сообщили о Василіи, онъ захотѣлъ его видѣть и, восхищенный его осанкой, тотчасъ предложилъ ему ходить за его лошадьми и окрестилъ его фамиліарнымъ прозвищемъ Кефалы, что значитъ „крѣпкая голова“.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Василій оставался въ домѣ Ѳеофилица, и въ это-то время съ нимъ случилось происшествіе, окончательно упрочившее его судьбу. Хозяинъ его былъ отправленъ съ порученіемъ въ Грецію, и Василій, въ качествѣ конюшаго, сопровождалъ его; но во время пути онъ заболѣлъ и долженъ былъ остановиться въ Патрасѣ. Тутъ онъ встрѣтился съ Даніелидой. Даніелида была богатая вдова, уже довольно зрѣлаго возраста; когда Василій съ ней познакомился, у нея уже былъ взрослый сынъ, и кажется она была даже бабушкой. Но состояніе ея было необычайно велико, „богатство скорѣй приличное царю, говоритъ одинъ лѣтописецъ, чѣмъ частному лицу“. У нея были тысячи рабовъ, необъятныя имѣнія, безчисленныя стада, фабрики, гдѣ женщины ткали для нея великолѣпныя шелковыя матеріи, восхитительные ковры, поразительно тонкія полотна. Домъ ея былъ полонъ великолѣпной золотой и серебряной посуды; ларцы—прекрасными одеждами; касса не вмѣщала слитковъ изъ драгоцѣннаго металла. Ей принадлежала большая часть Пелопоннеса, и, по выраженію одного историка, она дѣйствительно казалась „царицей этой области“. Она

любила блескъ и пышность: отправляясь въ путешествіе, не пользовалась ни повозкой, ни лошадью, а носилками, и триста молодыхъ рабовъ сопровождали ее и посмѣнно несли ее на носилкахъ. Она любила также красивыхъ мужчинъ, и Василій понравился ей съ этой стороны. Слѣдуетъ ли изъ этого, что и она, какъ на то указываютъ суевѣрные лѣтописцы, предчувствовала славное будущее Македонянина? Намъ думается скорѣе, что симпатія ея имѣла болѣе матеріальныя основанія. Какъ бы то ни было, она оказала ему въ своемъ домѣ хорошій пріемъ; и когда, наконецъ, Василій вынужденъ былъ уѣхать, она дала ему денегъ, прекрасныя одежды, тридцать рабовъ, чтобы служить ему; послѣ этого недавній бѣднякъ превратился въ важнаго господина; теперь онъ могъ показываться въ свѣтѣ и пріобрѣсти помѣстье въ Македоніи.

Надо замѣтить, что онъ никогда не могъ забыть свою благодѣтельницу. Когда, лѣтъ черезъ двадцать послѣ этого, онъ взошелъ на престолъ, первой его заботой было доставить сыну Даніелиды важное положеніе; затѣмъ онъ пригласилъ старую даму, „имѣвшую, какъ говорятъ, пламенное желаніе повидать императора“, посѣтить его въ столицѣ. Онъ встрѣтилъ ее, какъ царицу, въ Магнаврскомъ дворцѣ и торжественно пожаловалъ ей титулъ матери василевса. Съ своей стороны Даніелида, все такая же щедрая, привезла своему старому другу драгоцѣнные подарки; она преподнесла ему пятьсотъ рабовъ, сто евнуховъ, сто ткачихъ, удивительно искусныхъ, драгоцѣнныя ткани, всего не перечесть. Она сдѣлала еще больше: Василій въ это время строилъ новую

церковь, она захотѣла участвовать въ этомъ благочестивомъ дѣлѣ тѣмъ, что велѣла выткать на своихъ Пелопоннесскихъ фабрикахъ церковные ковры, долженствовавшіе покрыть весь полъ базилики. Наконецъ, она обѣщала, что въ своемъ завѣщаніи ни въ какомъ случаѣ не забудетъ сына своего прежняго фаворита. Послѣ этого она возвратилась въ Патрасъ; но каждый годъ, покуда былъ живъ Василій, онъ получалъ изъ Эллады великолѣпные подарки, которые ему посылалъ его старый другъ; а когда Василій умеръ раньше нея, она перенесла на сына монарха привязанность, какую питала прежде къ отцу. Она еще разъ пріѣзжала въ Константинополь, чтобы повидать его, и по завѣщанію сдѣлала его единственнымъ и полнымъ своимъ наслѣдникомъ. Когда императорскій повѣренный, долженствовавшій сдѣлать опись наслѣдства, прибылъ въ домъ Даніелиды, онъ былъ совершенно пораженъ такимъ несмѣтнымъ богатствомъ. Не говоря уже о деньгахъ въ монетахъ, драгоцѣнностяхъ, дорогой посудѣ, о тысячахъ рабовъ, — императоръ освободилъ три тысячи изъ нихъ и отправилъ ихъ въ южную Италію,—царь получилъ болѣе восьмидесяти имѣній. Изъ этого видно, до какой степени была въ IX вѣкѣ богата византійская имперія, какія громадныя состоянія были у аристократическихъ провинціальныхъ семей, игравшихъ такую большую роль въ исторіи этой имперіи. Но невольно съ особымъ вниманіемъ и интересомъ останавливаешься на образѣ этой старой женщины, умѣвшей такъ бережно хранить и лелѣять свою дружбу, принесшую столько пользы Македонской династіи.

Возвратившись изъ Патраса въ Константинополь, Василій снова поступилъ на службу къ Ѳеофилицу, когда вдругъ одно неожиданное обстоятельство приблизило его къ царю. Однажды двоюродный братъ Михаила III патрикій Антигонъ, сынъ Варды, давалъ парадный обѣдъ въ честь своего отца; онъ пригласилъ на него много друзей, сенаторовъ, важныхъ особъ, а также болгарскихъ посланниковъ, бывшихъ проѣздомъ въ Византіи. По обычаю византійскихъ празднествъ во время дессерта пришли борцы, для развлеченія гостей состязаніями и другими зрѣлищами. Тогда съ свойственнымъ имъ самохвальствомъ, быть можетъ, нѣсколько возбужденные ѣдой и виномъ, болгары стали превозносить одного атлета, своего соотечественника, увѣряя, что это человѣкъ непобѣдимый, и что онъ одолѣетъ всякаго, кто-бы ни выступилъ противъ него. Отъ нихъ потребовали подтвержденія этихъ словъ и, дѣйствительно, варваръ борецъ сразилъ всѣхъ своихъ противниковъ. Византійцы были достаточно посрамлены и крайне раздосадованы, когда Ѳеофилицъ, присутствовавшій на обѣдѣ, вдругъ заговорилъ: „Есть у меня на службѣ одинъ человѣкъ, который, если хотите, въ состояніи состязаться съ вашимъ прославленнымъ болгариномъ. Ибо, дѣйствительно, было бы немного стыдно для византійцевъ, еслибы этотъ чужеземецъ возвратился къ себѣ на родину никѣмъ не побѣжденный“. Всѣ согласились; позвали Василія, тщательно усыпали пескомъ залъ, чтобы было удобно обоимъ противникамъ, и борьба началась. Могучей рукой болгаринъ силится приподнять Василія и заставить его потерять равновѣсіе, но сильнѣе

его византіецъ схватываетъ его, заставляетъ сдѣлать быстрый оборотъ вокругъ себя самого и ловкимъ ударомъ, славившимся тогда среди борцовъ, бросаетъ на землю своего противника, лишившагося чувствъ и порядочно поврежденнаго.

Этотъ подвигъ заставилъ придворныхъ обратить вниманіе на македонянина. Случилось такъ, что черезъ нѣсколько дней послѣ этого императоръ получилъ въ подарокъ отъ правителя одной области очень красиваго коня; и тотчасъ ему захотѣлось его попробовать. Но когда царь подошелъ къ коню и хотѣлъ открыть ему ротъ, чтобы посмотрѣть зубы, лошадь взвилась на дыбы, и ни царь, ни его конюхи не могли съ ней справиться. Михаилъ III былъ крайне недоволенъ, но тутъ вмѣшался въ дѣло услужливый Ѳеофилицъ: „У меня есть, царь, сказалъ онъ, одинъ молодой человѣкъ, очень искусный въ умѣньи обращаться съ лошадьми; если ты, царь, желаешь его повидать, знай, что зовутъ его Василіемъ“. Тотчасъ вызываютъ во дворецъ македонянина, и тогда „какъ новый Александръ на новаго Буцефала,—какъ Веллерофонъ на Пегаса, по выраженію одного историка, онъ вскакиваетъ на непокорное животное и въ нѣсколько минутъ укрощаетъ его совершенно“. Царь былъ въ восторгѣ: онъ не хотѣлъ отступить, покуда Ѳеофилицъ не уступилъ ему этого красавца, такого хорошаго наѣздника и такого сильнаго борца. И, крайне гордясь своимъ пріобрѣтеніемъ, онъ пошелъ представить Василія матери своей Ѳеодорѣ: „Поди посмотри, какого прекраснаго мужчину я нашелъ“. Но императрица, послѣ дол-

гаго осмотра новаго фаворита своего сына, печально произнесла: „О, еслибы Богъ не далъ мнѣ никогда видѣть этого человѣка! Ибо онъ погубитъ нашъ родъ“.

Ѳеодора была права. Этотъ атлетъ, умѣвшій нравиться женщинамъ, долженъ былъ въ ближайшемъ будущемъ показать, что онъ способенъ и на другія дѣла. На службу къ Михаилу III онъ поступилъ около 856 года: черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ этого онъ былъ императоромъ.

II.

Въ то время, какъ Василій появился при дворѣ, Варда, дядя царя, становился при немъ все могущественнѣе. Убійство Ѳеоктиста, удаленіе Ѳеодоры дали ему возможность сдѣлаться фактическимъ главой правительства; получивъ одинъ за другимъ чины магистра и доместика схолъ, затѣмъ куропалата, наконецъ, чуть не соправителя императора съ титуломъ кесаря, онъ царилъ полновластно отъ имени Михаила III.

Несмотря на свои пороки Варда былъ человѣкъ выдающійся. Крайне честолюбивый, страстно любящій власть, деньги и роскошь, онъ въ то же время старался быть хорошимъ администраторомъ, строгимъ и праведнымъ судьей, неподкупнымъ министромъ; и черезъ это, несмотря на полную беззастѣнчивость и глубокую безнравственность, онъ пріобрѣлъ большую популярность. Очень умный, онъ любилъ литературу, интересовался науками. Ему принадлежитъ честь основанія знаменитаго Магнаврскаго университета, куда онъ призвалъ самыхъ знаменитыхъ

ученыхъ своего времени; тамъ преподавали грамматику, философію, геометрію, астрономію; и, чтобы поддерживать рвеніе профессоровъ и пылъ воспитанниковъ, Варда часто посѣщалъ школу и относился къ ней съ большимъ вниманіемъ. Среди его близкихъ и друзей встрѣчались такія имена, какъ Льва Солунскаго, знаменитаго математика, прославленнаго философа и врача, одного изъ самыхъ большихъ умовъ IX вѣка, имѣвшаго, подобно всѣмъ великимъ ученымъ средневѣковья, довольно плохую славу ясновидца и чародѣя. Но за то въ другихъ отношеніяхъ Варда несомнѣнно скандализировалъ и дворъ и весь городъ; онъ былъ съ своей падчерицей въ крайне подозрительныхъ отношеніяхъ, что послужило даже главной причиной серьезнаго столкновенія между папскимъ легатомъ и патріархомъ, когда послѣдній счелъ своей обязанностью запретить всесильному регенту входъ въ святую Софію. Но, въ общемъ, даже враги Варды принуждены признать за нимъ его высокія качества. Въ его управленіе были достигнуты значительные военные успѣхи въ борьбѣ съ арабами; смѣлое нападеніе русскихъ на Константинополь было энергично отбито; и въ особенности, при содѣйствіи патріарха Фотія, преемника Игнатія, Варда прославился блестящимъ веденіемъ дѣлъ христіанскихъ миссій, проповѣдовавшихъ Евангеліе моравамъ и болгарамъ: и подъ его же покровительствомъ Кириллъ и Меѳодій, апостолы славянъ, предприняли свое великое дѣло, обратившее въ православіе цѣлый народъ.

Въ то время какъ кесарь правилъ такимъ образомъ, императоръ продолжалъ свои безумства.

Онъ растрачивалъ на вздорныя и безсмысленныя вещи деньги, накопленныя его родителями; онъ поражалъ и возмущалъ столицу своимъ необузданнымъ увлеченіемъ бѣгами и лошадьми. Онъ велѣлъ выстроить великолѣпную конюшню, украшенную, подобно какому-нибудь дворцу, самыми дорогими сортами мрамора, и гордился ею больше даже чѣмъ Юстиніанъ сооруженіемъ Святой Софіи. Онъ проводилъ время въ обществѣ конюховъ, осыпая ихъ золотомъ, съ удовольствіемъ крестилъ ихъ дѣтей; и самъ въ нарядѣ конюха предсѣдательствовалъ во время бѣговъ на ипподромѣ; а на частной аренѣ во дворцѣ св. Мамы часто принималъ въ бѣгахъ участіе лично, заставляя высшихъ сановниковъ поступать какъ онъ, и становиться на сторону одной изъ партій цирка, чтобы оспаривать у него первенство. И, въ видѣ издѣвательства довольно скандальнаго свойства, статуя Пресвятой Дѣвы, водруженная на императорскомъ тронѣ, замѣняла царя и предсѣдательствовала на празднествѣ.

Когда Михаилъ III предавался удовольствіямъ, онъ отнюдь не допускалъ, чтобы его отъ нихъ отрывали подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Однажды, когда онъ былъ на ипподромѣ, ему объявили, что арабы завладѣли азіатскими провинціями, и въ то время, что гонецъ доместика схолъ, стоя передъ василевсомъ, въ трепетѣ ожидалъ его рѣшенія, монархъ вдругъ воскликнулъ: „Нѣтъ, какова дерзость являться ко мнѣ съ такимъ докладомъ, когда я весь поглощенъ крайне важными бѣгами, и рѣшается вопросъ, не будетъ ли правая колесница разбита при поворотѣ“. Отъ границы Киликіи до столицы

была устроена система сигнальныхъ огней, нѣчто въ родѣ оптическаго телеграфа, позволявшая быстро давать знать о нашествіяхъ мусульманъ; Михаилъ III велѣлъ ее уничтожить подъ предлогомъ того, что въ праздничные дни это отвлекало вниманіе народа, и что сообщенныя такимъ образомъ дурныя вѣсти мѣшали зрителямъ, огорчая ихъ, вполнѣ наслаждаться бѣгами. Уже было сказано о его развращенности и о шуткахъ, какія онъ устраивалъ съ процессіями шутовъ и скомороховъ; мы упоминали также о томъ, что онъ любилъ выпить и получилъ за это прозвище Михаила Пьяницы, и что ему, когда онъ бывалъ пьянъ и не понималъ самъ, что говорилъ, было безразлично отдавать приказанія казнить или выдумывать самыя дурацкія продѣлки. Единственное средство понравиться ему состояло въ томъ, чтобы принимать участіе въ этихъ странныхъ развлеченіяхъ, и всѣ при дворѣ усердствовали въ этомъ. Разсказываютъ, что самъ патріархъ Фотій находилъ очень смѣшными забавы императора и охотно поддерживалъ его за столомъ, выпивая самъ еще больше. Какъ бы то ни было, Василій быстро сообразилъ, что представляется удобный случай устроить свою судьбу.

Очень ловко онъ подо все поддѣлывался, на все соглашался, изъ всего извлекалъ выгоду. Въ 856 году освободилась должность шталмейстера, такъ какъ занимавшій ее раньше былъ замѣшанъ въ заговорѣ противъ императора; Василій сдѣлался шталмейстеромъ. Въ 862 году камергеръ Даміанъ, старый другъ Варды, былъ отставленъ за то, что не оказалъ почтенія кесарю, съ которымъ былъ въ ссорѣ; на этотъ

довѣренный постъ, приближавшій къ царю того, кто его занималъ, былъ назначенъ Василій. Впрочемъ, Михаилъ III крайне благоволилъ къ своему фавориту; всякому, кто имѣлъ охоту его слушать, онъ разсказывалъ, что одинъ только Македонянинъ былъ дѣйствительно ему преданъ и вѣренъ. Поэтому онъ сдѣлалъ его патрикіемъ и въ концѣ концовъ женилъ его. А Василій уже былъ женатъ на такой же македонянкѣ, какъ онъ самъ, носившей имя Маріи; василевсъ заставилъ его развестись, и Марію отправили на ея родину, давъ ей немного денегъ. Послѣ этого царь женилъ своего друга на своей любовницѣ Евдокіи Ингеринѣ.

Это была очень красивая женщина, уже нѣсколько лѣтъ состоявшая въ связи съ Михаиломъ, который все продолжалъ ее любить; поэтому, устраивая ея судьбу, онъ условился, что она останется его любовницей; и это условіе такъ хорошо соблюдалось, что безпристрастные лѣтописцы безъ всякихъ обиняковъ говорятъ о томъ, что императоръ былъ отцомъ двухъ первыхъ дѣтей Василія. Придворные писатели, несомнѣнно болѣе скрытные по части такихъ деликатныхъ вопросовъ, напротивъ, наперерывъ другъ передъ другомъ, восхваляли не только красоту и грацію, но и мудрость и добродѣтели Евдокіи; самый фактъ, что они усиленно настаиваютъ на этомъ, указываетъ на больное мѣсто, бросавшее тѣнь на македонскій домъ. Одинъ Василій, повидимому, легко переносилъ это затруднительное положеніе; ему, впрочемъ, было чѣмъ утѣшиться. Онъ былъ любовникомъ Ѳеклы, сестры императора, и Михаилъ III закрывалъ глаза на

эту связь, какъ Василій закрывалъ глаза на связь своей жены. И это было самое милое сожительство вчетверомъ, какое только можно себѣ представить.

Василій, конечно, совсѣмъ не желалъ дѣлать такого рода угожденія даромъ. Въ этомъ авантюристѣ изъ Македоніи, такомъ ловкомъ и льстивомъ придворномъ, Варда чуялъ скрытое честолюбіе, подготовлявшее себѣ пути. „Я выкурилъ лисицу, говорилъ онъ своимъ близкимъ послѣ паденія Даміана, но на ея мѣсто впустилъ льва, который пожретъ насъ всѣхъ“. И, дѣйствительно, горячая борьба возгорѣлась скоро между фаворитомъ и министромъ. Василій старался завѣрить императора, что кесарь замышляетъ на его жизнь: но Михаилъ только смѣялся надъ этими нелѣпыми обвиненіями. Тогда, чтобы добиться своего, пронырливый македонецъ сталъ искать себѣ сообщника; онъ соединился съ Симватіемъ, зятемъ Варды, и, взявъ съ него страшную клятву молчать, открылъ, что императоръ, чувствуя къ нему большое уваженіе, желалъ ему всякаго добра, и только его тесть противился его законному повышенію. Послѣ этого онъ съ тѣми же навѣтами, обратился къ императору и для подкрѣпленія своихъ словъ привелъ свидѣтельство Симватія; послѣдній, увидавъ, какъ его провели, пришелъ въ бѣшенство и, не колеблясь, сталъ клясться вмѣстѣ съ Василіемъ, что, дѣйствительно, Варда заговорщикъ. Крайне потрясенный этими сообщеніями, Михаилъ III мало-по-малу согласился дѣйствовать противъ министра. Но кесарь былъ могучъ; въ Константинополѣ его почитали такъ же, если не больше, какъ импе-

ратора; черезъ сына своего Антигона, начальника охранной стражи, онъ держалъ въ своихъ рукахъ столичные отряды; пытаться нанести ему ударъ, значило заранѣе обречь себя на вѣрную неудачу. Чтобы найти благопріятный случай, слѣдовало разъединить Варду съ его сообщниками; поэтому убѣдили императора объявить походъ въ Азію противъ арабовъ: вынужденный сопровождать василевса, Варда, такимъ образомъ, попадаетъ беззащитнымъ въ руки своихъ враговъ.

Кесарь былъ предувѣдомленъ обо всѣхъ этихъ козняхъ, и нѣкоторые изъ его приближенныхъ совѣтовали ему защищаться и смѣло заявить, что онъ не отправится вмѣстѣ съ императоромъ къ войску. Естественно, что въ это же время суевѣрные люди стали находить всевозможныя зловѣщія примѣты, предвѣщавшія близкій конецъ министра. Разсказывали, что въ церкви, когда онъ былъ углубленъ въ молитву, онъ вдругъ почувствовалъ, какъ чья-то невидимая рука сзади сорвала у него съ плечъ парадную мантію. Подозрительно качали головами, толкуя о присланномъ ему неожиданно сестрой его Ѳеодорой подаркѣ. То была одежда, на которой вышиты были золотыя куропатки, оказавшаяся не достаточно длинной; всѣ предсказатели были того мнѣнія, что куропатка означаетъ измѣну, а слишкомъ короткое платье указываетъ на неминуемую смерть. Самому Вардѣ снились тревожные сны. Онъ видѣлъ, будто входитъ съ императоромъ въ Святую Софію, въ торжественной процессіи, и вдругъ въ абсидѣ церкви замѣчаетъ св. Петра, сидящаго на тронѣ и окруженнаго

ангелами, а у ногъ его патріархъ Игнатій, требующій правосудія противъ своихъ притѣснителей. И апостолъ, подавъ мечъ одному изъ служителей, одѣтому въ золотую одежду, велитъ императору стать подлѣ себя по правую руку, кесарю по лѣвую, и отдаетъ приказаніе поразить его мечомъ. Но Варда былъ слишкомъ уменъ, слишкомъ свободенъ отъ всякихъ суевѣрій, чтобы придавать большое значеніе подобнымъ вещамъ. Къ тому же императоръ и его фаворитъ ничего не жалѣли, чтобы вновь возбудить въ немъ довѣріе и лучше заманить его въ западню. Передъ отъѣздомъ оба отправились вмѣстѣ съ кесаремъ въ церковь Богородицы Халкопратійской и тутъ, въ присутствіи патріарха Фотія, принявшаго ихъ клятву, торжественно поклялись кровью Христовой, что Вардѣ нечего ихъ опасаться. Почти убѣжденный, регентъ рѣшился отправиться вмѣстѣ съ дворомъ: Василій,трижды клятвопреступникъ, добился своего.

Лѣтописцы, пристрастные къ македонской династіи, сдѣлали все, чтобы оправдать Василія въ убійствѣ Варды, и приложили всѣ старанія, чтобы показать, что онъ не игралъ никакой роли въ этомъ важномъ событіи. Но правда совершенно не соотвѣтствуетъ этому. Войско и дворъ переправились въ Азію. Василій съ нѣкоторыми заговорщиками,—въ ихъ числѣ были его братья, родственники, близкіе друзья, которымъ онъ открылъ свой планъ,—былъ готовъ дѣйствовать по первому слову императора; и, чтобы приблизить развязку, онъ и его сообщники возбуждали нерасположеніе Михаила къ его дядѣ, подчеркивали дерзость кесаря, поставившаго свою па-

латку на холмѣ надъ палаткой императора. Варда зналъ все о замышлявшемся заговорѣ, но, охваченный благороднымъ презрѣніемъ къ опасности, онъ считалъ пустякомъ то, противъ чего предупреждали его друзья, и, вѣря въ свою счастливую звѣзду, полагалъ, что у враговъ не хватитъ смѣлости. Чтобы еще больше подчеркнуть это, онъ надѣлъ великолѣпную одежду и верхомъ, въ сопровожденіи многочисленной свиты, отправился, по обыкновенію, раннимъ утромъ къ императору на аудіенцію. Василій ждалъ его. Въ качествѣ главнаго камергера онъ долженъ былъ принимать кесаря и ввести его за руку къ царю. Войдя въ палатку, Варда сѣлъ рядомъ съ монархомъ, и бесѣда началась. Тогда движеніемъ глазъ Михаилъ далъ знать своимъ соумышленникамъ, что минута наступила. При этомъ знакѣ логоѳетъ Симватій вышелъ изъ императорскаго шатра и, сдѣлавъ крестное знаменіе, этимъ заранѣе условленнымъ знакомъ онъ предувѣдомилъ убійцъ и ввелъ ихъ въ глубь палатки. Уже Василій, стоя позади Варды и едва сдерживаясь, дѣлалъ по адресу министра угрожающіе жесты, какъ вдругъ кесарь обернулся и понялъ. Чувствуя, что погибъ, онъ бросился къ ногамъ Михаила, моля его о спасеніи. Но Василій обнажаетъ мечъ; при этомъ знакѣ заговорщики бросаются и на глазахъ императора, равнодушнаго или безсильнаго, рубятъ въ куски несчастнаго кесаря. До того остервенились убійцы, что не могли оторваться отъ трупа, всего покрытаго кровью, такъ что впослѣдствіи едва могли собрать отъ него нѣсколько безформенныхъ кусковъ, которые были похоронены въ томъ

самомъ Гастрійскомъ монастырѣ, куда, по приказанію его, должна была нѣкогда удалиться сестра его Ѳеодора.

По официальной версіи, очевидно придуманной, чтобы извинить это гнусное убійство, выходитъ, будто заговорщики послѣ долгихъ колебаній вынуждены были совершить убійство, чтобы спасти императора, жизни котораго грозила опасность, и что въ смятеніи, послѣдовавшемъ за убійствомъ, Михаилъ III подвергался самымъ большимъ опасностямъ. Но этотъ разсказъ не можетъ обмануть никого. Разумѣется, патріархъ Фотій, какъ ловкій придворный, поспѣшилъ поздравить императора съ избавленіемъ отъ столь большихъ опасностей; но народъ, болѣе правдивый и любившій Варду, кричалъ царю по дорогѣ, когда тотъ ѣхалъ назадъ: „Хорошее ты совершилъ путешествіе, царь, ты, убившій своего родственника и пролившій кровь своихъ близкихъ. Горе тебѣ! горе тебѣ!“

III.

Василій одержалъ верхъ. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого, императоръ, не имѣвшій дѣтей, усыновилъ его и возвелъ въ санъ магистра; еще нѣсколько позднѣе онъ сдѣлалъ его соправителемъ.

Въ Троицынъ день въ 866 году народъ съ удивленіемъ увидалъ, что въ Святой Софіи воздвигаютъ два трона, и любопытствующіе зѣваки были крайне заинтригованы, зная, что имѣется только одинъ василевсъ. Скоро все объяснилось. Въ положенный часъ императорская процессія вошла

въ базилику; во главѣ шелъ Михаилъ III, въ полномъ парадномъ одѣяніи; Василій слѣдовалъ за нимъ, неся инсигніи и мечъ оберкамергера. Твердымъ шагомъ царь приблизился къ иконостасу и поднялся на верхнія ступеньки; Василій остановился нѣсколько ниже; еще ниже помѣстились императорскій секретарь, завѣдующій дворцомъ или препозитъ, вожди цирковыхъ партій, представлявшихъ официальный народъ. И тогда, въ присутствіи двора и собравшейся толпы, императорскій секретарь прочелъ царскій указъ: „Варда кесарь, говорилось въ этомъ документѣ, составилъ заговоръ противъ меня съ цѣлію убить меня и для этого увлекъ меня изъ столицы. И еслибы не добрые совѣты Симватія и Василія, я теперь не находился бы въ живыхъ. Но онъ палъ жертвой своихъ прегрѣшеній. И такъ я повелѣваю, чтобы Василій паракимоменъ (спальникъ) и мой вѣрный слуга, охраняющій мою царственность, избавившій меня отъ моего врага и любящій меня, сталъ отнынѣ блюстителемъ и правителемъ моей имперіи, и чтобы всѣ величали его императоромъ“. Василій, совсѣмъ потрясенный, прослезился при этомъ чтеніи, которое, конечно, не могло его удивить. И Михаилъ, передалъ свою собственную корону патріарху, который благословилъ ее и возложилъ на голову Василія, въ то время какъ препозиты облачали его въ дивитисій и обували въ красные башмаки. И народъ воскликнулъ по церемоніалу: „Многая лѣта императорамъ Михаилу и Василію“.

Благодарность никогда не была въ числѣ главныхъ добродѣтелей македонянина. Когда его сообщники, и въ особенности Симватій, стали тре-

бовать у него своей доли власти и почестей, онъ прогналъ ихъ прочь безъ зазрѣнія совѣсти, такъ какъ не нуждался въ нихъ больше; когда же они, недовольные тѣмъ, возмутились, онъ жестоко наказалъ ихъ за непокорность. Но при такомъ царѣ, какъ Михаилъ, самыя казавшіяся съ виду великія милости были на самомъ дѣлѣ всегда ненадежны, тѣмъ болѣе, что многіе изъ придворныхъ, завидуя быстрому повышенію фаворита, старались повредить ему въ глазахъ императора и увѣрить василевса, что новый соправитель злоумышлялъ на его жизнь. Напрасно для спасенія своего кредита Василій дѣлалъ все, что только могъ, присутствовалъ на императорскихъ празднествахъ, выпивая вмѣстѣ съ царемъ, позволялъ ему самое фамильярное обращеніе съ женой своей Евдокіей: съ такимъ непостояннымъ и неспокойнымъ человѣкомъ, какъ Михаилъ, онъ все время долженъ былъ опасаться и за власть свою, и за собственную жизнь.

Скоро онъ ясно почувствовалъ грозившую ему опасность. Однажды вечеромъ, чтобы отпраздновать побѣду, одержанную царемъ на бѣгахъ, былъ устроенъ торжественный обѣдъ во дворцѣ св. Мамы. Во время дессерта одинъ изъ присутствующихъ, патрикій Василискіанъ, пользовавшійся милостью монарха, сталъ поздравлять императора, что онъ съ такой ловкостью правилъ колесницей и съ такой удачей. Михаилу, находившемуся уже подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, пришла тогда въ голову забавная мысль, какъ это съ нимъ обыкновенно случалось послѣ выпивки: „Встань, сказалъ онъ патрикію, сними съ меня мои красные башмаки и надѣнь ихъ“.

Тотъ, смущенный, смотрѣлъ на Василія, точно желая спросить у него совѣта; тогда василевсъ, разсердившись, приказалъ ему повиноваться тотчасъ-же; затѣмъ онъ обратился къ своему соправителю: „Право, замѣтилъ онъ иронически, я нахожу, что они идутъ ему больше, чѣмъ тебѣ“, и сталъ импровизировать стихи въ честь своего новаго фаворита: „Смотрите на него всѣ, декламировалъ онъ, любуйтесь на него. Развѣ онъ не достоинъ быть императоромъ? Онъ прекрасенъ; вѣнецъ такъ идетъ къ нему; все способствуетъ его славѣ“. Василій, внѣ себя, молча старался подавить свое бѣшенство; Евдокія, вся въ слезахъ, пыталась образумить Михаила: „Императорскій санъ, это великая вещь, царь, говорила она ему, не слѣдуетъ его безчестить“. Но Михаилъ, все болѣе и болѣе пьянѣя, кричалъ: „Не безпокойся объ этомъ, моя милая. Меня это забавляетъ—сдѣлать Василискіана императоромъ“.

Быть можетъ, также и Ѳеодора, повидимому вошедшая въ милость у сына, интриговала противъ Василія и старалась его свергнуть. Во всякомъ случаѣ, македонянинъ, чувствуя, что товарищъ его выходитъ изъ-подъ его опеки, рѣшилъ, что пришло время съ нимъ покончить. Чтобы оправдать этотъ послѣдній актъ драмы, Константинъ VII, внукъ Василія, всячески старался представить Михаила въ самыхъ мрачныхъ краскахъ и въ грозной обвинительной рѣчи онъ собралъ въ одно разсказы о всѣхъ его безумствахъ, скандалахъ и преступленіяхъ; однако, онъ не дерзнулъ коснуться той доли участія, какую принялъ его дѣдъ въ убійствѣ человѣка, бывшаго

его господиномъ и благодѣтелемъ. А между тѣмъ и тутъ правда говоритъ сама за себя.

23 сентября 867 года императоръ ужиналъ во дворцѣ св. Мамы. Несмотря на доносы, какіе дѣлали ему на Василія, несмотря на ненависть, которую онъ теперь питалъ къ прежнему своему другу, царь пригласилъ къ своему столу своего царственнаго сотоварища вмѣстѣ съ женой его Евдокіей. Какъ обыкновенно, монархъ много выпилъ, а всѣ знали, что когда онъ пьянъ, то способенъ на все. Василій, твердо рѣшившійся дѣйствовать, уже нѣсколько дней передъ тѣмъ сговорился съ большинствомъ тѣхъ самыхъ людей, которые раньше помогли ему отдѣлаться отъ Варды. Полагая, что настала благопріятная минута, онъ подъ самымъ пустымъ предлогомъ вышелъ изъ праздничнаго зала и, пройдя въ императорскую спальню, испортилъ своей богатырской рукой замки, чтобы лишить императора возможности тамъ запереться; послѣ этого онъ возвратился на свое прежнее мѣсто за столомъ; какъ всегда, Евдокія была крайне любезна со своимъ любовникомъ. Когда довольно поздно ночью гости поднялись, чтобы расходиться, Василій захотѣлъ самъ поддержать шатавшагося императора, довелъ его до спальни и на порогѣ почтительно приложился къ его рукѣ. Подъ охраной двухъ вѣрныхъ служителей Михаилъ не замедлилъ уснуть глубокимъ сномъ. Тогда Василій вмѣстѣ съ заговорщиками проникъ въ комнату. Ихъ всѣхъ было восемь человѣкъ. При ихъ внезапномъ появленіи спальникъ Игнатій въ испугѣ вскрикиваетъ, пытается сопротивляться: шумъ борбы пробуждаетъ царя, и,

сразу отрезвѣвъ, онъ привстаетъ и смотритъ. Тогда Іоаннъ Халдій, одинъ изъ друзей Василія, извлекаетъ мечъ и однимъ ударомъ отсѣкаетъ обѣ руки у императора; другой валитъ на землю Василискіана; въ это время остальные заговорщики стоятъ на стражѣ у дверей, чтобы помѣшать караулу придти на помощь своему господину. Приведя въ исполненіе свой умыселъ, заговорщики стали совѣщаться: „Мы отрѣзали ему руки, сказалъ одинъ, но онъ все еще живъ; а разъ онъ живъ, что будетъ съ нами?“ Тогда одинъ изъ убійцъ вошелъ опять въ комнату, гдѣ Михаилъ, приподнявшись на постели, весь покрытый кровью, стоналъ и осыпалъ ругательствами своихъ убійцъ, особенно Василія. Однимъ сильнымъ ударомъ вошедшій пронзилъ ему животъ; потомъ, гордясь своимъ подвигомъ, онъ пошелъ объявить Василію, что на этотъ разъ все кончено.

Константинъ VII почувствовалъ ужасъ и трагизмъ этого гнуснаго убійства. Въ біографіи своего дѣда, написанной имъ, онъ просто говоритъ: „Знатнѣйшіе изъ сановниковъ и сенаторовъ погубили императора во дворцѣ св. Мамы съ помощью нѣсколькихъ солдатъ стражи; и, пьяный до безчувствія, онъ безъ страданья перешелъ отъ сна къ смерти“. Конецъ Михаила III былъ несравненно страшнѣе и ужаснѣе. Онъ погибъ, если не отъ руки, то во всякомъ случаѣ по приказанію того человѣка, котораго сдѣлалъ императоромъ; и, внезапно отрезвившись въ свой смертный часъ, онъ могъ во время мучительной агоніи сознать и почувствовать все коварство этого Василія, вдвойнѣ отцеубійцы, убій-

цы своего законнаго царя и своего пріемнаго отца.

Мрачное предсказаніе Ѳеодоры исполнилось: отстранивъ всѣ препятствія, отдѣлявшія его отъ трона, македонянинъ сталъ императоромъ. Торопясь окончить революцію, заговорщики, поспѣшно переправившись черезъ Золотой Рогъ, овладѣли Священнымъ Дворцомъ, и на слѣдующее утро первой заботой новаго владыки было водворить съ большой пышностью въ комнатахъ законной императрицы жену свою Евдокію Ингерину, до конца остававшуюся любовницей Михаила III. Вмѣстѣ съ нею онъ безстыдно появлялся, во время Рождественскихъ праздниковъ 867 года, на улицахъ столицы, на великолѣпной колесницѣ, запряженной четверкой бѣлыхъ лошадей; спустя нѣсколько лѣтъ онъ даже имѣлъ отъ нея сына, перваго своего законнаго ребенка, а позднѣе еще четырехъ дочерей. Оставшаяся грубой душа македонскаго крестьянина, какъ видно, не знала пустой щепетильности.

Таковъ онъ всегда былъ. Василій повстрѣчался въ своей жизни съ тремя женщинами. Даніелида, матрона Патраса, была богата; она дала ему, вмѣстѣ съ деньгами, возможность достичь успѣха: и онъ за это бережно хранилъ память о ней и всячески поддерживалъ съ ней прибыльную для него дружбу. Евдокія была раньше и оставалась любовницей Михаила: онъ любезно сдѣлалъ ее своей женой и такъ же любезно закрывалъ глаза на ея недостойное поведеніе. Она служила его честолюбивымъ цѣлямъ и была ему полезной сообщницей, и по этой же причинѣ, даже послѣ смерти Михаила III и несмотря на свои

новыя скандальныя исторіи, онъ продолжалъ держать ее при себѣ, чувствуя, что скомпрометировалъ бы династію, если бы не оказывалъ Евдокіи самаго полнаго снисхожденія и всѣхъ подобающихъ ей почестей. Наконецъ, сестра Михаила III, Ѳекла, имѣла къ красавцу Василію любовное влеченіе; съ ней одной онъ обошелся сурово. Узнавъ позднѣе, что она взяла другого любовника, прежняго друга кесаря Варды, онъ велѣлъ подвергнуть и его и ее жестокому тѣлесному наказанію. И это не была, какъ можетъ сначала показаться, вспышка запоздалой ревности состарѣвшагося императора: человѣкъ практическій, Василій въ то же время конфисковалъ въ свою пользу состояніе Ѳеклы.

Такимъ образомъ, онъ всю жизнь оставался человѣкомъ, животнымъ, первобытнымъ и малосложнымъ, съ сильными страстями, съ грубыми звѣриными инстинктами, какимъ былъ много лѣтъ назадъ, когда начиналъ свою жизнь, и это проливаетъ значительный свѣтъ на психологію этого основателя династіи. То былъ честолюбецъ ловкій и счастливый, а также большой политикъ, подготовившій своимъ правленіемъ для византійской имперіи два вѣка славы и процвѣтанія. Но при этомъ онъ оставался всегда душой корыстной и низкой, безъ запросовъ совѣсти и чести, не знавшей ни благодарности, ни тонкихъ чувствъ.

IV.

Намъ кажется, что приключенія Василія Македонянина нѣсколько отвлекли насъ отъ благочестивѣйшей императрицы Ѳеодоры; трагиче-

ское событіе 23 сентября 867 года вновь возвращаетъ насъ къ ней. Дѣйствительно, въ этотъ скорбный день она въ послѣдній разъ появляется на исторической сценѣ. Когда, послѣ водворенія Василія въ Священномъ Дворцѣ начали отдавать послѣдній долгъ убитому императору, довѣренныя лица царя, явившись во дворецъ св. Мамы, были свидѣтелями плачевной сцены. Они нашли трупъ Михаила III лежащимъ на полу, съ вывалившимися внутренностями, кое какъ завернутымъ въ попону одной изъ лошадей, которыхъ онъ такъ любилъ. Подлѣ тѣла нѣсколько женщинъ въ траурѣ плакали и молились. То была императрица Ѳеодора и ея дочери, поспѣшившія въ столицу при первомъ извѣстіи о разыгравшейся драмѣ и теперь благоговѣйно молившія Бога о милосердіи къ несчастному погибшему.

Обстановкой, при которой она достигла власти, великимъ стараніемъ, приложеннымъ ею для возстановленія правосудія, Ѳеодора напоминаетъ другую византійскую императрицу, василиссу Ирину. Но она не имѣла ни ея властнаго высокомѣрнаго характера, ни ея пламеннаго и преступнаго честолюбія. Благочестивая и нѣжная, она любила иконы, своего мужа и сына и, послѣ смерти Ѳеофила, можетъ быть, своего министра Ѳеоктиста; и если ненавидѣла кого, въ особенности брата своего Варду, то не за отнятую у нея власть, но, скорѣе, за своего измѣннически убитаго фаворита. Она покинула тронъ просто, безъ горечи; въ старости она испытала горе и видѣла конецъ своего рода и паденіе своей династіи. Если въ наши дни она пользуется

исторической извѣстностью, то главнымъ образомъ за возстановленіе иконопочитанія; но она еще и съ другой стороны заслуживаетъ вниманія и памяти. Событія, въ которыя она была замѣшана, подобно приключеніямъ Василія, проливаютъ любопытный свѣтъ на эту Византію IX вѣка, гдѣ видишь вмѣстѣ „кровь, сладострастье и смерть“ (таково заглавіе прекрасной книги Мориса Барреса).

ГЛАВА VIII.

Четыре брака императора Льва Мудраго.

29 августа 886 года императоръ Василій I умеръ неожиданно вслѣдствіе одного довольно страннаго случая на охотѣ. Однажды, когда онъ въ окрестностяхъ столицы предавался своему любимому развлеченію, онъ отдалился отъ своихъ спутниковъ, бросившись преслѣдовать большого оленя; загнанный звѣрь вдругъ остановился, повернулся, наклонивъ рога, къ лошади василевса и, нечаянно зацѣпивъ ими за поясъ царя, поднялъ на кончики ихъ несчастнаго монарха. Когда обезумѣвшая лошадь примчалась къ охотникамъ безъ всадника, среди придворныхъ произошло страшное замѣшательство; оно еще усилилось, когда издали увидали оленя, бѣшено мчавшагося съ императоромъ на рогахъ. Напрасно старались нагнать животное: каждый разъ, когда казалось вотъ-вотъ олень настигнутъ, онъ однимъ порывистымъ движеніемъ былъ снова далеко впереди. Въ концѣ концовъ нѣсколькимъ солдатамъ стражи однимъ ловкимъ обходомъ удалось отрѣзать оленю отступленіе, и одинъ изъ нихъ, нагнавъ животное, ударомъ меча перерубилъ поясъ царя. Василій безъ чувствъ упалъ на землю; его при-

несли въ Священный Дворецъ въ довольно плачевномъ видѣ. Къ тому же ему было около семидесяти четырехъ лѣтъ, и уже за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ здоровье его серьезно пошатнулось. При этихъ условіяхъ случай, жертвой котораго онъ сталъ,—олень несъ его на пространствѣ шестнадцати миль,—являлся особенно серьезнымъ. Обнаружились внутреннія поврежденія, и черезъ восемь дней послѣ этого основатель македонской династіи умеръ, оставивъ престолъ старшему сыну Льву.

I.

Ни физически, ни нравственно Левъ VI не походилъ на своего отца; и то что разсказывали о его рожденіи—всѣ были увѣрены, что онъ сынъ Михаила III,—достаточно, впрочемъ, объясняетъ это глубокое несходство. Довольно тщедушный, новый царь былъ неважнаго здоровья: и одна эта подробность даетъ возможность предполагать, сколько въ продолженіе его царствованія зарождалось честолюбивыхъ замысловъ, въ постоянномъ чаяніи, что вотъ-вотъ найдутся новые пути къ открывшемуся наслѣдію. Любя при этомъ сидячій образъ жизни, отнюдь не склонный къ частымъ передвиженіямъ и тяжелымъ трудамъ военной жизни, Левъ VI охотно замыкался въ своемъ дворцѣ, крайне озабоченный вопросами церемоніала, составлявшими основу официальнаго существованія императора: и это объясняетъ то большое мѣсто, какое занимали въ его царствованіе фавориты, а также обиліе придворныхъ интригъ, какими оно было отмѣчено. Это былъ

въ то же время литературно образованный царь. Ученикъ Фотія, онъ, благодаря этому знаменитому учителю, получилъ вкусъ къ классической культурѣ; широко образованный, онъ любилъ писать; отъ него остались поэтическія произведенія, научныя, богословскія, сочиненіе по тактикѣ, сборникъ оракуловъ. Современники называли его „очень ученымъ“ императоромъ (*σοφώτατος*), болѣе позднія времена украсили его образъ легендарнымъ ореоломъ, и вплоть до послѣдняго вѣка существованія Византіи онъ оставался очень популярнымъ въ народѣ, какъ ученый основательный и всесторонній, одинаково свѣдущій въ математикѣ, астрономіи, музыкѣ и другихъ наукахъ.

Наконецъ, онъ былъ очень благочестивъ: отъ него осталось собраніе проповѣдей, которыя онъ произносилъ съ кафедры въ дни большихъ праздниковъ; онъ питалъ чрезвычайное почтеніе къ своему исповѣднику, постоянно обращался къ нему за совѣтами, хоть иногда и вступалъ съ нимъ въ споръ, а также сильно благоволилъ къ монахамъ, охотно посѣщалъ ихъ, часто безъ всякаго предупрежденія, и оставался запросто и подолгу, садился съ ними за трапезу, пилъ съ ними вино и разсуждалъ о его качествѣ. Сверхъ всего этого, онъ былъ, по крайней мѣрѣ на словахъ, человѣкъ необыкновенно строгой нравственности. Онъ энергично поносилъ въ одной изъ своихъ новеллъ людей, которые, „вмѣсто того, чтобы пить отъ чистыхъ водъ брака, утопаютъ въ грязи незаконныхъ сожительствъ“. Не менѣе строго относился онъ и къ тѣмъ, кто вступалъ во второй и третій бракъ: „Большинство животныхъ,

пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ указовъ, когда умираетъ ихъ самка, обрекаетъ себя на вѣчное вдовство. Человѣкъ же, напротивъ того, не видя, что эта слабость постыдна, не удовлетворяется первымъ бракомъ, но безстыдно вступаетъ во второй и, не останавливаясь на этомъ, отъ второго брака переходитъ къ третьему", вопреки церковному закону и карамъ, имъ налагаемымъ за это, пренебрегая закономъ гражданскимъ, порицающимъ такіе союзы.

Тѣмъ не менѣе, какъ было вѣрно замѣчено, царствованіе Льва VI составляетъ эпоху въ исторіи византійской имперіи. Своимъ законодательствомъ, реорганизаціей провинціальнаго управленія, улучшеніемъ церковной іерархіи, этотъ царь оставилъ прочный слѣдъ въ учрежденіяхъ восточной имперіи. Ибо, въ сущности, несмотря на то, что онъ иногда поддавался вліянію фаворитовъ, онъ, быть можетъ болѣе чѣмъ это думаютъ, былъ способенъ къ проявленію личной воли и энергіи, и, какъ ни кажется намъ порой слабъ и непостояненъ, капризенъ и преданъ страстямъ, во всякомъ случаѣ былъ царемъ умнымъ, умѣющимъ упорно преслѣдовать намѣченную цѣль и ловко и искусно находить средства къ достиженію ея. Но тѣмъ не менѣе, и съ какими бы оговорками мы не принимали обычное представленіе о Львѣ VI, несомнѣнно, что этотъ строгій законодатель, такъ уважавшій общественную нравственность, такъ заботившійся о законахъ церковныхъ, не могъ своими браками не возбудить соблазна среди современниковъ и глубоко не возмутить церковь того времени. Надо, однако, принять во вниманіе, что Левъ VI взо-

шелъ на престолъ двадцати лѣтъ отъ роду и былъ уже женатъ, но не любилъ своей жены.

II.

Хотя Василій по причинамъ династическимъ уже съ 869 года пріобщилъ Льва къ верховной власти, хотя онъ съ крайней заботливостью воспиталъ его, какъ предполагаемаго наслѣдника престола, онъ тѣмъ не менѣе никогда его не любилъ, и подлѣ этого подозрительнаго, раздражительнаго и строгаго отца жизнь молодого человѣка, повидимому, была довольно печальная. Василій явно предпочиталъ своего сына Константина, рожденнаго, вѣроятно, отъ его перваго брака, котораго онъ безъ всякаго колебанія признавалъ своимъ законнымъ преемникомъ; Льву же, наоборотъ, онъ выказывалъ видимое нерасположеніе, такъ что охотно слушалъ и допускалъ невѣроятныя обвиненія, какія взводились на него.

Съ годами Василій утратилъ отчасти тотъ здравый смыслъ, который раньше такъ отличалъ его: онъ сталъ подпадать подъ вліяніе фаворитовъ, въ особенности одного игумена, Ѳеодора Сантаварина, которому покровительствовалъ патріархъ Фотій, а современники сильно подозрѣвали его въ занятіяхъ магіей и колдовствомъ. Преждевременная смерть его любимаго сына Константина окончательно потрясла крѣпкій разсудокъ императора; подъ гнетомъ этой утраты онъ сдѣлался подозрительнымъ и только и видѣлъ вокругъ себя что козни и заговоры, имѣвшіе яко бы цѣлью свергнуть его съ престола. Когда же Сантаваринъ, давно поссорившійся съ наслѣдни-

комъ престола, донесъ василевсу на Льва, будто бы замышляющаго на жизнь отца, Василій легко повѣрилъ самымъ пустымъ видимостямъ. По его приказанію Левъ былъ посаженъ подъ арестъ въ одномъ изъ помѣщеній дворца, лишенъ своихъ красныхъ башмаковъ, знака императорскаго сана, и, повидимому, императоръ серьезно думалъ ослѣпить его. Во всякомъ случаѣ, придворные, подозрѣвавшіеся въ томъ, что покровительствовали воображаемой интригѣ, были подвергнуты пыткѣ или сосланы; въ теченіе трехъ долгихъ мѣсяцевъ самъ Левъ просидѣлъ въ заключеніи, и, чтобы освободить его, потребовалось энергичное вмѣшательство патріарха Фотія и въ особенности одного изъ приближенныхъ Василія, Стиліана Заутца, командовавшаго тогда отрядомъ охранной стражи, и который рѣшился заговорить объ этомъ съ своимъ владыкой съ честной и смѣлой откровенностью.

Также и всѣ высшіе сановники и весь сенатъ, серьезно обезпокоенные состояніемъ здоровья Василія, становившимся съ каждымъ днемъ все хуже, совѣтовали быть снисходительнѣе. Нѣкоторые лѣтописцы разсказываютъ даже по этому поводу довольно интересный анекдотъ. Въ большой столовой Священнаго Дворца висѣла клѣтка съ попугаемъ, который постоянно кричалъ: „Увы, увы! бѣдный Левъ!“ Во время одного большого пріема, когда попугай повторялъ свою обычную фразу, многіе изъ гостей, растроганные воспоминаніемъ о заключенномъ, съ трудомъ могли скрыть свою печаль. Императоръ въ концѣ концовъ это замѣтилъ и спросилъ ихъ о причинѣ ихъ разстроеннаго вида. „Какъ можемъ мы пи-

ровать съ легкимъ сердцемъ, отвѣчали они, когда птица и та словно укоряетъ насъ за наше поведеніе? Она зоветъ своего господина, такъ неужто мы, люди, можемъ среди веселья забыть нашего невиннаго царевича? Или онъ виновенъ, и мы тогда готовы осудить его; или онъ ни въ чемъ не провинился, до какихъ же поръ тогда языкъ клеветника будетъ брать верхъ надъ его невинностью?“ Неизвѣстно, сколько правды въ этомъ разсказѣ, но во всякомъ случаѣ Василій, далъ себя умилостивить; въ день праздника пророка Иліи царевичъ былъ освобожденъ, возстановленъ въ принадлежащихъ ему почестяхъ и достоинствахъ и снова принималъ участіе въ царскихъ выходахъ. Но старый василевсъ, милуя, не забылъ своего нерасположенія. Когда народъ по пути шествія Льва привѣтствовалъ его и кричалъ: „Слава Всевышнему!“ Василій обратившись къ толпѣ, воскликнулъ: „Это по поводу моего сына прославляете вы Бога! Ну, такъ я вамъ скажу, что ему же вы будете обязаны долгими днями труда и печали“.

Изъ этихъ подробностей видно, что между императоромъ и его сыномъ отношенія были далеко не нѣжныя, и легко понять, что Левъ очень боялся бѣшенаго, страшнаго нрава отца, во всемъ безпощадно покорявшаго его своей волѣ. Рано пришлось Льву привыкать къ покорности. Когда ему должно было исполниться шестнадцать лѣтъ, Василій рѣшилъ его женить. По обыкновенію, въ одной изъ залъ Магнаврскаго дворца собрали дюжину дѣвицъ изъ самыхъ красивыхъ въ имперіи. Въ ожиданіи прихода царя эти маленькія особы, очень

возбужденныя, занялись тѣмъ, что пробовали отгадать, кто изъ нихъ окажется счастливой избранницей. Одна аѳинянка, по словамъ лѣтописца, „умѣвшая, благодаря обычаямъ своей страны, отгадывать будущее по примѣтамъ“, предложила тогда въ видѣ игры слѣдующее странное испытаніе: всѣ кандидатки должны были сѣсть на полъ, и каждая поставить передъ собой свои башмаки; та изъ двѣнадцати, которая по данному знаку скорѣе всѣхъ встанетъ, обуется и первая успѣетъ сдѣлать красивый поклонъ, та и будетъ, навѣрно, императрицей. Въ то время, какъ онѣ занимались этимъ упражненіемъ, вдругъ вошелъ царь. Первая поднявшаяся была нѣкто Ѳеофано, происходившая изъ знаменитой столичной патриціанской семьи Мартинаковъ; такъ какъ она была знатна, при этомъ очень красива и набожна, она понравилась Василію и женѣ его Евдокіи: такъ оправдалась примѣта, пророчествовавшая ей тронъ. Самого Льва даже не спрашивали, а между тѣмъ юный царевичъ имѣлъ привязанность на сторонѣ. Стиліанъ Заутцъ, начальникъ малой Этеріи, человѣкъ очень близкій василевсу и его соотечественникъ, имѣлъ дочь, по имени Зою. Левъ былъ сильно влюбленъ въ нее и хотѣлъ на ней жениться. Но Василію не было до этого никакого дѣла: онъ приказалъ, и сынъ не осмѣлился ослушаться. И съ большимъ торжествомъ, зимой съ 881 на 882 годъ, была отпразднована его свадьба съ Ѳеофано.

Такой бракъ долженъ былъ неизбѣжно плохо кончиться, тѣмъ болѣе, что Ѳеофано, если и обладала множествомъ добродѣтелей, имѣла так-

же и недостатки: была ревнива и при этомъ недогадлива и ненаходчива. Ей показалось, что она замѣчаетъ, какъ мужъ ея продолжаетъ ухаживать за дочерью Заутца: и тотчасъ молодая женщина побѣжала жаловаться Василію. Со своей всегдашней грубостью императоръ устроилъ сыну страшную сцену; вцѣпившись ему въ волосы, онъ повалилъ его на полъ, билъ кулаками и ногами, уча его, какъ быть вѣрнымъ женѣ. Затѣмъ, чтобы покончить съ этимъ вопросомъ, онъ насильно выдалъ замужъ Зою за нѣкоего Ѳеодора Гутцуніата, какъ ранѣе насильно женилъ сына, и льстилъ себя надеждой, что такимъ образомъ возстановилъ въ семьѣ миръ. Можно легко себѣ представить, что первоначальная антипатія Льва къ Ѳеофано не стала меньше послѣ этого событія; и даже впослѣдствіи, когда царь былъ въ немилости и молодая женщина выказала полную преданность и любовь, выразивъ желаніе раздѣлить съ нимъ его заточеніе, семейный ладъ никогда больше не былъ вполнѣ возстановленъ. Левъ могъ, разумѣется, получить нѣкоторое уваженіе къ женѣ, но онъ и впослѣдствіи не полюбилъ ея. Во всякомъ случаѣ, покуда былъ живъ грозный Василій наружное согласіе сохранялось между супругами. Но когда Левъ сталъ императоромъ и вполнѣ свободнымъ, положеніе довольно быстро испортилось. Ѳеофано, кромѣ того, была женщина добродѣтельная, преданная добрымъ дѣламъ и заботившаяся прежде всего о любви небесной. „Съ болѣзненнымъ пыломъ, разсказываетъ ея благочестивый біографъ, Августа заботилась о спасеніи своей души, пренебрегая, какъ недостойной суетностью,

всѣми удовольствіями мірской жизни. День и ночь возносилась она мыслью къ Богу, молясь постоянно и читая псалмы; она непрестанно стремилась приблизиться къ Богу и черезъ дѣла милосердія. Публично она облекалась въ красоту и блескъ, во все великолѣпіе порфиры; у себя, тайкомъ прикрывала тѣло лохмотьями. Предпочитая всему жизнь аскетическую, она не придавала никакого значенія прелестямъ обильнаго и роскошнаго стола; когда передъ ней ставили изысканныя блюда, она довольствовалась простой ѣдой, состоявшей изъ хлѣба и овощей. Всѣ деньги, какими она могла распоряжаться, все свое состояніе, которымъ такъ дорожатъ люди, живущіе въ міру, она раздавала бѣднымъ; великолѣпныя свои одѣянія сна отдавала нуждающимся; она пеклась о нуждахъ вдовъ и сиротъ, обогащала монастыри, любя монаховъ, какъ братьевъ“. Ночью она покидала свое царское ложе, покрытое великолѣпными, золотомъ шитыми одѣялами, и ложилась гдѣ-нибудь въ углу, на подстилкѣ, покрытой грубой тканью, и каждый часъ вставала, чтобы молиться Богу. Такая женщина была святая, но она не годилась ни въ императрицы, ни въ подруги двадцатилѣтнему царю.

Смерть единственнаго родившагося отъ этого брака ребенка, маленькой Евдокіи, послѣдовавшая зимой 892 года, еще усилила разногласіе между супругами. Послѣ этого несчастія Ѳеофано стала печальнѣе, чѣмъ когда-либо, еще больше отвратилась отъ міра; и ко всему этому чрезмѣрное воздержаніе сéрьезно разстроило ея здоровье. „Императоръ, пишетъ біографъ благоче-

стивой царицы, не могъ больше надѣяться имѣть отъ нея другого ребенка, ибо тѣло ея, изнуренное и ослабленное духовнымъ созерцаніемъ, не способно было отдаваться наслажденію плоти". Естественно, что Льву все больше и больше надоѣдала жена, никогда ничего не доставлявшая ему, кромѣ непріятностей. Съ другой стороны, онъ не забылъ подругу своей юности; и онъ рѣшился взять Зою въ любовницы.

Императрица была скоро объ этомъ извѣщена, и такъ какъ, вслѣдствіе страннаго противорѣчія, эта святая женщина оставалась все такой же ревнивой, нелады императорской четы чуть-было не перешли въ полный разрывъ.

Въ это время жилъ въ Константинополѣ въ Псамаѳійскомъ монастырѣ одинъ святой человѣкъ по имени Евѳимій, біографія котораго, недавно найденная, представляетъ одинъ изъ самыхъ поучительныхъ документовъ, какіе мы только имѣемъ о царствованіи Льва VI. Будучи на очень хорошемъ счету у царя, которому онъ еще при жизни Василія оказалъ важныя услуги, онъ позволялъ себѣ говорить съ нимъ съ рѣзкой откровенностью и не скупился на выговоры и наставленія. Къ нему-то и прибѣгла императрица въ своей бѣдѣ. Она объяснила, что со смерти ея любимой дочери ей не было больше смысла жить во дворцѣ, что она слишкомъ жестоко страдала отъ создавшагося для нея тамъ положенія, а потому она проситъ объ одномъ— о позволеніи удалиться въ монастырь, прилегающій къ Влахернскому храму, гдѣ съ давнихъ поръ она любила говѣть, и что при этомъ условіи она согласна на все, даже на разводъ. Евѳи-

мій ее ободрилъ, но представилъ ей, какую важную отвѣтственность она беретъ на себя, покидая супруга, и безъ того слишкомъ склоннаго къ погибели; послѣ этого онъ отправился къ императору. Тотъ пришелъ въ восхищеніе отъ плана жены и радовался при мысли, что сможетъ скоро жениться на своей любовницѣ. Евѳимій строжайшимъ образомъ его отчиталъ, и когда василевсъ, упомянувъ о томъ, сколько горечи и зла накопилось у него противъ Ѳеофано за десять лѣтъ брака, кончилъ тѣмъ, что сказалъ: „Въ концѣ концовъ, не я ее прогоняю, а законъ, и церковные каноны оправдаютъ меня, если я возьму другую жену“, святой отецъ въ негодованіи объявилъ, что онъ больше не увидитъ его, если царь будетъ упорствовать въ своемъ преступномъ рѣшеніи.

Несмотря на такую угрозу, чрезвычайно важную для человѣка благочестиваго, какимъ былъ Левъ, царь не хотѣлъ ничего слышать. Дѣло въ томъ, что прежде всего онъ страстно любилъ Зою. Но у него была еще и другая причина упорствовать: онъ горячо желалъ сына, чтобы упрочить продолженіе македонскаго рода. Про себя онъ зналъ, что здоровье его не важное; братъ его Александръ прожигалъ жизнь въ безумныхъ оргіяхъ; слѣдовательно, какъ въ интересахъ династіи, такъ и въ интересахъ общественнаго спокойствія, онъ долженъ былъ какъ можно скорѣе обезпечить престолъ законнымъ наслѣдникомъ. Впрочемъ, это составляло уже съ давнихъ поръ его большую заботу; чтобы Богъ послалъ ему такъ горячо желаемаго ребенка, онъ отправлялся въ паломничество по наиболѣе зна-

менитымъ святымъ мѣстамъ; чтобы узнать, будетъ ли исполнено его желаніе, онъ неустанно допрашивалъ небесныя свѣтила; и такъ какъ они обѣщали ему сына, то „полагая, говоритъ одинъ лѣтописецъ, что исполняетъ тѣмъ волю самого Бога и подчиняется неизбѣжному року“, онъ съ спокойной совѣстью не порывалъ сношеній съ своей любовницей.

Тутъ слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что въ глазахъ современниковъ и самихъ панегиристовъ Ѳеофано одной этой политической причины, повидимому, было достаточно, чтобы объяснить и оправдать прелюбодѣяніе Льва. Императрица тоже, въ концѣ концовъ, смирилась передъ неизбѣжнымъ. Выслушавъ строгое наставленіе Евѳимія, указывавшаго ей, какая великая заслуга заключается въ смиреніи, она согласилась не требовать скандальнаго развода и предоставила свободу соперницѣ, ища сама утѣшенія лишь въ Богѣ. Ей, впрочемъ, не долго пришлось страдать: вскорѣ послѣ только что описанныхъ событій, Ѳеофано умерла 10 ноября 893 года; ей не было и тридцати лѣтъ. Левъ, какъ это и приличествовало, устроилъ своей женѣ великолѣпныя похороны. Она была похоронена въ императорской усыпальницѣ святыхъ Апостоловъ, гдѣ уже покоилась ея дочь, маленькая Евдокія; царь рѣшилъ построить въ ея память церковь во имя ея святой. Скоро всякія чудеса и необыкновенныя исцѣленія, совершавшіяся на ея могилѣ, возвѣстили всей Византіи о добродѣтеляхъ покойной царицы; церковь причислила къ лику святыхъ тихую и печальную императрицу, и въ теченіе многихъ лѣтъ церемоніалъ предписывалъ

самому императору отправляться каждый годъ на ея могилу возжигать въ память ея θиміамъ и возносить молитвы.

III.

Левъ былъ свободенъ.

Нѣкогда онъ объявилъ Евѳимію: „Никогда не забуду я Зои, и наступитъ день, когда я пожалѣю и ее и себя“. Этотъ день насталъ. Однако, жениться на своей любовницѣ ему мѣшало одно обстоятельство, ея мужъ. Но Гутцуніатъ очень остроумно умеръ вскорѣ послѣ смерти Θеофано, и это вышло такъ кстати, что злые языки стали поговаривать, что эти двѣ смерти, такія своевременныя, быть можетъ, произошли не вполнѣ случайно. Но Левъ былъ императоромъ; Зоя была дочерью перваго министра; и сочли за лучшее не раздувать подозрѣній.

Такимъ образомъ все, казалось, благопріятствовало желанному браку. Царь больше чѣмъ когда-либо боготворилъ свою любовницу, которая нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ спасла ему жизнь, раскрывъ заговоръ, имѣвшій цѣлью погубить его. Отецъ Зои Стиліанъ Заутцъ, съ начала царствованія правившій дѣлами и получившій милостью царя вновь изобрѣтенный титулъ, въ нѣкоторомъ родѣ символическій, *βασιλεοπάτωρ* или отца императора, изо всѣхъ силъ хлопоталъ объ этомъ бракѣ, видя въ немъ средство усилить свое нѣсколько пошатнувшееся въ то время вліяніе; и чтобы ускорить дѣло, онъ поселилъ молодую вдову въ помѣщеніи, занимаемомъ имъ самимъ во дворцѣ. Одинъ только Евѳимій, ни-

когда не бывшій въ хорошихъ отношеніяхъ съ министромъ, все еще сопротивлялся. Онъ убѣждалъ императора, что замышляемое имъ дѣло было нечестіемъ и беззаконіемъ. Но Левъ отвѣчалъ смѣхомъ на всѣ эти возраженія: „Ну, святой отецъ, говорилъ онъ, слушай меня и не говори глупостей. Я вѣдь, какъ тебѣ извѣстно, потерялъ жену; я долженъ, какъ всѣ люди, подумать о новомъ бракѣ. И вотъ Зоя какъ разъ въ томъ же положеніи, что я; она свободна. Зачѣмъ же ты хочешь помѣшать тому, что повелѣваютъ законы, и что совѣтуетъ Священное Писаніе?“ Евѳимій сердился: „Никто тебѣ не мѣшаетъ жениться на другой; но не слѣдуетъ жениться на этой, которую обвиняютъ въ томъ, что она виновница столькихъ золъ. Если этотъ бракъ состоится, всѣ повѣрятъ недобрымъ слухамъ, что ходятъ на ея счетъ“. И онъ опять заявлялъ, что если Зоя сдѣлается императрицей, никогда императоръ его больше не увидитъ.

Влюбленный не разсуждаетъ: въ выборѣ между своимъ духовникомъ и любовницей Левъ не могъ колебаться; онъ предложилъ Евѳимію удалиться въ монастырь, а самъ женился на Зоѣ. Но счастье его было не продолжительно, меньше чѣмъ черезъ два года послѣ этого, въ концѣ 896 года, молодая императрица умерла отъ довольно таинственной болѣзни, послѣдовавшей черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти ея отца Стиліана Заутца. И тотчасъ, несмотря на горе Льва, придворные ясно увидали, что должно было послѣ этого случиться, и родные Зои, хорошо устроившіеся при ея жизни, прямо объявили: „Императоръ возьметъ себѣ новую жену, а насъ всѣхъ удалитъ“.

IV.

Надо однако сознаться, что Льву не везло. Отъ связи его съ Зоей родилась только одна дочь, царевна Анна; династическія соображенія требовали отъ императора третьяго брака. Но царю трудно было рѣшиться на такой шагъ. Церковные каноны явно порицали подобный союзъ; въ общественномъ мнѣніи онъ являлся недостойнымъ царя; и самъ Левъ, въ одной изъ своихъ новеллъ, въ суровыхъ выраженіяхъ поносилъ людей, доходящихъ до такого невоздержанія. Кромѣ того, императоръ страстно любилъ Зою, онъ горько оплакивалъ ея потерю. Надо видѣть, въ какихъ трогательныхъ выраженіяхъ онъ говорилъ Евѳимію о „своей бѣдной женѣ, которую ты совсѣмъ не любилъ“. Въ такомъ душевномъ настроеніи онъ легко подпалъ опять подъ вліяніе своего духовника; и хотя онъ не разсчитывалъ, какъ прямо это и высказалъ, „найти въ немъ новаго Стиліана, распоряжающагося и управляющаго всѣмъ“, онъ тѣмъ не менѣе относился къ монаху съ крайнимъ уваженіемъ, зная его грубую и непреклонную прямоту и немного побаиваясь ея. Вотъ всѣ эти причины и заставляли царя довольно долго колебаться, прежде чѣмъ рѣшиться на новый бракъ. Такъ какъ императорскій этикетъ непремѣнно требовалъ, чтобы въ Священномъ Дворцѣ была женщина для предсѣдательствованія на церемоніяхъ, гдѣ присутствовали придворныя дамы, онъ повелѣлъ провозгласить Августой юную царевну Анну, и это одно достаточно показываетъ, на-

сколько ему претила мысль о новомъ бракѣ. Но Анна была невѣстой одного принца каролингскаго дома, юнаго Людовика Провансальскаго; она собиралась покинуть Константинополь и отправиться на свою новую родину. Чтобы замѣнить ее, необходимо требовалась императрица. Кромѣ того, Левъ былъ молодъ; ему было тридцать два, тридцать три года; горе его съ теченіемъ времени притупилось, а съ нимъ и нравственныя сомнѣнія въ такого рода вопросахъ. Въ 899 году рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ. Онъ женился на очень хорошенькой женщинѣ родомъ иэъ Азіи, Евдокіи Ваяни; но такъ какъ несчастіе преслѣдовало императора, новая царица умерла годъ спустя, родивъ ему сына, но тоже не жизнеспособнаго.

Итакъ, приходилось начинать все сызнова, разъ что опять не стало желаннаго наслѣдника. Но теперь задача эта оказывалась уже необычайно трудной. Третій бракъ императора, хоть и прикрывался довольно благовидными предлогами, и церковь, считая его съ одной стороны „поступкомъ не подобающимъ“, все же не порицала его открыто, тѣмъ не менѣе послужилъ соблазномъ для многихъ благочестивыхъ душъ. Это обнаружилось, когда послѣ смерти Евдокіи игуменъ монастыря св. Лазаря наотрѣзъ отказалъ принять въ свой монастырь смертные останки царицы и пришлось обратно нести во дворецъ тѣло несчастной; то же чувство неодобренія сказывалось и въ поведеніи Евѳимія, когда онъ совѣтовалъ Льву сдѣлать женѣ скромныя похороны, безъ всякаго торжества, замѣчая при этомъ, что не приличествовало нарушать проявленіями

горя и печали веселье и радость великаго праздника Воскресенія (Евдокія умерла въ день Пасхи), тѣмъ болѣе, что всѣ эти офиціальныя шествія, стоны и рыданія, плачъ по умершей, приводили все къ одному и тому же, къ той же могилѣ, къ тому же злополучному концу, къ тщетѣ всего. Для людей, разсуждающихъ такимъ образомъ, четвертый бракъ казался настоящей мерзостью. Церковь запрещала его безусловно; гражданскій законъ даже не предвидѣлъ, чтобы можно было дойти до такой неслыханной степени развращенности. Въ глазахъ византійцевъ такой бракъ былъ хуже прелюбодѣянія. Но что было дѣлать! Левъ хотѣлъ непремѣнно имѣть сына.

Между тѣмъ заговоры противъ императора все учащались. Въ самомъ дворцѣ братъ царя, этотъ подозрительный и сомнительный Александръ, интриговалъ противъ своего царственнаго соправителя, котораго всегда отъ всей души ненавидѣлъ, считая себя болѣе законнымъ наслѣдникомъ Василія; и царь едва не сталъ жертвой этихъ козней. Покушеніе, подготовленное противъ него въ церкви св. Мокія, чуть-было не удалось, и только благодаря случайности императоръ не былъ въ тотъ день убитъ ударомъ палки подосланнаго убійцы. Все это тревожило Льва, хорошо сознававшаго, насколько отсутствіе наслѣдника престола способствовало всѣмъ этимъ заговорамъ. Не рѣшаясь тотчасъ вступить въ бракъ, онъ началъ съ того, что завелъ любовницу. Это была нѣкая Зоя Карбонопсина, Зоя „Черноокая“, принадлежавшая, повидимому, къ одной изъ самыхъ аристократическихъ фамилій Византіи и состоявшая въ родствѣ съ знамени-

тымъ лѣтописцемъ Ѳеофаномъ. Это была женщина умная, честолюбивая, энергичная и ловкая въ одно и то же время; она сумѣла тотчасъ подчинить себѣ въ значительной степени своего любовника, она воспользовалась своимъ вліяніемъ, чтобы приблизить ко двору свою родню и составить тутъ себѣ партію, а затѣмъ она стала подумывать и о томъ, чтобы женить на себѣ императора.

Съ самаго начала этой связи Левъ также, повидимому, подумывалъ о бракѣ. Даже очень вѣроятно, что онъ съ этой цѣлью возвелъ въ 901 году на патріаршій престолъ родственника Фотія, „мистика“, т.-е. личнаго секретаря Николая. Будучи пріемнымъ братомъ императора (Василій I былъ его крестнымъ отцомъ), этотъ человѣкъ былъ воспитанъ вмѣстѣ съ нимъ и оставался его другомъ; поэтому царь полагалъ, что можетъ разсчитывать на его услугу, чтобы побороть препятствія, выставляемыя церковью противъ четвертаго брака, и онъ сталъ заранѣе выпытывать его мнѣніе на счетъ этого дѣла. Однако, Николай былъ однимъ изъ тѣхъ представителей духовенства, какихъ было не мало въ Византіи, „въ одно и то же время придворный и монахъ, сильный въ богословіи и въ искусствѣ вести интригу, умѣвшій при случаѣ закрывать глаза, и при случаѣ же показывать примѣръ большого мужества“ *). Принявъ духовный санъ отчасти противъ своего желанія, онъ питалъ въ своей властной и надменной душѣ чувства и стремленія чисто земного и мірского характера. Созна-

*) Rambaud, L'Empire grec au X-e siècle, p. 10.

вая въ себѣ государственнаго дѣятеля, онъ занимался государственными дѣлами охотнѣе, чѣмъ дѣлами церкви. Онъ стремился къ власти и, чтобы осуществить свою мечту, считалъ излишнимъ слишкомъ считаться съ требованіями совѣсти, благодарности или вѣрности: его нѣсколько разъ, и, повидимому, не безъ основанія, обвиняли въ участіи въ заговорѣ противъ его законнаго монарха. Въ своемъ высокомъ духовномъ санѣ онъ видѣлъ, главнымъ образомъ, средство къ властвованію и первую ступень своего будущаго величія. Гордый своимъ саномъ, онъ считалъ себя въ правѣ относиться свысока къ власти императора и не стѣснялся оспаривать повелѣнія, исходившія отъ царя. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ написалъ: „Если императоръ прикажетъ, подъ внушеніемъ діавола, что-нибудь противное закону Божію, ему не должно повиноваться; должно считать не существующимъ нечестивое повелѣніе, исходящее отъ нечестиваго человѣка. Никогда служитель Божій не будетъ повиноваться такимъ преступнымъ приказаніямъ, и онъ скорѣй долженъ предпочесть утратить жизнь, чѣмъ служить такому господину“. Не менѣе высокомѣрный въ отношеніи къ папѣ, онъ не боялся читать наставленія и первосвященнику римскому, порицать его постановленія и его несвоевременное вмѣшательство въ дѣла восточной церкви, и чувствуя, что въ этомъ противодѣйствіи Риму его поддерживаетъ все духовенство, онъ, несмотря на приказаніе императора, отказывался общаться съ римскими легатами, оказывая такимъ образомъ неуваженіе къ власти и папы, и императора.

Непримиримый и дерзкій, когда чувствовалъ, что дуетъ попутный вѣтеръ, Николай, однако, умѣлъ, когда нужно было, быть податливымъ и покладистымъ во всѣхъ отношеніяхъ: ибо, если онъ и обладалъ незаурядным умомъ, душа его оставалась довольно низменной. При этомъ несдержанный и горячій, способный подолгу хранить злобу и непримиримую ненависть, онъ никогда не забывалъ оскорбленія, никогда не прощалъ врагу; и когда наступалъ день отмщенія, онъ выказывалъ въ преслѣдованіи своихъ противниковъ самую безпощадную жестокость. Его безсердечіе и черствость въ отношеніи тѣхъ, кому онъ раньше выказывалъ самую низкую лесть, были тогда непреклонны; безъ всякихъ зазрѣній совѣсти, безъ пощады онъ топталъ своихъ враговъ ногами, готовый при этомъ во всякую минуту, еслибы счастье повернулось и собственная выгода того потребовала, вновь стать ихъ крайне почтительнымъ и самымъ вѣрнымъ слугой.

Такой человѣкъ не долженъ былъ оправдать надежды, какія Левъ возложилъ на него. Когда императоръ открылся Николаю относительно своихъ брачныхъ плановъ, патріархъ, повидимому, отказалъ наотрѣзъ содѣйствовать съ своей стороны нарушенію церковныхъ каноновъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что очень скоро отношенія между патріархомъ и царемъ стали натянутыми; при дворѣ любимцы Льва съ Самоной во главѣ открыто возстановляли монарха противъ патріарха, и Левъ былъ такъ раздраженъ, что подумалъ было сдѣлать Николая отвѣтственнымъ за покушеніе, какое намѣревались произ-

вести въ церкви св. Мокія, такъ что понадобилось вмѣшательство Евѳимія, чтобы остановить преслѣдованіе. Но, несмотря на свои подозрѣнія и гнѣвъ, съ одной стороны, императоръ, съ другой, положительно не зналъ, какъ смягчить непреклоннаго патріарха, котораго,—онъ это чувствовалъ,—поддерживало почти все духовенство безъ исключенія, какъ вдругъ, къ большому счастью Льва, одно неожиданное обстоятельство, дало ему перевѣсъ надъ патріархомъ.

Видя, что положеніе его не надежно, Николай, не колеблясь, вступилъ въ заговоръ съ Андроникомъ Дукой, въ 904 году возставшимъ противъ императорской власти. Случилось такъ, что когда бунтовщику пришлось бѣжать къ арабамъ, нѣкоторые изъ его единомышленниковъ, чтобы купить себѣ прощенье, выдали Льву бумаги мятежника: среди этихъ бумагъ нашли собственноручное письмо патріарха, доказывавшее его несомнѣнную измѣну. Теперь царь получилъ возможность сломить высокомѣрное упорство Николая; и дѣйствительно, когда послѣдній узналъ объ этомъ, благодаря нескромности одного служителя, онъ понялъ, что отнынѣ у него оставалось единственное средство спасти свое положеніе и жизнь, это прекратить всякое противодѣйствіе и усиленной угодливостью обезоружить, если возможно, монарха. Тогда, измѣнивъ сразу поведеніе, онъ согласился на все.

Это случилось въ 905 году. Зоя Карбонопсина должна была стать матерью, и императоръ упивался надеждой сдѣлаться отцомъ. Тогда высокомѣрный патріархъ сталъ каждый день являться во дворецъ. Онъ обѣдалъ съ царемъ и его лю-

бовницей, увѣряя Льва, что ожидаемый ребенокъ будетъ мальчикъ, и приказалъ по этому случаю въ продолженіе семи дней совершать торжественныя молебствія въ св. Софіи; затѣмъ не менѣе торжественно онъ благословлялъ чрево фаворитки и объявлялъ, что имѣющій родиться царь составитъ славу и величіе церкви. Судьба оправдала обѣщанія патріарха и исполнила желанія императора. Въ концѣ 905 года ребенокъ родился: и это былъ мальчикъ. Узаконить этого, столь желаннаго, наслѣдника стало отнынѣ главной заботой царя. Николай охотно на это соглашался; но другіе епископы противились, объявляя, что „рожденье ребенка не могло сдѣлать законнымъ запрещенный бракъ“, и вслѣдствіе этого они отказывались совершить крещеніе, особенно съ царскими почестями, какъ того хотѣлъ Левъ. Въ концѣ концовъ придумали слѣдующую уловку. Такъ какъ въ сущности, какъ объяснялъ это впослѣдствіи патріархъ, „любить своего ребенка чувство вполнѣ человѣческое“, духовенство обѣщало окрестить сына, если Левъ дастъ слово разстаться съ матерью. Этой цѣною 6 января 906 года и было совершено крещеніе въ храмѣ св. Софіи самимъ патріархомъ; Александръ, братъ царя, и Евѳимій были воспріемниками юнаго Константина Багрянороднаго. Желаніе императора исполнилось.

Но Левъ дорожилъ Зоей. Черезъ три дня послѣ крестинъ, несмотря на обѣщанія, несмотря на клятвы, онъ опять водворилъ во дворцѣ свою любовницу; больше того, онъ рѣшилъ жениться на ней. Николай не счелъ возможнымъ довести свое снисхожденіе до того, чтобы благословить

этотъ скандальный союзъ; но для этого нашелся услужливый священникъ, котораго потомъ лишили сана, и Левъ собственноручно возложилъ корону на голову новой императрицы. Понятно, что волненіе въ столицѣ было большое; церковь, послѣ сдѣланнаго ей вызова, отвѣтила на этотъ бракъ императора-четвероженца формальнымъ запрещеніемъ ему доступа къ святынѣ. Тогда, чтобы добиться необходимаго разрѣшенія для узаконенія своего брака, Левъ прибѣгъ къ очень остроумной выдумкѣ, дѣлающей большую честь его искусной и твердой дипломатіи. Видя непреклонность византійскаго духовенства, онъ надумалъ обратиться къ церкви вселенской и рѣшилъ спросить, какъ думаютъ о четвертомъ бракѣ первосвященникъ римскій и патріархи александрійскій, антіохійскій и іерусалимскій; и честолюбивый Николай, хотя крайне недовольный такимъ постороннимъ вмѣшательствомъ, понявшимъ обаяніе его всемогущества, долженъ былъ съ этимъ примириться и покориться. Впрочемъ, онъ твердо разсчитывалъ, что совѣщаніе обманетъ надежды императора. Но во всякомъ случаѣ, до выясненія результатовъ своего посольства Левъ оставилъ Зою во дворцѣ, отказываясь разстаться съ ней хотя бы на одинъ день; онъ приказывалъ оказывать ей всѣ почести, какія оказывали царицѣ, и единственная уступка, сдѣланная имъ церкви, было то, что онъ покорно подчинился изданному противъ него запрещенію.

Патріархъ Николай въ разсказѣ, написанномъ имъ позднѣе по поводу этихъ событій, старался, что совершенно понятно, представить свое по-

веденіе съ самой выгодной стороны. Если повѣрить ему, онъ на слѣдующій же день по вступленіи императора въ бракъ, стараясь убѣдить его, не жалѣлъ ни совѣтовъ, ни уговоровъ; онъ умолялъ его въ ожиданіи приговора патріарховъ немедленно удалить Зою и отнюдь упорствомъ своимъ не возбуждать раскола въ церкви; на всѣ эти прекрасныя слова Левъ будто бы отвѣчалъ однимъ отказомъ. Въ дѣйствительности патріархъ, повидимому, выказалъ относительно царя гораздо менѣе энергіи и непреклонности; желая, главнымъ образомъ, заслужить прощенье, онъ, повидимому, напротивъ, старался умилостивить василевса полной готовностью уладить дѣло. Изъ источниковъ менѣе сомнительныхъ, чѣмъ письмо Николая, видно, что патріархъ то искалъ въ писаніяхъ святыхъ отцовъ мѣста, на основаніи которыхъ возможно оправдать четвертый бракъ, то поощрялъ Льва преступить, несмотря на запрещеніе и не дожидаясь рѣшенія патріарховъ, церковный порогъ, прямо объявляя, что онъ самъ выйдетъ къ нему при этомъ на встрѣчу. Надѣялся ли Николай, побуждая императора къ ложному шагу, еще больше возстановить противъ него общественное мнѣніе, и безъ того сильно возбужденное? Хотѣлъ ли скорѣй своей предупредительностью заставить забыть злополучное письмо, доказывавшее его беззаконіе? Относительно такого человѣка оба предположенія возможны. Во всякомъ случаѣ, императоръ не захотѣлъ поддаться внушеніямъ патріарха. „Пока не увижу епископовъ, прибывшихъ изъ Рима, говорилъ онъ, не хочу пользоваться свободой, какую ты мнѣ предоставляешь помимо нихъ“.

Тѣмъ временемъ съ Запада пришли добрыя вѣсти. Посланные императора увѣдомили его, что папа вовсе не порицаетъ четвертаго брака и что легаты собираются отправиться въ путь и везутъ желанное разрѣшеніе. Это вызвало внезапную перемѣну въ поведеніи патріарха. Покуда брачный вопросъ, оставаясь нерѣшеннымъ, ставилъ императора, до извѣстной степени, въ зависимость отъ патріарха, Николай могъ думать на законномъ основаніи, что царь, нуждаясь въ немъ, будетъ вынужденъ щадить его, и что при подобныхъ обстоятельствахъ ему будетъ легко при помощи добрыхъ услугъ заставить забыть его преступленіе государственной измѣны. Теперь дѣла приняли иной оборотъ. Увѣренный въ оправданіи вселенской церкви, Левъ не имѣлъ никакого основанія считаться съ главой церкви византійской, и онъ уже объявлялъ своимъ приближеннымъ, что какъ только соберется соборъ, первой заботой царя будетъ избавиться отъ враждебнаго ему патріарха, измѣнившаго своему властелину. Николай понялъ, что у него оставался одинъ выходъ—броситься съ головой въ оппозицію. Онъ зналъ вражду, съ давнихъ поръ питаемую восточнымъ духовенствомъ къ Риму, онъ былъ увѣренъ, что найдетъ сторонниковъ, если будетъ отстаивать независимость Византіи отъ вмѣшательства первосвященника римскаго. Если ему удастся, благодаря такой тактикѣ, нанести ударъ папѣ и императору, какое это будетъ торжество для его честолюбія! Если онъ будетъ разбитъ въ борьбѣ, по крайней мѣрѣ, падетъ съ честью и стяжаетъ ореолъ мученика, какъ неумолимый борецъ за нарушенные церковные

каноны. Итакъ, Николай, и безъ того, впрочемъ, крайне оскорбленный въ своей гордости, видя такое вмѣшательство Рима въ дѣла своего патріархата, повелъ себя опять самымъ непреклоннымъ и высокомѣрнымъ образомъ.

Въ это самое время Левъ, разсчитывая на снисхожденіе Рима, счелъ излишнимъ сохранять дольше смиренное положеніе человѣка, на котораго наложено запрещеніе, что, въ концѣ концовъ, не могло не вредить его императорскому престижу. Въ самый день Рождества 906 года онъ въ сопровожденіи сената и всего двора отправился въ св. Софію, думая, что патріархъ не запретитъ ему войти въ храмъ послѣ того, что столько разъ предлагалъ это ему въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ. Но на порогѣ входныхъ дверей его встрѣтилъ патріархъ и наотрѣзъ запретилъ ему входъ въ церковь: но при этомъ Николай подалъ царю надежду, что въ ближайшій праздникъ Богоявленія онъ откроетъ ему доступъ къ святынѣ. Левъ счелъ разумнымъ не настаивать и стерпѣть униженіе, которому его подвергли; тогда патріархъ счелъ возможнымъ сдѣлаться еще болѣе дерзкимъ. 6 января 907 года онъ опять остановилъ царя у дверей базилики. „Безъ единодушнаго согласія митрополитовъ, объявилъ онъ, не могу пустить тебя сюда; а если ты разсчитываешь войти силой, тогда уйдемъ мы“. На этотъ разъ Николай зашелъ слишкомъ далеко. „Сдается мнѣ, что твое святѣйшество, воскликнулъ василевсъ, издѣвается надъ нашей царственностью. Ужъ не надѣешься ли ты, что мятежникъ Дука вернется скоро изъ Сиріи? и ужъ не изъ довѣрія ли къ нему ты

такъ презираешь насъ?“ При этой неожиданной выходкѣ патріархъ совершенно растерялся и не зналъ, что предпринять; стоя на порогѣ дверей, онъ ничего не отвѣчалъ и, казалось, не смѣлъ ни подвинуться впередъ, ни отступить. Левъ, напротивъ, сохранялъ все свое хладнокровіе и полное достоинство. Такъ какъ придворные всячески побуждали его войти въ базилику, онъ однимъ движеніемъ заставилъ ихъ замолчать и, чувствуя, что такимъ поведеніемъ онъ дѣлаетъ Николая неправымъ, спокойно возвратился къ себѣ во дворецъ.

Но вечеромъ, на парадномъ обѣдѣ, въ присутствіи епископовъ и важныхъ сановниковъ, императоръ, подъ конецъ обѣда, сталъ рѣзко нападать на патріарха. Онъ напомнилъ ему объ его обѣщаніяхъ, объ его льстивыхъ рѣчахъ, объ его прежней угодливости и прямо назвалъ его лжецомъ и клятвопреступникомъ. Затѣмъ, уведя митрополитовъ въ свои отдѣльные покои, онъ со слезами напомнилъ имъ объ несчастіяхъ, преслѣдовавшихъ его при всѣхъ женитьбахъ, и, велѣвъ принести себѣ сына, взялъ его на руки и просилъ всѣхъ благословить его и молиться за него. Эта чувствительная сцена растрогала многихъ епископовъ, лишь изъ страха слѣдовавшихъ непримиримой политикѣ Николая. Близилось также и разъясненіе спора. Римскіе легаты пріѣхали и привезли разрѣшеніе: на Западѣ, гдѣ четвертый бракъ не былъ запрещенъ, желаніе императора показалось вполнѣ естественнымъ. Напрасно Николай отказался вступить въ открытыя сношенія съ иностранцами, надѣясь такимъ образомъ вызвать взрывъ старинной ненависти

византійцевъ къ латинянамъ, „пріѣзжавшимъ къ намъ, какъ онъ выразился, лишь затѣмъ, чтобы объявлять намъ войну“. Часть греческихъ епископовъ, подкупленная деньгами, покинула своего главу; нѣкоторыхъ, изъ наиболѣе упорныхъ, отправили въ ссылку; въ особенности рѣшили выступить противъ патріарха, чтобы освободить духовенство отъ его вліянія.

1 февраля во дворцѣ, въ концѣ одного парадnаго придворнаго обѣда, императоръ произнесъ противъ патріарха настоящую обвинительную рѣчь, закончивъ ее тѣмъ, что прямо обвинилъ его заодно съ Дукой въ интригахъ и въ измѣнѣ; послѣ этого онъ велѣлъ схватить Николая и подъ строгимъ надзоромъ отправить его въ одинъ азіатскій монастырь. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого собравшійся соборъ далъ Льву необходимое разрѣшеніе на бракъ и снялъ съ него эпитимію. А такъ какъ патріархъ Николай упорствовалъ въ своемъ несогласіи, императоръ предложилъ ему сложить съ себя санъ. Боясь преслѣдованія, которое грозило ему за государственную измѣну, Николай кончилъ тѣмъ, что уступилъ; и хотя позднѣе онъ и жаловался горько на клеветническіе навѣты, распространяемые противъ него, и отвратительное пристрастіе, съ какимъ легаты принимали на вѣру всю распускаемую про него ложь, тотъ безспорный фактъ, что онъ предпочелъ добровольно отказаться отъ своего сана, чѣмъ дать низложить себя, ясно показываетъ, что совѣсть его была не совсѣмъ чиста. На его мѣсто епископы возвели на патріаршій престолъ благочестиваго и строгаго Евѳимія, который, несмотря на свое нежеланіе,

сдался подъ конецъ на единодушныя просьбы духовенства, римскихъ легатовъ и императора.

Благодаря состоявшемуся соглашенію, Левъ льстилъ себя надеждой, что дѣло его четвертаго брака уладилось согласно его желаніямъ; но вмѣстѣ съ этимъ онъ положилъ также начало расколу въ восточной церкви. Духовенство и вѣрные раздѣлились между Евѳиміемъ и Николаемъ; пришлось изгнать самыхъ важныхъ митрополитовъ, державшихъ упорно сторону низложеннаго патріарха, издать приказы о преслѣдованіи, сажать въ тюрьмы сопротивлявшихся; и эти строгія мѣры усилили всеобщее недовольство противъ Льва, противъ Зои и даже противъ новаго патріарха. Само собой разумѣется, что Евѳимій пошелъ на компромиссъ; освобождая императора отъ церковной опеки, онъ тѣмъ самымъ отнюдь не призналъ въ принципѣ законность четвертаго брака и твердо настаивалъ на низложеніи священника, вѣнчавшаго императора. Тѣмъ не менѣе всякаго рода памфлеты не щадили его, а также и его владыку, и Левъ, съ своей стороны, разсчитывалъ на него, чтобы стереть послѣдніе слѣды незаконности, лежавшіе пятномъ на его бракѣ. Онъ послалъ просить патріарха, чтобы Зоя официально упоминалась на ектеніяхъ въ качествѣ Августы въ храмѣ святой Софіи. Но тутъ уже патріархъ, несмотря на мольбы и угрозы императрицы, несмотря на гнѣвъ царя, одно время подумывавшаго было низложить Евѳимія, остался непоколебимъ. Однако, онъ согласился 9 іюня 911 года торжественно вѣнчать въ святой Софіи юнаго Константина Багрянороднаго, царемъ византійскимъ. Своей

искусной настойчивостью Левъ VI, несмотря ни на что, добился-таки своего.

V.

Дѣлу четверобрачія суждено было долго еще волновать византійскій міръ. И дѣйствительно, когда въ маѣ 912 года умеръ Левъ VI, рѣшенный было вопросъ былъ поднятъ вновь. Въ продолженіе семи лѣтъ два честолюбивыхъ соперника боролись между собой: Зоя, ярая защитница своего императорскаго сана, своего брака и своего сына, и патріархъ Николай, не менѣе ея жаждавшій возмездія и утоленія своего властолюбія, разсчитывавшій добиться этого торжествомъ отстаиваемыхъ имъ идей.

Въ самомъ дѣлѣ, согласно даннымъ сенатомъ умирающему василевсу обѣщаніямъ, юный Константинъ VII былъ провозглашенъ императоромъ. Но ему въ соправители и опекуны былъ назначенъ дядя его Александръ, и первымъ дѣломъ этого человѣка было прогнать грубымъ образомъ Зою изъ дворца и вновь возвести Николая на патріаршій престолъ. Николай возвратился изъ ссылки, алкая мести; еще болѣе высокомѣрный въ своемъ торжествѣ и болѣе чѣмъ когда-либо заносчивый, онъ съ особымъ неистовствомъ сталъ стремиться къ утоленію своей злобы и увѣренный, что заслужитъ милость царя Александра, содѣйствуя такимъ образомъ его политикѣ, онъ не щадилъ ничего и никого. Почтенный Евѳимій пострадалъ первымъ. Ему приказано было явиться на собраніе, происходившее въ Магнаврскомъ дворцѣ, и тутъ онъ не только

былъ низложенъ и преданъ анаѳемѣ, но Николай дошелъ до того, что сталъ поносить его самымъ низкимъ образомъ, а слуги патріарха, бросившись на несчастнаго, разорвали его священническія одежды, повалили его на землю вырвали ему бороду, выбили зубы и подъ конецъ такъ избили ногами и кулаками, что онъ потерялъ сознаніе и чудомъ спасся отъ смерти.

Но этого было мало, чтобы утолить злобу Николая. Онъ разсчитывалъ отмстить всѣмъ, бывшимъ причиной его немилости и изгнанія, Зоѣ, римскому первосвященнику, даже покойному императору. Въ длинномъ посланіи къ папѣ Анастасію онъ изложилъ съ своей точки зрѣнія всю исторію четвертаго брака, критикуя съ оскорбительной строгостью поведеніе василевса, порицая съ презрительной жалостью слабость Сергія III, обманутаго своими легатами, читая наставленіе латинянамъ, высокомѣрно требуя въ особенности исправленія произведенныхъ скандаловъ. Онъ не хотѣлъ видѣть въ четвертомъ бракѣ царя ничего, кромѣ блуда, грязной связи, дозволенной скоту и позорной для человѣка; и если онъ согласился, чтобы простили мертвымъ, зато требовалъ, наоборотъ, самаго суроваго обвиненія виновныхъ, оставшихся въ живыхъ, то-есть Зои и ея сына. Императоръ Александръ дѣйствовалъ въ Римѣ въ томъ же духѣ. Онъ ненавидѣлъ сына своего брата, такъ какъ тотъ преграждалъ ему дорогу къ верховной власти; онъ страстно желалъ, чтобы Константинъ былъ признанъ незаконнорожденнымъ. Говорятъ, онъ даже подумывалъ отдѣлаться отъ этого ребенка, сдѣлать изъ

него евнуха; и только съ большимъ трудомъ удалось отвратить его отъ этого жестокаго намѣренія. Къ счастью для юнаго Константина, Александръ умеръ въ іюнѣ 913 года; но передъ смертью онъ назначилъ патріарха Николая главой совѣта, которому поручено было регентство. Онъ зналъ, что можетъ разсчитывать на этого человѣка для продолженія своей политики и утоленія своей ненависти.

Въ ту минуту, когда началась агонія Александра, Зоя, всегда одинаково энергичная, рѣшилась на смѣлую попытку; она явилась въ священный дворецъ, объявивъ, что хочетъ видѣть сына и говорить съ умирающимъ; она думала такимъ образомъ вновь овладѣть властью. Николай велѣлъ ее грубо прогнать. Послѣ этого, чтобы окончательно отдѣлаться отъ этой возможной соперницы, всесильный регентъ, верховный владыка государства, издалъ указъ, запрещавшій Зоѣ входъ въ императорское жилище и лишавшій ее даже титула царицы; нѣсколько позднѣе онъ принудилъ ее даже уйти въ монастырь, думая, что такимъ образомъ она умретъ для міра. Но Зоя была достойнымъ противникомъ патріарха: и въ монастырѣ, куда ее насильно удалили, она только поджидала случая, чтобы погубить своего соперника. Случай этотъ скоро представился. Суровыя мѣры, къ какимъ прибѣгли регенты, чтобы подавить возстаніе Константина Дуки, возбудили противъ нихъ крайнее недовольство; съ другой стороны, во дворцѣ юный императоръ требовалъ къ себѣ мать. Пришлось согласиться возвратить ее ему: это случилось въ октябрѣ 913 года.

Овладѣвъ такимъ образомъ положеніемъ, Зоя воспользовалась этимъ, чтобы назначить на важныя должности своихъ людей; она удалила фаворитовъ покойнаго императора Александра, изъ которыхъ онъ составилъ совѣтъ регентства, затѣмъ очень рѣшительно она напала на патріарха. Какъ женщина смѣлая, она сначала собиралась просто убить его; Николаю удалось спастись отъ убійцъ, онъ укрылся въ храмѣ св. Софіи и въ продолженіе двадцати двухъ дней не рѣшался покинуть это неприкосновенное убѣжище. Зоя побѣдила. Она намѣревалась уже объявить о низложеніи патріарха и предлагала Евѳимію быть его замѣстителемъ. Но послѣдній отказался; Николай, впрочемъ, сохранялъ еще свое могущество; поэтому завязались переговоры. Патріархъ обѣщалъ впредь ничѣмъ другимъ не заниматься, какъ только дѣлами церкви, отказаться отъ управленія государствомъ, не показываться больше во дворцѣ безъ приглашенія; онъ обязался поминать Зою въ офиціальныхъ молитвахъ наряду съ царемъ, ея сыномъ, торжественно провозглашать ее въ качествѣ Августы. Этой цѣной онъ получалъ полную и безусловную амнистію за прошлое и сохраненіе за собой своего духовнаго сана. Въ этой борьбѣ за корону между Зоей и Николаемъ, патріархъ, казалось, былъ окончательно побѣжденъ (февраль 914 года).

Между тѣмъ, въ концѣ концовъ, онъ долженъ былъ взять верхъ и по своему усмотрѣнію рѣшить окончательно долгій споръ, вызванный четвертымъ бракомъ Льва VI. Дѣйствительно, Зоя, ставъ регентшей, показала себя неспособной про-

тивиться интригамъ, окружавшимъ ее. Уже давно у императрицы былъ фаворитъ, паракимоменъ Константинъ, по отношенію къ которому, какъ подозрѣвали еще при жизни Льва, у нея было не только простое благорасположеніе. Этотъ человѣкъ, дѣлившій съ императрицей опалу, вмѣстѣ съ ней естественнымъ образомъ очутился и у власти и оказывалъ на монархиню всесильное вліяніе. По этому поводу удалось возбудить тревогу въ душѣ юнаго императора; его приближенные внушили ему, будто фаворитъ затѣваетъ его низложить и думаетъ возвести на престолъ своего зятя, стратига Льва Фоку. Былъ составленъ заговоръ. Противъ паракимомена и его родственника стали искать поддержки во флотѣ, и главный адмиралъ Романъ Лекапинъ получилъ отъ василевса писанный приказъ и принялъ на себя порученіе арестовать фаворита. Это былъ ударъ, направленный прямо противъ императрицы. Внѣ себя, она бросилась на терассу Вуколеона, спрашивая у сына и его приближенныхъ, что означаетъ этотъ мятежъ. Ей отвѣчали, что царству ея пришелъ конецъ, что власть переходитъ въ другія руки; и съ слѣдующаго же дня стали думать, какъ бы выгнать ее изъ дворца. Тогда, вся въ слезахъ, она бросилась къ сыну и, кинувшись ему на шею и заявляя о своихъ материнскихъ правахъ, стала умолять, чтобы ей позволили остаться. Юный Константинъ былъ тронутъ: „Оставьте мою мать при мнѣ“, сказалъ онъ. Но, оставаясь во дворцѣ, она во всякомъ случаѣ теряла верховную власть. Это было въ 918 году.

Въ этихъ критическихъ обстоятельствахъ, ка-

залось, одинъ только человѣкъ былъ способенъ къ власти. Это патріархъ Николай, который, и впавъ въ немилость, не утратилъ ни энергіи, ни честолюбія. Къ нему-то, когда разразилась революція, погубившая ея фаворита, обратилась сама Зоя, какъ къ единственной поддержкѣ, какую могла найти; ему же царь поручилъ должность перваго министра. Онъ исполнялъ ее, когда въ мартѣ 919 года Романъ Лекапинъ въ свою очередь поднялъ возстаніе, овладѣлъ дворцомъ и особой царя въ ожиданіи того дня, когда онъ заставитъ сдѣлать себя соправителемъ имперіи; онъ является первымъ въ цѣломъ рядѣ узурпаторовъ, нѣсколько разъ въ теченіе X вѣка правившихъ подъ именемъ законныхъ василевсовъ византійской имперіей.

И при этомъ Романѣ Лекапинѣ встрѣтились въ послѣдній разъ двое противниковъ, чье честолюбіе и борьба занимали въ теченіе почти двадцати лѣтъ первое мѣсто въ исторіи священнаго дворца. Говорятъ, будто Зоя, все еще красивая, думала, чтобы вновь завладѣть властью, обольстить этого выскочку и заставить его жениться на себѣ; во всякомъ случаѣ, извѣстно, что она пыталась, послѣ того какъ ея партія была окончательно уничтожена при возстаніи Льва Фоки, отравить узурпатора. Она потерпѣла неудачу и, изгнанная изъ дворца, должна была, на этотъ разъ навсегда, удалиться въ Петрійскій монастырь св. Евфиміи, гдѣ оставалась до конца своей бурной и драматической жизни. Въ это самое время Николай торжествовалъ.

Въ іюнѣ 920 года, столько же для того, чтобы понравиться Роману и удовлетворить своей мести,

сколько чтобы положить конецъ расколу; возникшему изъ-за четверобрачія, патріархъ обнародовалъ знаменитое постановленіе, извѣстное подъ именемъ тома единенія. На торжественномъ праздникѣ греческая церковь въ присутствіи царей Романа и Константина праздновала возстановленіе согласія между сторонниками Николая и сторонниками Евѳимія. Примиреніе это было въ ущербъ императору Льву VI. Правда, въ видѣ исключенія, церковь, признавая совершившійся фактъ, соглашалась извинить, даже узаконить четвертый бракъ императора; но она тѣмъ не менѣе непреклонно хранила принципы церковныхъ каноновъ и въ суровыхъ выраженіяхъ порицала подобные браки. „По общему соглашенію, говорили іерархи въ своемъ постановленіи, мы объявляемъ, что четвертый бракъ вещь безусловно запрещенная. Кто осмѣлится его заключить, будетъ отлученъ отъ церкви, покуда будетъ упорствовать въ своемъ незаконномъ сожительствѣ. Отцы церкви держались такого мнѣнія, мы же, поясняя ихъ мысль, провозглашаемъ, что это дѣйствіе противное всякому христіанскому установленію“. Съ тою же строгостью іерархи поносили и третій бракъ. „Надлежитъ, говорили они, очиститься отъ этой скверны, подобно тому, какъ выметаютъ нечистоты, когда онѣ, вмѣсто того, чтобы быть брошены въ уголъ, разбросаны по всему дому“. И, поясняя эти слова, патріархъ Николай писалъ торжественно папѣ, что изъ уваженія къ императорскому величеству оказано было снисхожденіе, но что четвертый бракъ противенъ добрымъ нравамъ и церковной дисциплинѣ.

Юный императоръ Константинъ VII долженъ былъ присутствовать при чтеніи акта, клеймившаго браки, подобные тому, отъ какого онъ родился; каждый годъ онъ долженъ былъ торжественно справлять праздникъ единенія, возбуждавшій въ немъ такія тяжелыя воспоминанія. Для власти императорской въ этомъ было большое униженіе, для церкви—побѣда, какой она по праву могла гордиться, для патріарха Николая, ея владыки, торжество безпримѣрное, наступившее послѣ столькихъ испытаній, борьбы и всякихъ превратностей судьбы. Тѣмъ не менѣе, несмотря на эту видимость, если взглянуть въ глубь вещей, станетъ ясно, что своимъ упорнымъ желаніемъ имѣть сына, рядомъ женитьбъ, къ которымъ онъ прибѣгъ для этой цѣли, ловкой и умѣлой настойчивостью, какую онъ выказалъ въ дѣлѣ четвертаго брака, Левъ VI оказалъ значительную услугу какъ имперіи, такъ и династіи. Только присутствіе законнаго наслѣдника, вокругъ котораго сплотились всѣ его приверженцы, не дало Византіи погибнуть въ хаосѣ революцій, наступившемъ послѣ смерти царя. Только существованіе этого ребенка, представителя македонской династіи, разрушило всѣ честолюбивые планы Константиновъ Дукъ, Львовъ Фокъ и помѣшало Роману Лекапину окончательно упрочить власть за своими наслѣдниками. Если македонскій домъ вмѣсто того, чтобы занимать престолъ въ теченіе нѣсколькихъ недолгихъ лѣтъ, управлялъ Византіей въ продолженіе почти двухъ вѣковъ, давъ ей славу и рѣдкое благоденствіе, она этимъ, главнымъ образомъ, обязана предусмотрительности Льва VI, тонкой дипломатіи и

спокойному мужеству, съ какими этотъ царь преслѣдовалъ свою цѣль, достигнутую несмотря на всѣ трудности, несмотря на все сопротивленіе церкви.

ГЛАВА IX.

Ѳеофано.

Среди византійскихъ царицъ Ѳеофано почти такъ же знаменита, какъ Ѳеодора. Послѣ того, какъ лѣтъ пятнадцать назадъ Гюставъ Шлюмберже въ своей прекрасной книгѣ сдѣлалъ попытку оживить передъ нами этотъ яркій и соблазнительный образъ и разсказалъ ея романическую судьбу, эта забытая царица вдругъ сразу вновь выступила на исторической сценѣ и до извѣстной степени стяжала себѣ славу. Такіе знаменитые писатели, какъ Мопассанъ, такіе талантливые литераторы, какъ виконтъ де Вогюе, поддались очарованію этой красавицы, „взволновавшей міръ столько же, сколько Елена, и даже больше“ *), и даже въ вымыслахъ романистовъ, какъ напримѣръ, у Гюгъ Ле Ру, передъ нами проходитъ „эта женщина, красоты необычайной, съ чертами камеи, заключавшими въ своей гармоніи силу, волнующую міръ“. Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ и намъ дать мѣсто въ нашей портретной галлереѣ „великой грѣшницѣ, по

*) Vogüé, Regards historiques et littéraires, p. 189.

выраженію Шлюмберже, чары которой имѣли роковое вліяніе и которая послѣдовательно возбудила къ себѣ любовь троихъ императоровъ". По правдѣ сказать, — въ этомъ приходится тотчасъ сознаться,—ея образъ во многихъ отношеніяхъ останется для насъ темнымъ, и мы заранѣе должны примириться съ тѣмъ, что многое въ этой загадочной и таинственной царицѣ намъ неизвѣстно. Когда молчатъ документы, намъ кажется, что воображеніе, какъ бы изобрѣтательно оно ни было, не имѣетъ никакого права возмѣщать ихъ молчаніе; если допустить такое вольное обращеніе съ источниками, получится романъ, но не исторія. Между тѣмъ Византія не есть вовсе, какъ это утверждаетъ де Вогюе, „волшебная страна, край нетронутый и неизвѣданный"; это страна вполнѣ реальная, и ее можно и должно постараться узнать научнымъ образомъ. Возможно, что при такомъ способѣ изслѣдованія Ѳеофано покажется менѣе живописной, чѣмъ ее обыкновенно изображаютъ; но зато можно надѣяться, что она предстанетъ передъ нами въ болѣе истинномъ свѣтѣ.

I.

Откуда явилась она, эта знаменитая императрица, когда въ концѣ 956 года вышла замужъ за юнаго Романа, единственнаго сына царя Константина VII, наслѣдника византійскаго престола? Никто этого не знаетъ. Придворные лѣтописцы, стараясь не уронить славы династіи, съ важностью утверждаютъ, что она происходила изъ очень старинной и очень родовитой семьи, и что импе-

раторъ и его жена были несказанно рады найти своему сыну жену изъ такого знатнаго рода. Если же довѣрять историкамъ менѣе пристрастнымъ къ македонской династіи, будущая царица была гораздо болѣе скромнаго происхожденія. Ея отецъ Кротиръ, родомъ изъ Лаконіи, плебей темнаго происхожденія, держалъ кабакъ въ одномъ изъ бѣдныхъ кварталовъ города; она сама до замужества называлась Анастасіей, и даже еще проще Анастасо; и только приблизившись къ трону, получила она болѣе звучное имя Θеофано, „что означало, говорятъ ея панегиристи, что она была Богомъ явлена и имъ избрана".

Съ одной стороны она, во всякомъ случаѣ, заслуживала это имя; красота ея была ослѣпительна, необычайна, божественна, „красотой и изяществомъ, говоритъ одинъ современникъ, она превосходила всѣхъ женщинъ, какія только были тогда"; „красота ея, пишетъ другой лѣтописецъ, была несравненна, являлась истиннымъ чудомъ природы". Несомнѣнно, этой-то красотой и плѣнила она Романа. Но гдѣ жъ она встрѣтилась съ нимъ? Какъ завладѣла имъ? Неизвѣстно, обязана ли она своей необычайной судьбой одному изъ состязаній въ красотѣ, устраивавшихся обыкновенно въ Византіи, когда искали жену для царя, причемъ императоръ и его близкіе дѣлали смотръ самымъ красивымъ дѣвушкамъ имперіи? Я вполнѣ допускаю такое предположеніе. Не было ли, наоборотъ, между прекрасной плебейкой и наслѣдникомъ престола раньше любовной интриги, закончившейся бракомъ? Приключенія Θеодоры показываютъ, что подобныя вещи были возможны, и то, что извѣ-

стно о характерѣ Романа, вовсе не исключаетъ подобнаго предположенія.

Романъ былъ красивый юноша, высокій, широкоплечій, „стройный, какъ кипарисъ“; у него были прекрасные глаза, свѣтлый цвѣтъ лица, привѣтливыя манеры; рѣчь его была вкрадчивая и обольстительная. Созданный, чтобы нравиться, онъ любилъ увеселенія, страстный охотникъ, большой любитель всякаго спорта, онъ все время былъ въ движеніи и при своей могучей натурѣ крайне любилъ хорошо поѣсть и еще многія другія удовольствія. Окружая себя плохими людьми и поддаваясь дурнымъ совѣтамъ близкихъ, онъ только и думалъ, что о приключеніяхъ и всякихъ забавныхъ продѣлкахъ, и плохо отплачивалъ за всѣ старанія и заботы, какія были приложены его отцомъ къ его воспитанію.

Старый императоръ Константинъ VII, такой строгій и благочестивый, всячески старался вложить свои добрыя качества въ своего сына. „Онъ его училъ, говоритъ лѣтописецъ, какъ царь долженъ говорить, ходить, держаться, улыбаться, одѣваться, садиться“, и послѣ такихъ уроковъ онъ важно говорилъ юношѣ: „Если ты будешь придерживаться этихъ правилъ, ты долго будешь править имперіей ромеевъ“. Для обученія своего наслѣдника политикѣ и дипломатіи, Константинъ VII, кромѣ того, написалъ нѣсколько книгъ, показывающихъ большое знаніе дѣла и очень цѣнныхъ для насъ, о Ѳемахъ и объ Управленіи имперіей. Но Роману было восемнадцать лѣтъ, и онъ нисколько не заботился о томъ, чтобы стать государственнымъ мужемъ.

Какъ бы то ни было, такъ какъ отецъ, въ сущности, обожалъ его, онъ, конечно, не захотѣлъ ему препятствовать и уступилъ его желанію жениться на Ѳеофано, не вдаваясь ни въ какія соображенія относительно ея рожденія. Вскорѣ послѣ этого брака, въ 958 году, Ѳеофано родила мужу сына, будущаго Василія II, и этимъ молодая женщина еще болѣе упрочила свое положеніе при дворѣ и увеличила свое вліяніе во дворцѣ. Когда въ октябрѣ 959 года Константинъ VII умеръ, Ѳеофано, естественно, вступила вмѣстѣ съ Романомъ II на престолъ. Ей было тогда восемнадцать лѣтъ, а юному императору двадцать одинъ.

Что представляла въ нравственномъ отношеніи эта молодая женщина, опредѣлить довольно трудно. Придворный лѣтописецъ, котораго я уже приводилъ, говоритъ о ней съ полнѣйшимъ доброжелательствомъ: „У нея было прекрасное тѣло, прелестное лицо и безусловно честная душа“. Самый послѣдній изъ историковъ Ѳеофано, наоборотъ, подчеркиваетъ, что она была „глубоко порочна, глубоко развращена“, и что эта соблазнительная чаровница, эта „коронованная сирена“ была существомъ „безстыднымъ и распутнымъ“. Это крайне грубыя слова и крайне нелестные эпитеты, особенно, если взять въ расчетъ, что мы такъ мало знаемъ о ней. Впрочемъ надо замѣтить, что уже въ Византіи среди современниковъ и, еще больше, среди лѣтописцевъ послѣдующихъ вѣковъ о ней сложилась слава, вполнѣ установившаяся, женщины страшной и роковой. Одинъ историкъ разсказываетъ, что для того, чтобы скорѣе достичь престола, она покушалась, съ согласія сво-

его мужа, отравить императора, своего тестя. Другіе историки передаютъ, что когда этотъ самый мужъ ея умеръ, прошелъ слухъ по всей столицѣ, что это Ѳеофано подлила ему яду. Если вѣрить другимъ свидѣтельствамъ, она такимъ же способомъ отдѣлалась отъ одного царя изъ семьи Романа Лекапина, казавшагося ей претендентомъ на престолъ и возможнымъ соперникомъ, и точно такъ же, говорятъ, отомстила она своему любовнику, Іоанну Цимисхію, когда тотъ покинулъ ее. Армянскіе лѣтописцы доходятъ до того, что утверждаютъ, будто „безбожная императрица“ думала отравить собственныхъ сыновей. Въ сущности, всѣ эти розсказни людей, жившихъ вдали отъ двора, а большая часть изъ нихъ на сто или двѣсти лѣтъ позднѣе того времени, когда царствовала Ѳеофано, имѣютъ очень мало значенія. Въ иныхъ случаяхъ, эти злыя сплетни опровергаются фактами; въ другихъ, онѣ кажутся слишкомъ неправдоподобными. И не слѣдуетъ при этомъ забывать еще одного: когда Ѳеофано рѣшила совершить преступленіе,—это во всякомъ случаѣ случилось разъ въ ея жизни,—она прибѣгла не къ яду, а дѣйствовала смѣло, открыто, мечомъ. Само собою разумѣется, что, дѣлая такія замѣчанія, я отнюдь не имѣю намѣренія возстановить честь Ѳеофано. Ее можно укорять въ столькихъ достовѣрныхъ и доказанныхъ проступкахъ, что представляется безполезнымъ увеличивать списокъ ея преступленій эпитетами смутными и утвержденіями, которыя невозможно доказать. Намъ она представляется, главнымъ образомъ, честолюбивой, жадно стремящейся къ власти и вліянію, способной для сохраненія престола, на

который она поднялась, на все, даже на преступленіе; часто она намъ кажется интриганкой иногда необузданной и страстной, всегда безстѣнчивой; наконецъ, когда бывали затронуты ея интересы, ея злоба или капризъ, она легко могла поступать обманнымъ и коварнымъ образомъ. Когда она достигла престола, вліяніе ея на Романа II было довольно значительно; она не могла допустить, чтобы кто-нибудь другой дѣлилъ съ ней это вліяніе. Не только были удалены всѣ, близко стоявшіе къ покойному царю, произведены перемѣны всей высшей администраціи, но первой заботой юной императрицы по восшествіи ея на престолъ было удалить свою свекровь, царицу Елену, и пятерыхъ золовокъ.

Это были прелестныя царевны, наилучшимъ образомъ воспитанныя обожавшимъ ихъ отцомъ. Въ царствованіе Константина VII онѣ иногда принимали даже участіе въ государственныхъ дѣлахъ; одна изъ нихъ, Агаѳія, любимица стараго императора, часто служила ему секретаремъ, и въ приказахъ, какъ и среди чиновниковъ, хорошо знали силу ея вліянія. Это не могло быть по сердцу Ѳеофано. Поэтому по распоряженію, котораго она добилась отъ слабовольнаго Романа II, пятерымъ сестрамъ монарха было предложено удалиться въ монастырь. Напрасно мать молила за нихъ; напрасно молодыя дѣвушки, тѣсно обнявшись, просили о пощадѣ и плакали. Ничто не помогло. Одной царицѣ Еленѣ было разрѣшено остаться во дворцѣ, гдѣ она и умерла въ тоскѣ нѣсколько мѣсяцевъ спустя. Ея дочери должны были покориться непреклонной волѣ, обрекшей ихъ на иноческую

жизнь, и изъ утонченной жестокости ихъ даже разлучили одну съ другой. Напрасно царевны еще разъ возмутились. Когда по приказанію патріарха Поліевкта ихъ волосы упали подъ ножницами, когда на нихъ надѣли монашеское одѣяніе, онѣ возмутились, совлекли съ себя власяницы, объявили, что каждый день будутъ ѣсть мясо. Въ концѣ концовъ, Романъ II приказалъ дать имъ то же содержаніе и разрѣшить тотъ же образъ жизни, что и въ священномъ дворцѣ. Тѣмъ не менѣе онѣ навѣки умерли для міра, и Ѳеофано торжествовала.

Изъ того, что она обошлась такъ съ близкими родными, слѣдуетъ ли выводить, что она потомъ отравила своего мужа? „Большинство подозрѣваетъ, говоритъ одинъ современникъ, Левъ Діаконъ, что ему былъ поднесенъ ядъ въ гинекеѣ“. Это страшное обвиненіе ясно доказываетъ, на что считали современники способной Ѳеофано, и, дѣйствительно, несомнѣнно, что женщина, велѣвшая убить своего второго мужа, чтобы выйти замужъ за третьяго, легко могла бы отравить перваго, чтобы выйти за второго. Несмотря на это, и какъ ни важно свидѣтельство историка, обвиненіе это кажется совершенно нелѣпымъ. Прежде всего историки дали намъ вполнѣ удовлетворительное объясненіе преждевременной смерти молодого императора, рано истощившагося отъ любви къ удовольствіямъ и отъ всякихъ другихъ излишествъ, и тотъ же современникъ, припутывающій къ этому дѣлу ядъ, въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что василевсъ умеръ отъ внутреннихъ поврежденій, случившихся послѣ бѣшеной скачки. Но въ особенности непонятно,

какой интересъ имѣла Θеофано въ гибели мужа. Она была императрица, она была всемогуща; она, кромѣ того, была въ добрыхъ отношеніяхъ съ Романомъ, которому въ теченіе шести съ половиной лѣтъ замужества родила четырехъ дѣтей; за два дня до смерти императора она родила дочь Анну. Зачѣмъ было ей отравлять царя, когда его смерть, оставляя ее одну съ маленькими дѣтьми, подвергала ее, болѣе чѣмъ какія либо другія обстоятельства, риску потерять внезапно столь любимую ею власть? Θеофано была слишкомъ умна, чтобы безъ причины подвергаться подобному риску.

Но слѣдуетъ обратить особое вниманіе на то, что въ выше приведенныхъ фактахъ нѣтъ ничего порочнаго, развратнаго или безстыжаго. Есть много данныхъ предполагать, что молодая женщина вела себя безупречно, пока былъ живъ Романъ II. Послѣ смерти его она вышла замужъ, главнымъ образомъ по соображеніямъ политическимъ, за человѣка лѣтъ на тридцать старше ея; въ этомъ нѣтъ ничего особенно рѣдкаго или необычайнаго, въ жизни монарховъ или простыхъ смертныхъ; и, не настаивая на томъ пунктѣ, что это замужество являлось для Θеофано, быть можетъ, единственнымъ средствомъ сохранить престолъ для своихъ сыновей, во всякомъ случаѣ никакъ не слѣдуетъ порицать ее за то, что по ея мнѣнію ради верховной власти стоило принести нѣкоторыя жертвы. Единственный важный упрекъ, какой ей можно сдѣлать, это не то, что она пять лѣтъ спустя измѣнила этому старому мужу ради болѣе молодого любовника, — это явленіе прискорбное, но не удивительное—а то,

что она безъ всякаго колебанія, чтобы имѣть возможность выйти замужъ за любовника, рѣшила избавиться отъ царя, своего мужа, путемъ страшнаго преступленія. Но слѣдуетъ прибавить, что она жестоко искупила свое преступленіе.

II.

Когда 15 марта 963 года Романъ умеръ почти внезапно, Ѳеофано было двадцать два года. Она осталась одна съ четырьмя дѣтьми, двумя мальчиками и двумя дѣвочками. Немедленно приняла она регентство и стала управлять отъ имени двухъ юныхъ порфирородныхъ: Василія, которому было тогда пять лѣтъ, и двухлѣтняго Константина; но положеніе ея было чрезвычайно трудное для женщины, особенно для женщины честолюбивой. Тутъ же при дворѣ находился всемогущій министръ, паракимоменъ Іосифъ Вринга, который деспотически управлялъ дѣлами въ царствованіе Романа и который могъ легко подпасть искушенію удалить регентшу, чтобы одному держать власть въ своихъ рукахъ въ теченіе всего долгаго малолѣтства маленькихъ василевсовъ. Съ другой стороны, во главѣ азіатской арміи стоялъ побѣдоносный полководецъ, честолюбіе котораго представляло для нея серьезную опасность, доместикъ схолъ Никифоръ Фока.

Въ описываемое нами время Никифоръ Фока былъ самымъ виднымъ, самымъ популярнымъ человѣкомъ въ имперіи. Происходя изъ очень знатной аристократической каппадокійской фамиліи, потомокъ цѣлаго ряда знаменитыхъ военачальниковъ, онъ блестящими побѣдами еще

увеличилъ свое обаяніе и свою славу. У арабовъ ему удалось отнять Критъ, утраченный сто пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ; благодаря ему, императорскія знамена вновь появились въ Киликіи за предѣлами Тавра; онъ приступомъ взялъ большой городъ Алеппо и сломилъ гордость эмировъ хамданидскихъ въ Сиріи. Удивительный воинъ, искусный тактикъ, несравненный полководецъ, умѣвшій говорить съ войскомъ и заставлять его всюду слѣдовать за собой, куда бы только ни захотѣлъ повести его, онъ былъ кумиромъ солдатъ, съ которыми дѣлилъ всѣ труды и всѣ опасности. „Онъ жилъ только для войска", справедливо замѣтилъ одинъ изъ его біографовъ. Но не менѣе популяренъ былъ онъ и въ Константинополѣ. Когда по возвращеніи изъ Критскаго похода онъ явился тріумфаторомъ на ипподромѣ, городъ былъ пораженъ пышнымъ блескомъ его торжественнаго шествія, „причемъ казалось, что всѣ богатства Востока текутъ въ циркъ громаднымъ неизсякаемымъ потокомъ". Осыпанный не меньшими почестями, „чѣмъ въ древнія времена римскіе полководцы", несмѣтно богатый и содержа въ своихъ азіатскихъ владѣніяхъ громадное количество страстно преданныхъ ему вассаловъ, онъ былъ всѣми любимъ, имъ всѣ восхищались; онъ считался единственнымъ начальникомъ, способнымъ защищать имперію противъ сарацинъ, и Романъ II, умирая, отдалъ формальный приказъ, чтобы за нимъ сохранено было главное командованіе арміей.

Если въ глазахъ политическаго дѣятеля такой человѣкъ могъ казаться довольно опаснымъ, надо сознаться, что въ глазахъ молодой жен-

щины этотъ побѣдоносный полководецъ не представлялъ ничего, что бы дѣлало его сколько-нибудь похожимъ на героя романа. Никифору Фокѣ въ 963 году былъ пятьдесятъ одинъ годъ, и онъ не отличался красотой. Маленькій, довольно толстый, съ могучимъ торсомъ на нѣсколько короткихъ ногахъ, онъ имѣлъ большую голову, лицо съ загорѣлой темной кожей, обрамленное длинными черными волосами; у него былъ прямой носъ, короткая, слегка уже сѣдѣющая борода, а изъ-подъ густыхъ бровей черные глаза смотрѣли задумчиво и хмуро. Ліутпрандъ, епископъ Кремонскій, пріѣхавшій съ посольствомъ къ его двору, сказалъ про него, что онъ былъ рѣдкой дурноты, „съ лицомъ, какъ у негра, до того чернымъ, что, встрѣтившись съ нимъ ночью, можно было испугаться“. При этомъ онъ былъ человѣкъ суровый и грубый, нрава меланхоличнаго и упорно молчаливаго.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ потерялъ жену и вслѣдствіе одного несчастнаго случая лишился единственнаго сына, онъ съ страстнымъ увлеченіемъ предался благочестію и мистицизму. Онъ далъ обѣтъ цѣломудрія, не ѣлъ больше мяса, спалъ на жесткомъ полу, какъ аскетъ, натянувъ на себя власяницу дяди своего Малеина, умершаго монахомъ, прославившагося своей святостью; онъ любилъ проводить время съ монахами. Въ духовные руководители себѣ онъ взялъ Аѳанасія, основателя древнѣйшаго монастыря на Аѳонѣ и, будучи не въ состояніи обходиться безъ его совѣтовъ, онъ всюду бралъ его съ собой, даже на войну. Въ обществѣ этого святого человѣка онъ испытывалъ, подобно ему, стремленіе къ

отшельничеству и очень серьезно думалъ уйти изъ міра. Ужъ онъ велѣлъ себѣ строить келью при монастырѣ, сооружавшемся Аѳанасіемъ на Святой-горѣ (Аѳонѣ). Аскетъ и воинъ, рѣзкій, суровый и воздержный, жадный на деньги и бѣгущій всего земного, способный на милосердіе равно какъ и на коварство, Никифоръ Фока, подобно многимъ людямъ его времени, соединялъ въ своей сложной душѣ самыя неожиданныя противорѣчія, и, что особенно замѣчательно, подъ его холодной внѣшностью таилось глубокострастное сердце.

Былъ ли онъ честолюбивъ? Это очень трудно рѣшить. Держа въ своихъ рукахъ преданное и побѣдоносное войско, Никифоръ Фока могъ при наступившемъ послѣ смерти Романа II кризисѣ дерзнуть на все, и такое искушеніе было тѣмъ болѣе велико, что интересы собственной безопасности, казалось, побуждали его поднять возстаніе. Полководецъ отлично зналъ, что Вринга его ненавидитъ, и что онъ можетъ всего опасаться отъ всесильнаго министра. Однако, онъ сначала и шагу не сдѣлалъ съ этой цѣлью, какъ честный и благочестивый воинъ, озабоченный прежде всего тѣмъ, чтобы продолжать войну противъ невѣрныхъ. И если онъ и рѣшился, наконецъ, дѣйствовать въ этомъ направленіи, то главная причина, побудившая его къ тому, была Θеофано.

Въ исторіи отношеній между Никифоромъ Фокой и красавицей императрицей не слѣдуетъ видѣть слишкомъ много романическаго элемента. Несомнѣнно, что, пока былъ живъ Романъ II, между доместикомъ схолъ и царицей не было

ничего, ни симпатіи, ни интриги. Но когда мужъ ея умеръ, регентша скоро поняла, что среди безчисленныхъ опасностей, угрожавшихъ ей, этотъ полководецъ представлялъ изъ себя силу, и что она могла этой силой воспользоваться, чтобы нейтрализовать честолюбіе Вринги. Она поняла, что для упроченія за собой престола, ей слѣдовало имѣть Никифора на своей сторонѣ, и, конечно, такая хорошенькая и изящная женщина, какъ она, рѣшила, что задача ужъ не изъ такихъ трудныхъ. Какъ бы то ни было, по настоянію императрицы и несмотря на сопротивленіе перваго министра, Фока былъ вызванъ въ столицу, и, повидимому, безъ большого труда царица заворожила его своей красотой и сдѣлала своимъ сторонникомъ. „Ни для кого не было тайной въ Византіи, говоритъ Шлюмберже, что плѣнительныя чары восхитительной царицы произвели на простую душу суроваго доместика восточныхъ схолъ неизгладимое впечатлѣніе“. Можно, дѣйствительно, предполагать, хотя современники мало говорятъ объ этомъ, что, войдя сначала просто въ дѣловыя и служебныя отношенія съ регентшей, Никифоръ скоро открылъ свою любовь и прямо заявилъ, что готовъ на все, лишь бы заслужить ее. Ничто не даетъ права думать, что Θеофано платила ему тѣмъ же: она никогда его не любила; но она чувствовала силу, какой онъ располагалъ, и всю выгоду, какую она могла извлечь изъ нея для своихъ интересовъ и для своего честолюбія. Изъ политическихъ видовъ она поощряла его страсть, точно такъ же, какъ изъ политическихъ видовъ позже вышла за него замужъ.

Необходимо прибавить, что во время этого пребыванія въ Константинополѣ еще другія причины, и не менѣе положительныя, присоединились къ обаянію Θеофано, чтобы вывести Никифора изъ его колебаній и неувѣренности. Онъ узналъ, что Вринга питаетъ къ нему неумолимую ненависть. Конечно, первый министръ не могъ отказать полководцу въ новомъ и блестящемъ тріумфѣ. Но возрастающая популярность Фоки тревожила государственнаго мужа, кромѣ того подозрѣвавшаго, какъ говорили, интригу, начинавшуюся между доместикомъ схолъ и регентшей. Напрасно съ самой коварной дипломатіей, столь свойственной византійцамъ, старался Никифоръ усыпить опасенія паракимомена; онъ, между прочимъ, заявлялъ всѣмъ, кто только хотѣлъ его слушать, что самая дорогая мечта его уйти въ монастырь. Но Врингу трудно было провести. Онъ рѣшилъ, что самое вѣрное средство отдѣлаться отъ этого соперника было выколоть ему глаза. Къ счастью для Фоки, когда его подъ какимъ-то предлогомъ позвали во дворецъ, у него явилось подозрѣніе, или, быть можетъ, онъ получилъ во-время какое-нибудь дружеское предостереженіе; онъ бросился въ Великій храмъ (св. Софію) и сталъ молить о защитѣ патріарха. Поліевктъ имѣлъ разные недостатки: онъ былъ упрямъ, непримиримъ, ума нѣсколько ограниченнаго и недальнозоркаго, но онъ въ то же время былъ смѣлъ, умѣлъ говорить ясно и опредѣленно и не любилъ перваго министра. Онъ отправился въ священный дворецъ, потребовалъ, чтобы немедленно собрали сенатъ, и высказался съ такой энергичной откровенностью, что Никифору

вновь возвратили командованіе арміей, предоставивъ ему чрезвычайныя полномочія, несмотря на противодѣйствіе Вринги. Доместикъ схолъ не медля покинулъ городъ и отправился въ главный штабъ арміи въ Кесарію. Онъ былъ господиномъ положенія.

Въ этой глухой борьбѣ и въ этихъ интригахъ Θеофано открыто не появлялась. Тѣмъ не менѣе, болѣе чѣмъ вѣроятно, что она помогала своему союзнику своимъ вліяніемъ и всѣми силами поддерживала патріарха Поліевкта въ его вмѣшательствѣ. Точно такъ же, при дальнѣйшихъ событіяхъ, когда въ іюлѣ 963 года обстоятельства принудили Фоку дѣйствовать открыто, когда все болѣе и болѣе грозила ему опасность со стороны ненависти Вринги, такъ что приходилось опасаться за свою жизнь, и онъ, несмотря на нежеланіе, далъ войску провозгласить себя царемъ и въ Кесарійскомъ лагерѣ надѣлъ пурпурныя туфли; когда, наконецъ, въ августѣ 963 года онъ явился подъ стѣнами Константинополя, и возмутившійся народъ, прогнавъ Вringу и его друзей, отворилъ узурпатору ворота столицы. Θеофано и тутъ не играла никакой замѣтной роли и, казалось, предоставила совершаться судьбѣ. Но на самомъ дѣлѣ, если Никифоръ Фока сталъ честолюбивымъ, если затѣмъ, несмотря на свои колебанія и упреки совѣсти, онъ рѣшился облечься въ порфиру, любовь, внушенная ему красавицей императрицей, играла тутъ главную роль. И точно такъ же въ трагическіе августовскіе дни 963 года, въ то время какъ возмутившаяся толпа, словно „охваченная безуміемъ“, избивала стражу министра и уничтожала его

дворецъ, въ то время какъ патріархъ Поліевктъ и прежній паракимоменъ Василій явно направляли движеніе въ пользу претендента, по всей вѣроятности, изъ глубины гинекея Ѳеофано тайно сносилась съ предводителями возстанія. Хотя ея имя не было произнесено нигдѣ, эта женщина, честолюбивая и интриганка, была душой только что совершившихся великихъ событій.

Какъ бы то ни было, 16 августа 963 года утромъ Никифоръ Фока торжественно вступилъ въ Константинополь. Верхомъ, одѣтый въ парадное императорское одѣяніе, онъ въѣхалъ въ Золотыя ворота, встрѣченный всѣмъ городомъ, привѣтствуемый кликами народа, провозглашавшаго его спасителемъ имперіи и христіанства. „Государство требуетъ, чтобы Никифоръ былъ царемъ, кричала на пути его восторженная толпа. Дворецъ ожидаетъ Никифора. Войско требуетъ Никифора. Міръ ждетъ Никифора. Таковы желанья дворца, войска, сената, народа. Господь, услышь насъ! Многая лѣта Никифору!“ Средней улицей онъ достигъ форума Константина, гдѣ съ благоговѣніемъ принялъ причастіе въ церкви Богородицы; затѣмъ пѣшкомъ, въ торжественномъ шествіи, въ то время какъ впереди несли святой крестъ, онъ отправился въ св. Софію и, встрѣченный патріархомъ со свѣчами въ рукахъ, пошелъ поклониться святому престолу. Затѣмъ вмѣстѣ съ Поліевктомъ онъ взошелъ на амвонъ и торжественно былъ вѣнчанъ на царство ромейское, въ качествѣ соправителя двухъ юныхъ императоровъ Василія и Константина. Наконецъ онъ вошелъ въ священный дворецъ. Чтобы быть вполнѣ счастливымъ, ему оставалось получить

только обѣщанную его честолюбію награду, самую сладкую, надежда на которую вооружила и подняла его руку и руководила его шагами: ему оставалось только жениться на Ѳеофано.

Нѣкоторые лѣтописцы увѣряютъ, однако, что императрица была сначала удалена изъ дворца по приказанію новаго владыки. Если этотъ фактъ вѣренъ, тутъ, несомнѣнно, было притворство: уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ соумышленники поладили между собой. Никифоръ,—это не подлежитъ никакому сомнѣнію, — былъ страстно влюбленъ въ молодую женщину, и, кромѣ того, интересы государства побуждали его вступить въ бракъ, узаконившій, до извѣстной степени, его узурпаторство. Ѳеофано, хоть и не испытывала, можетъ быть, какъ это утверждаютъ нѣкоторые писатели, никакого восторга отъ этого новаго брака, хорошо сознавала, съ своей стороны, что это было для нея единственнымъ средствомъ сохранить власть, а для этого она была готова на все. Поэтому обоимъ союзникамъ не трудно было уговорить другъ друга. 20 сентября 963 года въ Новой церкви было торжественно совершено бракосочетаніе.

Никифоръ былъ внѣ себя отъ радости. Онъ возвращался къ жизни. Онъ забывалъ свое воздержаніе, свои мистическія грезы, свои обѣты, весь охваченный счастьемъ, какое ему доставляло обладаніе Ѳеофано. Но друзья его, монахи, не забыли прошлаго, какъ онъ. Когда въ своемъ уединеніи на Аѳонѣ Аѳанасій узналъ объ императорской свадьбѣ, онъ глубоко возмутился и, обманутый въ своихъ надеждахъ, рѣшилъ отправиться въ Константинополь. Принятый импе-

раторомъ, онъ съ обычной своей откровенностью началъ его бранить и рѣзко укорять за нарушеніе даннаго слова и за соблазнъ имъ учиняемый. Фока постарался успокоить монаха. Онъ объяснилъ ему, что не для своего удовольствія согласился на царство, поклялся, что думаетъ жить съ Θеофано. какъ братъ съ сестрой; онъ обѣщалъ ему, что, какъ только государственныя дѣла позволятъ, онъ уйдетъ къ монаху въ его монастырь. Къ этимъ прекраснымъ словамъ онъ присоединилъ богатые дары, и Аѳанасій, нѣсколько умиротворенный, возвратился на Святую Гору.

Въ Константинополѣ удивленіе, вызванное этимъ бракомъ, было не менѣе сильно, и скандалъ еще больше. Патріархъ Поліевктъ, какъ извѣстно, былъ человѣкъ добродѣтельный, суровый, мало снисходительный къ дѣламъ этого міра, отъ котораго совершенно отошелъ, заботясь единственно о предписаніяхъ и интересахъ церкви, которую онъ обязанъ былъ охранять, служа ей со смѣлостью неукротимой, съ упорствомъ неодолимымъ и съ страшной искренностью. Когда онъ сталъ патріархомъ, онъ прежде всего сдѣлалъ строгій выговоръ императору Константину VII, такому благочестивому, такъ почитавшему все касавшееся религіи; на этотъ разъ его строгая и горячая душа обнаружилась еще болѣе рѣзкимъ образомъ. Не потому, чтобы онъ почувствовалъ какую-нибудь непріязнь къ Никифору, или возымѣлъ намѣреніе противодѣйствовать узурпатору: во время революціи 963 года онъ выказалъ себя крайне преданнымъ Фокѣ, и его поведеніе не мало способствовало паденію Вринги

и успѣху доместика схолъ. Но, по церковнымъ канонамъ, онъ считалъ недопустимымъ бракъ вдоваго царя съ царицей-вдовой; и самымъ рѣшительнымъ образомъ, когда въ святой Софіи Никифоръ хотѣлъ, согласно своей привилегіи императора, пройти въ алтарь и пріобщиться тамъ св. таинъ, патріархъ не далъ ему причастія и, въ видѣ эпитиміи за его второй бракъ, не разрѣшилъ ему причащаться въ теченіе цѣлаго года. Какъ ни разгнѣвался царь, онъ долженъ былъ смириться передъ непреклонной волей патріарха.

Скоро встрѣтилось новое затрудненіе. Поліевкту сообщили, что Никифоръ былъ крестнымъ отцомъ одного изъ дѣтей Ѳеофано. По церковнымъ правиламъ такого рода духовное родство являлось безусловнымъ препятствіемъ къ браку: тогда ясно и опредѣленно, безъ малѣйшаго снисхожденія, патріархъ предоставилъ царю на выборъ или разводъ съ Ѳеофано, или отлученіе отъ церкви. Для такого благочестиваго человѣка, какъ Фока, подобная угроза являлась чрезвычайно важной. Однако, плоть побѣдила: Никифоръ отказался разстаться съ Ѳеофано, не задумавшись передъ тѣмъ, что это могло вызвать страшный конфликтъ между государствомъ и церковью. Въ концѣ концовъ, однако, состоялось соглашеніе. Явился одинъ священникъ и подъ присягой показалъ, что воспріемникомъ царевича былъ Варда, отецъ императора, а не самъ Никифоръ. Поліевктъ ясно видѣлъ обманъ; но его всѣ покинули, даже духовенство; онъ смирился передъ необходимостью и сдѣлалъ видъ, что вѣритъ тому, что ему разсказали. Въ своей бѣдѣ

онъ не требовалъ даже, чтобы царь исполнилъ эпитимію, наложенную на него за второй бракъ. Но царь тѣмъ не менѣе былъ глубоко уязвленъ такимъ посягательствомъ на его престижъ, а также на его любовь. Никогда не могъ онъ простить Поліевкту его неумѣстнаго вмѣшательства, равно и Θеофано навсегда затаила неменьшую злобу противъ патріарха. Къ концѣ концовъ, отъ этого происшествія остался для императора и его жены очень непріятный слухъ; еще черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого Ліутпрандъ, записавшій всѣ ходившіе по Константинополю слухи, прямо увѣрялъ, что бракъ Никифора былъ кровосмѣшеніемъ.

III.

Такой неравный бракъ, заключенный при такихъ сквернихъ предзнаменованіяхъ, сильно рисковалъ плохо кончиться, что и не замедлило случиться. И тутъ опять намъ очень мало извѣстны подробности интимной семейной жизни императорской четы въ теченіе десяти лѣтъ; и роль Θеофано, всегда скрытной и ловкой, открыто не проявлялась и о ея закулисной дѣятельности можно только догадываться. Приходится примириться съ тѣмъ, что мы можемъ уловить лишь общія очертанія событій и заключительной трагической катастрофы.

Страстно влюбленный въ Θеофано, опьяненный ея ослѣпительной красотой, Никифоръ дѣлалъ для нея, по краткому и осторожному выраженію историка Льва Діакона, „болѣе, чѣмъ приличествовало“. Этотъ бережливый, суровый и строгій

человѣкъ осыпалъ красавицу царицу великолѣпными подарками, чудесными одѣяніями, рѣдкостными драгоцѣнностями; онъ окружалъ ее самой утонченной и ослѣпительной роскошью; дарилъ ей цѣлое состояніе, въ видѣ прелестныхъ имѣній и изящныхъ виллъ. „Не было ничего, говоритъ Шлюмберже, достаточно дорогого, достаточно прекраснаго, чего бы онъ не преподнесъ своей возлюбленной царицѣ“; а самое главное, что онъ не могъ обходиться безъ нея. Когда въ 964 году онъ отправился въ армію, онъ взялъ Ѳеофано съ собой въ лагерь, и, быть можетъ, въ первый разъ за всю свою долгую военную карьеру онъ вдругъ прекратилъ начатый походъ, чтобы скорѣе возвратиться къ ней.

Но въ сущности, этотъ старый воинъ вовсе не былъ придворнымъ человѣкомъ. Послѣ того, что онъ на короткій срокъ отдался страсти, война, его другая страсть, опять быстро овладѣла имъ, и онъ сталъ каждый годъ снова отправляться на границы своихъ владѣній, чтобы сражаться тамъ съ арабами, болгарами, русскими; и впослѣдствіи онъ пересталъ брать съ собой Ѳеофано. Кромѣ того, онъ хотѣлъ по совѣсти исполнять обязанности императора; а черезъ это, мало-по-малу, нѣкогда столь любимый военачальникъ становился все менѣе и менѣе популярнымъ. Народъ, угнетаемый налогами, роптalъ; духовенство, привилегіи котораго Никифоръ сокращалъ, монахи, огромныя земельныя богатства которыхъ онъ собирался уменьшить, не скрывали своего недовольства; патріархъ стоялъ въ явной оппозиціи къ императору. Въ столицѣ начались возмущенія. Чернь разъ принялась поносить Ники-

фора, бросать въ него камнями; и несмотря на удивительное хладнокровіе, выказанное имъ при этомъ, еще немного, и онъ поплатился бы тутъ жизнью, еслибы приближенные во время не увлекли его. Наконецъ, его снова охватили приступы мистической религіозности, не дававшей ему прежде покоя, онъ становился печальнымъ, не хотѣлъ болѣе спать на своемъ императорскомъ ложѣ, а ложился на полъ, на шкуру пантеры, куда клали пурпуровую подушку, и опять онъ носилъ власяницу дяди своего Малеина. На душѣ у него было смутно, тревожно; онъ боялся за свою жизнь и превратилъ въ крѣпость Вуколеонскій дворецъ. Несомнѣнно, онъ продолжалъ обожать Θеофано и оставался, болѣе чѣмъ это позволяло благоразуміе и осторожность, подъ ея сладкимъ и тайнымъ вліяніемъ. Но между суровымъ воиномъ и изящной царицей контрастъ былъ слишкомъ великъ. Онъ надоѣдалъ ей, и она скучала. Отсюда должны были произойти важныя послѣдствія.

У Никифора былъ племянникъ Іоаннъ Цимисхій, человѣкъ сорока пяти лѣтъ, маленькаго роста, но хорошо сложенный и чрезвычайно изящный. Цвѣтъ лица у него былъ бѣлый, глаза голубые, бѣлокурые-золотистые волосы, ореоломъ обрамлявшіе лицо, рыжая борода, тонкій прелестный носъ и смѣлый взглядъ, ничего не страшившійся и ни передъ кѣмъ не опускавшійся. При этомъ сильный, ловкій, живой, щедрый, блестящій, кромѣ того, нѣсколько склонный къ кутежамъ, онъ былъ безконечно обольстителенъ. Среди скуки, въ какой проходили дни Θеофано, онъ естественно не могъ ей не понравиться. И

вотъ тутъ-то страсть довела ее до преступленія. Цимисхій былъ честолюбивъ; кромѣ того, онъ въ это время былъ крайне раздраженъ вслѣдствіе только что постигшей его немилости; изъза одного случая на войнѣ онъ былъ отставленъ императоромъ отъ должности доместика схолъ Востока, и ему было поставлено на видъ, что онъ долженъ удалиться въ свои помѣстья; тогда онъ только о томъ и сталъ думать, какъ бы отмстить за незаслуженное по его мнѣнію оскорбленіе, Θеофано, съ своей стороны, болѣе чѣмъ тяготилась Никифоромъ; прежнее согласіе супруговъ замѣнилось озлобленіемъ, подозрительностью; при этомъ императрица дошла до того, что дѣлала видъ, будто опасается со стороны мужа возможности покушенія на жизнь своихъ сыновей. А самое главное, она больше не могла выносить разлуки съ своимъ любовникомъ; дѣйствительно, Цимисхій былъ, повидимому, большой и несомнѣнно единственной настоящей любовью ея жизни. При подобныхъ условіяхъ она незамѣтно дошла до мысли объ ужасномъ преступленіи.

Съ тѣхъ поръ, какъ Никифоръ вернулся изъ Сиріи, съ начала 969 года его тревожили мрачныя предчувствія. Онъ чувствовалъ, что вокругъ него ковались тайныя козни. Смерть его отца, стараго кесаря Варды Фоки, еще усилила его тоску. Однако, онъ все продолжалъ любить Θеофано. Коварнымъ образомъ императрица воспользовалась своимъ вліяніемъ, чтобы вернуть ко двору Цимисхія. Она поставила императору на видъ, какъ обидно лишаться услугъ такого человѣка, и крайне искусно, чтобы разсѣять

всякія подозрѣнія, какія могла бы возбудить въ Никифорѣ слишкомъ явная симпатія къ Цимисхію, она увѣряла, что желала бы женить его на одной изъ своихъ родственницъ. Какъ всегда, царь уступилъ желаніямъ своей жены. Она только того и хотѣла. Цимисхій появился вновь въ Константинополѣ; благодаря ловко устроенному соучастію приближенныхъ, любовники видѣлись въ самомъ дворцѣ, въ то время какъ Никифоръ ровно ничего не подозрѣвалъ, и совѣщались, какъ подготовить заговоръ. Имѣлось въ виду убить царя. Среди недовольныхъ военачальниковъ Цимисхій легко нашелъ себѣ соучастниковъ; между заговорщиками, Цимисхіемъ и императрицей происходили частыя совѣщанія; въ концѣ концовъ, при содѣйствіи гинекея, вооруженные люди были впущены во дворецъ и спрятаны въ покояхъ Августы.

Это было въ первыхъ числахъ декабря, разсказываетъ Левъ Діаконъ, оставившій намъ потрясающее описаніе этой драмы. Убійство было назначено съ десятаго на одиннадцатое, въ ночь. Наканунѣ этого дня нѣсколько заговорщиковъ, переодѣтыхъ женщинами, проникли съ помощью Θеофано въ священный дворецъ. На этотъ разъ императоръ получилъ таинственное предостереженіе, и Никифоръ велѣлъ одному изъ своихъ офицеровъ обыскать всю женскую половину дворца; но оттого ли, что плохо искали, оттого ли, что не хотѣли ничего найти, не обнаружили ничего и никого; тѣмъ временемъ наступила ночь; ждали только Цимисхія, чтобы нанести ударъ. Тогда на заговорщиковъ напалъ страхъ; вдругъ императоръ запрется у себя въ комнатѣ, и при-

дется ломать дверь; вдругъ онъ проснется отъ шума, и тогда пропало все дѣло? Тутъ Θеофано съ ужасающимъ хладнокровіемъ взялась устранить это препятствіе. Позднимъ вечеромъ она пошла къ Никифору въ его покой и стала дружески съ нимъ разговаривать; затѣмъ, подъ предлогомъ повидать еще нѣкоторыхъ молодыхъ болгарокъ, бывшихъ въ гостяхъ во дворцѣ, она вышла, говоря, что скоро вернется, и прося мужа оставить дверь къ нему отпертой: она сама запретъ ее, когда вернется. Никифоръ согласился и, оставшись одинъ, онъ немного помолился, а затѣмъ уснулъ.

Было приблизительно одиннадцать часовъ вечера, шелъ снѣгъ, и на Босфорѣ бушевала буря. Въ маленькой лодкѣ Іоаннъ Цимисхій подплылъ къ пустынному берегу, тянувшемуся подъ стѣнами императорскаго дворца Вуколеона. Въ корзинѣ, къ которой прикрѣплена была веревка, его подняли въ окно гинекея, и заговорщики, предводительствуемые своимъ начальникомъ, проникли въ комнату монарха. Тутъ произошло минутное замѣшательство: кровать была пуста. Но одинъ евнухъ гинекея, знавшій привычки Никифора, указалъ заговорщикамъ царя, лежавшаго въ углу комнаты и спавшаго на шкурѣ пантеры. Съ бѣшенствомъ кинулись на него. Разбуженный шумомъ, Фока приподнялся, но одинъ изъ заговорщиковъ въ тотъ же мигъ страшнымъ ударомъ меча разсѣкъ ему голову отъ макушки до бровей. Обливаясь кровью, несчастный кричалъ: „Богородица, спаси меня!“ Не слушая этихъ воплей, убійцы поволокли его къ ногамъ Цимисхія, и тотъ сталъ осыпатъ его бранью, однимъ гру-

бымъ движеніемъ вырвалъ ему бороду; и по примѣру начальника всѣ набросились на несчастнаго, уже хрипѣвшаго и полумертваго. Наконецъ, однимъ ударомъ ноги Цимисхій повалилъ его и, обнаживъ мечъ, нанесъ ему страшный ударъ по головѣ; еще одинъ, послѣдній ударъ, нанесенный другимъ убійцей, прикончилъ несчастнаго. Императоръ упалъ мертвымъ, весь залитый кровью.

На шумъ борьбы прибѣжала, наконецъ, дворцовая стража, но было уже поздно. Ей въ окно показали освѣщенную факелами отрѣзанную и окровавленную голову царя. Это трагическое зрѣлище сразу положило конецъ всякимъ попыткамъ къ сопротивленію. Народъ сдѣлалъ, какъ императрица: онъ предался Цимисхію и привѣтствовалъ его, какъ императора.

IV.

Θеофано, все это подготовившая, словно за руку ведшая убійцъ, вполнѣ разсчитывала воспользоваться убійствомъ. Но исторія бываетъ иногда поучительна, и царица скоро испытала это на себѣ.

Еще разъ патріархъ Поліевктъ проявилъ свою неукротимую энергію. Онъ былъ въ открытой ссорѣ съ покойнымъ царемъ; однако, когда Цимисхій явился у дверей святой Софіи, чтобы въ Великомъ храмѣ возложить на свою голову императорскую корону, непреклонный въ своемъ рѣшеніи патріархъ отказался впустить его, какъ обагреннаго кровью своего родственника и господина, и заявилъ ему, что онъ никогда не войдетъ подъ священные своды, покуда убійцы не будутъ

наказаны и Ѳеофано изгнана изъ дворца. Между трономъ и любовницей Цимисхій не колебался ни минуты. Безстыднымъ образомъ онъ сталъ отрицать свое участіе въ преступленіи и для лучшаго своего оправданія, согласно приказанію Поліевкта, выдалъ своихъ соучастниковъ и пожертвовалъ Ѳеофано. Она мечтала выйти замужъ за человѣка, котораго любила, раздѣлить съ нимъ столь дорогую ей власть: но самъ любовникъ ея рѣшилъ ея паденіе; онъ отправилъ ее въ ссылку на Принцевы острова, въ одинъ изъ монастырей острова Проти.

Но съ такой энергіей, какая была у нея и съ сознаніемъ своей красоты—Ѳеофано было тогда не больше двадцати девяти лѣтъ,—она не хотѣла мириться съ своимъ несчастьемъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, она бѣжала изъ своей тюрьмы и бросилась искать убѣжища въ св. Софіи. Разсчитывала ли она на привязанность къ ней своего любовника? надѣялась ли она на то, что разъ первыя затрудненія будутъ устранены благодарный Цимисхій вновь возьметъ ее къ себѣ? льстила ли она себя надеждой покорить его вновь однимъ взглядомъ своихъ прекрасныхъ глазъ? Возможно; но всемогущій министръ, руководившій дѣлами при новомъ царѣ, паракимоменъ Василій, помѣшалъ смѣлой попыткѣ соблазнительной царицы. Безъ уваженія къ святости мѣста, онъ схватилъ ее въ Великой церкви и рѣшилъ, что она будетъ отправлена въ Арменію, въ болѣе далекую ссылку. Она добилась только того, что передъ отъѣздомъ увидала еще, въ послѣдній разъ, человѣка, для котораго пожертвовала всѣмъ и который ее покинулъ. Это послѣднее свиданіе,—параки-

моменъ изъ предосторожности присутствовалъ на немъ въ качествѣ третьяго лица,—было, повидимому, крайне бурно. Θеофано осыпала Цимисхія жестокой бранью, затѣмъ, въ припадкѣ бѣшенства, она бросилась съ кулаками на министра. Ее пришлось силой увести изъ зала, гдѣ происходила аудіенція. Жизнь ея была кончена.

Что сталось съ ней въ ея печальномъ изгнаніи? что выстрадала она въ отдаленномъ монастырѣ, гдѣ влачила свое существованіе далеко отъ великолѣпія и блеска двора, далеко отъ изящной роскоши священнаго дворца, нося въ сердцѣ всю горечь обманутыхъ надеждъ, все сожалѣнье о своей утраченной власти? Неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, если она была виновна, то жестоко искупила свое преступленіе. Она томилась въ этомъ уединеніи шесть лѣтъ, до дня смерти Цимисхія. Когда это случилось, въ 976 году, ее призвали вновь въ Константинополь къ ея сыновьямъ, получившимъ теперь дѣйствительно верховную власть.

Но потому ли, что гордость ея была разбита и честолюбіе умерло, потому ли,—и это вѣроятнѣе,—что паракимоменъ Василій, остававшійся всемогущимъ, поставилъ это условіемъ ея возвращенія, она, повидимому, не играла больше никакой роли въ государствѣ. Она умерла незамѣтно во дворцѣ, неизвѣстно даже когда, и, такимъ образомъ, до самаго конца судьба этой честолюбивой, соблазнительной и развращенной царицы остается до извѣстной степени загадочной и таинственной.

ГЛАВА X.

Порфирородная Зоя.

I.

Въ ноябрѣ 1028 года, Константинъ VIII, императоръ византійскій, чувствуя себя очень больнымъ и будучи къ тому же почти семидесяти лѣтъ отъ роду, рѣшилъ, что пора подумать о наслѣдникѣ.

Можетъ показаться удивительнымъ, что, будучи послѣднимъ представителемъ мужского пола Македонской династіи, Константинъ VIII не покончилъ раньше съ такимъ важнымъ и нужнымъ дѣломъ. Но Константинъ VIII всю свою жизнь никогда ни о чемъ не думалъ.

Будучи съ дѣтства соправителемъ своего брата Василія II, онъ пятьдесятъ лѣтъ прожилъ въ тѣни этого энергичнаго и могучаго монарха, ничуть не безпокоясь о государственныхъ дѣлахъ, пользуясь только выгодами и удовольствіями власти. Затѣмъ, когда по смерти Василія онъ сталъ единственнымъ владыкой имперіи, онъ не могъ рѣшиться отказатся отъ старыхъ и милыхъ привычекъ и попрежнему продолжалъ жить въ свое удовольствіе, предоставивъ всему идти своимъ

чередомъ. Очень расточительный, онъ растратилъ всѣ сбереженія, съ такимъ терпѣньемъ скопленныя его благоразумнымъ братомъ. Любя крайне удовольствія и хорошій столъ,—никто не могъ съ нимъ сравниться въ умѣньи заказать обѣдъ, и онъ не брезговалъ при случаѣ придумать какой-нибудь соусъ по собственному вкусу,—онъ съ такимъ увлеченіемъ предался этому дѣлу, что пріобрѣлъ отъ подобнаго образа жизни такую подагру, что почти не могъ ходить. Помимо всего этого, онъ обожалъ ипподромъ, страстно увлекался цирковыми состязаніями и безумно любилъ бой животныхъ и другія зрѣлища. Наконецъ, онъ любилъ игру и, взявъ кости въ руки, забывалъ все на свѣтѣ: и пословъ, дожидавшихся пріема, и дѣла, требовавшія рѣшенія; забывалъ даже главное свое удовольствіе—ѣду, и часто проводилъ за игрой цѣлыя ночи. Послѣ этого становится понятнымъ, что среди столькихъ поглощающихъ удовольствій онъ забылъ и про то, что былъ послѣднимъ представителемъ своего рода, и оставлялъ послѣ себя лишь трехъ незамужнихъ дочерей.

Ихъ звали Евдокіей, Зоей и Ѳеодорой. О старшей, Евдокіи, сохранилось мало свѣдѣній въ исторіи. Это была особа съ простыми вкусами, средняго ума, красоты также средней: какая-то болѣзнь, перенесенная въ дѣтствѣ, навсегда испортила ея лицо. Поэтому она очень рано ушла въ монастырь, и никогда больше о ней не вспоминали. Ея двѣ сестры были въ другомъ родѣ и несравненно интереснѣе; а между тѣмъ обѣ, по странной случайности, медленно увядали непримѣтными обитательницами гинекея. Ни ихъ

дядя Василій, хоть очень ихъ любившій, но, повидимому, нѣсколько презиравшій женщинъ,—онъ самъ оставался холостымъ,—ни отецъ ихъ, Константинъ, не позаботились о томъ, чтобы устроить ихъ. И вотъ въ 1028 году это были уже не молодыя дѣвушки: Зоѣ было пятьдесятъ лѣтъ, Ѳеодорѣ немногимъ меньше.

Этимъ то двумъ, нѣсколько перезрѣлымъ, царевнамъ долженъ былъ достаться послѣ Константина VIII византійскій престолъ. Но хотя, со времени воцаренія Македонской династіи, принципъ законнаго престолонаслѣдія настолько утвердился въ Византіи, что никто не увидѣлъ бы препятствія къ переходу императорской власти къ женской линіи, тѣмъ не менѣе царь рѣшилъ, что въ такихъ деликатныхъ обстоятельствахъ мужчина никакъ не будетъ лишнимъ во дворцѣ, и съ большой поспѣшностью сталъ искать для дочери своей Зои,—онъ больше ее любилъ, и ему казалось, что она болѣе способна къ власти,—мужа, который могъ бы при монархинѣ исполнять роль царя-супруга. Онъ вспомнилъ объ одномъ благородномъ армянинѣ, по имени Константинѣ Далассинѣ, и послалъ за нимъ. Но Константинъ былъ у себя въ имѣньи, далеко отъ столицы, а время не терпѣло. Тогда, измѣнивъ свое рѣшеніе, императоръ обратился къ префекту города Роману Аргиру. Это былъ человѣкъ знатнаго происхожденія и представительной наружности, хотя ему уже исполнилось полныхъ шестьдесятъ лѣтъ; къ несчастію, онъ былъ женатъ, любилъ свою жену, а жена его обожала. Константинъ VIII не остановился передъ этимъ затрудненіемъ. Когда онъ чего-нибудь хотѣлъ,

онъ принималъ быстрыя мѣры и прибѣгалъ къ доводамъ, не допускавшимъ возраженій: онъ далъ Роману на выборъ разводъ или ослѣпленіе; и, чтобы сломить скорѣе сопротивленіе префекта и въ особенности его жены, онъ, представившись страшно разгнѣваннымъ,отдалъ приказаніе немедленно арестовать его. При этомъ извѣстіи жена Романа, глубоко потрясенная, поняла, что ей ничего другого не остается какъ только исчезнуть, если она желаетъ спасти своего мужа; она поспѣшила удалиться въ монастырь, а Романъ женился на Зоѣ. Три дня спустя, Константинъ VIII умеръ со спокойной душой, а его двѣ дочери и зять вступили во владѣніе имперіей.

Въ теченіе почти четверти вѣка порфирородная Зоя наполняла императорскій дворецъ своими скандальными похожденіями, и ея исторія несомнѣнно одна изъ самыхъ пикантныхъ, какія только сохранились въ византійскихъ лѣтописяхъ, и одна изъ наиболѣе намъ извѣстныхъ. Въ то время, какъ относительно большинства монархинь, чередовавшихся въ священномъ дворцѣ, мы освѣдомлены настолько плохо, что съ большимъ трудомъ можемъ сдѣлать съ нихъ слабый набросокъ, Зоя, наоборотъ, является передъ нами въ самомъ яркомъ свѣтѣ. Дѣйствительно, на ея долю выпало счастье,—разумѣю: для насъ,—имѣть своимъ историкомъ одного изъ самыхъ умныхъ и самыхъ замѣчательныхъ византійцевъ: то былъ Михаилъ Пселлъ, хроника или, лучше сказать, мемуары котораго напечатаны впервые лѣтъ тридцать тому назадъ.

Приближенный императрицы, посвященный въ качествѣ придворнаго и министра во всѣ ин-

триги двора, любитель всякихъ зрѣлищъ, жадный до всякихъ сплетенъ, нескромный и большой болтунъ, Пселлъ разоблачилъ съ удивительной любезностью, а иногда и съ необычайной вольностью выраженій все, что онъ видѣлъ или слышалъ вокругъ себя. Не было тайны, въ какую бъ онъ не проникъ, не было интимной подробности, которую онъ не сумѣлъ бы узнать какимъ-нибудь путемъ; и такъ какъ онъ былъ чрезвычайно уменъ, отличался юморомъ и ядовитостью, разсказъ его о придворной жизни одна изъ самыхъ пикантныхъ и занимательныхъ исторій.

Правда, не надо принимать буквально все, что онъ разсказываетъ: ему случается иногда значительно искажать факты, когда политика, въ которой онъ игралъ большую роль, слишкомъ непосредственно примѣшивается къ исторіи; но помимо этого, онъ всегда очень правдивъ и такъ какъ его природное умѣнье все подмѣчать, всегда улавливавшее во всемъ мельчайшую подробность, заставляло его съ дѣтства очень широко раскрывать на все глаза, то онъ въ общемъ является очень хорошо освѣдомленнымъ. Кромѣ того, это такая рѣдкая удача среди столькихъ сухихъ и скучныхъ лѣтописцевъ найти, наконецъ, талантливаго человѣка, умѣющаго и видѣть и писать, мастера труднаго искусства писать портреты и оживлять образы, несравненнаго разсказчика пикантныхъ анекдотовъ. Безъ большого преувеличенія можно сказать о Пселлѣ, что онъ напоминаетъ Вольтера; и дѣйствительно, подобно Вольтеру, онъ касался всего, онъ писалъ обо всемъ. Послѣ него осталось, кромѣ его исторіи, сотни небольшихъ сочиненій о самыхъ различныхъ пред-

метахъ, рѣчи и поэтическія произведенія, письма и памфлеты, философскіе трактаты и сочиненія по физикѣ, по астрономіи, физіологіи и даже по демонологіи. И всюду, подобно Вольтеру, онъ вносилъ ѣдкую колкость, дьявольское остроуміе и универсальную любознательность. По смѣлости мысли и оригинальности идей Пселлъ былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся людей своего времени; по своей любви къ классической древности и къ философіи Платона онъ еще въ одиннадцатомъ вѣкѣ является предтечей Ренессанса.

И несомнѣнно характеръ его былъ гораздо ниже ума. Со своей посредственной душой, со своей любовью къ интригамъ, со своей льстивой угодливостью, быстрой и скандальной перемѣной мнѣній, низкими отреченьями, со своимъ легкомысленнымъ и въ то же время болѣзненнымъ тщеславіемъ, Пселлъ является совершеннымъ представителемъ того придворнаго міра растлѣнной Византіи, гдѣ онъ жилъ. Но зато онъ такъ хорошо познакомилъ насъ съ этимъ обществомъ, что съ этой стороны онъ совершенно неоцѣнимъ. И въ этомъ повѣствованіи придется безпрестанно возвращаться къ его книгѣ и къ ней же придется намъ также отсылать иногда читателя въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ его анекдоты, всегда остроумные и забавные, становятся положительно неудобными для передачи ихъ на французскомъ языкѣ.

II.

Въ то время, какъ вмѣстѣ съ своимъ супругомъ Романомъ Зоя вступила на византійскій

престолъ, она, несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, была, говорятъ, еще вполнѣ очаровательна. Пселлъ, хорошо ее знавшій, даетъ крайне интересный ея портретъ. Повидимому, она походила на своего дядю Василія; у нея были большіе глаза, оттѣненные густыми рѣсницами, носъ съ маленькой горбинкой, великолѣпные бѣлокурые волосы. Цвѣтъ лица и все тѣло были бѣлизны ослѣпительной; вся она была полна несравненной граціи и гармоніи. „Кто не зналъ ея лѣтъ, говоритъ Пселлъ, подумалъ бы, что передъ нимъ совсѣмъ молоденькая дѣвушка". Средняго роста, но стройная и хорошо сложенная, она выдѣлялась изяществомъ фигуры. И хотя позднѣе она нѣсколько располнѣла, лицо ея до конца оставалось необычайно молодымъ. Въ семьдесятъ два года, когда дрожащія руки и сгорбленная спина выдавали ея старость, „лицо ея, заявляетъ Пселлъ, сіяло совершенной свѣжестью и красотой". Наконецъ, въ ней была величавость, дѣйствительно царственная осанка. Однако, она не подчинялась чрезмѣрно требованіямъ церемоніала. Очень заботясь о своей красотѣ, она отдавала предпочтеніе простымъ туалетамъ передъ тяжелыми златотканными платьями, которыя надѣвались по требованію этикета, или передъ тяжелой діадемой и драгоцѣнными украшеніями; „въ легкое платье облекала она, по выраженію ея біографа, свое прекрасное тѣло". Но за то она обожала ароматы и косметики; она выписывала ихъ изъ Индіи и Эѳіопіи, и ея покои, гдѣ круглый годъ горѣли жаровни для приготовленія всякихъ притираній и ароматовъ, фабриковавшихся ея служанками, походили на лабораторію.

И тутъ-то она охотнѣе всего проводила время; она не очень любила свѣжій воздухъ, прогулки по садамъ, все, отъ чего тускнетъ дѣланный блескъ цвѣта лица, все, что вредитъ красотѣ, уже вынужденной всячески оберегать себя.

Средняго ума и полная невѣжда, Зоя въ нравственномъ отношеніи была женщина темперамента живого, вспыльчиваго, раздражительнаго. Однимъ движеніемъ руки, беззаботнымъ и легкомысленнымъ, она одинаково могла подписать какъ смертный приговоръ, такъ и подарить жизнь, быстро принимала рѣшенія и такъ же быстро мѣняла мнѣніе, не выказывая ни большой логики, ни устойчивости, и такъ же легкомысленно относилась къ государственнымъ дѣламъ, какъ къ увеселеніямъ гинекея. Несмотря на свой внушительный видъ, это была въ концѣ-концовъ монархиня довольно неспособная, немного взбалмошная, крайне тщеславная, пустая, капризная, непостоянная, очень падкая на лесть. Комплиментъ приводилъ ее въ восторгъ. Она съ восхищеніемъ слушала, когда ей говорили о древности ея рода, о славѣ ея дяди Василія, еще съ большимъ восхищеніемъ, когда говорили о ней самой. И среди придворныхъ стало забавой увѣрять ее, что ее нельзя видѣть, не бывъ тотчасъ же какъ бы пораженнымъ молніей. Тратя безмѣрно на себя, будучи безсмысленно щедрой относительно другихъ, она выказывала безумную расточительность; но при случаѣ умѣла быть неумолимой и жестокой. Наконецъ, какъ истая византійка, она была благочестива, но тѣмъ внѣшнимъ благочестіемъ, довольствующимся возженіемъ свѣчей передъ иконами и воскурива-

ніемъ ѳиміама передъ алтаремъ. Но въ особенности она была крайне лѣнива. Государственныя дѣла казались ей скучными; женскія рукодѣлья интересовали ее еще менѣе. Она не любила ни вышивать, ни сидѣть за ткацкимъ станкомъ и проводила цѣлые часы въ блаженномъ ничего не дѣланіи.

Понятно что ея дядя Василій, такой дѣятельный и неутомимый, хоть и любилъ ее, въ то же время не могъ не относиться къ ней съ нѣкоторымъ презрѣніемъ.

Эта золотоволосая женщина, изнѣженная и глуповатая, имѣла еще къ тому же довольно опасную наслѣдственность. Внучка Романа II, умершаго въ молодости отъ послѣдствій невоздержной жизни, и знаменитой и распутной Ѳеофано, дочь такого любителя кутежей, какъ Константинъ VIII, ей было отъ кого унаслѣдовать крайне влюбчивый темпераментъ, который вскорѣ проявился. Очень гордая своей красотой, увѣренная, что она неотразима, взбѣшенная тѣмъ, что пришлось потерять въ гинекеѣ лучшіе годы молодости, полная неудовлетвореннаго пыла и поддаваясь соблазну неизвѣстнаго, она, имѣя полныхъ пятьдесятъ лѣтъ, должна была скоро заставить и дворъ, и весь городъ говорить о своихъ похожденіяхъ, которымъ предавалась съ такимъ пыломъ и такъ необузданно, что современники иногда сомнѣвались, владѣла ли она вполнѣ разсудкомъ.

Женившись на этой опьяняющей и ищущей новыхъ ощущеній женщинѣ, Романъ Аргиръ находилъ, что онъ обязанъ передъ самимъ собой, передъ Зоей, передъ покойнымъ императоромъ, своимъ тестемъ, и передъ государственнымъ бла-

гомъ подарить имперіи наслѣдника престола и какъ можно скорѣе. Тутъ приходится отослать читателя къ книгѣ Пселла, чтобы онъ могъ видѣть, какими средствами, магическими и физіологическими поочередно, помощью какихъ мазей, втираній и амулетовъ Романъ и Зоя старались осуществить свое желаніе. Но, прибѣгая къ подобнымъ средствамъ, императоръ скоро убѣдился, что ему шестьдесятъ лѣтъ, а это много, императрицѣ же пятьдесятъ, а это слишкомъ много; и тогда, бросивъ и государственную пользу, и свою жену, онъ довольствовался тѣмъ, чтобы хорошо править имперіей.

Но совсѣмъ не таковъ былъ расчетъ Зои. Сильно оскорбленная, прежде всего, въ своей гордости, что могли ею такъ пренебречь, она была недовольна еще и по другимъ причинамъ, не имѣвшимъ ничего общаго ни съ самолюбіемъ, ни съ интересами государства; кромѣ того, словно къ довершенію бѣдъ, Романъ не только покинулъ ее, но и вздумалъ наложить узду на ея безумную расточительность. Взбѣшенная и чувствуя сильнѣе, чѣмъ когда либо, притягательную силу любовныхъ похожденій, Зоя стала искать утѣшенія и безъ труда нашла его. Она отличила своей милостью Константина, исполнявшаго при дворцѣ обязанности церемоніймейстера, а послѣ него другого Константина, изъ знатнаго рода Мономаховъ, попавшаго во дворецъ въ качествѣ родственника императора. Оба понравились ей сначала своимъ привлекательнымъ видомъ, изяществомъ, молодостью; но они не долго были въ милости. Скоро выборъ Зои остановился на другомъ любовникѣ. Среди приближенныхъ Ро-

мана III былъ одинъ евнухъ, по имени Іоаннъ, человѣкъ умный, порочный и состоявшій въ большой милости у царя. У этого Іоанна былъ братъ, по имени Михаилъ, юноша замѣчательной красоты, съ живымъ взглядомъ, свѣтлымъ цвѣтомъ лица, изящно сложенный, словомъ, такого неотразимаго и опьяняющаго очарованія, что его согласно превозносили всѣ современные ему поэты. Іоаннъ представилъ его ко двору: онъ понравился императору и былъ взятъ имъ на службу; еще больше понравился онъ императрицѣ, сразу воспылавшей къ нему страстью. И такъ какъ, по словамъ Пселла, „она была не способна справляться съ своими желаніями“, она не успокоилась, покуда красавецъ Михаилъ не сталъ платить ей взаимностью.

Тогда во дворцѣ началась дѣйствительно забавная комедія, разсказанная Пселломъ не безъ нѣкотораго ехидства. Раньше Зоя откровенно ненавидѣла евнуха Іоанна; теперь же, чтобы имѣть случай говорить о томъ, кого любила, она ласково на него поглядывала, призывала къ себѣ и поручала ему передать брату, что каждый разъ, когда тотъ вздумаетъ пожаловать, онъ всегда встрѣтитъ у царицы радушный пріемъ. Молодой человѣкъ, ничего не понимавшій въ этомъ внезапномъ и необычайномъ благорасположеніи, приходилъ ухаживать за Зоей съ довольно смущеннымъ видомъ, мялся и краснѣлъ. Но царица ободряла его; она ласково ему улыбалась, она для него переставала хмурить свои грозныя брови, она, наконецъ, до того доходила, что дѣлала намеки на испытываемыя ею чувства. Михаилъ, наученный, впрочемъ, братомъ, наконецъ, понялъ.

Онъ сталъ смѣлѣе; отъ нѣжныхъ взглядовъ перешелъ къ поцѣлуямъ; скоро онъ осмѣлился еще больше, „быть можетъ, не столько очарованный, говоритъ дерзкій Пселлъ, прелестями этой нѣсколько зрѣлой дамы, сколько польщенный честью стать героемъ похожденія императрицы“. Зоя, очень сильно влюбленная, дѣлала тѣмъ временемъ одну неосторожность за другою. Видѣли, какъ она при всѣхъ цѣловала своего любовника, садилась съ нимъ на одну кушетку. Ей, конечно, нравилось наряжать своего фаворита, какъ идола, и она задаривала его драгоцѣнностями, великолѣпными одѣяніями и всякими дорогими подарками. Она сдѣлала лучше: однажды ей пришло въ голову усадить его на самый тронъ императора съ вѣнцомъ на головѣ и со скипетромъ въ рукѣ и, прижимаясь къ нему, она осыпала его самыми нѣжными словами: „Мой кумиръ, мой цвѣтокъ красоты, радость очей моихъ, отрада души моей“. Одинъ изъ приближенныхъ, случайно вошедшій въ залъ, былъ такъ пораженъ этимъ неожиданнымъ зрѣлищемъ, что чуть въ обморокъ не упалъ; но Зоя, не смущаясь, приказала ему пасть ницъ передъ Михаиломъ: „Отнынѣ онъ императоръ, заявила она, и придетъ день, когда онъ дѣйствительно станетъ имъ“.

Весь городъ зналъ о связи Михаила съ Зоей. Одинъ только Романъ, какъ всегда, ничего не замѣчалъ. Нѣкоторые изъ его приближенныхъ и его сестра Пульхерія, ненавидѣвшіе императрицу, сочли долгомъ просвѣтить его на этотъ счетъ. Но императоръ не хотѣлъ ничему вѣрить: и такъ какъ это былъ царь довольно добродушный, онъ удовольствовался тѣмъ, что велѣлъ по-

звать къ себѣ Михаила и спросилъ у него, вѣрно ли то, что ему передаютъ.

Тотъ сталъ клясться, что онъ невинная жертва гнусной клеветы; и василевсъ, повѣривъ, сталъ относиться къ нему еще лучше прежняго. Чтобы выказать свое довѣріе, онъ дошелъ до того, что открылъ ему доступъ во внутреннiе царскiе покои; вечеромъ, лежа уже въ постели рядомъ съ Зоей, онъ призывалъ молодого человѣка, и тотъ, стоя въ проходѣ между кроватью и стѣной, долженъ былъ тереть ему ноги. „Возможно ли допустить, говоритъ одинъ, довольно щепетильный, лѣтописецъ, что когда онъ это производилъ, ему не случалось касаться и ногъ царицы"? Романъ ничуть о томъ не безпокоился; этотъ императоръ не былъ ревнивъ.

Была, кромѣ того, еще одна вещь, которая могла окончательно разсѣять его сомнѣнiя, если таковыя у него имѣлись: прекрасный Михаилъ страдалъ страшной болѣзнью, съ нимъ случались припадки падучей. „Поистинѣ, говорилъ императоръ, такой человѣкъ не можетъ любить и не можетъ быть любимымъ". Однако, въ концѣ концовъ Романъ не могъ больше сомнѣваться въ своемъ несчастiи; но такъ какъ онъ былъ философъ, то предпочелъ упорно ничего не замѣчать. Онъ зналъ Зою, онъ зналъ, что если у нея отнять Михаила, это значило рисковать, что она пустится въ новыя еще худшiя похожденiя; и полагая, что для царскаго достоинства единственная и продолжительная связь лучше, чѣмъ рядъ громкихъ скандаловъ, онъ систематически закрывалъ глаза передъ лицомъ самой очевидности. „И связь императрицы, говоритъ Пселлъ,

была открыто признана и, казалось, получила законное право".

Между тѣмъ Романъ замѣтно мѣнялся. Онъ пересталъ ѣсть, онъ плохо спалъ; характеръ его портился. Онъ становился рѣзкимъ, раздражительнымъ, непріятнымъ; онъ больше не смѣялся, никому не довѣрялъ, сердился изъ-за пустяковъ; но главное, онъ медленно угасалъ. Онъ упорно продолжалъ добросовѣстно исполнять обязанности императора; но въ своихъ парадныхъ костюмахъ онъ былъ похожъ на мертвеца, истощенный, желтый, съ короткимъ обрывающимся дыханьемъ; волосы у него выпадали цѣлыми прядями.

Повидимому Михаилъ и Зоя подсыпали медленнаго яда несчастному монарху, желая все-таки избавиться отъ его докучливаго присутствія, хоть онъ и мало стѣснялъ ихъ.

Но дѣла все еще шли не такъ скоро, какъ хотѣлось влюбленной императрицѣ. Поэтому, когда утромъ въ великій четвергъ императоръ пошелъ принять ванну, въ ту самую минуту, когда онъ по своему обыкновенію нырнулъ въ воду, нѣсколько служителей, заранѣе подкупленные, продержали ее въ такомъ положеніи нѣсколько дольше, чѣмъ это бы слѣдовало; его вытащили изъ воды безъ чувствъ, почти задохнувшагося, отнесли и положили къ нему на постель; онъ едва дышалъ и не могъ больше говорить; однако, придя въ себя, старался еще знаками выразить свою волю. Но, видя, что его не понимаютъ, онъ, опечаленный, закрылъ глаза и, издавъ нѣсколько предсмертныхъ хриповъ, скончался. Зоя и при этихъ обстоятельствахъ не старалась скрыть свои чувства. Прибѣжавъ при пер-

вомъ извѣстіи о случившемся въ комнату императора, чтобы самой убѣдиться, въ какомъ положеніи находится ея мужъ, она не сочла нужнымъ присутствовать при его послѣднемъ часѣ. У нея были болѣе важныя заботы.

III.

Зоя думала только объ одномъ: упрочить престолъ за Михаиломъ. Напрасно придворные, старые слуги ея отца Константина, убѣждали ее подумать немного, отдать свою руку лишь наиболѣе достойному, особенно не становиться въ слишкомъ большую зависимость отъ своего новаго супруга. Она думала только о своемъ любовникѣ. Евнухъ Іоаннъ, тонкій политикъ, со своей стороны, уговаривалъ ее рѣшиться скорѣе: „Мы всѣ погибнемъ, если время будетъ упущено, говорилъ онъ ей“. Тогда, рѣшивъ не ждать дольше, въ самую ночь съ четверга на пятницу Зоя велитъ позвать Михаила во дворецъ; она говоритъ ему, чтобы онъ надѣлъ императорское одѣяніе, возлагаетъ ему на голову корону, сажаетъ его на тронъ, сама садится рядомъ и приказываетъ всѣмъ присутствующимъ признать его законнымъ императоромъ. Патріархъ, вызванный ночью, немедленно является. Онъ думалъ увидѣть Романа, но вмѣсто него нашелъ въ большомъ хрисотриклинѣ (золотой палатѣ) Михаила и Зою въ полномъ парадѣ, и императрица попросила его тутъ же благословить ея бракъ съ новымъ царемъ. Патріархъ колебался; чтобы убѣдить его, ему сдѣлали цѣнный подарокъ, пятьдесятъ фунтовъ золота, и обѣщали такую же

сумму для его духовенства: передъ этимъ доводомъ онъ смирился и послушался. На слѣдующее утро былъ, въ свою очередь, созванъ сенатъ, чтобы принести поздравленія новому властелину и отдать послѣдній долгъ властелину дней минувшихъ. И въ то время, какъ уносили съ непокрытымъ, по обыкновенію, лицомъ Романа III, неузнаваемаго и уже тронутаго тлѣніемъ, — Пселлъ, видѣвшій, какъ проходило это шествіе, далъ въ своемъ описаніи потрясающую по реализму картину этого зрѣлища,—въ священномъ дворцѣ высшіе сановники съ почтеніемъ склонялись передъ Михаиломъ и лобызали руку счастливому выскочкѣ. Зоѣ не потребовалось и двадцати четырехъ часовъ, чтобы овдовѣть и снова выйти замужъ.

Душою новаго правительства сдѣлался евнухъ Іоаннъ, братъ императора. Это былъ человѣкъ живого ума и быстрый на рѣшенія, съ высокомѣрнымъ и жесткимъ выраженіемъ глазъ, замѣчательный администраторъ и первостепенный финансистъ. Удивительно свѣдущій въ государственныхъ дѣлахъ, превосходно освѣдомленный обо всемъ, что происходило въ столицѣ и имперіи, онъ среди шума и суеты празднествъ и пировъ преслѣдовалъ свои цѣли, свои честолюбивые замыслы. Въ самомъ разгарѣ пиршества онъ внимательно наблюдалъ за своими гостями, обладая рѣдкой способностью, даже будучи пьянымъ, помнить совершенно точно все, о чемъ говорили вокругъ него охмѣлѣвшіе люди. Благодаря этому, онъ возбуждалъ во всѣхъ спасительный страхъ, и его боялись, быть можетъ, еще больше, когда онъ бывалъ пьянъ, чѣмъ въ

трезвомъ видѣ. Безусловно преданный своему брату, котораго онъ обожалъ, честолюбивый ради него, онъ отдалъ ему свой умъ, свое умѣнье, свое глубокое знаніе людей. Это онъ бросилъ нѣкогда Михаила въ объятія Зои; теперь, когда черезъ нее онъ сдѣлалъ его императоромъ, онъ рѣшилъ, что благодарность вещь излишняя по отношенію къ монархинѣ. Первое время послѣ своего восшествія на престолъ царь былъ очень любезенъ съ Зоей, исполнялъ всѣ ея желанія, пользуясь всякимъ случаемъ, чтобы понравиться ей. Подъ вліяніемъ брата онъ скоро измѣнилъ свое поведеніе: „Не могу за это, говоритъ Пселлъ, ни порицать его, ни хвалить. Конечно, я отнюдь не одобряю, чтобы были неблагодарны въ отношеніи къ своей благодѣтельницѣ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я не могу укорять его за то, что онъ боялся подвергнуться съ ней той же участи, какую она уготовала своему первому мужу“. Михаилъ слишкомъ хорошо зналъ Зою, чтобы не подпасть искушенію избавиться отъ грозившей ему отъ нея опасности.

Онъ началъ съ того, что отправилъ въ ссылку фаворитовъ, отличенныхъ ею раньше. Затѣмъ, по совѣтамъ своего брата, онъ рѣшительно захватилъ власть въ свои руки и приказалъ императрицѣ вновь запереться въ гинекеѣ и впредь воздерживаться отъ появленій въ официальныхъ выходахъ. Въ то же время онъ лишилъ ее ея евнуховъ и самыхъ преданныхъ ей женщинъ, а на ихъ мѣсто приставилъ къ ней, чтобы наблюдать за ней, другихъ женщинъ, изъ своей собственной родни. Одному офицеру, преданному Михаилу, поручили нести при царицѣ почетную службу, и скоро

она была стѣснена до такой степени, что не могла больше никого принимать, если заранѣе не было извѣстно, кто таковъ посѣтитель и о чемъ онъ желаетъ бесѣдовать съ царицей. Ей запретили даже выходить изъ ея покоевъ, гулять, отправляться въ ванную безъ особаго разрѣшенія императора. Зоя была внѣ себя отъ такого обращенія, но у нея не было никакихъ средствъ къ сопротивленію. Тогда, скрѣпя сердце, она рѣшила выказать передъ бѣдой полную кротость, олицетворенное смиреніе; безъ жалобъ переносила она всѣ оскорбленія и униженія, какимъ ее подвергали, не укоряя Михаила ни въ чемъ, не обвиняя никого, привѣтливая даже съ приставленными къ ней тюремщиками. Но тѣмъ не менѣе, послѣ всего, что она сдѣлала для своего прежняго любовника, ударъ, ее постигшій, былъ столь же жестокъ, сколь неожиданъ.

Но еще тяжеле было ей то, что этотъ самый Михаилъ, такъ сильно ею прежде любимый, теперь отвращался отъ нея съ ужасомъ и даже не хотѣлъ больше ее видѣть. Помимо того, что онъ испытывалъ извѣстную неловкость, отплативъ такой неблагодарностью за всѣ ея благодѣянія, онъ чувствовалъ себя все болѣе и болѣе больнымъ; припадки падучей становились чаще и сильнѣй, и онъ постоянно боялся, чтобы припадокъ не случился въ присутствіи Зои. Затѣмъ, такъ какъ онъ не былъ плохимъ человѣкомъ, онъ испытывалъ угрызенія совѣсти и старался искупить свои грѣхи. Онъ жилъ исключительно въ обществѣ монаховъ, окружалъ себя во дворцѣ оборванцами-аскетами, подобранными имъ на улицѣ, и смиренно, принося имъ покаяніе,

ложился спать у ихъ ногъ на голой доскѣ, положивъ подъ голову камень. Онъ строилъ больницы, церкви; особенно почиталъ онъ Димитрія, великаго солунскаго святого; исключительно благоговѣлъ передъ Козьмой и Даміаномъ, святыми цѣлителями, пользовавшимися въ Византіи славой, что они излѣчиваютъ отъ самыхъ неизлѣчимыхъ болѣзней. Но ничто не облегчало его страданій, не успокаивало его сомнѣній и тревогъ. Тогда его духовные наставники, которымъ онъ исповѣдался въ своихъ безумствахъ и преступленіяхъ, повелѣли ему порвать всякія плотскія сношенія съ женой. И онъ благоговѣйно исполнялъ ихъ повелѣнія.

Въ концѣ концовъ, Зоя, лишенная всего, что любила, возмутилась. Она знала, что была популярна въ столицѣ, какъ женщина и законная наслѣдница имперіи, а также благодаря щедротамъ, которыя она расточала въ такомъ обиліи. Итакъ, она возмутилась противъ образа жизни, который ей навязывали; вскорѣ она осмѣлилась на болѣе рѣшительный шагъ: она, говорятъ, сдѣлала попытку отравить перваго министра, разсчитывая, что разъ Михаилъ,—она все еще его любила,—будетъ освобожденъ отъ рокового вліянія, онъ, вновь покорный, возвратится къ ней. Попытка ея не удалась, и единственный результатъ, какого она достигла, было ухудшеніе ея тяжкаго положенія. И такъ шло вплоть до самой смерти императора. Все болѣе и болѣе больной, еще больше ослабѣвъ отъ вспышки энергіи, поднявшей его на короткое время на ноги, для подавленія возстанія болгаръ, Михаилъ чуствовалъ, что умираетъ. Терзаемый угрызеніями совѣсти, желая,

по крайней мѣрѣ, окончить въ благочестіи свою жизнь, онъ въ декабрѣ 1041 года велѣлъ перенести себя въ одинъ изъ основанныхъ имъ монастырей и, согласно обычаю многихъ византійцевъ, принялъ схиму, чтобы умереть въ святости. Когда это извѣстіе дошло до императорскаго гинекея, Зоя, обезумѣвъ отъ горя, захотѣла еще въ послѣдній разъ увидать мужа и любовника, котораго не могла забыть, и, пренебрегая этикетомъ, не заботясь о внѣшней благопристойности, она бросилась пѣшкомъ въ монастырь, чтобы сказать ему послѣднее прости. Но Михаилъ, желая умереть въ мирѣ, холодно отказался принять женщину, которая его обожала и погубила. Вскорѣ затѣмъ онъ скончался.

IV.

Давнымъ давно, предвидя этотъ случай, евнухъ Іоаннъ принялъ надлежащія мѣры. Смерть Михаила IV, въ силу самихъ обстоятельствъ, дѣлая Зою полной и свободной распорядительницей верховной власти, должна была въ силу тѣхъ же обстоятельствъ убить всѣ надежды, какія этотъ великій честолюбецъ лелѣялъ относительно своей родни. Поэтому онъ внушилъ брату еще при жизни назначить своимъ соправителемъ одного изъ ихъ племянниковъ, также носившаго имя Михаила, и воспользоваться популярностью Зои, чтобы дать этому самозванцу законную инвеституру и такимъ образомъ пробить ему дорогу къ власти. Поэтому старой императрицѣ предложили усыновить этого молодого человѣка; и, странное дѣло, несмотря на всѣ оскорбленія, какимъ ее

подвергали, Зоя была крайне счастлива исполнить желаніе, выраженное ея мужемъ. Торжественно, въ церкви Влахернской Божіей Матери, въ присутствіи собравшагося народа, она объявила передъ святымъ алтаремъ, что принимаетъ какъ сына племянника своего мужа, послѣ чего новый царевичъ получилъ титулъ кесаря и сталъ наслѣдникомъ престола.

Какъ всѣ члены его семьи, Михаилъ V былъ крайне скромнаго происхожденія. Отецъ его былъ конопатчикомъ въ порту: вотъ почему народъ въ столицѣ, всегда склонный къ насмѣшкѣ, далъ молодому кесарю прозвище Михаила Калафата, или конопатчика. Самъ онъ былъ человѣкъ очень неважный, злой, неблагодарный, скрытный, полный глухой ненависти ко всѣмъ своимъ благодѣтелямъ. Дядя его, императоръ Михаилъ, хорошо его знавшій, не очень любилъ его, и хотя приблизилъ къ престолу, но держалъ въ сторонѣ отъ дѣлъ и придворной жизни. Дядя его, евнухъ Іоаннъ, хотя племянникъ дѣлалъ видъ, что питаетъ къ нему большое почтеніе, тоже не довѣрялъ ему. Онъ дѣйствительно вполнѣ оправдалъ всѣ опасенія.

Передача власти произошла, во всякомъ случаѣ, безъ затрудненій, когда умеръ Михаилъ IV. Старая Зоя со своей слабой душой, которую такъ „легко было покорить“, по словамъ Пселла, готова была на все, что отъ нея требовали. Евнухъ Іоаннъ, ея прежній врагъ и преслѣдователь, долженъ былъ только показать, что имѣетъ къ ней большое почтеніе; онъ бросился къ ея ногамъ, заявляя, что ничто въ государствѣ не могло быть сдѣлано помимо нея; онъ клялся ей, что ея

пріемный сынъ, если вступитъ на престолъ, будетъ только называться императоромъ, а вся полнота власти останется за ней. Околдованная льстивыми рѣчами этой искусно разыгранной комедіи, восхищенная тѣмъ, что такъ неожиданно видитъ вновь почетъ и можетъ вновь имѣть вліяніе, Зоя согласилась на все, чего отъ нея хотѣли, и Михаилъ V былъ провозглашенъ императоромъ.

Новый царь плохо отблагодарилъ всѣхъ тѣхъ, кто способствовалъ его возвышенію. Онъ началъ съ того, что отдѣлался отъ своего дяди Іоанна, назначивъ на его мѣсто первымъ министромъ съ титуломъ новилиссима другого своего дядю, Константина. Затѣмъ онъ рѣшилъ, что Зоя его стѣсняетъ. И онъ такъ же, какъ нѣкогда Михаилъ IV, сначала выказывалъ своей пріемной матери большое почтеніе: „Это моя императрица, монархиня, повторялъ онъ, говоря о ней. Я всецѣло принадлежу ей“! Но скоро онъ ее отстранилъ, урѣзывая сумму необходимыхъ на ея расходы денегъ, отказывая ей въ почестяхъ, приличествовавшихъ ея сану, удаляя ее въ гинекей, гдѣ держалъ подъ строгимъ надзоромъ, отнимая у нея преданныхъ ей женщинъ, открыто издѣваясь надъ ней. Окружавшіе его приближенные прямо говорили, что онъ умно сдѣлалъ бы, еслибы лишилъ старую царицу престола, разъ что не хочетъ испытать на себѣ судьбу своихъ предшественниковъ. Михаилъ V рѣшилъ, что онъ достаточно силенъ, чтобы попытать такое дѣло. Онъ думалъ, что пользуется популярностью въ столицѣ: развѣ во время праздника Пасхи народъ не встрѣчалъ его на улицахъ съ такимъ неописуемымъ восторгомъ, что по всему его пути подъ

ноги его лошади постилали дорогіе ковры? Вѣря въ сбою счастливую судьбу, гордый тѣмъ, что осмѣливался предпринять, презирая всѣ совѣты, онъ 18 апрѣля 1042 года рѣшилъ изгнать свою благодѣтельницу.

Въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ Зою арестовали въ ея покояхъ подъ тѣмъ предлогомъ, что она хотѣла отравить императора, и, несмотря на ея крики и сопротивленіе, поспѣшно посадили съ одной служанкой на судно, отправлявшееся на сосѣдній островъ Принкипо. Тамъ, согласно приказанію царя, она была заключена въ монастырь, облечена въ монашеское одѣяніе, и длинные ея волосы, теперь сѣдые, пали подъ ножницами и были доставлены Михаилу V, чтобы показать ему, что воля его исполнена. Избавившись такимъ образомъ отъ императрицы и считая ее навсегда умершей для міра, царь созвалъ сенатъ и торжественно возвѣстилъ о паденіи царицы. Но онъ забылъ въ своихъ расчетахъ о традиціонной привязанности народа къ македонской династіи. Какъ только по городу прошла вѣсть о покушеніи, обнаружилось большое волненіе; всюду только и видны были огорченныя лица, раздраженныя физіономіи, слышались тревожныя рѣчи, сходились на шумныя сборища, съ трудомъ разгоняемыя стражей; женщины въ особенности выказывали крайнее волненіе и наполняли улицы своими криками. И когда на форумѣ Константина показался префектъ города, чтобы прочесть толпѣ императорскій указъ, возвѣщавшій о происшедшемъ событіи, не успѣлъ онъ еще кончить чтеніе, какъ чей-то голосъ вдругъ крикнулъ: „Не хотимъ, чтобы нашимъ

императоромъ былъ Калафатъ! Хотимъ законную наслѣдницу, мать нашу Зою!“ Этимъ словамъ отвѣчалъ крикъ несмѣтныхъ голосовъ: „Смерть Калафату!“ Революція разразилась.

Народъ спѣшно вооружался всѣмъ, что только попадало подъ руки, и громадная толпа неудержимымъ потокомъ стала затоплять улицы города. Разбивались тюрьмы, грабили, поджигали дома. Скоро осадили и дворецъ. По совѣту дяди своего Константина, храбро явившагося съ своими людьми на помощь царю и организовавшаго сопротивленіе, Михаилъ V рѣшился сдѣлать уступку бунтовщикамъ. Поспѣшно отправлены были люди въ монастырь, гдѣ жила Зоя, и ее привезли оттуда въ священный дворецъ, крайне встревоженную отъ неизвѣстности, что ее ожидаетъ. Все съ той же поспѣшностью и не давъ ей даже времени снять съ себя монашеское одѣяніе, ее отвели въ императорскую ложу ипподрома, и Михаилъ V вмѣстѣ съ ней вышелъ къ возмутившемуся народу. Но при видѣ своей монархини, лишенной царскаго одѣянія, раздраженіе толпы, которую думали успокоить, еще возросло. Напрасно императоръ пытался обратиться къ народу съ рѣчью, бунтовщики отвѣчали ему бранью и бросаньемъ камней; и несчастный, возвратившись съ царицей во дворецъ, думалъ уже искать спасенія жизни въ бѣгствѣ, когда дядя его Константинъ снова возвратилъ ему бодрость и убѣдилъ его не сдаваться.

Въ это время въ святой Софіи одно неожиданное событіе дало новыя силы мятежникамъ.

У Зои, какъ извѣстно, была сестра Ѳеодора.

Ставъ ея соправительницей послѣ смерти Константина VIII, эта царица сейчасъ же показалась неудобной ненавидѣвшей ее старшей сестрѣ, хотя по церемоніалу она занимала мѣсто ниже Зои. Содержавшаяся сначала въ самомъ дворцѣ подъ тайнымъ надзоромъ, она затѣмъ была обвинена въ заговорѣ противъ существующаго строя, и подъ этимъ предлогомъ ее удалили отъ двора и сослали въ Петрійскій монастырь; затѣмъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, ссылаясь на то, что иначе невозможно, по словамъ одного лѣтописца, положить конецъ „интригамъ и скандаламъ“, Зоя самолично отправилась въ монастырь и въ своемъ присутствіи велѣла обрѣзать волосы Ѳеодорѣ; жизнь этой царицы казалась конченной. Она сама, впрочемъ, легко мирилась съ своей судьбой, довольная знаками внѣшняго отличія и почета, сохраненными за ней вслѣдствіе благорасположенія къ ней императора Романа, ея зятя; и мало-по-малу отшельница Ѳеодора была забыта. Михаилъ IV обращался съ ней, какъ и съ Зоей, довольно плохо. Михаилъ V пошелъ дальше; онъ, казалось, и не подозрѣвалъ даже, что, помимо Зои, существовала еще законная наслѣдница Константина VIII, и затруднился бы отвѣтомъ, если бы его спросили, жива Ѳеодора или нѣтъ?

Революція 1042 года внезапно выдвинула на первый планъ эту забытую монахиню. Когда Михаилъ V свергнулъ свою благодѣтельницу, мятежники, ища какого-нибудь законнаго представителя власти, чтобы противоставить его узурпатору, вспомнили о Ѳеодорѣ. Она, впрочемъ, имѣла друзей среди прежнихъ служителей сво-

его отца, а также въ самомъ сенатѣ. Эти государственные дѣятели поняли, что податливая и непостоянная Зоя способна, чуть только вновь утвердится на тронѣ, вернуть всѣ свои милости человѣку, обобравшему ее, и чтобы извлечь всѣ выгоды изъ революціи, важно дать въ соправительницы старой и слабой царицѣ болѣе энергичную монархиню. Вотъ почему бросились въ Петрійскій монастырь и предложили престолъ отшельницѣ, а такъ какъ она отказывалась и сопротивлялась, толпа увлекла ее почти силой. Ей набросили на плечи царскую одежду, посадили на лошадь и среди обнаженныхъ мечей, при шумѣ и привѣтственныхъ кликахъ, она проѣхала черезъ городъ прямо къ св. Софіи. Патріархъ, очень преданный македонскому дому, ожидалъ ее тамъ для провозглашенія царицей. Мятежники нашли себѣ императрицу.

Это произошло въ понедѣльникъ вечеромъ. Первой заботой новаго правительства, учрежденнаго въ Великомъ храмѣ, было провозгласить низверженіе Михаила V и назначить новаго градоначальника, чтобы обезпечить себѣ столицу. Но покуда держался дворецъ, дѣло отнюдь не могло считаться выиграннымъ. Во вторникъ дрались цѣлый день подъ стѣнами императорской резиденціи, и во время кровопролитныхъ приступовъ пало болѣе трехъ тысячъ человѣкъ. Однако, вечеромъ подъ натискомъ осаждающихъ ворота подались, и въ то время, какъ толпа предавалась разграбленію покоевъ, императоръ съ дядей своимъ новилиссимомъ и нѣсколькими приближенными успѣлъ добраться до судна и моремъ переправиться въ Студійскій монастырь.

Оба побѣжденные, царь и министръ, облачились тамъ въ одежду иноковъ, надѣясь тѣмъ спасти свою жизнь.

Побѣдоносный народъ торжествовалъ. „Иные, говоритъ Пселлъ въ интересномъ мѣстѣ своего повѣствованія, приносили дары Богу; другіе привѣтствовали императрицу; простой народъ, собираясь толпами на площадяхъ, пѣлъ хоромъ стихи, подходившіе къ случаю, и танцовалъ“. Зоя, освобожденная Михаиломъ V передъ его бѣгствомъ и тотчасъ вновь овладѣвшая властью во дворцѣ, была счастлива не менѣе другихъ и вслѣдствіе этого крайне склонна къ прощенью. Но въ св. Софіи партія Ѳеодоры была менѣе склонна къ снисхожденію, и толпа, уже заставившая Зою признать сестру соправительницей, властно требовала теперь казни виновныхъ. Напрасно Зоя пыталась убѣдить сенатъ въ важномъ значеніи милосердія; напрасно съ дворцоваго балкона держала она рѣчь народу и благодарила его. Когда она заговорила о низверженномъ императорѣ и спросила, какъ надлежало поступить съ нимъ, отвѣтомъ ей былъ единодушный крикъ: „Смерть злодѣю, нечестивцу! На колъ его! Распни его! Ослѣпи его!“

Въ то время, какъ Зоя колебалась, Ѳеодора, увѣренная въ своей популярности, дѣйствовала. По ея приказанію префектъ города подъ дикіе крики народа извлекъ изъ Студійскаго святилища низверженнаго императора и новилиссима, и на улицѣ, на глазахъ людей, набросившихся „какъ дикіе звѣри“ на своихъ жертвъ, онъ велѣлъ выколоть имъ глаза. Послѣ этого ихъ сослали. Революція окончилась.

Въ эту критическую минуту Ѳеодора дѣйствительно спасла положеніе, благодаря своему вмѣшательству, своей энергіи и рѣшимости, и она же, по выраженію Пселла, „низвергнула тиранію“. Поэтому Зоѣ пришлось раздѣлить съ сестрой плоды побѣды. Несомнѣнно, она всякаго другого предпочла бы этой ненавистной соправительницѣ, она скорѣй согласилась бы, говоритъ прямо Пселлъ, видѣть рядомъ съ собой на тронѣ конюха, чѣмъ дѣлиться имъ съ Ѳеодорой; вотъ почему она съ такимъ же рвеніемъ спасала Михаила V, съ какимъ партія ея соперницы старалась его погубить. Но у Зои не было выбора. Сенатъ, народъ были за ея сестру. Она уступила. Она помирилась съ Ѳеодорой, заключила ее въ объятія, предложила ей половину власти и съ большой торжественностью послала за ней въ св. Софію, чтобы водворить ее въ священномъ дворцѣ. Ѳеодора, попрежнему скромная, согласилась принять власть съ однимъ условіемъ, чтобы первое мѣсто оставалось за старшей сестрой, и тогда призошла странная вещь, какой никогда еще не видала Византія: гинекей сталъ официальнымъ государственнымъ центромъ, имперіей правили двѣ старыя женщины. И что еще страннѣе: эти двѣ старыя женщины сумѣли заставить себя слушаться.

Между тѣмъ рѣдко двѣ близкія родственницы были, какъ нравственно, такъ и физически, до такой степени мало похожи другъ на друга, какъ эти двѣ сестры. Насколько Зоя была красива, хорошо сложена, изящна, настолько Ѳеодора, хотя на нѣсколько лѣтъ моложе нея, обижена была въ этомъ отношеніи природой: она была дурна собой,

и на слишкомъ длинномъ тѣлѣ слишкомъ маленькая голова поражала отсутствіемъ симметріи. Насколько Зоя была жива, вспыльчива, легкомысленна, настолько Ѳеодора положительна, спокойна, медлительна, когда надлежало принять какое-нибудь рѣшеніе. Зоя бросала деньги направо и налѣво, нерасчетливая, расточительная, безумно щедрая. Ѳеодора умѣла считать: очень экономная,—быть можетъ, потому, что раньше чѣмъ царствовать никогда не имѣла въ рукахъ много денегъ, —она любила складывать свое богатство въ объемистые ларцы; она мало тратила на себя, ничуть не любя роскоши, и еще меньше на другихъ, не будучи совсѣмъ склонной дарить. Насколько, наконецъ, Зоя была пылкою и страстной, настолько Ѳеодора была цѣломудренна, благопристойна, безупречна: она всегда рѣшительно отказывалась выйти замужъ. Въ концѣ концовъ довольно добродушная, любезная, привѣтливая, сдержанная, непримѣтная, скромная, она, казалось, была создана на вторыя роли и охотно съ этимъ мирилась. Однако, у нея было одно качество: она хорошо говорила и любила говорить и могла также, при случаѣ, какъ мы видѣли, проявить нѣкоторую энергію. Въ общемъ, какъ и Зоя, это была женщина посредственная, безъ твердой воли, и мало послѣдовательная. Но, несмотря на присущую обѣимъ посредственность, эти двѣ сестры были слишкомъ различны, чтобы очень любить другъ друга и жить долго въ согласіи.

Пселлъ нарисовалъ очень интересную картину, которую представлялъ въ то время дворъ. Ежедневно, согласно этикету, обѣ императрицы въ парадномъ одѣяніи приходили и садились ря-

домъ на царскій тронъ; подлѣ нихъ занимали свои мѣста ихъ совѣтники; а кругомъ, образуя двойной кругъ, выстраивались стражники, мечеиосцы, варяги, вооруженные тяжелыми обоюдоострыми сѣкирами, всѣ съ опущенными, изъ уваженія къ полу монархинь, глазами. И сбѣ царицы судили, принимали посланниковъ, рѣшали государственныя дѣла, и порой слышался ихъ тихій голосъ, когда онѣ отдавали приказанія, или отвѣчали на вопросы, иногда рискуя даже высказать свою личную волю. И гражданскіе и военные чины одинаково повиновались этимъ мягкимъ и ловкимъ женскимъ рукамъ.

Но такъ какъ, въ сущности, обѣ были довольно неспособны, такой порядокъ не могъ продолжаться долго. Роскошь двора—всѣ, точно при внезапной перемѣнѣ декораціи, теперь соперничали другъ съ другомъ въ великолѣпіи,—и безумная расточительность Зои скоро истощили казну. Разъ не хватало денегъ, вѣрноподданническія чувства становились слабѣе, и все больше и больше, все настоятельнѣй стала чувствоваться потребность въ твердой мужской рукѣ; кромѣ того, такое совмѣстное пребываніе двухъ враждующихъ между собой сестеръ, продолжаясь долго, становилось затруднительнымъ, и дворъ между ними двумя раздѣлился на двѣ враждебныя партіи. Чтобы покончить съ такимъ положеніемъ, Зоя рѣшила, что оставалось только одно: выйти въ третій разъ замужъ. Ей было тогда шестьдесятъ четыре года.

V.

Принявъ такое рѣшеніе,—и надо сказать, какъ ни странно это можетъ показаться, что всѣ приближенные ее въ этомъ поддерживали,—старая императрица принялась искать себѣ мужа. Прежде всего она подумала о Константинѣ Далассинѣ, котораго Константинъ VIII хотѣлъ нѣкогда дать ей въ мужья. Но этотъ важный вельможа, большой честолюбецъ, не разъ даже заподозрѣнный въ томъ, что замышлялъ государственный переворотъ, не высказывалъ ни достаточно покладистости, ни должнаго почтенія, приличествующихъ царю-супругу. Онъ откровенно высказался, поставилъ свои условія, сообщилъ планы большихъ реформъ, твердыя и мужественныя рѣшенія. Не такого императора желали во дворцѣ, и этого неудобнаго человѣка отправили въ его провинцію. Тогда Зоя вспомнила о своемъ прежнемъ фаворитѣ, церемоніймейстерѣ Константинѣ, вслѣдствіе ревности Михаила IV удаленномъ изъ Константинополя. По характеру послѣдній вполнѣ годился; къ несчастью, какъ нѣкогда Романъ Аргиръ, онъ былъ женатъ, и жена его не была такъ покладиста, какъ жена Романа; она предпочла скорѣе отравить мужа, чѣмъ уступить его другой.

Наконецъ, послѣ многихъ безплодныхъ попытокъ, царица вспомнила объ одномъ изъ своихъ прежнихъ друзей, Константинѣ Мономахѣ. Свойственникъ Романа III, онъ лѣтъ двѣнадцать-тринадцать передъ тѣмъ игралъ большую роль при дворѣ и своимъ изяществомъ, красотой, краснорѣчіемъ и умѣньемъ забавлять монархиню такъ

понравился Зоѣ, что о немъ и о ней очень много говорили, и первой заботой Михаила IV, когда онъ взошелъ на престолъ, было отправить въ ссылку этого заподозрѣннаго имъ приближеннаго. Но Зоя его не забыла; она воспользовалась революціей 1042 года, сняла съ него опалу и назначила на мѣсто губернатора Эллады; теперь она надумала повысить его еще больше; и такъ какъ ея выборъ былъ очень пріятенъ всѣмъ ее окружавшимъ, — весь дворъ, дѣйствительно, былъ крайне заинтересованъ этимъ брачнымъ вопросомъ,—она рѣшила остановиться на немъ.

Одному изъ камергеровъ Августы было поручено отвезти новому фавориту императорское облаченіе, символъ и залогъ его высокой доли, и немедленно привезти его въ Константинополь. 11 іюня 1042 года онъ торжественно вступилъ въ столицу при восторженныхъ кликахъ толпы; затѣмъ во дворцѣ было совершено съ большою пышностью бракосочетаніе; и хотя патріархъ не счелъ возможнымъ самолично благословить этотъ третій бракъ, не одобряемый греческой церковью, (Зоя, какъ извѣстно, была дважды вдовой, и Константинъ былъ тоже два раза женатъ), византійскіе патріархи были вообще слишкомъ придворныхъ нравовъ и слишкомъ тонкими политиками, чтобы долго противиться власти. „Уступая обстоятельствамъ, лукаво замѣчаетъ Пселлъ, или, вѣрнѣе, волѣ Божьей“, онъ послѣ церемоніи ласково облобызалъ новыхъ супруговъ. „Былъ ли это вполнѣ каноническій поступокъ, иронически прибавляетъ писатель, или чистая лесть? Я этого не знаю“. Какъ бы то ни было, Византія имѣла императора.

Физически новый монархъ вполнѣ оправдывалъ выборъ императрицы. Это былъ очень красивый человѣкъ. „Онъ былъ хорошъ, какъ Ахиллъ, говоритъ Пселлъ, природа въ лицѣ его явила образецъ совершенства“. Лицо его было прелестно; онъ обладалъ свѣтлой кожей, тонкими чертами, восхитительной улыбкой, все лицо свѣтилось гармонической прелестью. Удивительно пропорціональный, онъ имѣлъ хорошо сложенную, изящную фигуру, тонкія красивыя руки. Однако, страннымъ образомъ, подъ этой нѣсколько изнѣженной наружностью скрывалась большая крѣпость тѣла. Обученный всѣмъ тѣлеснымъ упражненіямъ, прекрасный наѣздникъ, превосходный скороходъ, крѣпкій борецъ, Константинъ таилъ въ себѣ большіе запасы силы. Тѣ, кому онъ, шутки ради, жалъ руку, чувствовали это потомъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, и не было такого твердаго предмета, котораго онъ не могъ бы сломать однимъ усиліемъ своихъ нѣжныхъ выхоленныхъ рукъ.

Это былъ тонкій обольститель и, кромѣ того, человѣкъ прелестный. Голосъ онъ имѣлъ нѣжный и хорошо говорилъ. Отъ природы привѣтливаго нрава, онъ всегда былъ веселъ, улыбался, вѣчно расположенный забавляться самъ и забавлять другихъ. Но, самое главное, это былъ добрый малый, отнюдь не высокомѣрный, отнюдь не тщеславный, безъ фанфаронства, не злопамятный, всегда готовый дѣлать всѣмъ удовольствіе. У него были еще и другія качества. Хотя довольно вспыльчивый, такъ что при малѣйшемъ волненіи кровь бросалась ему въ лицо, онъ добился того, что вполнѣ могъ владѣть собой; и

держа себя всегда въ рукахъ, онъ былъ справедливъ, человѣченъ, привѣтливъ, прощая даже тѣхъ, кто вступалъ противъ него въ заговоръ. „Я никогда не видалъ, говоритъ Пселлъ, болѣе симпатичнаго человѣка“. Онъ былъ щедръ до расточительности и любилъ говорить, напоминая тѣмъ Тита, что когда ему не удавалось проявить щедрости или человѣчности, то онъ считалъ такой день пропащимъ въ своей жизни. Дѣйствительно, его снисходительность граничила иногда со слабостью; чтобы сдѣлать удовольствіе своимъ друзьямъ, ему случалось раздавать необдуманно самыя высокія государственныя должности. Щедрость его часто доходила до расточительности, такъ онъ любилъ видѣть вокругъ себя людей счастливыхъ и довольныя лица. Онъ не умѣлъ ни въ чемъ отказывать ни женѣ, ни любовницамъ, всегда готовый дарить, всегда готовый забавляться; и ещé онъ часто повторялъ, что обязанность всякаго вѣрноподданнаго участвовать въ придворныхъ увеселеніяхъ.

Не будучи ученымъ, Константинъ былъ человѣкъ умный; умъ у него былъ живой, и онъ любилъ общество литераторовъ. Онъ приблизилъ къ себѣ такихъ ученыхъ, какъ Константинъ Лихудъ, Ксифилинъ, Іоаннъ Мавроподъ, Пселлъ; по ихъ совѣту онъ вновь открылъ Константинопольскій университетъ и учредилъ тамъ школу правовѣдѣнія, чтобы обезпечить себѣ хорошихъ чиновниковъ.

Онъ сдѣлалъ больше; вмѣсто того, чтобы раздавать должности соотвѣтственно знатности рода, онъ давалъ ихъ по заслугамъ; и для осущест-

вленія этой реформы онъ самъ ввѣрилъ управленіе ученымъ людямъ, своимъ друзьямъ. Лихудъ былъ сдѣланъ первымъ министромъ, Пселлъ оберкамергеромъ и государственнымъ секретаремъ, Ксифилинъ хранителемъ печати, Мавроподъ тайнымъ совѣтникомъ. Благодаря всему этому, Константинъ сдѣлался очень популяренъ. Наконецъ, онъ отличался мужествомъ. Быть можетъ, эта добродѣтель происходила у него, въ сущности, отъ нѣсколько фаталистическаго равнодушія—какое онъ часто любилъ выказывать—заставлявшаго его даже ночью не имѣть стражи у дверей своихъ покоевъ. Но откуда бы это мужество ни происходило, оно было подлиннымъ и проявилось во многихъ случаяхъ. И если взять въ соображеніе, что въ общемъ византійская имперія одержала въ царствованіе Константина Мономаха не одну побѣду и пользовалась большую часть времени миромъ, сохранивъ весь свой былой престижъ, быть можетъ, придется сдѣлать выводъ, что этотъ царь въ сущности вовсе не былъ такимъ плохимъ монархомъ, какъ утверждали позднѣе его хулители.

Къ несчастію, важные недостатки портили эти неоспоримыя достоинства: Мономахъ любилъ удовольствія, женщинъ, легкій и роскошный образъ жизни. Достигнувъ престола случайно, вслѣдствіе удачи, онъ, главнымъ образомъ, видѣлъ въ верховной власти средство для удовлетворенія своихъ прихотей. „Спасшись отъ страшной бури, живописно выражается Пселлъ, онъ причалилъ къ счастливымъ берегамъ и къ тихой пристани царства и не думалъ о томъ, что можетъ быть вновь выброшенъ въ открытое море“.

Поэтому онъ мало заботился о государственныхъ дѣлахъ, предоставляя эту заботу своимъ министрамъ. Тронъ былъ для него, по словамъ Пселла, лишь „отдыхомъ отъ трудовъ и утоленіемъ его желаній“. Или, какъ выразился одинъ современный историкъ, „послѣ правленія женщинъ наступило правленіе волокиты и кутилы“ *).

Будучи крайне влюбчиваго темперамента, Константинъ всегда любилъ приключенія, и нѣкоторыя изъ нихъ еще до восшествія его на престолъ надѣлали довольно много шуму. Женившись два раза и дважды овдовѣвъ, онъ утѣшился тѣмъ, что влюбился въ одну молодую дѣвушку, племянницу своей второй жены, принадлежавшую къ знатному роду Склировъ. Ее звали Склиреной, она обладала красотой и умомъ; Пселлъ, знавшій ее, изображаетъ ее крайне соблазнительной: „Не то чтобы красота ея была безупречна, говоритъ онъ; но она нравилась своимъ разговоромъ, гдѣ совершенно отсутствовало всякое злословіе, всякое издѣвательство. Такъ сильна была нѣжность и ласковость ея души, что она могла бы тронуть самое черствое сердце. У нея былъ несравненный голосъ, мелодичная, почти ораторская дикція; было въ ея рѣчи особое, свойственное ей очарованіе, и когда она говорила, въ каждомъ ея словѣ звучала невыразимая прелесть. Она любила, прибавляетъ ученый мужъ, разспрашивать меня объ эллинскихъ миѳахъ и въ разговорахъ своихъ касалась вещей, какія узнавала отъ людей науки. Она

---

*) Rambaud, Michel Psellos (Rev. hist., T. III, 1877).

обладала, какъ ни одна женщина въ мірѣ, талантомъ умѣть слушать“ *).

Всѣмъ другимъ она нравилась такъ же, какъ Пселлу. Въ первый разъ, что она появилась въ императорской процессіи, одинъ придворный, умный и образованный, привѣтствовалъ ее, обратившись къ ней съ тонкимъ высоколестнымъ комплиментомъ, приводя первыя слова прекраснаго мѣста Гомера, гдѣ троянскіе старцы, сидя на городскихъ стѣнахъ, говорятъ при видѣ проходящей Елены, сіяющей красотой: „Нѣтъ, не заслуживаетъ порицанія, что троянцы и греки претерпѣваютъ столько бѣдствій ради такой прекрасной женщины“. Намекъ былъ очень тонкій и очень лестный; всѣ сразу его уловили и одобрили. И не служитъ ли это доказательствомъ утонченности культуры византійскаго общества XI вѣка, нѣкоторыми чертами представляющагося намъ такимъ варварскимъ и являющагося въ этомъ разсказѣ преисполненнымъ великими традиціями классической Греціи, способнымъ къ самому тонкому пониманію, обладающимъ литературнымъ вкусомъ и возвышенными идеями?

Въ началѣ своей связи съ Склиреной Константинъ Мономахъ охотно бы женился на ней. Но греческая церковь, какъ извѣстно, была крайне строга относительно третьяго брака, особенно когда хотѣвшіе заключить его были простыми смертными; Константинъ не осмѣлился пренебречь ея запретами. Онъ продолжалъ жить съ своей

---

*) Заимствую это мѣсто изъ выше упомянутой статьи Рамбо.

любовницей, и это была главная и большая страсть его жизни. Любовники не могли обходиться другъ безъ друга; даже само несчастье не разлучило ихъ. Когда Мономахъ былъ изгнанъ, Склирена послѣдовала за нимъ на Лесбосъ, предоставивъ въ его распоряженіе все свое состояніе, утѣшая его въ бѣдѣ, ободряя его упавшій духъ, баюкая его надеждой на будущее возмездіе, увѣряя его, что наступитъ день, когда онъ будетъ императоромъ, и что въ этотъ день они навѣки соединятся въ законномъ бракѣ. Вмѣстѣ съ нимъ, не выказывая ни сожалѣній, ни слабости, эта изящная молодая женщина провела семь лѣтъ на далекомъ островѣ, и, понятно, когда счастливый случай возвелъ Константина на престолъ, онъ не могъ забыть ту, которая его такъ любила.

Въ объятіяхъ Зои онъ думалъ все-таки о Склиренѣ. Кончилось тѣмъ, что, несмотря на извѣстную всѣмъ ревность императрицы, несмотря на благоразумные совѣты друзей и сестры своей Евпрепіи, онъ добился того, что любовница его получила разрѣшеніе возвратиться въ Константинополь. Съ самаго вечера своего брака онъ говорилъ о ней съ Зоей, очень ловко и сдержанно, конечно, какъ объ особѣ, заслуживающей снисхожденія ради ея семьи; скоро онъ добился того, что жена написала Склиренѣ, приглашая ее явиться во дворецъ и завѣряя ее въ своей милости. Молодая женщина сильно подозрѣвала, что царица очень ее не долюбливаетъ, и только наполовину вѣрила этому неискреннему посланію, но она обожала Константина и вернулась. Тотчасъ императоръ повелѣлъ выстроить своей фа-

вориткѣ великолѣпный дворецъ; ежедневно, подъ предлогомъ наблюденія за работами, онъ отправлялся къ Склиренѣ и проводилъ съ ней долгіе часы. Свита императора, получавшая во время этихъ посѣщеній всевозможныя обильныя угощенія, поощряла, какъ только могла, эти свиданія, и придворные, чуть замѣчали во время офиціальныхъ церемоній по скучающему виду монарха, что онъ хочетъ отправиться къ своей любовницѣ, одинъ передъ другимъ начинали изощряться въ изысканіи средствъ, чтобы дать ему возможность вырваться и поспѣшить къ своей возлюбленной.

Скоро эта связь стала извѣстна всѣмъ. Императоръ устроилъ Склиренѣ дворъ и далъ ей охранную стражу; онъ осыпалъ ее удивительными подарками: такъ однажды онъ послалъ ей огромную бронзовую чашу, покрытую прелестной рѣзьбой и наполненную драгоцѣнностями; и каждый день были новые подарки, для которыхъ опустошались сбереженія казны. Въ концѣ концовъ онъ сталъ обращаться со Склиреной, какъ съ признанной и законной женой. Ей отвели собственные покои во дворцѣ, куда Константинъ свободно отправлялся во всякое время, и она получила титулъ с е в а с т ы, поставившій ее на первое мѣсто тотчасъ послѣ обѣихъ старыхъ императрицъ.

Въ противность общему ожиданію, Зоя отнеслась къ этому событію очень спокойно. „Она была въ томъ возрастѣ, говоритъ довольно нескромно Пселлъ, когда перестаютъ быть чувствительными къ подобнаго рода страданіямъ". Она старѣла и старѣя очень измѣнялась. Она

не любила больше нарядовъ, она не была больше ревнива; подъ конецъ жизни она становилась набожной. Цѣлыми часами простаивала она теперь передъ святыми иконами, обнимая ихъ, разговаривая съ ними, называя ихъ самыми нѣжными именами; а то, вся въ слезахъ, она падала ницъ передъ образами въ припадкѣ мистическаго экстаза, принося Богу остатки любви, такъ щедро расточавшейся ею раньше другимъ.

Поэтому она безъ труда пошла на самые странные компромиссы. Она возвратила Константину его свободу, разрѣшила ему прекратить всякія близкія сношенія съ ней, и съ этой цѣлью супругами былъ подписанъ официальный актъ, названный „дружескимъ контрактомъ“, и должнымъ образомъ скрѣпленный сенатомъ. Склирена получила чинъ при дворѣ; она стала появляться въ официальныхъ процессіяхъ; ее начали называть царицей. Зоя смотрѣла на все это съ восхищеніемъ и улыбкой; она ласково цѣловала свою соперницу, и между этими двумя женщинами Константинъ Мономахъ чувствовалъ себя счастливымъ. Придумали даже для удобства сожительства прелестное устройство. Императорскіе покои были раздѣлены на три части. Императоръ оставилъ себѣ центръ; Зоя и Склирена заняли одна покои направо, другая покои налѣво. И по безмолвному соглашенію, Зоя впредь никогда не входила къ царю, если Склирена находилась съ нимъ, а лишь тогда, когда знала, что онъ одинъ. И эта комбинація казалась всѣмъ верхомъ изобрѣтательности.

Однако, жители столицы не очень-то одобряли это странное сожительство. Одинъ разъ, когда

Константинъ ѣхалъ въ церковь св. Апостоловъ, въ ту самую минуту, когда императоръ выходилъ изъ дворца, кто-то крикнулъ изъ толпы: „Не хотимъ Склирену императрицей! Не хотимъ, чтобы изъ за нея умирали наши матушки, Зоя и Ѳеодора!“ Вся толпа подхватила этотъ крикъ, произошло смятеніе, и еслибы не вмѣшались старыя царицы, появившіяся въ это время на балконѣ императорской резиденціи и успокоившія чернь, Мономахъ могъ бы поплатиться на этотъ разъ своей головой.

До послѣдняго дня ея жизни Константинъ оставался вѣренъ Склиренѣ. Когда она умерла отъ неожиданной и случайной болѣзни, онъ былъ безутѣшенъ. Жалуясь, какъ ребенокъ, онъ выставлялъ передъ всѣми на показъ свое горе; онъ устроилъ возлюбленной пышныя похороны, соорудилъ ей великолѣпную гробницу. Затѣмъ, такъ какъ онъ былъ мужчина, онъ сталъ искать другихъ любовницъ. Въ концѣ концовъ, послѣ нѣсколькихъ мимолетныхъ увлеченій, онъ влюбился въ одну маленькую Аланскую царевну, жившую въ качествѣ заложницы при византійскомъ дворѣ. Она, повидимому, не была очень хорошенькой, но, по мнѣнію Пселла, у нея двѣ вещи были удивительныя: бѣлизна кожи и несравненные глаза. Съ того дня, какъ императоръ увидѣлъ эту юную дикарку, онъ забылъ для нея всѣ остальныя побѣды; и страсть его приняла такіе размѣры, что, когда Зоя умерла, онъ серьезно думалъ объявить сначала о своей связи, а затѣмъ вступить съ ней въ законный бракъ.

Однако, онъ не рѣшился дойти до этого, боясь грома и молніи со стороны церкви, а также изъ

страха упрековъ своей строгой свояченицы Ѳеодоры. Но во всякомъ случаѣ онъ пожаловалъ своей фавориткѣ титулъ севасты, тотъ самый, что даровалъ нѣкогда Склиренѣ, онъ окружилъ ее всѣмъ блескомъ и пышностью императорскаго сана; онъ осыпалъ ее золотомъ и драгоцѣнностями. И вотъ маленькая черкешенка, сверкая золотомъ на головѣ и груди, съ золотыми змѣйками на рукахъ, съ крупнѣйшимъ жемчугомъ въ ушахъ, съ золотымъ поясомъ и драгоцѣнными камнями вокругъ тонкой таліи, стала появляться на всѣхъ дворцовыхъ празднествахъ, какъ настоящая красавица гарема. Для нея, а также для ея родителей, ежегодно пріѣзжавшихъ изъ далекой Аланіи, чтобы навѣстить дочь, императоръ до чиста опустошилъ казну; и всѣмъ онъ представлялъ ее, какъ свою жену и законную императрицу. Однако, эта фаворитка должна была въ послѣднее время его жизни причинить большое огорченіе монарху, безумно влюбленному въ ея чудные глаза.

VI.

Итакъ, около половины XI вѣка, въ правленіе Константина Мономаха и Зои, дворецъ и дворъ византійскій представляли дѣйствительно любопытное и довольно странное зрѣлище.

При томъ образѣ жизни, какой любилъ вести императоръ, здоровье его быстро разстроилось. Это уже не былъ больше прежній Мономахъ, такой изящный и въ то-же время такой крѣпкій. Теперь онъ постоянно страдалъ желудкомъ, а главное, подагрой. Припадки ея были такъ силь-

ны, что его изуродованныя и искривленныя руки не могли больше держать никакого предмета; больныя распухшія ноги отказывались его носить. Иногда, во время пріема, онъ не въ состояніи былъ встать; ему приходилось тогда принимать въ постели; но и въ лежачемъ положеніи боль становилась очень скоро невыносимой, и служители безпрестанно должны были его переворачивать съ мѣста на мѣсто. Часто ему было больно даже говорить. Но въ особенности жалокъ былъ его видъ, когда ему приходилось появляться на офиціальныхъ церемоніяхъ. Его поднимали на лошадь, и онъ пускался въ путь, съ двухъ сторонъ поддерживаемый, чтобы не упасть, двумя сильными служителями; вдоль всего его пути тщательно убирали камни, чтобы избавить его отъ внезапныхъ и слишкомъ сильныхъ толчковъ; и царь ѣхалъ такимъ образомъ, съ искаженнымъ лицомъ, коротко дыша, выронивъ узду, такъ какъ не могъ ее держать. Къ чести Константина надо прибавить, что онъ переносилъ свою болѣзнь очень бодро, съ постоянной улыбкой, всегда въ веселомъ настроеніи. Онъ говорилъ шутя, что Богъ навѣрно наслалъ на него эту болѣзнь, чтобы наложить узду на его слишкомъ пылкія страсти, и смѣялся, размышляя о своихъ страданіяхъ. Впрочемъ, чуть ему становилось лучше, онъ не считалъ нужнымъ лишать себя ни любовницы, ни другихъ удовольствій.

Подлѣ монарха жили обѣ старыя порфирородныя царицы, ставшія съ годами немного маніачками. Зоя проводила все время въ изготовленіи ароматовъ, зиму и лѣто запираясь въ жарко натоп-

ленныхъ комнатахъ и отрываясь отъ своего любимаго занятія только для того, чтобы воскуривать ѳиміамъ передъ дорогими ей образами и вопрошать ихъ о будущемъ; Ѳеодора считала и пересчитывала деньги, накопленныя въ ларцахъ, почти равнодушная ко всему остальному, совсѣмъ засохнувъ въ своей чистотѣ и святости. Вокругъ нихъ занимали свои мѣста главныя наложницы—Склирена, маленькая царевна Аланская и другія, придворные, фавориты, люди часто довольно низкаго происхожденія, которыми увлекался императоръ и поручалъ имъ тогда высшія должности въ государствѣ. И весь этотъ міръ забавлялся во всю и изо всѣхъ силъ старался забавлять императора.

Константинъ, дѣйствительно, любилъ посмѣяться. Когда хотѣли говорить съ нимъ о чемъ-нибудь серьезномъ, лучшее, единственное средство привлечь его вниманіе было отпустить сначала какую-нибудь шутку. Строгія, важныя лица его пугали, шутъ могъ сразу завоевать его милости. По правдѣ сказать, его больше всего забавляли грубые фарсы, тяжеловѣсныя шутки, всякое балагурство, сколько-нибудь выходящее изъ ряда вонъ. Музыка, пѣніе, танцы ему надоѣдали; онъ любилъ увеселенія другого рода, часто довольно сомнительнаго свойства. Пселлъ приводитъ нѣсколько примѣровъ подобныхъ шутокъ, и надо сознаться, что если онѣ казались смѣшными въ XI вѣкѣ, то намъ онѣ представляются довольно плоскими. Такъ, однимъ изъ большихъ удовольствій императора было слушать, какъ кто-нибудь заикается, напрасно силясь произнести ясно слово, и разсказываютъ, что одинъ при-

дворный имѣлъ очень большой успѣхъ во дворцѣ, прикидываясь страдающимъ полной афоніей, переходившей постепенно въ нечленораздѣльные звуки и жалкое заиканье. Этимъ милымъ талантомъ онъ привелъ Константина въ такой восторгъ, что сдѣлался первымъ фаворитомъ царя и съ тѣхъ поръ получилъ право свободно, во всякое время, входить къ императору, какъ близкій человѣкъ, жать ему руки, цѣловаться съ нимъ и обниматься, усаживаться со смѣхомъ къ нему на кровать; иногда даже онъ среди ночи шелъ къ нему и будилъ его, чтобы разсказать какую-нибудь болѣе или менѣе смѣшную исторію, а также выпросить у него по этому случаю какую-нибудь милость или подарокъ.

Имѣя всюду свободный доступъ, шутъ забирался даже въ гинекей, и увеселялъ тамъ всѣхъ придворныхъ своими разсказами и продѣлками. Онъ выдумывалъ даже исторіи про цѣломудренную Ѳеодору, увѣряя, будто у нея были дѣти, сообщая множество нескромныхъ подробностей объ этомъ и въ заключеніе наглядно представлялъ воображаемые роды царицы, подражая стонамъ родильницы, крикамъ новорожденнаго, вкладывая въ уста старой и корректной монархини всевозможныя смѣшныя и рискованныя выраженія. И всѣ покатывались со смѣху, не исключая самой Ѳеодоры, и шутъ скоро сталъ общимъ любимцемъ гинекея. Только серьезные люди нѣсколько страдали отъ этого, но, будучи настоящими придворными, они поступали какъ всѣ. „Мы были вынуждены смѣяться, говоритъ съ нѣкоторой горечью Пселлъ, тогда какъ скорѣе слѣдовало бы плакать“.

Увѣренный во всеобщемъ благоволеніи, этотъ странный фаворитъ сдѣлалъ еще лучше. Онъ по уши влюбился въ юную царевну Аланскую, и будучи забавнымъ, повидимому, пользовался довольно большимъ успѣхомъ у маленькой варварки. Опьяненный успѣхомъ и, кромѣ того, вполнѣ серьезно влюбленный въ эту красавицу, онъ вдругъ вознамѣрился въ припадкѣ ревности убить императора, своего соперника, и занять самому его мѣсто. Разъ вечеромъ его нашли съ кинжаломъ въ рукѣ у дверей спальни Мономаха. Его тотчасъ арестовали и на слѣдующій день его судилъ верховный судъ подъ предсѣдательствомъ царя. Но въ этомъ-то и заключается весь интересъ этого происшествія. Когда Константинъ увидалъ своего дорогого друга закованнымъ въ цѣпи, онъ поддался своей снисходительной слабости и до того растрогался при этомъ зрѣлищѣ, что слезы выступили у него на глазахъ. „Да развяжите же этого человѣка, воскликнулъ онъ, душа моя скорбитъ, видя его въ такомъ положеніи“. Затѣмъ онъ тихо попросилъ виновнаго откровенно сознаться, что могло его навести на мысль о такомъ преступленіи.

Тотъ объяснилъ это неодолимымъ желаніемъ облечься въ императорскія одѣянія и сѣсть на тронъ василевсовъ. При этомъ заявленіи Константинъ покатился со смѣху и тотчасъ приказалъ удовлетворить капризъ этого человѣка. Затѣмъ, обратившись къ своему фавориту: „Я сейчасъ надѣну тебѣ на голову корону, сказалъ онъ ему, я облачу тебя въ порфиру. Только прошу тебя, пусть у тебя будетъ опять твое всегдашнее лицо, будь, какъ всегда, веселъ и привѣтливъ“.

При этихъ словахъ никто изъ присутствующихъ, ни сами судьи не могли дольше оставаться серьезными, и большое празднество скрѣпило примиреніе императора и его друга.

Ободренный такой снисходительностью, шутъ продолжалъ, конечно, ухаживать за любовницей царя. Въ присутствіи всего двора, на глазахъ своего владыки онъ улыбался ей и обмѣнивался съ ней тайными знаками. Но Константинъ только смѣялся надъ этими продѣлками. „Посмотри на него, бѣднягу, говорилъ онъ Пселлу. Онъ все еще ее любитъ, и его прошлыя несчастья не послужили ему урокомъ". Вотъ „бѣдняга," пригодный для комедіи Мольера.

Въ то время, какъ этотъ легкомысленный монархъ терялъ время на подобный вздоръ,—это выраженіе принадлежитъ Пселлу,—въ то время какъ онъ растрачивалъ государственную казну на пустыя затѣи, на дорогія постройки, на дѣтскія и разорительныя фантазіи, забывая объ интересахъ войска, урѣзывая жалованье и уменьшая его наличный составъ, готовились событія первостепенной важности. Уже поднимались на горизонтѣ двѣ бури, которыя должны были обрушиться на имперію: норманы съ Запада, турки съ Востока. Внутри страны недовольство военной партіи, утомленной слабостью гражданской власти, раздраженной немилостью, постигшей самыхъ знаменитыхъ военачальниковъ, проявлялось въ грозныхъ заговорахъ. И наконецъ, пользуясь нерадѣніемъ Мономаха, честолюбивый патріархъ Михаилъ Кируллярій подготовлялъ разрывъ между Византіей и Римомъ.

VII.

Въ 1050 году порфирородная Зоя, достигнувъ тогда семидесяти двухъ лѣтъ, окончила свое долгое и мятежное существованіе. Константинъ Мономахъ, супругъ ея, уже въ теченіе восьми лѣтъ, какъ мы это видѣли, довольно мало занимавшійся ею, теперь, когда она умерла, счелъ своимъ долгомъ достойнымъ образомъ оплакать ее. Онъ сдѣлалъ еще лучше: онъ вздумалъ возвести ее въ чинъ святыхъ и сталъ всячески стараться открыть разныя чудеса, якобы творившіяся на ея могилѣ, желая доказать, что душа ея достигла блаженства. Это была слишкомъ большая честь для такой чувственной и страстной женщины, какъ Зоя, не разъ производившей скандалъ и при дворѣ и во всей столицѣ печальной исторіей своихъ браковъ и своихъ любовныхъ похожденій. А потому Мономахъ не слишкомъ настаивалъ на попыткѣ причтенія ея къ лику святыхъ; онъ, какъ извѣстно, скоро утѣшился и смерть Зои представлялась ему главнымъ образомъ удобнымъ случаемъ открыто объявить о своей послѣдней любовницѣ. Впрочемъ, онъ самъ умеръ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого, 11 января 1055 г. въ Манганскомъ монастырѣ св. Георгія, основанномъ имъ, куда онъ удалился подъ конецъ своей жизни.

Тогда въ послѣдній разъ выступила на сцену сестра Зои, Ѳеодора. Со времени третьяго брака Зои Ѳеодора жила при дворѣ, считаясь соправительницей, но въ сущности играя очень незамѣтную роль. Во всякомъ случаѣ, послѣ смерти императрицы ея вліяніе нѣсколько возросло, и

зять ея Мономахъ, повидимому, опасался какихъ-нибудь выходокъ со стороны старой дамы. Однако, съ этимъ послѣднимъ потомкомъ Македонскаго дома, казалось, такъ мало считались, что Мономахъ, ни мало не заботясь о томъ, что она имѣла несомнѣнно права на верховную власть, думалъ назначить другого наслѣдника престола. Тогда еще разъ проснулась въ Ѳеодорѣ горячая кровь и гордая энергія великихъ императоровъ, ея предковъ. Въ то время какъ Константинъ Мономахъ находился въ агоніи, она рѣшительно завладѣла священнымъ дворцомъ, сильная сознаніемъ знатности своего происхожденія и тѣхъ правъ, какими въ глазахъ народа она обладала въ силу страданій, понесенныхъ ею за время ея долгой жизни. Войско приняло ея сторону; сенатъ послѣдовалъ его примѣру. Имѣя полныхъ семьдесять лѣтъ, старая царица твердою рукою захватила власть.

Наученная примѣромъ сестры и хорошо зная, какъ мало слѣдовало разсчитывать на благодарность людей, призываемыхъ царицей къ раздѣленію съ нею власти, Ѳеодора, къ общему удивленію, отказалась выйти замужъ. Она рѣшила править одна, и такъ какъ имѣла достаточно ума, чтобы руководствоваться совѣтами хорошаго министра, то, повидимому, правила успѣшно. Ея бодрая старость возбуждала также всеобщее восхищеніе. Не позволяя себѣ горбиться, всегда прямая и бодрая, она была способна серьезно работать съ своими совѣтниками и произносить длинныя, такъ нравившіяся ей, рѣчи; и она охотно давала себя убѣдить друзьямъ своимъ, монахамъ,

что ей суждено было перейти за обычные предѣлы человѣческой жизни.

Однако, въ концѣ концовъ, всѣмъ, какъ въ столицѣ, такъ и въ имперіи, надоѣло это женское правленіе, длившееся уже больше двадцати пяти лѣтъ. Патріархъ Кирулларій, ставшій послѣ раздѣленія церквей своего рода папой восточной церкви, открыто заявлялъ, что нежелательно, чтобы женщина правила римской имперіей. Военная партія, недовольная тѣмъ мѣстомъ, какое занимала въ государствѣ бюрократія, выведенная изъ себя обиднымъ недовѣріемъ, выказываемымъ дворомъ въ отношеніи военачальниковъ, волновалась. И большая часть достойныхъ гражданъ, подобно Пселлу льстившихся быть истинными патріотами, вспоминая славные дни Василія II, строго судила царицъ, которыя своей безумной щедростью, пустымъ тщеславіемъ, нелѣпыми капризами, посредственностью ума, уготовили гибель имперіи и дали проникнуть въ ея здоровый и крѣпкій организмъ смертельнымъ зародышамъ, обусловившимъ ея паденіе. Всѣ требовали мужа и воина. Ѳеодора имѣла счастье умереть во время, чтобы не видѣть грозившаго разразиться кризиса. Она умерла 31 августа 1056 г.

Съ нею прекращался македонскій домъ, имѣвшій родоначальникомъ, два вѣка назадъ, того самаго Василія, о приключеніяхъ и честолюбивыхъ замыслахъ котораго мы говорили. Въ концѣ IX вѣка, благодаря беззастѣнчивой энергіи этого искуснаго человѣка, было отвращено грозившее имперіи паденіе и упрочено два вѣка славы и процвѣтанія Византіи. Въ половинѣ XI вѣка смерть послѣдней представительницы его рода вновь ввергла

имперію въ анархію. Но въ XI вѣкѣ, какъ и въ IX, эта анархія не должна была быть продолжительна; и на этотъ разъ еще нашелся человѣкъ, который, положивъ начало династіи Комниновъ, далъ византійскому государству новый вѣкъ процвѣтанія. Такъ въ каждый рѣшительный моментъ Византія всегда находила своихъ спасителей; за каждымъ видимымъ ея паденіемъ слѣдовало неожиданное возрожденіе, или, по словамъ одного лѣтописца, „имперія, эта старая женщина, внезапно является, подобно молодой дѣвушкѣ, украшенной золотомъ и драгоцѣнными камнями“. Такіе счастливые повороты судьбы могутъ, быть можетъ, удивлять тѣхъ, кто въ исторіи Византіи видитъ только развращенную жизнь двора и смутныя волненія столицы; поэтому слѣдуетъ замѣтить, что какъ бы ни былъ ярокъ и живописенъ разсказъ о совершавшихся тамъ событіяхъ, Константинополь и священный дворецъ не составляютъ еще всей имперіи.

Помимо интригъ и придворныхъ заговоровъ, помимо военныхъ мятежей и гражданскихъ раздоровъ, помимо скандальныхъ капризовъ развращенныхъ императоровъ и распутныхъ царицъ, помимо всего этого гнилого мира кутилъ, честолюбцевъ и придворныхъ, среди средняго сословія большихъ городовъ, среди феодальной и военной аристократіи, населявшей провинцію, среди суровыхъ крестьянъ Македоніи и Анатоліи таился запасъ энергіи и силы, долго остававшійся неистощимымъ. Этимъ среднимъ классамъ и обязана византійская имперія своимъ спасеніемъ, являвшимся къ ней внезапно, когда случалось ей переживать всевозможныя превратности судьбы;

благодаря имъ, ихъ мужественнымъ добродѣтелямъ, византійская имперія могла просуществовать въ продолженіе столькихъ вѣковъ; и къ нимъ, наконецъ, надо обратить наши взоры, если мы хотимъ дѣйствительно познакомиться съ византійскимъ обществомъ, еще совершенно неизслѣдованнымъ. Правда, благодаря тому, что погибло много рукописей, сохранилось слишкомъ мало документовъ, позволяющихъ возстановить этотъ бытъ; но они все же существуютъ, и изъ нихъ-то мы почерпнули свѣдѣнія для послѣднихъ главъ этой книги.

ГЛАВА XI.

Византійская семья средняго класса въ XI вѣкѣ.

Та, чей портретъ я собираюсь теперь нарисовать, въ двухъ отношеніяхъ, очень существенныхъ, отличается отъ византійскихъ женщинъ, которыми занимаются обыкновенно; она принадлежала къ среднему сословію и была честной женщиной. И если, благодаря этому, она, быть можетъ, менѣе живописна, жизнь ея менѣе интересна, чѣмъ жизнь Ѳеофано, Зои и имъ подобныхъ, зато она болѣе, чѣмъ эти нѣсколько исключительныя важныя дамы, даетъ намъ вѣрное и точное понятіе о своемъ времени. Ее звали Ѳеодотой, и она была матерью того самаго Михаила Пселла, о выдающихся качествахъ котораго я говорилъ раньше; *) ее мы знаемъ вполнѣ хорошо, благодаря одному интересному маленькому сочиненію, надгробному панегирику, написанному въ честь ея обожавшимъ ее сыномъ **) И само собой разумѣется,

*) См. десятую главу.

**) Онъ напечатанъ въ 1876 Саѳой въ томѣ V Bibliotheca graeca Medii Aevi.

что она не играла никакой роли въ событіяхъ своего времени; ничто не могло быть проще, спокойнѣй, скромнѣй, и въ извѣстномъ отношеніи банальнѣй ея существованія; но именно поэтому она и представляетъ въ нашихъ глазахъ особый интересъ. Благодаря ей, мы проникаемъ немного въ домашнюю и семейную жизнь этого исчезнувшаго общества, и ея портретъ можно считать цѣннымъ, и до извѣстной степени типичнымъ. Она является какъ бы представительницей многихъ тысячъ византійскихъ женщинъ, ея современницъ, подобно ей не занимавшихъ видныхъ мѣстъ въ исторіи, но живших, подобно ей, благочестивой, достойной, смиренной жизнью, какъ приличествуетъ порядочной женщинѣ; и такимъ образомъ, ея частный примѣръ удивительно наглядно показываетъ намъ, каковы были занятія, заботы и радости византійской семьи средняго класса въ XI вѣкѣ.

I.

Ѳеодота родилась въ Константинополѣ въ послѣдніе годы X вѣка, и родителями ея были люди простые, скромные и добродѣтельные. Она была старшей въ семьѣ, и въ дружной, тѣсно сплоченной средѣ, гдѣ прошло ея дѣтство, ее, повидимому, очень любили и высоко цѣнили. Съ раннихъ лѣтъ отличалась она красотой и выросши оставалась прелестной дѣвушкой; и хотя средства не позволяли ей носить великолѣпные туалеты, и она не имѣла сама къ тому влеченія, граціей своей фигуры, красотой волосъ, блестящимъ цвѣтомъ лица, яснымъ взоромъ прекрас-

ныхъ глазъ она восхищала всѣхъ, видѣвшихъ ее. „Она была, говоритъ Пселлъ въ выше упомянутомъ произведенiи, подобна розѣ, не нуждающейся ни въ какихъ прикрасахъ“.

Въ нравственномъ отношенiи она обладала здравымъ смысломъ, рѣшимостью, яснымъ, твердымъ умомъ, проявлявшимся въ самой ея манерѣ говорить, спокойной и положительной; какъ всѣ молодыя дѣвушки ея сословiя, она получила домашнее образованiе, и, по обычаю того времени, оно было очень недостаточно. Ее научили домашнимъ работамъ—прясть, ткать, вышивать; вмѣстѣ съ этимъ обучили ее грамотѣ, и она сама работала, чтобы пополнить недостатки своего образованiя. И, можетъ быть, въ умственномъ отношенiи эта умная женщина хотѣла бы большаго; она сожалѣла иногда, что не родилась мужчиной и что не могла посѣщать школъ и принимать участiе въ ученыхъ разговорахъ. Наконецъ, она была благочестива, охотно ходила въ церковь, съ раннихъ поръ питая въ своей чистой юной душѣ горячую склонность къ благочестiю и мистицизму. И несмотря на побѣды, одерживаемыя ея красотой, она повидимому не имѣла склонности къ замужеству и туго поддавалась уговорамъ, которыхъ ея родители не жалѣли на этотъ счетъ. Въ концѣ концовъ ея отецъ, напрасно потративъ все свое краснорѣчiе, разсердился и пригрозилъ Ѳеодотѣ проклясть ее, если она не изберетъ себѣ мужа. Она уступила и среди вѣчно окружавшихъ ее жениховъ дала свое согласiе тому, кому суждено было стать отцомъ Пселла. Это былъ человѣкъ довольно хорошаго происхожденiя, хваставшiйся

тѣмъ, что среди его предковъ были патриціи и консулы; но этотъ знатный человѣкъ былъ порядочно разоренъ. Къ счастью для его семьи въ Византіи не было тогда аристократическихъ предразсудковъ западно-европейскаго общества; этотъ патрицій не стыдился жить трудомъ и старался торговлей добыть средства для прокормленія своей семьи. Физически это былъ красивый молодой человѣкъ, хорошо сложенный, высокій и статный, „какъ прекрасный кипарисъ, пышно распустившійся; изъ-подъ его красиво-очерченныхъ бровей смотрѣли свѣтлые смѣющіеся глаза, а по всему лицу было разлито привѣтливое, милое выраженіе“. Въ нравственномъ отношеніи это былъ человѣкъ честный и простой, характера ровнаго и кроткаго; никто никогда не видѣлъ его сердитымъ, никогда онъ не забывался до того, чтобы ударить человѣка. Онъ былъ дѣятельный и работящій; любилъ до всего доходить самъ. Правда, онъ не былъ „очень находчивъ на слова“; тѣмъ не менѣе, когда нужно было, онъ говорилъ, и рѣчь его была не лишена пріятности. Словомъ, это была чистая душа, славный малый, нѣсколько посредственный: „Только взглянуть на него, говоритъ Пселлъ, прежде нежели онъ заговоритъ, такъ ужъ было ясно для людей, считающихъ себя физіономистами, что этотъ человѣкъ нашего времени таилъ въ себѣ какъ бы искру античной простоты“. Объ этомъ прекрасномъ человѣкѣ никогда много не говорили. „Онъ шелъ своимъ жизненнымъ путемъ, красиво выражается Пселлъ, легко, ни разу не сдѣлавъ невѣрнаго шага, всегда одинаково ровной походкой, подобно елею, что течетъ безъ шума“.

Жена его была женщина иного рода. Она обладала всѣми яркими качествами, какихъ нехватало ея мужу. Онъ былъ немного робокъ, немного апатиченъ; она рѣшительна и обладала иниціативой за двоихъ. Это она, дѣйствительно, представляла мужское начало въ домѣ. „Провидѣніе, говоритъ Пселлъ, даровало въ ней моему отцу не только помощницу и сотрудницу, но главу, руководителя, принимавшаго рѣшенія во всѣхъ важныхъ дѣлахъ“. Но такъ какъ при этомъ Ѳеодота была женщина тонкая, она никогда не давала чувствовать своему слабому мужу силу своего вліянія на него. Передъ этимъ человѣкомъ, который не могъ никому внушить ни малѣйшаго страха, она выказывала глубокое почтеніе; она говорила съ нимъ, какъ низшая съ высшимъ, совѣщаясь съ нимъ обо всемъ и какъ будто во всемъ ему покоряясь, „не столько, пишетъ Пселлъ съ нѣкоторой едва замѣтной непочтительностью, снисходя къ его характеру, сколько изъ уваженія къ старымъ семейнымъ традиціямъ“.

Во всякомъ случаѣ она сдѣлала его вполнѣ счастливымъ. Веселаго нрава, всегда улыбающаяся, привѣтливая и кроткая, это была удивительная семьянинка, мудро управлявшая домомъ, доставляя ему благоденствіе, руководя прислугой, заботясь объ обыденныхъ нуждахъ и занимаясь мелкими работами, наполнявшими существованіе въ гинекеѣ. Но она обладала и болѣе высокими качествами. Обстоятельная, спокойная, разсудительная, выказывавшая даже критическій умъ, она умѣла говорить въ мѣру и молчать, когда то было нужно. А главное

она умѣла вести себя и обладала сильной волей, „гораздо болѣе твердая, чѣмъ ея мужъ — такъ говоритъ Пселлъ,—она дѣйствительно обладала мужской душой“. И вмѣстѣ съ тѣмъ она оставалась женственной. Она была сдержанна, скромна, цѣломудренно нѣжна и мудра, прелестна и добра со всѣми окружавшими ея. Старымъ своимъ родителямъ она выказывала тысячи самыхъ милыхъ заботъ, ухаживая за ними, когда они были больны, утѣшая ихъ, наблюдая за ними. Для дѣтей своихъ, какъ сейчасъ увидимъ, она была несравненной матерью. Хотя она была хороша собой, она совсѣмъ не любила свѣтской жизни. Роскошный столъ, богатство меблировки, великолѣпіе туалетовъ и яркихъ цвѣтныхъ нарядовъ,—ко всему этому она выказывала полнѣйшее равнодушіе. Живя только для своихъ, она почти ничѣмъ другимъ не интересовалась, равнодушно относилась къ шумной жизни столицы и двора, не любя мѣстныхъ сплетенъ, не зная ничего даже о мятежахъ и возстаніяхъ, нарушавшихъ спокойствіе столицы. „Ни одна изъ современныхъ ей женщинъ, говоритъ ея сынъ, не могла сравниться съ нею“. Женщина порядливая, разсудительная, нѣсколько методичная и непреклонная, она всѣмъ, кто только ее видѣлъ, равно и своимъ домашнимъ, внушала полное уваженіе. Она держала себя съ большимъ достоинствомъ, и въ семьѣ ее любили называть „живымъ закономъ“.

Она не была бы цѣльной личностью, если-бы не была милосердна и благочестива. Она любила кормить за своимъ столомъ бѣдныхъ, но не для того, чтобы похваляться своей щедростью или

унизить тѣхъ, кому она подавала. Она знала, какъ надо раздавать милостыню. Она сама принимала своихъ жалкихъ гостей, мыла имъ ноги, сама желала служить имъ за столомъ, какъ будто они были важные господа; она сама приносила имъ кушанья и поила ихъ. Читая постоянно Священное Писаніе, предаваясь по утрамъ и по вечерамъ горячимъ молитвамъ, она возносилась душой къ Богу въ минуты благочестиваго экстаза. Ее всегда влекло къ монастырской жизни, къ отшельникамъ, покрытымъ лохмотьями, къ суровому образу жизни пустынниковъ; она хотѣла бы „жить въ полной непорочности для Бога всяческой непорочности“. Но тутъ мужъ ея былъ непреклоненъ. „Разстаться съ женой, заявлялъ онъ, для меня хуже, чѣмъ оторваться отъ самого Бога“. Вынужденная остаться въ міру, Ѳеодота утѣшалась тѣмъ, что посѣщала монаховъ и монахинь, спала, какъ они, на жесткомъ ложѣ и предавалась всякаго рода умерщвленію плоти. И возможно, что такое, нѣсколько восторженное, благочестіе, въ концѣ концовъ, стало бы сопровождаться нежелательными излишествами, не найди Ѳеодота, при своемъ умѣ и разсудительности, всепоглощающаго дѣла въ любви къ своимъ дѣтямъ и въ ихъ воспитаніи.

II.

Ѳеодота родила прежде всего дочь. Вторымъ ребенкомъ была опять дѣвочка. Послѣдняя, надо сознаться, была встрѣчена домашними довольно равнодушно: всѣ ждали и хотѣли мальчика. Наконецъ, онъ явился въ 1018 году: это былъ Пселлъ,

страстно желанный, выпрошенный у Бога такими горячими молитвами. Новорожденный, получившій при крещеніи имя Константина, вступилъ въ жизнь при кликахъ радости и при звукахъ торжественныхъ пѣснопѣній. На этомъ юномъ существѣ сосредоточились всѣ надежды его родныхъ, и въ особенности его матери, которая пожелала кормить его сама и разсчитывала на блестящую будущность обожаемаго сына. Ѳеодота вложила въ дѣло воспитанія своихъ дѣтей все свое стараніе. „Она отнюдь, говоритъ Пселлъ, не воспользовалась материнствомъ, чтобы отказаться, подобно большинству другихъ женщинъ, отъ дѣятельной жизни и предаться праздности. Скорѣй укрѣпленная материнствомъ, чѣмъ ослабленная, она еще прочнѣй устроила свою жизнь и еще болѣе укрѣпила свою мысль“. Она поровну дѣлила свои заботы между дочерьми и сыномъ, то нѣжная съ ними, то строгая; и дѣти ея, видѣвшія въ ней образецъ всѣхъ добродѣтелей, выказывали ей безграничное почтеніе и восхищеніе. Однако, въ глубинѣ души Ѳеодота питала нѣкоторое тайное предпочтеніе къ сыну, на которомъ сосредоточила столько блестящихъ и самыхъ лестныхъ надеждъ. Но она всячески остерегалась выказывать ему особую нѣжность: эта женщина, нѣсколько суровая, сочла бы за слабость слишкомъ проявлять свою привязанность. Она обожала сына, но и виду не показывала, боясь, что, если она будетъ съ нимъ слишкомъ уступчива и слишкомъ нѣжна, онъ станетъ менѣе покоренъ и менѣе послушенъ. И только вечеромъ, когда думала, что ребенокъ спитъ, она тихонько брала его на руки, покрывала по-

цѣлуями и шептала ему: „Мое дитя желанное, какъ я люблю тебя, а между тѣмъ не могу цѣловать тебя чаще“. Надо ли прибавлять, что въ такіе вечера маленькій Пселлъ спалъ однимъ только глазомъ? Вѣдь онъ самъ сохранилъ для насъ эту милую картинку изъ своей дѣтской жизни.

Съ тою же твердой разумностью руководила Ѳеодота и воспитаніемъ своего обожаемаго сына. Она никому не хотѣла предоставить заботу образовать его умъ и сердце, и прилагала все стараніе, чтобы съ первыхъ лѣтъ жизни онъ росъ ребенкомъ честнымъ, благочестивымъ и благоразумнымъ. Поэтому она не допускала, чтобы вечеромъ для усыпленья ему разсказывали бабьи сказки, чтобы начиняли голову глупыми исторіями о чудовищахъ и демонахъ. Наоборотъ, она ему разсказывала что-нибудь поучительное и благочестивое, исторію Исаака, ведомаго отцомъ на закланіе и во всемъ послушнаго отцовской волѣ; исторію Іакова, получившаго благословеніе отца за послушаніе своей матери, а также исторію младенца Христа, покорнаго всѣмъ велѣніямъ своихъ родителей; и изо всѣхъ этихъ разсказовъ она извлекала мораль, подходившую къ возрасту ребенка. Но еще больше занималась она воспитаніемъ его ума.

Юный Пселлъ былъ мальчикомъ благоразумнымъ, прилежнымъ, необыкновенно умнымъ. Совсѣмъ маленькимъ еще, онъ понималъ и запоминалъ все, что говорилось вокругъ него, и уже тогда обожалъ работу и ученье, предпочитая ученье какимъ бы то ни было играмъ и забавамъ, свойственнымъ его возрасту. Мать,

сама всегда любившая умственныя занятія, не преминула воспользоваться этими счастливыми наклонностями. Съ пятилѣтняго возраста она отдала мальчика въ школу, и онъ тотчасъ имѣлъ тамъ блестящіе успѣхи. Но когда онъ окончилъ младшіе классы,—ему тогда было восемь лѣтъ,—возникъ болѣе важный вопросъ: слѣдовало ли ему давать возможность продолжать ученье? Родные и друзья, собравшись, такъ сказать, на семейномъ совѣтѣ, были того мнѣнія, что его слѣдуетъ обучить какому-нибудь ремеслу и доставить ему такимъ образомъ,—ибо наукой не прокормишься,—болѣе легкое и вѣрное средство зарабатывать себѣ хлѣбъ. Ѳеодота безусловно воспротивилась этимъ мудрымъ совѣтамъ, отзывавшимся слишкомъ низменнымъ благоразуміемъ, и приведенные ею доводы, какими она сумѣла убѣдить своихъ близкихъ, чрезвычайно характерны для исторіи того времени.

Ни одинъ народъ не вѣрилъ такъ, какъ византійцы, въ значеніе сновъ, предвѣщающихъ будущее. Даже такой умникъ, какъ Пселлъ, не вѣрившій въ астрологію и совершенно не допускавшій „что судьбой нашей руководитъ теченіе свѣтилъ“, Пселлъ, безпощадно издѣвавшійся надъ людьми, воображающими, что они могутъ предсказывать будущее, и считавшій пустымъ вздоромъ всѣ формулы и пріемы магіи, Пселлъ вѣрилъ снамъ и ихъ силѣ откровенія. Тѣмъ болѣе его современники не сомнѣвались въ пророческомъ значеніи сновъ. Поэтому они и видѣли, что сбывается столько сновъ. Когда матери Василія Македонянина приснилось, что изъ груди ея выросло золотое дерево, осѣнившее своей листвой цѣлый міръ,

когда настоятель монастыря св. Діомида видѣлъ во снѣ будто человѣкъ, спавшій у дверей его церкви,—будущій императоръ, развѣ исторія не оправдала ихъ сновъ, возведя на престолъ основателя Македонской династіи? И когда другіе выскочки достигали высшей власти, развѣ раньше вѣщіе сны не открывали имъ ихъ будущей судьбы? Существовала спеціальная литература, отъ которой сохранилось до нашихъ дней нѣсколько любопытныхъ образцовъ, истолковывавшая сны и оракуловъ. Поэтому легко понять, что мать Пселла, какъ добрая византійка, сумѣла и въ этомъ также найти вѣрныя ручательства блестящей будущности, уготованной ея сыну.

Она разсказала на семейномъ совѣтѣ свои сновидѣнія. Видѣла она, будто обсуждали при ней, что сдѣлать съ мальчикомъ, и, поколебленная совѣтомъ близкихъ, она уже готова была уступить имъ, какъ вдругъ предсталъ передъ ней святой мужъ, похожій на Іоанна Златоуста, прославленнаго своимъ краснорѣчіемъ; и сказалъ ей святой мужъ такія слова: „Женщина, не смущайся и смѣло посвяти сына твоего наукѣ. Я буду слѣдить за нимъ, какъ наставникъ, и преисполню его знаніемъ, какъ учитель“. Другой разъ видѣла она, что входитъ въ церковь Святыхъ Апостоловъ, сопутствуемая съ большимъ почетомъ, какъ важная особа, толпой людей, совершенно ей неизвѣстныхъ. Когда она подошла къ иконостасу, то увидѣла, что идетъ къ ней навстрѣчу прекрасная дама и приказываетъ ей подождать ее минуту. Ѳеодота послушалась, и дама, вернувшись, сказала двумъ сопровождавшимъ ее людямъ: „Преисполните знаніемъ сына этой женщины,

ибо вы видите, какъ она любитъ меня". Посмотрѣвъ тогда на двухъ людей, которымъ говорила дама, Ѳеодота сразу узнала апостоловъ Петра и Павла, а въ самой говорившей съ ней—Богородицу, всемогущую и Пресвятую Дѣву, столь чтимую всѣми византійцами. Таковы были сны матери Пселла. Передъ подобными доводами всѣ родные, суевѣрные, какъ всѣ люди того времени, склонились и перестали настаивать на своемъ. Было рѣшено, что мальчикъ долженъ продолжать ученіе.

Оно ему далось удивительнымъ образомъ: по крайней мѣрѣ онъ самъ намъ такъ говоритъ. Онъ научился орѳографіи, зналъ наизусть всю Иліаду и скоро былъ способенъ объяснять ея стихосложеніе и тропы, чувствовать красоту метафоръ и гармонію поэзіи. Его посвятили также въ риторику и въ музыку. Ему тогда было десять или одиннадцать лѣтъ. Зорко слѣдила мать за успѣхами этого преждевременно развитого ребенка; когда онъ приходилъ изъ школы, она сама служила ему репетиторомъ. „О мать моя, пишетъ Пселлъ, ты была не только моей мудрой совѣтницей, ты была также моей сотрудницей и моей вдохновительницей. Ты разспрашивала меня про то, что я дѣлалъ въ школѣ, чему учили меня мои учителя, что узналъ я отъ своихъ товарищей. Затѣмъ ты заставляла меня повторять уроки и, казалось, ничего не могло тебѣ быть интереснѣе, пріятнѣе слушать, какъ урокъ орѳографіи или поэзіи, правила согласованія словъ или ихъ построенія. Вижу тебя, какъ сейчасъ, со слезами умиленія на глазахъ, когда ты бодрствовала со мной до поздней ночи, падая отъ сна, и хоть ложи-

лась, а все слушала меня, и внушала мнѣ больше бодрости и твердости, чѣмъ Минерва Діомиду“ *).

Прелестная сценка; порой она становится прямо трогательной. Мать Пселла, какъ извѣстно, получила довольно скудное образованіе, и часто ребенокъ наталкивался на трудности и не могъ чего-нибудь понять, а Ѳеодота напрасно напрягалась, заставляя его повторять трудное мѣсто и все-таки не могла вывести его изъ затрудненія. „Тогда, продолжаетъ Пселлъ, поднявъ руки къ небу, бія себя все сильнѣе въ грудь, ты молила горячо Бога вдохновеніемъ свыше разрѣшить трудность, смущавшую меня“. И писатель съ основаніемъ могъ сказать объ этой удивительной женщинѣ, что она была не только его мать по плоти, но также воистину его духовная мать, придавшая его уму блескъ и красоту литературности. „Я тебѣ обязанъ вдвойнѣ, пишетъ онъ дальше, ты не только дала мнѣ жизнь, но ты просвѣтила меня свѣтомъ науки; ты не хотѣла въ этомъ дѣлѣ положиться на учителей, ты хотѣла сама бросить въ мою душу ея сѣмена“. И это вовсе не преувеличенія, допущенныя въ надгробномъ словѣ.

Анна Комнина, ученая дочь императора Алексѣя, говоритъ въ одномъ мѣстѣ своей исторіи о матери Пселла и также выставляетъ ее нѣжно преданной обожаемому ею сыну, проводящей долгіе часы въ церкви, павъ ницъ передъ иконой, плача и молясь за него.

---

*) Привожу это мѣсто изъ перевода, сдѣланнаго А. Рамбо въ интересной статьѣ о Михаилѣ Пселлѣ. (Revue historique, 1877).

Тѣсная связь сплачивала также между собой и всѣхъ остальныхъ членовъ семьи. Между Пселломъ и его старшей сестрой, — младшая, кажется, умерла,—существовала горячая и глубокая дружба. Это была прелестная дѣвушка. Съ своими чудесными золотистыми волосами и свѣтлымъ цвѣтомъ лица она была такая же хорошенькая, какъ ея мать, на которую она походила, въ то время какъ братъ физически былъ скорѣе въ отца. Какъ и мать, она обожала юнаго Пселла; вполнѣ согласная съ нимъ по своему образу мыслей, она тоже тщательно старалась привить ему мудрость; онъ же, онъ былъ во всемъ послушенъ и крайне ее почиталъ. И подъ надзоромъ этой взрослой бдительной сестры и преданной матери тихо росъ поразительный ребенокъ.

Объ этой, столь любимой имъ, сестрѣ Пселлъ разсказываетъ намъ одинъ милый анекдотъ, хорошо показывающій, каковы были обычаи и общій духъ въ этомъ почтенномъ и благочестивомъ домѣ. Совсѣмъ близко отъ того мѣста, гдѣ жили родители Пселла, жила также одна очень красивая женщина и ея разрисованное лицо вполнѣ ясно говорило о ея сомнительномъ поведеніи; дѣйствительно, у нея было множество любовниковъ. Сестра Пселла читала ей наставленія и старалась вернуть ее на путь истины. Но та упорствовала и на всѣ даваемые ей добрые совѣты отвѣчала слѣдующимъ прямодушнымъ возраженіемъ: „Конечно, это все такъ; но если я перестану быть куртизанкой, чѣмъ же я буду жить?“ Милосердная сестра Пселла обѣщала ей, что не допуститъ ее никогда до нужды, и онѣ сговорились, что одна не будетъ впредь

даже глядѣть на мужчинъ, а другая станетъ дѣлить съ раскаявшейся свой кровъ, одежду и пищу. И сестра Пселла крайне радовалась, что исторгла у нечистаго христіанскую душу. Въ домѣ же ее даже немного порицали за такое странное спасеніе, затѣянное ею; но на всѣ дѣлаемыя ей замѣчанія она только улыбалась и предоставляла всѣмъ говорить, что угодно. И дѣйствительно, въ продолженіе нѣкотораго времени юная сосѣдка вела себя вполнѣ хорошо: скромно опускала глаза, имѣла самый невинный видъ, ходила въ церковь, прикрывала лицо вуалью, и, если какой-нибудь мужчина смотрѣлъ на нее, страшно краснѣла. Никакихъ нарядовъ она больше не носила, никакихъ украшеній, ни красивыхъ яркоцвѣтныхъ башмаковъ: обращеніе ея на путь истины, казалось, было полное.

Къ несчастью, это продолжалось не долго. Тѣмъ временемъ сестра Пселла вышла замужъ; не зная о новомъ паденіи покаявшейся, которую она одно время потеряла изъ виду, она продолжала интересоваться ею. Одно довольно трагическое происшествіе открыло ей, какъ неудачно она покровительствовала. Молодая женщина готовилась стать матерью, и роды были трудные. Вмѣстѣ съ другими родственницами помогала ей и ея хорошенькая подруга, и больная, казалось, только и глядѣла, что на нее, только для нея находила ласковыя слова. Наконецъ, одна изъ присутствовавшихъ, немного этимъ раздосадованная и ревнуя, воскликнула: „Не удивительно, что роды идутъ неудачно; беременная женщина не имѣетъ права ухаживать за родильницей, таково правило гинекея“. Удивленная сестра

Пселла спросила, къ кому относится этотъ намекъ: ей объяснили—въ слишкомъ грубыхъ выраженіяхъ, чтобы ихъ можно было привести,—какъ неосмотрительно расточала она свою дружбу. Обманутая въ своихъ мечтаніяхъ и глубоко удрученная, она стала гнать прочь съ глазъ своихъ недостойную подругу; и тотчасъ благополучнѣйшимъ образомъ разрѣшилась отъ бремени.

Несмотря на такія маленькія невзгоды, эти люди, въ сущности, были счастливы. Дѣти выросли; дочь была пристроена; сынъ, которому въ это время исполнилось шестнадцать лѣтъ, получилъ должность; и хотя ему до извѣстной степени было жалко оставлять ученье, онъ радовался при мысли, что увидитъ свѣтъ и людей. „Тутъ, пишетъ этотъ столичный житель, я въ первый разъ вышелъ изъ города и увидалъ городскую стѣну; въ первый разъ увидалъ я деревню“. Большое несчастье должно было внезапно положить конецъ этому благополучію.

III.

Это было въ 1034 году. Вдругъ сестра Пселла совершенно неожиданно заболѣла и черезъ нѣсколько дней умерла, какъ подкошенный цвѣтокъ, и такъ хороша была даже и въ самой смерти, что на пути похороннаго шествія всѣ останавливались, чтобы еще полюбоваться въ послѣдній разъ на красоту умершей, покоившейся въ ореолѣ своихъ золотистыхъ прекрасныхъ волосъ. Пселла тогда не было въ Константинополѣ. Родители, знавшіе глубокую привязанность его къ сестрѣ, боясь, чтобы внезапное извѣстіе

о постигшемъ ихъ несчастіи не привело еще къ новой катастрофѣ, рѣшили вызвать къ себѣ сына подъ какимъ-нибудь предлогомъ, потихоньку подготовить его къ горю и постараться утѣшить. Поэтому ему написали, чтобы онъ возвратился въ Византію для продолженія прерваннаго ученья; какъ всегда, ему сообщали въ этомъ письмѣ добрыя вѣсти о сестрѣ. Случайность уничтожила всѣ эти внушенныя любовью предосторожности. Но тутъ надо предоставить слово самому Пселлу, столько въ этомъ мѣстѣ, безспорно одномъ изъ самыхъ прекрасныхъ въ надгробномъ словѣ, видно настоящаго потрясенія души, истинной скорби, такъ пріятно видѣть тутъ въ писателѣ человѣка, столько, наконецъ, находишь тутъ интересныхъ свѣдѣній о византійскихъ нравахъ, несмотря на христіанство, всецѣло хранившихъ еще завѣты классическаго и языческаго міра.

„Я только что вошелъ, говоритъ Пселлъ, въ городскія ворота, я былъ въ городѣ и очутился подлѣ кладбища, гдѣ покоился прахъ моей сестры. Это былъ какъ разъ седьмой день послѣ ея похоронъ и многіе наши родственники собрались тутъ, чтобы оплакать умершую и принести моей матери свои соболѣзнованія. Я увидалъ одного изъ нихъ, добродушнаго и безхитростнаго человѣка, ничего не знавшаго о святомъ обманѣ, къ которому прибѣгли мои родители, выписавъ меня. Я спросилъ его объ отцѣ и матери, о кое-какихъ другихъ родныхъ. Онъ безъ всякихъ обиняковъ и подходовъ прямо отвѣчалъ мнѣ: „Твой отецъ плачетъ и молится на могилѣ своей дочери; мать твоя подлѣ него, безутѣшная въ

своемъ горѣ, какъ это тебѣ хорошо извѣстно". Онъ сказалъ это, и я не знаю, что тогда почувствовалъ. Какъ громомъ пораженный, не въ силахъ ни двинуться, ни произнести ни слова, свалился я съ лошади. Суматоха, поднявшаяся около меня, привлекла вниманіе моихъ родителей; они разразились новыми рыданіями, стоны возобновились еще громче и жалобнѣй прежняго, и теперь уже на мой счетъ, подобно тлѣвшимъ угольямъ, вспыхнувшимъ съ новою силой отъ порыва налетѣвшаго вѣтра. Они взглянули на меня, растерянные, и въ первый разъ мать моя осмѣлилась откинуть съ лица своего покрывало, не думая о томъ, что ее видятъ посторонніе мужчины. Надо мной наклонились, всѣ старались до меня коснуться, думая соболѣзнующими стонами возвратить меня къ жизни. Меня подняли, полумертваго, понесли и положили подлѣ могилы моей сестры".

Изъ этого описанія видно, какъ въ христіанской Византіи XI вѣка живы были старые обычаи эллинскаго древняго міра. Родственники, собирающіеся на седьмой день послѣ похоронъ, чтобы плакать на могилѣ дорогой умершей,—это та самая сцена, что такъ часто изображалась на прекрасныхъ древнихъ погребальныхъ вазахъ, и нерѣдко можно встрѣтить на бѣлыхъ урнахъ аѳинскихъ некрополей тотъ самый эпизодъ, что описалъ намъ Пселлъ: юноша, возвращающійся изъ чужихъ странъ, внезапно узнаетъ о постигшемъ его семью, во время его отсутствія, несчастіи, при видѣ близкихъ, столпившихся вокругъ могилы. Не къ воротамъ Константинополя, подъ сѣнь церквей, построенныхъ по близости

отъ городской стѣны, переноситъ насъ разсказъ византійскаго писателя, а скорѣе на прелестное и печальное кладбище аѳинское, къ высокимъ, покрытымъ скульптурой, плитамъ, украшаемымъ приходящими сюда родственниками и друзьями покойныхъ лентами и гирляндами цвѣтовъ. И вотъ еще не менѣе античная вещь: это надгробный плачъ, какой Пселлъ, придя въ себя импровизируетъ передъ собравшимися родственниками на могилѣ своей умершей сестры.

„Когда я раскрылъ глаза и увидалъ могилу моей сестры, я понялъ громадность своего несчастья, и придя въ себя, я излилъ на ея прахъ, какъ погребальное возліяніе, потоки слезъ:

„О мой нѣжный другъ! воскликнулъ я,—ибо я не обращался къ ней только, какъ къ сестрѣ, я называлъ ее самыми нѣжными, самыми ласковыми именами,—о чудесная красота, душа несравненная, добродѣтель, не имѣющая себѣ равной, статуя прекрасная, одаренная душой, жало убѣдительности, сирена рѣчей, грація непобѣдимая! О ты, которая все для меня и больше самой моей души! какъ могла ты уйти и покинуть твоего брата? Какъ могла ты оторваться отъ того, съ кѣмъ вмѣстѣ выросла? какъ могла ты примириться съ такой жестокой разлукой? Но скажи мнѣ: каково мѣсто твоего пребыванія? въ какихъ обителяхъ отдыхаешь ты? среди какихъ луговъ? какія прелести, какіе сады услаждаютъ твои взоры? Какому блаженству предпочла ты видѣть меня? Какіе цвѣты прельстили тебя? какія розы? какіе журчащіе ручьи? Какіе соловьи чаруютъ тебя своею сладкой пѣснью? Какія цикады своимъ тихимъ звономъ? Отъ кра-

соты твоей осталось ли что-нибудь или смерть стерла все? потухъ ли блескъ твоихъ очей? исчезъ ли цвѣтъ твоихъ губъ, или могила хранитъ твою красоту, какъ сокровище?“

Родственники, окружавшіе импровизатора, плакали, и остальная толпа проливала слезы, слушая этотъ надгробный плачъ. Конечно, тутъ есть риторика. Послѣ смерти отца и матери Пселлъ выражаетъ свое горе почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, съ тѣмъ же исканіемъ эффектовъ; но печаль его отъ этого не менѣе искренна и сколько интересныхъ чертъ для исторіи идей можно отыскать въ этомъ мѣстѣ надгробнаго слова. Не христіанскій рай вызываетъ тутъ Пселлъ въ нашемъ представленіи; эти цвѣтущіе и тѣнистые сады, гдѣ блуждаютъ души умершихъ, слушая пѣніе птицъ и шопотъ ручьевъ, это все тѣ же Елисейскія поля.

Но вотъ, на ряду съ языческими воспоминаніями, появляется и христіанская Византія. Когда, наконецъ, съ большимъ трудомъ, родители отрываютъ сына отъ могилы, умоляя его имѣть состраданіе къ ихъ собственному горю, Пселлъ вдругъ взглядываетъ на мать и печаль его возрастаетъ. Ѳеодота одѣта въ черный плащъ, въ темное платье монахини; волосы ея обрѣзаны. У постели умирающей дочери, въ ту самую минуту, какъ молодая женщина испустила духъ, тихо склонивъ голову на грудь матери, Ѳеодота, вся въ слезахъ, закрывъ глаза умершей, рѣшила посвятить себя Богу. Подлѣ нея мужъ, сраженный горемъ, стоналъ и плакалъ, будучи не въ силахъ побороть свою слабость. Она же, наоборотъ, овладѣла уже собой и заклинала мужа искать

вмѣстѣ съ ней утѣшенія въ монастырѣ, убѣждала его согласиться на ея желаніе, которое она питала уже давно. По близости отъ того мѣста, гдѣ похоронили ея дочь, былъ женскій монастырь; она удалилась въ него, чтобы быть ближе къ своей дорогой покойницѣ и къ Богу. Она отреклась отъ міра и земныхъ привязанностей, и по ея примѣру мужъ ея также ушелъ въ монастырь. Такія отреченія отъ жизни были не рѣдки въ Византіи. Въ этомъ обществѣ съ глубоко вкоренившимся въ него мистицизмомъ монастырь являлся обычнымъ убѣжищемъ для несчастныхъ и тѣхъ, кого постигла большая немилость. Впрочемъ, чтобы жить въ монастырѣ, не требовалось непремѣнно постриженія или произнесенія вѣчныхъ обѣтовъ. Между монастыремъ и міромъ не было безусловнаго раздѣленія, непроходимой пропасти. Вступившему туда съ отчаянія, или отъ какого-нибудь оскорбленія, изъ него можно было выйти безъ особаго труда; и даже скрывшись гдѣ-нибудь въ глухой обители, не теряли всякой связи съ внѣшнимъ міромъ. Находясь въ своемъ уединеніи, Ѳеодота отнюдь не покидала остававшагося у нея сына, такъ сильно ею любимаго.

IV.

Какова была въ монастырѣ жизнь этой женщины, всегда склонной къ благочестію и ставшей еще болѣе экзальтированной отъ постигшаго ее тяжкаго горя, угадать не трудно. Какъ у всѣхъ аскетовъ, первой ея заботой было умерщвленіе плоти, „порабощеніе звѣря“, по выра-

женію Пселла, обузданіе въ себѣ всякой неумѣстной фантазіи, всякаго не подобающаго разсужденія, всякой суетной мысли о мірской славѣ, всякаго, наконецъ, земного чувства, чтобы жить всецѣло въ Богѣ, подобно чистому духу. Она спала на голомъ полу, постилась, пила одну воду; всегда скрытая подъ покрываломъ, она проводила долгіе часы въ молитвѣ, надѣясь найти въ этихъ мистическихъ изліяніяхъ средство полнѣе соединиться съ божествомъ. Пселлъ описываетъ намъ ее въ такія минуты, какъ бы увлеченной экстазомъ, застывшей, не двигающей ни руками, ни ногами, ни головой, похожей на неподвижныя иконы, покрывавшія стѣны церкви, и связь ея съ землей проявлялась лишь въ блескѣ горѣвшихъ жизнью глазъ. Однако, была одна вещь, привязывавшая ее къ міру,—это забота ея о сынѣ. Неподалеку отъ монастырей, гдѣ нашли пріютъ его родители, юный Пселлъ продолжалъ свое ученіе, и мы видимъ, что онъ часто навѣщалъ родителей, велъ съ ними длинные философскіе и религіозные разговоры, безпрестанно обращался къ нимъ, особенно къ Ѳеодотѣ, за совѣтами и утѣшеніями. И затворничество было настолько не строго, что не разъ молодой человѣкъ приходилъ въ женскій монастырь къ матери, обѣдалъ тамъ и оставался ночевать.

И тѣсная и упорная связь членовъ этой семьи между собой, несмотря на разлученье, проявлялась особенно во всѣхъ случаяхъ торжественныхъ или горестныхъ. Однажды отецъ Пселла внезапно заболѣлъ, и сынъ, повидимому, понявшій за послѣднее время, сколько милой простоты было въ этомъ добромъ человѣкѣ, весь

въ слезахъ прибѣжалъ къ нему, но Ѳеодота также была уже у постели умирающаго. Она утѣшала его въ послѣднія минуты, выслушивала его послѣднія наставленія и съ искренней скорбью оплакивала потерю мужа. И вотъ съ какими трогательными послѣдними завѣтами обратился умирающій къ своему сыну: „Я отправляюсь, дитя мое, въ дальній путь. Владѣй собой, не плачь слишкомъ много и утѣшай хорошенько мать". Подлѣ постели умершаго сынъ и мать бросаются другъ другу въ объятія, и Ѳеодота, при всемъ своемъ благочестіи, при всемъ своемъ отреченіи отъ всего земного, мѣняется въ лицѣ и плачетъ и не безъ труда, наконецъ, овладѣваетъ собой. Конечно, она вспоминаетъ тутъ ученіе церкви; она убѣждаетъ себя, она говоритъ себѣ, что теперь въ первый разъ мужъ ея, избавившись отъ земныхъ путъ, дѣйствительно свободенъ; она объясняетъ сыну, что проливаемыя имъ слезы показываютъ только, что онъ не бѣжалъ еще изъ своей земной тюрьмы, не нашелъ еще пристани, что блуждаетъ еще по бурному житейскому морю. Но это уже второе движенье и, по правдѣ сказать, намъ не непріятно видѣть, что неподвижная икона въ первую минуту растрогалась и выказала нѣжность, какъ обыкновенная женщина. Благочестіе ея, какъ ни было оно велико, не вытравило у нея всякаго другого чувства.

Однако, послѣ этого новаго испытанія эта страстная душа еще съ большимъ жаромъ предалась благочестію. Въ своемъ желаніи отрѣшиться отъ всякихъ излишествъ, она лишала себя даже необходимаго, и тѣло ея при такомъ режимѣ становилось слабымъ, прозрачнымъ, поч-

ти воздушнымъ Напрасно близкіе ея укоряли ее за такой крайній аскетизмъ; напрасно старый отецъ ея дѣлалъ ей упреки и настаивалъ на томъ, чтобы она измѣнила образъ жизни. Если она и давала уговорить себя послѣ цѣлаго ряда нѣжныхъ убѣжденій, если соглашалась, скрѣпя сердце, чтобы сдѣлать удовольствіе своимъ близкимъ, заказать иногда болѣе обильный обѣдъ, то когда приходило время сѣсть за столъ, она одумывалась и, сознавая бездну грѣха, который собиралась совершить, она спѣшила отыскать на улицѣ нищую и отдать ей приготовленный обѣдъ; и радуясь, что избавилась отъ искушенія, она называла свою случайную гостью своей благодѣтельницей и избавительницей. Но при такомъ режимѣ она съ каждымъ днемъ все слабѣла и слабѣла; теперь она не могла пойти въ церковь и выстоять тамъ службу безъ поддержки двухъ служанокъ. Благодаря всему этому, Ѳеодота стяжала славу большой святости.

Однако, она все еще не постриглась, считая себя изъ скромности недостойной такой чести; а между тѣмъ, чувствуя, что умираетъ, она страстно жаждала этого высшаго блага. И на этотъ разъ, по странной случайности, опять сновидѣніе заставило ее принять рѣшеніе. Одна изъ ея подругъ въ монастырѣ видѣла сонъ. Приснилось ей, будто она въ ипподромѣ, въ императорской ложѣ, и вотъ видитъ тамъ вокругъ таинственнаго золотого трона, такого ослѣпительнаго, что едва можно было на него глядѣть, другіе троны, тоже изъ золота или слоновой кости, поставленные полукругомъ; между ними, нѣсколько въ сторонѣ, направо былъ поставленъ тронъ, сдѣланный изъ

особаго и неизвѣстнаго матеріала, въ одно и то же время темнаго и блестящаго. И когда она спросила, кому предназначался этотъ тронъ, чей-то голосъ отвѣчалъ ей, что это тронъ Ѳеодоты. „Императоръ,—разумѣйте Царь Небесный,—приказалъ его приготовить, ибо она должна скоро придти и возсѣсть на него“. Это было предзнаменованіемъ скорой смерти и предвозвѣстіемъ будущей святости. Ѳеодота рѣшилась постричься.

Это была торжественная, потрясающая церемонія. Монастырскую церковь украсили, какъ въ день праздника; монахини наполняли храмъ; священникъ находился въ алтарѣ, Пселлъ также присутствовалъ въ первыхъ рядахъ толпы; ко всеобщему удивленію, постриженная, бывшая въ послѣднее время такой слабой и истощенной, что думали—ее придется нести на носилкахъ, въ этотъ великій день, послѣднимъ напряженіемъ воли, вдругъ встала на ноги. Сіяя сверхъестественной красотой, „подобно невѣстѣ, идущей на встрѣчу жениху“, она появилась одна, никто ее не поддерживалъ, твердымъ шагомъ приблизилась къ алтарю и, ни на мигъ не поддавшись слабости, выстояла всю длинную службу постриженія. Она приняла изъ рукъ священника золотое кольцо, сандаліи, крестъ; затѣмъ пріобщилась Святыхъ Тайнъ.

Пселлъ, глубоко потрясенный, упалъ къ ногамъ святой женщины. Тогда, обратившись къ нему, мать сказала тихимъ голосомъ: „Да пріемлешь и ты, сынъ мой, когда-нибудь всѣ эти блага“. Въ то же время лицо ея измѣнилось, въ глазахъ загорѣлся сверхъестественный огонь. Это былъ конецъ. Тутъ она захотѣла отдохнуть минуту и

сѣла на низкую скамью. Затѣмъ вдругъ, точно увидавъ направо отъ себя нѣчто сокрытое отъ глазъ другихъ людей, она порывисто привстала и упала безъ чувствъ. Когда она пришла въ себя, она, въ послѣдній разъ, позвала любимаго сына, настоятельно призывала его, и затѣмъ тихо умерла, вѣрная до конца двумъ чувствамъ, наполнявшимъ всю ея жизнь и правившимъ ею: любви материнской и любви къ Богу.

Какова была скорбь Пселла, явившагося слишкомъ поздно, чтобы принять послѣдній поцѣлуй матери, объ этомъ легко можно догадаться, и онъ намъ самъ говоритъ о томъ: „я упалъ на землю, какъ мертвый, пишетъ онъ, ничего не понимая, что творилось вокругъ меня, покуда присутствующіе, окропивъ мнѣ лицо холодной водой и давъ понюхать ароматовъ, не привели меня въ чувство“. Я пропускаю надгробный плачъ, который онъ со всегдашнимъ своимъ искусствомъ импровизировалъ передъ гробомъ умершей. Лучше остановиться на похоронахъ, устроенныхъ Константинополемъ Ѳеодотѣ. Весь городъ принялъ въ нихъ участіе, каждый желалъ въ послѣдній разъ прикоснуться къ тѣлу, къ рукамъ, къ лицу этой благочестивой женщины. Присутствующіе изорвали послѣднее платье, какое она носила, чтобы сохранить отъ него кусочки, какъ реликвіи, и старый отецъ Ѳеодоты, стоя у постели, гдѣ покоилось ея тѣло, могъ по праву сказать рыдавшей женѣ своей: „Вѣрь мнѣ, жена, ты дала жизнь святой и мученицѣ“.

V.

Однако, главный интересъ, представляемый Ѳеодотой, заключался не въ этой святой кончинѣ и не въ благочестивой жизни ея послѣднихъ лѣтъ. Она главнымъ образомъ интересна своей огромной любовью къ сыну. Всю свою жизнь Пселлъ былъ убѣжденъ, что руководительница его юности и съ высоты небесъ продолжала нѣжно хранить его и не одинъ разъ философъ укорялъ себя, что до извѣстной степени обманулъ надежды святой женщины, слѣдуя другому направленію, чѣмъ она желала бы. Есть, несомнѣнно, нѣчто парадоксальное въ томъ, что этотъ человѣкъ, чья жизнь протекала „какъ елей, что течетъ неслышно“, что добрый семьянинъ „не скорый на отвѣты“ имѣлъ сына, самаго подвижного, самаго дѣятельнаго, самаго большого интригана среди всѣхъ придворныхъ и самаго словоохотливаго изъ ораторовъ, и что эта благочестивая мать, умершая въ святости, дала жизнь человѣку съ умомъ самымъ свободомыслящимъ, самымъ открытымъ, самымъ научнымъ среди всѣхъ его современниковъ. Пселлъ хорошо чувствовалъ этотъ контрастъ и до какой степени была велика разница между нимъ и его родителями. Но любовь къ наукѣ у него была сильнѣе всего. „Я долженъ былъ бы, говоритъ онъ, думать только объ одномъ Богѣ. Но мой характеръ, непреоборимая жажда всякаго знанія, влекли меня къ наукѣ“. Какого рода было это знаніе, какъ обширно и глубоко, онъ это намъ самъ любезно объяснилъ: онъ разсказалъ намъ, какъ въ двадцать пять лѣтъ онъ зналъ все, что можно знать,

риторику и философію, геометрію и музыку, право и астрономію, медицину, физику, даже оккультныя знанія, и какъ отъ неоплатониковъ и отъ „удивительнаго Прокла“ онъ мало-по-малу возвысился до „чистаго свѣта Платона“. Въ сущности, несмотря на нѣкоторыя сомнѣнія, которыя порой у него являлись, этотъ свободный и великій умъ отнюдь не жалѣлъ о своихъ знаніяхъ, равно и его мать, въ конечномъ итогѣ, должна была, взирая на него съ высоты небесъ, быть имъ довольной. Благодаря тому, что онъ былъ выдающимся ученымъ, Пселлъ попалъ ко двору и дошелъ до поста перваго министра: и такимъ образомъ, хотя нѣсколько иначе, онъ осуществилъ великіе честолюбивые замыслы своей матери и тѣ прекрасныя мечты, какимъ предавалась она въ былыя времена, склоняясь съ любовью надъ его колыбелью.

ГЛАВА XII.

Анна Далассина.

Аристократическая византійская семья въ XI вѣкѣ.

Среди феодальной и военной знати Византіи однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ родовъ около половины XI вѣка былъ родъ Комниновъ. Помимо обширныхъ владѣній въ Азіи и другихъ несмѣтныхъ богатствъ родъ этотъ прославился еще благодаря своимъ заслугамъ передъ государствомъ: глава его, Исаакъ, былъ тогда однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ полководцевъ имперіи. Поэтому, когда въ 1057 году старшіе военные чины, въ негодованіи противъ неумѣлаго правленія гражданской власти, рѣшились поднять мятежъ, они съ общаго согласія провозгласили Комнина царемъ византійскимъ. Такъ Исаакъ положилъ начало будущему величію своего рода.

Однако, едва прошло два года съ его восшествія на престолъ, какъ новый царь, разочарованный, сознавая свое безсиліе творить добро, о которомъ мечталъ, къ тому же еще больной, рѣшился отречься отъ престола. Одно время онъ думалъ передать власть брату своему Іоанну, уже возведенному имъ на высокую должность куропалата и доместика; но послѣдній, страшась

тяжелой отвѣтственности, отказался наотрѣзъ. Напрасно жена его Анна Далассина пыталась внушить ему бодрость; напрасно представляла ему, какимъ опасностямъ онъ въ будущемъ подвергаетъ своихъ, которые неизбѣжно будутъ казаться подозрительными всякому правительству, какъ возможные претенденты на престолъ; напрасно, мѣшая укоры со слезами, она въ горькихъ выраженіяхъ осмѣивала такое философское безкорыстіе и такую опасную умѣренность. Она не могла добиться ничего. Вслѣдствіе отказа Іоанна, престолъ достался предсѣдателю сената Константину Дукѣ. Но Анна Далассина всю жизнь не могла забыть этихъ трагическихъ переговоровъ, происходившихъ въ ноябрѣ 1059 года. Никогда она не могла утѣшиться, что миновала ее императорская корона, которую ея мужъ, произнеси онъ только одно слово, могъ бы возложить ей на голову; никогда не простила она Дукѣ, что онъ вмѣсто нея взошелъ на престолъ. Отнынѣ она поставила себѣ единую цѣль жизни: вновь найти утраченную возможность, отплатить судьбѣ, вновь завоевать для своихъ верховную власть, которой она думала завладѣть; и такъ какъ Анна Далассина была столько же ловка и настойчива, сколь честолюбива, она достигла своего. Государственный переворотъ 1081 года, болѣе чѣмъ на сто лѣтъ упрочившій престолъ за династіей Комниновъ, былъ слѣдствіемъ хотя и не прямымъ, но вѣрнымъ и логическимъ, ея упорной энергіи, ея страстной заботы о славѣ своего дома, ея материнской преданности, глубокой и неизсякаемой, какую она выказывала своимъ дѣтямъ при всевозможныхъ обстоятельствахъ.

I.

Если оставить въ сторонѣ разницу общественнаго положенія, аристократка Анна Далассина очень напоминаетъ женщину средняго класса, какой была мать Пселла. Такъ же, какъ послѣдняя, она была набожна, милосердна, добродѣтельна; подобно ей, она любила общество монаховъ и священниковъ и мечтала окончить свои дни гдѣ-нибудь въ монастырѣ; подобно ей, проводила часть ночи за чтеніемъ благочестивыхъ книгъ, то произнося молитвы, то читая псалмы, а въ обществѣ видѣли ее всегда со строгимъ и важнымъ лицомъ, внушавшимъ легкомысленнымъ людямъ почтеніе, смѣшанное со страхомъ. Подобно ей, она соединяла съ горячей любовью къ Богу страстную любовь къ своимъ дѣтямъ. Позднѣе, въ одномъ офиціальномъ актѣ сынъ ея, императоръ Алексѣй, отдаетъ ей должное, и это свидѣтельство стоитъ привести. „Ничто не сравнится, пишетъ царь, съ нѣжной матерью, любящей своихъ дѣтей. Нѣтъ въ мірѣ болѣе твердой опоры, появляется ли на горизонтѣ опасность, грозитъ ли какая-нибудь бѣда. Если она даетъ совѣтъ, совѣтъ ея всегда добрый; когда она молится за кого-нибудь, ея всемогущая молитва доставляетъ неодолимую защиту. Таковой мнѣ являлась всегда, съ самаго ранняго дѣтства, моя мать и высокочтимая госпожа, бывшая во всѣхъ обстоятельствахъ моей руководительницей и наставницей. Мы были одной душой въ двухъ тѣлахъ и милостью Божіей этотъ прекрасный и тѣсный союзъ длится и по сей день“.

Несомнѣнно, что Анна Далассина имѣла на

своихъ сыновей глубокое и рѣшительное вліяніе. Какъ и въ семействѣ Пселла, такъ и во дворцѣ Комниновъ она была мужчиной въ домѣ; и когда въ 1067 году, по смерти мужа; она осталась вдовой съ восемью дѣтьми, пятью сыновьями и тремя дочерьми, роль ея, и безъ того значительная, еще увеличилась. Это она воспитала, главнымъ образомъ, всѣхъ своихъ, сдѣлала изъ нихъ замѣчательныхъ людей, способныхъ исполнять то высокое назначеніе, о какомъ она для нихъ мечтала, и къ которому она ихъ вела. Впрочемъ, она охотно слушала тѣхъ, кто обѣщалъ ей власть для ея дѣтей, и въ особенности не жалѣла ничего, чтобы пророчества эти осуществились. „Это ея молитвами, пишетъ сынъ ея Алексѣй, непрестанно возносимыми къ престолу Божьему, достигли мы вершины верховной власти“. И справедливо поэтому исторія наименовала ее „матерью Комниновъ“.

Единственная разница между этими двумя одинаково страстными матерьми, матерью Пселла и матерью Комниновъ, состоитъ въ томъ, что Анна Далассина, благодаря своему рожденію, богатству и обаянію своего имени, могла воспользоваться для своихъ честолюбивыхъ цѣлей такими средствами, какихъ не имѣла скромная по рожденію своему Ѳеодота. Происходя изъ знатной семьи, дочь отца, занимавшаго высшія должности въ ѳемѣ Италіи, принадлежа по матери къ знаменитому дому Далассиновъ, слава котораго не давала покою многимъ императорамъ, выйдя замужъ за одного изъ Комниновъ, имѣя связи съ самымъ цвѣтомъ византійской аристократіи, она всегда жила въ высшемъ свѣтѣ и при дворѣ,

гдѣ научилась искусству интриги, практиковавшемуся ею съ необычайнымъ умѣньемъ; съ удивительной ловкостью обходя всѣ трудности, она съ несравненнымъ мастерствомъ выпутывалась изъ самыхъ опасныхъ положеній.

Къ этому драгоцѣнному искусству, хотя нѣсколько низменному, Анна присоединяла, кромѣ того, очень выдающіяся качества ума. Сынъ ея Алексѣй, ея внучка Анна Комнина, никогда не говорятъ о ней иначе какъ съ безусловнымъ восхищеніемъ. Она обладала перворазряднымъ умомъ, „умомъ могучимъ, поистинѣ царственнымъ и достойнымъ престола“. Съ ранняго дѣтства выказывала она дѣятельную и сильную волю, большой здравый смыслъ; въ ея ясномъ и уравновѣшенномъ мозгу постоянно бродила какая-нибудь дѣятельная мысль. „Это было удивительно, пишетъ Анна Комнина, видѣть въ этомъ тѣлѣ молодой женщины разумъ старца, а стоило только посмотрѣть на нее, чтобы увидать всѣ ея серьезныя качества и достоинства“. Въ ней была душа государственнаго мужа. Она обладала удивительной дѣловой опытностью, глубокимъ знаніемъ политики; она была бы способна править цѣлымъ міромъ. Наконецъ, она обладала замѣчательными природными способностями: ея рѣчь была свободна, сжата, она всегда находила вѣрное слово и легко доходила до краснорѣчія. „Безъ ея ума и безъ ея разсудительности, сказалъ объ ней ея сынъ, имперія погибла бы“. И Анна Комнина превозноситъ ее выше всѣхъ современныхъ ей государственныхъ людей. „Она была, пишетъ ея внучка, украшеніемъ и честью своего пола, славой человѣчества“. Обладая при этомъ муже-

ствомъ и гордой смѣлостью, безусловно преданная своимъ сыновьямъ, необыкновенно ловкая, она была, однимъ словомъ, женщина выдающаяся своими высокими качествами, оправдывавшая непомѣрность своего честолюбія. Высокомѣрная и интриганка въ одно и то же время, осторожная и податливая, когда это было нужно, предпріимчивая и смѣлая, когда это требовалось, и всегда безконечно умная, она несомнѣнно была основательницей величія своей семьи, и видя ее такой, легко понять необычайное вліяніе, какое она сохраняла до самой смерти на своихъ благодарныхъ сыновей

II.

Въ 1067 году, когда послѣ смерти мужа Анна Далассина стала главой семьи, трое изъ ея сыновей были уже взрослыми. Старшій, Мануилъ, служилъ въ императорскомъ войскѣ; Исаакъ и Алексѣй были молодые люди, отъ девятнадцати до двадцати лѣтъ; только Адріанъ и Никифоръ были еще дѣтьми. Изъ трехъ дочерей двѣ были пристроены, замужемъ за знатными людьми: одна вышла за Михаила Таронита, другая за Никифора Мелиссина. Закончить образованіе младшихъ, поднять на должную высоту остальныхъ и упрочить ихъ судьбу, такова была двойная цѣль, отнынѣ поставленная себѣ матерью.

Обстоятельства очень благопріятствовали ей. Въ это время византійскій престолъ опять былъ въ рукахъ женщины, Евдокіи, вдовы Константина Дуки, регентши, правившей отъ имени своего малолѣтняго сына Михаила VII. Это была царица

умная образованная, даже причастная литературѣ; хотя ей неправильно приписывали сочиненіе поэмы „Віоларій“ или „Поле фіалокъ“, несомнѣнно, что она любила писать и была авторомъ нѣсколькихъ стихотвореній—о волосахъ Аріоны, о занятіяхъ, приличествующихъ царицѣ,—и трактата о монастырской жизни, достаточно свидѣтельствующихъ объ ея литературныхъ вкусахъ и стремленіяхъ. Но еще болѣе того это была женщина энергичная, честолюбивая, жадная до власти: „я твердо намѣрена, говорила она, умереть на престолѣ“. Поэтому мужъ ея, цѣнившій ея качества, умирая, упрочилъ за ней особымъ актомъ верховную власть, обязавъ ее при этомъ, изъ странной предосторожности влюбленнаго и ревниваго мужа, письменнымъ условіемъ никогда не выходить вновь замужъ. Евдокія согласилась и подписанное ею условіе было торжественно отдано на храненіе патріарху Іоанну Ксифилину.

Къ сожалѣнію, тяжелое положеніе, какое переживала тогда имперія, крайне затрудняло для женщины исполненіе послѣдней воли, завѣщанной василевсомъ Константиномъ X; потребность въ мужской рукѣ заставляла себя сильно чувствовать; и, кромѣ того, хотя Евдокіи было подъ сорокъ лѣтъ, она обладала темпераментомъ, плохо мирившимся со вдовствомъ. Какъ разъ въ это время она страстно влюбилась въ красиваго Романа Діогена, полководца, пытавшагося послѣ смерти императора поднять военный бунтъ; побѣжденный и привезенный плѣннымъ въ Константинополь, онъ ожидалъ надъ собой суда, какъ вдругъ, къ великому удивленію придворныхъ, императрица помиловала его; и скоро у

нея не стало другой мысли, какъ только выйти за него замужъ. Одна вещь, впрочемъ, смущала ее: злополучный документъ, врученный патріарху. Крайне ловко регентша провела святого отца; она сдѣлала видъ, что воспылала горячей любовью къ брату Ксифилина; и послѣдній, въ качествѣ добраго родственника, чтобы не стать помѣхой счастью, готовому улыбнуться его семьѣ, согласился возвратить Евдокіи бумагу, содержавшую ея обѣщаніе. Овладѣвъ своимъ обязательствомъ, царица сняла маску и вышла замужъ за Романа Діогена.

„Человѣкъ, замѣчаетъ Пселлъ, разсказывая объ этомъ событіи, животное измѣнчивое, особенно, когда находитъ для своихъ измѣнъ блавидные предлоги“. Но остальные далеко не такъ спокойно отнеслись къ этому. Кесарь Іоаннъ Дука, братъ покойнаго императора, увидавшій что его отстранили отъ дѣлъ, патріархъ Ксифилинъ, взбѣшенный, что его провели, не скрывали своего недовольства; и самъ Пселлъ, бывшій любимымъ министромъ Константина X и наставникомъ юнаго Михаила VII, въ концѣ концовъ, почувствовалъ нѣкоторую непріязнь къ начинавшейся такимъ образомъ новой политикѣ. Въ самомъ дѣлѣ, восшествіе на престолъ Романа означало торжество военнаго сословія, и гражданскіе чины, взволнованные, возмущенные, становились въ открытую оппозицію къ царю, грозившему лишить ихъ вліянія.

Послѣднее обстоятельство и приблизило Комниновъ ко двору. Помимо того, что Евдокія состояла съ ними въ нѣкоторомъ родствѣ, они по своему имени, по воспоминаніямъ объ импера-

торѣ Исаакѣ, ихъ дядѣ, считались самыми знаменитыми представителями и самыми твердыми приверженцами идеи военной реорганизаціи и энергичныхъ мѣръ, какія олицетворяло возвышеніе Романа; кромѣ того, Анна Комнина была слишкомъ довольна паденіемъ своихъ враговъ Дукъ, чтобы не поддержать новое правительство или отказывать ему въ сочувствіи. Поэтому вся семья нашла во дворцѣ милость и почетъ. Анна Далассина выдала свою младшую дочь за Константина Діогена, близкаго родственника царя, для сына своего Мануила она добилась высшаго назначенія. Онъ былъ сдѣланъ главнокомандующимъ восточной арміи, протопроедромъ, затѣмъ куропалатомъ и во главѣ войска прославился блестящими подвигами. Благодаря ему, имя Комниновъ вновь становилось популярнымъ въ войскѣ, и надежда улыбнулась Аннѣ Далассинѣ, какъ вдругъ юный полководецъ серьезно заболѣлъ въ Виѳиніи.

Получивъ это извѣстіе, испуганная мать тотчасъ отправилась къ сыну; послѣднимъ усиліемъ воли Мануилъ, почти умирающій, всталъ, чтобы встрѣтить ее; онъ бросился къ ней въ объятія, съ трудомъ произнесъ нѣсколько словъ; затѣмъ вновь упалъ на постель и, высказавъ желаніе, чтобы его похоронили въ той самой могилѣ, гдѣ впослѣдствіи упокоится его возлюбленная мать, онъ лишился силъ и умеръ. Ничто лучше этого разсказа не показываетъ всей глубины почтенія и нѣжной привязанности, какія сумѣла эта женщина внушить своимъ дѣтямъ; ничто также не показываетъ лучше рѣдкой энергіи ея души, чѣмъ то, что затѣмъ послѣдовало. Смерть Мануила

была не только жестокимъ испытаніемъ, она являлась гибелью всѣхъ надеждъ, возложенныхъ ею на эту юную, такъ славно начавшуюся жизнь. Несмотря на значительность своей утраты и своего отчаянія, Анна Далассина, однако, вновь овладѣла собой, хотя поразилъ ее тяжкій ударъ. Одинъ Комнинъ погибъ; другой долженъ былъ продолжать традиціи и упрочить судьбы рода. Она рѣшила немедленно отправить въ армію своего третьяго сына, юнаго Алексѣя. Но императоръ выказалъ себя болѣе жалостливымъ, чѣмъ мать. Когда Комнинъ явился къ нему просить разрѣшенія уѣхать, онъ отвѣчалъ: „Ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ, чтобы въ такой скорби мать твоя оставалась одна, и я не хочу, чтобы къ горю потери одного сына присоединилась печаль разлуки съ другимъ“. И онъ отправилъ молодого человѣка обратно къ Аннѣ Далассинѣ.

Революція 1071 года однимъ ударомъ уничтожила дѣло, съ такимъ терпѣніемъ подготовлявшееся Анной. Извѣстно, какъ послѣ пораженія Романа IV, разбитаго турками при Манцикертѣ и взятаго въ плѣнъ султаномъ, разразилась при дворѣ вся ненависть, съ давнихъ поръ накопившаяся противъ злополучнаго монарха, и какъ партія Дуки, объявивъ его низложеннымъ, не усумнилась, по освобожденіи царя изъ плѣна, начать съ нимъ войну, какъ съ чужеземнымъ врагомъ. Съ обычной ей смѣлостью Анна Далассина осталась упорно вѣрна этому низложенному императору; ее не замедлили обвинить въ тайной перепискѣ съ нимъ, ее потребовали на судъ; осужденіе ея казалось рѣшеннымъ заранѣе. И вотъ

на судѣ эта женщина, всегда высокомѣрная и твердая, вдругъ выхватила изъ-подъ одежды распятіе и, потрясая имъ передъ лицомъ растерявшихся судей, воскликнула: „Вотъ мой судья, а также и вашъ, думайте о Немъ, когда будете произносить вашъ приговоръ, и смотрите, чтобы онъ былъ достоинъ верховнаго судьи, который видитъ скрытое въ глубинѣ души человѣческой“. При этой неожиданной выходкѣ судьи совершенно растерялись. Нѣкоторые стали уже склоняться къ оправданію; однако, большинство устрашилось гнѣва новаго владыки. Выпутались изъ этого положенія, прибѣгнувъ къ подлости, очень удачно сопоставленной друзьями Комниновъ съ „судомъ Каіафы“. Анна Далассина была присуждена къ изгнанію и отправлена съ сыновьями на одинъ изъ Принцевыхъ острововъ.

III.

Немилость, постигшая Комниновъ, была, однако, непродолжительна. Ихъ главный противникъ, кесарь Іоаннъ Дука, ставшій регентомъ вмѣсто Романа и Евдокіи, не замедлилъ поссориться со своимъ племянникомъ Михаиломъ VII и долженъ былъ оставить дворъ и удалиться въ свои азіатскія владѣнія. Комнины, несмотря на ихъ паденіе, были слишкомъ сильны и слишкомъ знатны, чтобы новые министры не чувствовали, насколько было важно при подобныхъ обстоятельствахъ заручиться ихъ поддержкой. Ихъ вернули изъ ссылки. Вскорѣ, чтобы еще больше быть увѣренными въ ихъ содѣйствіи, женили Исаака, главу семьи, на родственницѣ императрицы Ма-

ріи Аланской, и вскорѣ затѣмъ сдѣлали его главнокомандующимъ восточной арміи, должность, порученная нѣкогда брату его Мануилу. Уѣзжая, Исаакъ взялъ съ собою въ лагерь младшаго своего брата Алексѣя. Съ этихъ поръ счастье стало все больше и больше улыбаться этой семьѣ.

Алексѣю Комнину, будущему императору, было тогда двадцать три или двадцать четыре года; Исаакъ былъ немногимъ старше. Оба были удивительные воины, страстно любившіе военное дѣло и до того безстрашные, что храбрость старшаго доходила иногда до безумной смѣлости. Онъ кидался тогда на врага, поражая его „какъ ударъ молніи“, и не разъ, изъ-за неосторожности, попадалъ въ руки невѣрныхъ. Алексѣй, хотя и не менѣе смѣлый, былъ болѣе спокойнаго, уравновѣшеннаго характера. Въ физическомъ отношеніи онъ былъ средняго роста, но крѣпкаго сложенія и очень силенъ; съ своимъ загорѣлымъ цвѣтомъ лица, черными волосами, темными блестящими глазами онъ имѣлъ красивую, вполнѣ привлекательную внѣшность. Обученный всѣмъ тѣлеснымъ упражненіямъ, онъ былъ страстный охотникъ, изящный, неутомимый наѣздникъ, страстно любившій военныя приключенія. Но съ этой физической дѣятельностью онъ соединялъ, въ нравственномъ отношеніи, рѣдкое самообладаніе и удивительную ловкость вести интригу. Умный, образованный, умѣющій говорить, онъ таилъ въ душѣ своей твердую, упорную волю; однако, такъ какъ онъ отъ природы былъ нрава кроткаго, онъ предпочиталъ достигать цѣли скорѣй ловкостью, чѣмъ насиліемъ. Подобно сво-

имъ братьямъ, нѣжно привязанный къ матери, онъ былъ втайнѣ предметомъ особой любви Анны Далассины; она считала, что онъ болѣе другихъ способенъ осуществить ея честолюбивые замыслы; вотъ почему съ очень раннихъ лѣтъ она готовила его къ военной карьерѣ и затѣмъ приставила, въ качествѣ адъютанта, къ старшему его брату Исааку. Во всемъ этомъ Анна Далассина судила вѣрно. Въ самый короткій срокъ братья Комнины блестящею храбростью и другими военными подвигами покрыли свое имя необыкновенной славой.

Около 1072 и 1073 годовъ положеніе имперіи было чрезвычайно затруднительно. Со стороны азіатской границы угрожали турки; эта опасность осложнялась еще мятежомъ, поднятымъ однимъ начальникомъ наемныхъ войскъ, норманомъ Русселемъ изъ Байеля. Вынужденные выдерживать борьбу противъ невѣрныхъ съ силами, очень уменьшенными этимъ мятежомъ, оба брата, однако, творили чудеса. Если вѣрить семейной хроникѣ, прославляющей, конечно, нѣсколько пристрастно ихъ храбрость и тѣсную дружбу,—они были дружны, говоритъ Анна Комнина, какъ Орестъ и Пиладъ,—подвиги ихъ были достойны подвиговъ паладиновъ. Однажды въ одной битвѣ подъ Исаакомъ убили лошадь, и онъ попалъ въ руки турокъ. Алексѣй съ большимъ трудомъ старался спасти войско и прикрыть отступленіе, какъ вдругъ воины, охваченные паникой, обратились въ бѣгство, оставивъ юнаго полководца почти совсѣмъ одного. Окруженный со всѣхъ сторонъ мусульманами, Алексѣй вынужденъ былъ бѣжать и только чудомъ спасся отъ

преслѣдованія; наконецъ, послѣ кратковременнаго пребыванія въ какой-то глухой деревушкѣ, ему удалось съ нѣсколькими изъ своихъ людей добраться до Анкиры. Думая объ одномъ только, какъ бы освободить поскорѣе любимаго брата, онъ поспѣшилъ въ Константинополь, чтобы собрать тамъ необходимый выкупъ; по своемъ возвращеніи, онъ имѣлъ неожиданную радость найти Исаака уже свободнымъ; каппадокійская знать рѣшилась въ благородномъ порывѣ сложиться и выкупить наслѣдника такого славнаго рода Тогда братья уже вмѣстѣ поѣхали обратно въ столицу; но опять въ окрестностяхъ Никомидіи на нихъ напали турки и окружили ихъ. Они мечомъ пробили себѣ дорогу, выказавъ въ этомъ сраженіи чудеса храбрости, въ концѣ концовъ выпутались изъ бѣды и, несмотря на бѣшеную погоню, не потерявъ ни одного человѣка, достигли безопаснаго мѣста. Когда послѣ этой эпической скачки они возвратились въ Константинополь, народъ въ восторгѣ устроилъ имъ торжественную встрѣчу, и толпа, растроганная и очарованная, взирала, любуясь, на того, кого съ любовью называла „прекраснымъ золотымъ юношей“.

Такая блестящая слава должна была неминуемо возбудить тревогу въ высшихъ сферахъ; рѣшили употребить всѣ мѣры, чтобы избавиться отъ этихъ слишкомъ популярныхъ молодыхъ людей. Исаакъ, въ качествѣ правителя Антіохіи, былъ отправленъ на окраины далекой Сиріи; Алексѣй, возведенный въ чинъ стратопедарха, получилъ порученіе сразиться съ Русселемъ изъ Байеля и покорить его Византіи. Но на это трудное дѣло

ему отпустили мало воиновъ и не дали никакихъ денегъ. Несмотря на нежеланіе матери, боявшейся, что заранѣе обреченное на неудачу предпріятіе скомпрометируетъ его славу, Алексѣй все же принялъ предложенное ему начальствованіе. И такъ искусна была его тактика, такъ тонка его дипломатія, что дѣло, долженствовавшее, повидимому, его погубить, послужило только къ еще большему его возвеличенію. Онъ началъ съ того, что преградилъ доступъ провіанта мятежнику, затѣмъ сумѣлъ возбудить въ его лагерѣ измѣну, такъ что измѣнникъ выдалъ ему Русселя, и торжественно привезъ въ Константинополь этого, столь опаснаго, противника. Императоръ Михаилъ VII принялъ юнаго героя чрезвычайно милостиво: „привѣтствую того, сказалъ онъ ему, кто, послѣ Бога, наша правая рука“. Въ это время, въ 1074 году, Алексѣй былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ людей Византіи.

Между тѣмъ противъ царя поднималось всеобщее недовольство. Безстыдная алчность перваго министра истощала казну и причиняла голодовку въ странѣ; войско, не получавшее жалованья, возмущалось. Честолюбцы пользовались неурядицей, царившей благодаря слабому правительству Михаила; въ Европѣ Никифоръ Врієнній провозгласилъ себя императоромъ; въ Азіи Никифоръ Вотаніатъ облекся въ порфиру, поддержанный феодальной знатью и даже частью сената. Между правительствомъ и претендентами-соперниками Алексѣй Комнинъ лавировалъ крайне искусно и, не становясь ни на чью сторону, тѣмъ вѣрнѣе упрочивалъ собственное положеніе; и скоро онъ сталъ казаться такимъ необхо-

димымъ человѣкомъ, что всѣ партіи добивались союза съ нимъ и старались имъ завладѣть. Онъ воспользовался очень искусно обстоятельствами, чтобы обезпечить себѣ успѣхъ.

Незадолго передъ тѣмъ Алексѣй потерялъ жену. Взамѣнъ ея ему предлагали двѣ одинаково блестящія и полезныя партіи. Императоръ предлагалъ ему руку своей сестры Зои, кесарь Іоаннъ Дука желалъ выдать за него свою внучку Ирину. Имѣя выборъ между этими двумя браками, Комнинъ легко сообразилъ всѣ выгоды второго, который, соединяя интересы двухъ самыхъ знаменитыхъ въ Византіи аристократическихъ родовъ, обезпечивалъ въ будущемъ неоцѣнимую поддержку его честолюбивымъ планамъ. Онъ рѣшился выбрать Дукъ. Но это рѣшеніе натолкнулось со всѣхъ сторонъ на крайнія препятствія. Императоръ, оскорбленный тѣмъ что отвергли союзъ съ нимъ, выказывалъ къ нему явную враждебность; но что было еще удивительнѣе, сама Анна Далассина противилась теперь желанію сына; давнишняя и упорная ненависть къ Дукамъ затемняла на этотъ разъ всегдашнюю ясность ея сужденія и заставляла ее пренебречь явной выгодой ея дома. Вотъ тутъ-то и проявились политическое чутье и дальновидная стойкость Алексѣя. Все время завѣряя, что онъ никогда не пойдетъ противъ воли матери, онъ тѣмъ не менѣе ни въ чемъ не поддался ея увѣщаніямъ; дѣйствуя необычайно терпѣливо и тонко, онъ задумалъ заставить ее отказаться отъ своихъ предубѣжденій и съ помощью ловкой дипломатіи своей будущей свекрови онъ, въ концѣ-концовъ, одолѣлъ всѣ

затрудненія. Анна Далассина, скрѣпя сердце, дала согласіе; добились также и соизволенія царя, и въ концѣ 1077 года свадьба была отпразднована. Анна Далассина, какъ это видно будетъ дальше, затаила противъ своей невѣстки упорную злобу, тѣмъ болѣе сильную, что ей пришлось въ этихъ обстоятельствахъ въ первый разъ въ жизни подчинить свою волю волѣ сына.

Надо, однако, замѣтить, что въ этой распрѣ правда была на сторонѣ Алексѣя, а не его матери: дальнѣйшія событія достаточно это показали. Союзъ съ Дуками представлялъ въ его игрѣ большой козырь; онъ позволилъ ему между всѣми имѣющимися на лицо партіями оказать свою поддержку тамъ, гдѣ это ему было выгодно, и стать дѣйствительнымъ хозяиномъ положенія. Сначала онъ оставался вѣренъ существовавшему правительству: въ началѣ 1078 года онъ разбилъ въ Македоніи Никифора Вріеннія. Но когда, нѣсколько позднѣе, Вотаніатъ свергнулъ съ престола Михаила VII, Комнинъ счелъ болѣе выгоднымъ примкнуть къ новому правительству. Такое драгоцѣнное сообщничество получило свою заслуженную награду: Алексѣй былъ возведенъ въ должность великаго доместика схолъ, получилъ титулъ новилиссима и сталъ дѣйствительно главнымъ защитникомъ и лучшей опорой царя. Онъ вторично разбилъ Никифора Вріеннія, затѣмъ уничтожилъ другого мятежника, Василака, и обоихъ ихъ доставилъ плѣнными къ стопамъ императора. Эти успѣхи были увѣнчаны новымъ почетомъ: его сдѣлали проедромъ. Но въ особенности способствовали они увеличенію его популярности. Благодаря

своимъ блестящимъ побѣдамъ, онъ сдѣлался кумиромъ войска, привѣтствовавшаго его при всякомъ случаѣ и не желавшаго иного начальника, кромѣ него. Своей женитьбой онъ привлекъ на свою сторону большую часть феодальной аристократіи, такъ какъ олицетворялъ собою ихъ требованія, и, сверхъ всего, онъ пріобрѣлъ поддержку патріарха, слѣпо преданнаго Дукамъ. Наконецъ, своей привлекательной внѣшностью, окружавшимъ его ореоломъ славы, онъ нравился толпѣ. Алексѣй Комнинъ былъ въ правѣ питать всякія надежды.

IV.

Въ это самое время императоръ Никифоръ Вотаніатъ становился все болѣе непопулярнымъ. Его министры, какъ нѣкогда министры Михаила VII, расхищали съ большимъ трудомъ собранныя деньги, и такъ какъ казна находилась въ крайне бѣдственномъ положеніи, лихоимство императорской бюрократіи еще увеличивало недовольство. Войско, все болѣе и болѣе недовольное слабостью правительства, управлявшаго государствомъ, раздражалось, что его держатъ въ пренебреженіи, мало ему платятъ, постоянно приносятъ въ жертву интересамъ гражданской администраціи. Азіатскіе полки роптали; въ столицахъ варяги, самая, повидимому, вѣрная и надежная часть стражи, возмущались, и эти бунты съ трудомъ подавлялись. Вотаніатъ вдобавокъ былъ старъ, лишенъ энергіи, немножко смѣшонъ. Со всѣхъ сторонъ требовали новую династію, и возмущеніе Никифора Мелиссина,

провозгласившаго себя царемъ въ Азіи, было явнымъ знакомъ грознаго и близкаго кризиса.

Понятно, что гражданская партія была крайне встревожена такимъ положеніемъ дѣлъ, и стоявшіе во главѣ ея министры сильно озабочены популярностью Комниновъ, явно предназначенныхъ стать во главѣ военной и феодальной партіи. Они уже успѣли выказать Алексѣю свое недовѣріе, запретивъ ему послѣ его побѣды надъ Вріенніемъ тріумфаторомъ вступить въ столицу. Теперь они старались подорвать къ нему довѣріе императора, выставляя на видъ, что азіатскій мятежникъ былъ зятемъ Комниновъ; напоминали, что Алексѣй, — это было крайне благоразумно со стороны послѣдняго,—только что отказался отъ командованія войскомъ, посланнымъ противъ его родственника, старались представить его единомышленникомъ узурпатора, и тѣмъ окончательно погубить его. Но Алексѣй, какъ извѣстно, могъ всякаго заткнуть за поясъ въ тонкой игрѣ интригъ; на козни своихъ враговъ онъ отвѣчалъ другими кознями, и однимъ вѣрнымъ ходомъ нашелъ средство обезпечить себѣ всемогущую поддержку въ томъ самомъ дворцѣ, гдѣ замышляли его гибель.

Когда Михаилъ VII былъ еще императоромъ, онъ женился на царевнѣ Маріи Аланской. Это была очень красивая женщина, высокая, изящная, съ бѣлоснѣжнымъ цвѣтомъ лица, съ прелестными свѣтлыми глазами, несравненной граціи и очарованія. „Ни Апелесъ, ни Фидій,— говоритъ Анна Комнина,—не создали ничего, что могло бы сравниться съ ней по красотѣ“. „Это была“, читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ, „живая

статуя, и нельзя было достаточно налюбоваться на нее тому, кто любитъ красоту, или, вѣрнѣе, это былъ Амуръ, воплотившійся и сошедшій на землю". Эта красавица, какъ легко можно догадаться, возбудила кругомъ себя сильныя страсти. Самъ Никифоръ Вотаніатъ, когда вступилъ на престолъ, не былъ равнодушенъ къ ея чарамъ; и уже не очень молодой и два раза вдовый, онъ задумалъ на ней жениться. Было тутъ одно не малое затрудненіе: мужъ молодой женщины, лишенный престола Михаилъ VII, еще былъ живъ; но его заставили уйти въ монастырь, для міра онъ могъ считаться умершимъ, а бракъ его расторгнутымъ. Но одно время Никифоръ все же колебался, и такъ какъ прежде всего онъ заботился о томъ, чтобы узаконить свое узурпаторство черезъ союзъ съ императорскимъ домомъ, то рѣшилъ взять себѣ въ жены вдову Константина X и Романа Діогена Евдокію, которая охотно согласилась бы раздѣлить съ нимъ власть. Это былъ бы бракъ разумный, вполнѣ подходящій и по возрасту жениха и невѣсты; но Марія была болѣе хороша и обольстительна: Вотаніатъ не устоялъ противъ соблазна. Несмотря на то, что церковь не желала благословить такой вдвойнѣ незаконный бракъ, царь рѣшился на третій бракъ и женился на женѣ своего предшественника.

Марія Аланская безъ всякаго увлеченія согласилась исполнить желаніе Никифора, единственно только, чтобы спасти интересы своего малолѣтняго сына Константина, имѣвшаго тогда четыре года отроду; но она не могла любить стараго мужа, навязаннаго ей. Алексѣй Комнинъ,

какъ извѣстно, былъ, наоборотъ, крайне привлекателенъ; повидимому, императрица очень скоро возымѣла къ нему самое нѣжное чувство, и по столицѣ не замедлилъ пройти слухъ, что она съ нимъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Фактъ представляется довольно правдоподобнымъ; во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что царица взяла рѣшительно сторону Комниновъ и выказала имъ полное благоволеніе. А черезъ замужество своей кузины съ главой семьи, Исаакомъ, она приходилась имъ также нѣсколько сродни; благодаря этому браку Исаакъ, бывшій тогда въ Константинополѣ, имѣлъ свободный доступъ къ царицѣ. Онъ этимъ пользовался, чтобы выдвигать своего брата, чтобы снискивать ему милости гинекея, гдѣ всѣ дѣйствовали за него; и сама Анна Далассина, изъ ненависти къ своей невѣсткѣ Иринѣ Дукѣ, смотрѣла сквозь пальцы на связь Алексѣя и употребляла всю свою власть, чтобы помогать сыновьямъ въ ихъ происках. Всѣ эти интриги привели къ довольно непредвидѣнному результату: Марія Аланская усыновила Алексѣя Комнина. Черезъ это онъ вступалъ въ императорскую семью и, официально признанный своимъ человѣкомъ во дворцѣ, онъ очутился еще въ болѣе удобномъ положеніи, чтобы слѣдить за всѣмъ, что замышлялось тамъ противъ него.

Обманутый министрами, императоръ принялъ очень важное рѣшеніе: онъ назначилъ своимъ преемникомъ племянника своего Синадина. Когда Марія Аланская узнала о такомъ выборѣ, такомъ грубомъ пренебреженіи правами ея сына на престолъ, злоба ея не знала предѣловъ; тотчасъ извѣщенные ею Комнины, хорошо подученные

своей матерью, еще больше разжигали ея негодованіе. Совѣтники императора пошли тогда на рѣшительный поступокъ; чтобы покончить со всѣмъ этимъ, они рѣшили ослѣпить обоихъ братьевъ. Но Алексѣй и Исаакъ уже давно кое что подозрѣвали, такъ что въ видахъ предосторожности, говорятъ, никогда не появлялись вмѣстѣ во дворцѣ. Предувѣдомленные императрицей, они пошли на проломъ и поставили все на карту.

Въ ночь на 14 февраля 1081 года Исаакъ и Алексѣй въ сопровожденіи главныхъ своихъ приверженцевъ бѣжали изъ столицы и, захвативъ заблаговременно лошадей изъ императорской конюшни, достигли безъ погони лагеря ѳракійскихъ войскъ. Ихъ отъѣздъ былъ такъ поспѣшенъ и бѣгство произошло съ такою быстротой, что имъ пришлось оставить всѣхъ женщинъ, своихъ родственницъ. Вотъ тутъ то и проявила Анна Далассина всю свою обычную энергію. Съ свойственной ей рѣшимостью она на разсвѣтѣ поспѣшила укрыться въ неприкосновенномъ убѣжищѣ св. Софіи, взявъ съ собой своихъ дочерей, невѣстокъ, внуковъ; и когда Никифоръ Вотаніатъ сталъ требовать, чтобы она возвратилась въ священный дворецъ, она наотрѣзъ отказалась и, уцѣпившись за иконостасъ, объявила, что только отрубивъ ей руки можно оторвать ее отъ него. При видѣ такого упорства, императоръ не осмѣлился прибѣгнуть къ силѣ; онъ вступилъ въ переговоры и въ концѣ концовъ обѣщалъ, что бы ни случилось, пощадить жизнь родственницъ бунтовщиковъ. Удовольствовались тѣмъ, что изъ предосторожности заперли ихъ въ Петрійскій

монастырь, куда не замедлила явиться и невѣстка кесаря Іоанна Дуки, свекровь Алексѣя Комнина. И въ страхѣ всѣ эти женщины ожидали окончанія событій.

Имъ не пришлось долго ждать. Заговорщики, которымъ кесарь Іоаннъ Дука оказалъ поддержку своимъ именемъ и своимъ богатствомъ, готовились явиться имъ на выручку. Въ лагерѣ подъ Схизой они немедленно провозгласили императоромъ Алексѣя Комнина, въ пользу котораго старшій братъ его Исаакъ великодушно отказался отъ своихъ правъ; затѣмъ съ оружіемъ въ рукахъ они двинулись къ столицѣ. Въ это время слабый Вотаніатъ рѣшился положиться на волю судьбы; онъ колебался, не принималъ никакихъ мѣръ; онъ заранѣе примирился со своей долей. Одинъ изъ начальниковъ наемнаго войска измѣнилъ и открылъ бунтовщикамъ городскія ворота. Однако ничто еще не было рѣшено. Пришлось сражаться на улицахъ, и Константинополь познакомился со всѣми ужасами взятія приступомъ. Возможно даже, что при такой безпорядочной борьбѣ, еслибы только Вотаніатъ сдѣлалъ попытку къ настоящему сопротивленію, онъ могъ бы еще побѣдить; онъ этого не захотѣлъ, или не осмѣлился. Измѣна флота, перешедшаго на сторону Комниновъ, окончательно сразила его. Чтобы прекратить безполезное кровопролитіе, царь, по настоянію патріарха, рѣшился отречься отъ престола. Онъ ушелъ въ монастырь и при этомъ ничего другого не нашелъ сказать, какъ только слѣдующія слова: „Одно мнѣ обидно, что не буду ѣсть мяса. Все остальное для меня безразлично“.

V.

Анна Далассина могла считать себя счастливой: ея сынъ сталъ императоромъ. И такъ какъ она подготовила ему путь къ трону, то вліяніе ея перевѣшивало всѣ остальныя при водвореніи новой династіи.

У Алексѣя Комнина былъ въ высшей степени развитъ семейный духъ. Первой его заботой, какъ только онъ достигъ власти, было осыпать почестями всѣхъ своихъ близкихъ; для своихъ братьевъ, для своихъ зятьевъ онъ создалъ новые почетные титулы, очень громкіе, и роздалъ имъ высшія должности въ государствѣ. Для матери своей онъ сдѣлалъ еще больше. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ онъ питалъ къ ней глубокое уваженіе и у него вошло въ привычку во всѣхъ случаяхъ руководствоваться ея мнѣніями: ставъ царемъ, онъ захотѣлъ также, чтобы она принимала участіе во всѣхъ его совѣщаніяхъ. Онъ далъ ей титулъ императрицы, посвятилъ ее во всѣ дѣла, обо всемъ съ ней совѣщался. Чтобы удовлетворить эту благочестивую женщину, онъ наложилъ на себя, какъ искупленіе за разграбленіе столицы, сорокадневную эпитимію, которую понесли вмѣстѣ съ нимъ и всѣ его приближенные. Чтобы сдѣлать ей удовольствіе, онъ чуть было не принялъ гораздо болѣе важнаго рѣшенія: ему пришла мысль развестись съ женой. Несмотря на низверженіе Никифора Вотаніата, императрица Марія оставалась въ священномъ дворцѣ вмѣстѣ со своимъ сыномъ Константиномъ; и такое милостивое отношеніе возбуждало въ Константинополѣ большіе толки. Оно, повидимому, подтвер-

ждало уже давно ходившіе слухи о близкихъ отношеніяхъ Алексѣя и прекрасной царевны; но, въ особенности, странно противорѣчило его манерѣ обращаться съ собственной законной женой. Въ то время какъ новый монархъ вмѣстѣ съ матерью и всей ея родней поселился въ верхнемъ Вуколеонскомъ дворцѣ, Иринѣ съ ея матерью, сестрами и дѣдомъ было отведено помѣщеніе въ нижнемъ дворцѣ, какъ будто между Комнинами и Дуками хотѣли провести различіе и подготовить будущій разрывъ. При дворѣ и въ столицѣ на всѣ лады толковали объ этомъ раздѣленіи, и многихъ это тревожило. Всѣмъ было извѣстно, что Анна Далассина ненавидѣла Дукъ, и что въ глубинѣ души она никогда не мирилась съ женитьбой своего сына на Иринѣ. И такъ какъ видѣли ея всемогущее вліяніе на Алексѣя, такъ какъ императоръ отнюдь не скрывалъ своего охлажденія къ женѣ, то скоро распространился слухъ, что въ ближайшемъ будущемъ императоръ думаетъ развестись, и что Анна Далассина этому всячески содѣйствуетъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что императрица-мать интриговала у патріарха Козьмы, стараясь возстановить его противъ своей невѣстки, и несомнѣнно также, что, видя его непоколебимую вѣрность партіи Дукъ, она подумывала о томъ, чтобы свергнуть его, а на его мѣсто поставить болѣе любезнаго и болѣе уступчиваго патріарха. Слѣдующее обстоятельство окончательно смутило всѣхъ. Алексѣй короновался одинъ, не присоединивъ къ этой церемоніи Ирину. Все это казалось знаменательнымъ, и Дуки были очень озабочены.

Въ дѣйствительности, Алексѣй Комнинъ былъ

въ крайне затруднительномъ положеніи между тремя окружавшими его женщинами. Марія Аланская безконечно ему нравилась; онъ никогда очень не любилъ Ирину, на которой женился, главнымъ образомъ, изъ-за политическихъ цѣлей; и его личныя чувства вполнѣ согласовались съ совѣтами властной матери, которую онъ съ давнихъ поръ привыкъ слушаться. Но, съ другой стороны, была серьезная опасность возбудить къ себѣ вражду Дукъ: у нихъ были многочисленные приверженцы и послѣдніе открыто заявляли, что въ происшедшемъ государственномъ переворотѣ они работали гораздо больше для Ирины, чѣмъ для Алексѣя. Патріархъ Козьма выражался не менѣе сильно: „Не сойду съ патріаршаго престола, говорилъ онъ, раньше чѣмъ собственноручно не короную Ирину". И въ этотъ разъ Алексѣй показалъ превосходство своего политическаго генія: онъ подавилъ свои тайныя симпатіи, заставилъ увлекшуюся своими страстями мать внять голосу разсудка; и передъ лицомъ этой твердой воли, этого здраваго практическаго ума склонились въ концѣ концовъ всѣ и уступили. Дукамъ дали удовлетвореніе, обезпечивавшее съ ними союзъ; черезъ семь дней послѣ мужа Ирина была вѣнчана на царство.

Для Маріи Аланской это былъ конецъ всѣмъ ея надеждамъ: она удалилась въ Манганскій дворецъ, послѣ того какъ формальнымъ актомъ заставила признать права на престолъ за сыномъ своимъ Константиномъ. Для Анны Далассины это также было разочарованіемъ и неудачей. Сынъ утѣшилъ ее тѣмъ, что вмѣсто мести даровалъ ей полную власть. Для нея же онъ подвергъ

немилости осмѣлившагося противиться ей патріарха; онъ съ каждымъ днемъ увеличивалъ ея долю участія въ правительственныхъ дѣлахъ. Когда въ августѣ мѣсяцѣ 1081 года ему пришлось покинуть Константинополь, чтобы отправиться сражаться въ Иллиріи съ норманами Роберта Гвискара, онъ торжественнымъ хрисовуломъ (документъ, скрѣпленный золотой печатью) предоставилъ матери абсолютную власть на время своего отсутствія.

Анна Комнина сохранила намъ текстъ этого драгоцѣннаго документа; не можетъ быть болѣе блестящаго доказательства той благодарности какую Алексѣй питалъ къ своей матери, и глубокаго вліянія, какое она имѣла на него. Упомянувъ въ выраженіяхъ, выше приведенныхъ мной, о всемъ, чѣмъ онъ былъ обязанъ ей, царь поручаетъ заботамъ „своей святой, глубоко почитаемой матери“ все управленіе имперіей: судъ, финансы, управленіе провинціями, назначеніе на всякія должности, на всякіе посты, все подчинено ея контролю и подлежитъ ея рѣшенію. „Все, что ни прикажетъ она, говоритъ императоръ, письменно или на словахъ, должно быть приведено въ исполненіе“. Она получила свою печать, дошедшую до насъ, съ такой надписью: „Боже, защити Анну Далассину, мать императора“. И таково было ея могущество, что, по словамъ Анны Комнины, „императоръ, казалось, передалъ ей бразды правленія и въ нѣкоторомъ родѣ слѣдовалъ за императорской колесницей, везшей ее, довольствуясь однимъ титуломъ царя“. И царевна почтительно удивляется, что можно было предоставить столько мѣста въ государ-

ствѣ и столько вліянія гинекею: „Она приказывала, пишетъ Анна, и сынъ ея повиновался, какъ рабъ. У него была видимость могущества, но обладала властью она“.

Это была для Анны Далассины прекрасная отплата за перенесенное въ 1059 году жестокое испытаніе. Тогда она льстила себя надеждой стать императрицей: мечта ея осуществилась. Около двадцати лѣтъ по волѣ своего сына она оставалась его соправительницей, и надо отдать ей справедливость, что правила она имперіей хорошо. Она вновь завела въ правительствѣ порядокъ, распоряжаясь и со вниманіемъ слѣдя за подробностями мельчайшихъ дѣлъ. Она подняла нравственность въ священномъ дворцѣ, гдѣ раньше царила полная распущенность, и завела въ немъ приличный и суровый тонъ монастыря. Отнынѣ въ помѣщеніи императора были распредѣлены по строгой программѣ часы для ѣды, богослуженія, и всѣ должны были подчиняться предписаннымъ ею правиламъ. Она сама показывала примѣръ. Анна Комнина разсказала намъ, какъ были распредѣлены всѣ часы дня у ея бабушки. Часть ночи проходила въ чтеніи молитвъ; затѣмъ утро было посвящено аудіенціямъ и подписыванію бумагъ; послѣ полудня она шла въ часовню святой Ѳеклы, присутствовала при богослуженіи, а затѣмъ до вечера опять занималась общественными дѣлами.

Во всемъ этомъ ею руководила одна забота. Безусловно преданная сыну, она думала только какъ бы упрочить благоденствіе и славу его царствованія; но такъ какъ съ годами она становилась все болѣе высокомѣрной и упрямой,

то въ концѣ концовъ ея опека давала себя чувствовать довольно тяжело, и это, повидимому, не разъ раздражало Алексѣя. Кромѣ того, у нея была слишкомъ тяжелая рука, и поэтому она довольно скоро должна была сдѣлаться очень непопулярной. Но старая царица была достаточно умна и поняла по этимъ признакамъ, что вліянію ея скоро наступитъ конецъ. Она не стала ждать, чтобы ее грубо лишили власти: приблизительно въ 1100 году она добровольно удалилась въ Пантеноптскій монастырь. И тутъ она тихо умерла въ 1105 году, оставшись въ памяти знавшихъ ее людей женщиной выдающейся, а въ памяти своихъ сыновей прекрасной матерью.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе V

Глава I. Жизнь византійской императрицы 1

„ II. Ѳвинаида 26

„ III. Ѳеодора 54

„ IV. Императрица Ирина 83

„ V. Византійская женщина средняго круга въ VIII вѣкѣ 121

„ VI. Ѳеодора, возстановительница иконопочитанія 145

„ VII. Романическія приключенія Василія Македонянина 171

„ VIII. Четыре брака императора Льва Мудраго . . 199

„ IX. Ѳеофано 238

„ X. Порфирородная Зоя 267

„ XI. Византійская семья средняго класса въ XI вѣкѣ 319

„ XII. Анна Далассина 347

40к.

-Jon